

А.А.ЩЕЛЧКОВ

**Режим
«государственного
социализма»
в Боливии.
1936 – 1939 гг.**

Academia de las Ciencias de Rusia
INSTITUTO DE LA HISTORIA UNIVERSAL
CENTRO DE ESTUDIOS LATINOAMERICANOS

A . S c h e l c h k o v

El régimen
del «socialismo de estado»
en Bolivia

1936 – 1939

Moscú
2001

Российская Академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А . А . Щ е л ч к о в

Режим
«государственного социализма»
в Боливии
1936 – 1939

Ответственный редактор
Н.П.Калмыков

Москва
2001

ББК 63.3
Щ 467

Рецензенты
д.и.н. Н.Н.Марчук
д.и.н. Е.А.Ларин

Щ 467 **Щелчков А.А.** Режим «государственного
социализма» в Боливии. 1936-1939. — М., ИВИ РАН, 2001.
— 304 с.

Монография представляет собой первое в отечественной историографии комплексное исследование одного из самых интереснейших периодов истории Боливии. В центре внимания автора уникальный социально-политический эксперимент в истории Боливии, режим "государственного социализма" в 1936 - 1939 гг. Книга предназначена для историков, преподавателей, студентов и всех читателей, интересующихся историей Латинской Америки.

ISBN 5-94067-029-6

Щ $\frac{0503010000-6}{45.жс(03)-2001}$ без объявлен.

© Щелчков А.А., 2001
© Институт всеобщей истории РАН, 2001

Введение

В боливийской истории 30-е годы XX века занимают совершенно особое место. Великий кризис начала 30-х годов, война в Чако, завершившаяся поражением Боливии, конец эпохи господства либерально-позитивистских представлений об устройстве государства и общества, экономической жизни, стадийно новый этап развития боливийского капитализма, установление режима «государственного социализма» (также называемого режимом военных-социалистов) — все эти события и процессы вызывают большой интерес историка к этому периоду, являющегося ключевым для понимания общественно-политических и экономических процессов в Боливии в XX столетии.

30-е годы полны трагических событий, в то же время этот период всемирной истории отличает творческий поиск новых социально-экономических форм организации общества. Мировой кризис, его драматические последствия сделали неизбежным проведение срочных и энергичных преобразований, направленных на смену старых, анахроничных форм социальной организации, реформирование экономики, преодоление ограничений зависимого развития. Именно в эти годы на повестку дня был поставлен вопрос о выборе пути дальнейшего развития стран континента. Большинству политиков выход из глубочайшего социально-экономического и политического кризиса виделся в радикальном разрыве с предыдущим историческим опытом. Антилиберальные, а порой и антикапиталистические настроения оказывали определяющее влияние на принятие политических решений. Советский социализм и европейский фашизм предлагали странам, переживавшим тяжелый общественный кризис, иные модели развития, казалось бы, исключавшие разрушительную для нации классовую борьбу, обещавшие гармоничное развитие экономики, деклариовавшие приоритет интересов государства и нации перед частными и индивидуальными правами и свободами. В Боливии различные общественные силы искали свой путь развития, опираясь на опыт европейских и латиноамериканских стран.

Боливийская история является интересным объектом исследования, поскольку многие процессы, общие для всего континента, принимали в этой стране наиболее ярко выраженные формы, хотя всегда оставляли впечатление необычности, своеобразности и даже уникальности. При этом в отечественной науке история Бо-

ливия остается самой малоизученной областью латиноамериканистики. 30-е годы XX века не являются исключением. Между тем, в 30-е годы завершился длительный период стабильного политического развития Боливии, началась эпоха радикальных реформ и революционных потрясений. Эти годы боливийской истории несут на себе характеристики пограничной эпохи, явившейся рубжом и в стадильном развитии латиноамериканского капитализма. По этой причине в центре анализа находятся как годы существования самого режима «государственного социализма», так и предшествующий им период расцвета и упадка «либерального государства» вплоть до Великого кризиса и войны в Чако.

Центральными событиями этого периода были война в Чако и установление режима «государственного социализма» в 1936–1939 гг. Именно в эти годы наметились основные тенденции развития общества, во многом определившие ход боливийской истории во второй половине XX века. «Государственный социализм» был преддверием нового периода боливийской истории, характеризусомого подъемом борьбы антиолигархических сил за демократические преобразования, завершившейся Национальной революцией 1952–1953 гг., и попыткой проведения прогрессивных антиимпериалистических реформ военными режимами в конце 60-х — начале 70-х годов. Главным содержанием этой исторической эпохи была борьба за выход Боливии из порочного круга зависимости и отсталости.

В своем исследовании автор работы использовал разнообразные документальные источники по истории Боливии этого периода. В первую очередь следует назвать документы из архивов Боливии, Мексики, а также Российского государственного архива социальной и политической истории (РГАСПИ), к которым исследователи ранее не обращались. Были изучены и введены в научный оборот материалы канцелярии президента Боливии 1936–1939 гг.¹, среди которых следует выделить переписку между ведомствами и президентской администрацией, в частности, министерством внутренних дел, генеральным штабом армии, министерством труда, политическими партиями и профсоюзами, промышленниками и частными лицами. Все эти материалы любезно предоставили автору в Национальном архиве Боливии в Сукре (официальной столице республики). Кроме того, немало документов по данному периоду содержится в Архиве г. Ла-Паса. Автор использовал материалы фонда «Эпистолярное наследие» и

¹ Archivo Nacional de Bolivia. Presidencia del Gobierno. Cajas 12–17. 1936–1938. (далее ANB. PG. C.12–17.). Sucre. Bolivia.

фонда Леона М. Лосы, в которых находятся ценные документы из частных коллекций. Это прежде всего переписка президентов Х.Л.Техадэ Сорсано, Х.Буша, писателя и политического деятеля А.Арредаса, а также большое собрание документов Легиона ветеранов Чако (ЛЕК) — влиятельного политического движения времен «государственного социализма» и многие другие². Исключительное значение в исследовании этого периода имеют документы Архива министерства иностранных дел Боливии, в частности, переписка МИДа с президентской администрацией³ и министерством внутренних дел⁴. Большое внимание было уделено изучению материалов МИДа, отражающих отношения с нацистской Германией⁵. В ссылках и примечаниях автор не всегда имеет возможность указывать номер листа в том или ином томе архивных собраний, ибо большинство документов не пронумеровано. Для лучшей идентификации источников в ссылках называются полные атрибутивные данные каждого документа.

Автору повезло стать одним из первых историков, получивших доступ к личным документам крупного политического деятеля, известного писателя и историка Альсидеса Арредаса⁶. В Национальной библиотеке Боливии недавно были открыты для исследователей рукопись дневника и письма писателя. Особый интерес представляет собой его многотомный дневник. К интересующим нас годам относятся 6, 7 и 8 тома рукописи. Данные этого источника проливают свет на многие малоизвестные и запутанные страницы истории Боливии.

Важным источником исследования, имевшимся в распоряжении автора, является собрание «Исторического архива им. Хенаро Эстрада» Секретариата по внешним сношениям Мексики⁷, где собраны многочисленные материалы, относящиеся к изучаемому периоду боливийской истории. Это подробнейшие политические отчеты посла и временного поверенного Мексики в Боливии за 1936–1939 гг., переписка боливийских властей и общественных

² Archivo de La Paz. Miscelania. Fondo Leon M.Loza. Caja 2–11. Gavetas 25–27. La Paz, Bolivia. (далее ALP.LML.).

³ Archivo del Ministerio de Relaciones exteriores y Culto de Bolivia. 1936–1939. Presidencia. (далее MIN.RREE. 1936–1939. Pres.)

⁴ Archivo del Ministerio de Relaciones exteriores y Culto de Bolivia. 1936–1939. Ministerio del Interior. (далее MIN.RREE. 1936–1939. M.IN.)

⁵ Archivo del Ministerio de Relaciones exteriores y Culto de Bolivia. 1937–1941. Alemania. (далее MIN.RREE. 1937–1941. Alem.)

⁶ Archivo y biblioteca nacionales de Bolivia. (далее ABNB). Diario de Alcides Arguedas. T.6–8.

⁷ Secretaría de Relaciones Exteriores de México. Archivo Histórico Genaro Estrada. (далее SRF.)

организаций с их мексиканскими партнерами, аналитические доклады мексиканских дипломатов по отдельным вопросам внутренней и внешней политики Боливии, например, по делу экспроприации «Стандард Ойл», об отношении к гражданской войне в Испании, об индсанистском движении и другие. Кроме того, архив содержит богатое досье боливийской прессы, составленное мексиканским посольством для своего МИДа. Его ценность заключается в том, что газетные вырезки подбирались не только из общеизвестных периодических изданий, но и из малотиражных, а иногда и недолговечных газет, в том числе, левой и националистической прессы, сегодня порой утраченных или редко встречаемых даже в боливийских библиотеках. К таким раритетам, например, относятся подборки из националистической «Ла Ноче»⁸, левых «Ла Хорнада»⁹ и «Ла Кроника»¹⁰. Кроме изданий левого политического спектра, там же представлены местные, городского или районного уровня, газеты, не имевшие четкой ориентации, например, «Эль Дебате»¹¹. Ознакомление с этими материалами позволяет составить гораздо более полную картину общественной жизни Боливии в эти годы.

Особо следует остановиться на авторстве отчетов мексиканского посольства в Боливии. В 30-е годы посольство возглавлял Альфонсо де Розенцвейг Диас, человек левых взглядов, считавший себя марксистом. Мексиканский посланник был образованным и проницательным наблюдателем, его послания в министерство отличаются тщательностью и глубоким анализом. А. Розенцвейг Диас был дружен со многими боливийскими интеллектуалами и политиками, пользовался их доверием, и это наполняло его отчеты достоверной и порой конфиденциальной информацией.

Безусловный интерес представляют собой материалы из Архива Коминтерна¹², в частности, собранные в фондах «Латиноамериканского генерального секретариата» и Профинтерна, и, конечно же, фонд Компартии Боливии. Ввиду того, что в Боливии до 1950 г. не существовало официально признанной Москвой компартии, а также из-за удаленности страны и отсутствия налаженной связи местных коммунистов даже с латиноамериканскими центрами движения в Буэнос-Айресе или Монтевидео, документы, имеющие отношение к Боливии, отрывочны и немногочисленны. Тем не

⁸ La Noche. La Paz, 1938–1939.

⁹ La Jornada. La Paz, 1937.

¹⁰ La Crónica. La Paz, 1937–1938.

¹¹ El Debate. La Paz, 1937.

¹² Российский государственный архив социальной и политической истории (далее РГАСПИ).

менес, именно эти материалы пролили свет на многие неизвестные страницы боливийской истории, в частности, касающиеся подготовки переворота 1936 г., а также создания левых рабочих партий¹³.

Особую группу источников составляют «пресса и периодические издания». В своей работе автор обращался к газетам, которые пользовались большим влиянием в боливийском обществе: либеральные издания «Эль Диарио»¹⁴, «Ла Расон»¹⁵ (состоятельность горнопромышленника К.В.Арамайю), а также «Ультима Ора»¹⁶, контролировавшаяся магнатом М.Хохшильдом. Большой объем данных получен из левонационалистической газеты «Ла Калье»¹⁷, ставшей своего рода колыбелью боливийского национал-реформизма. Эта газета некоторое время являлась рупором режима военных-социалистов. Вокруг «Ла Калье» сгруппировались националистические и левые силы, впоследствии образовавшие партию Националистическое революционное движение (МНР), до сих пор играющую ведущую роль в политической жизни Боливии¹⁸. Идейная борьба и развитие общественной мысли в те годы находили отражение на страницах «Боливийского социологического журнала» и «Кольясуйо», издававшихся идеанистами и левыми националистами. Аналогичную тематику освещали сборники газетных и журнальных статей, принадлежавших перу таких видных политических деятелей как К.Мединасели, К.Монтенегро¹⁹. Идейную борьбу тех лет освещают публицистические труды Т.Марофа, К.Монтенегро, Р.Сатаро, А.Аргедаса и других. При анализе политической жизни Боливии в период правления военных-социалистов автор использовал стенограммы заседаний

¹³ По материалам РГАСПИ автор опубликовал статьи: Шелчков А.А. К истории создания компартии Боливии — Латинская Америка. No.5. М., 1996. С.42–55; Schelchkov A. La Internacional Comunista y Tristan Marof: sobre el problema de relaciones entre la intelectualidad latinoamericana y los comunistas. — Anuario. 1998. Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia. Sucre, 1998. P.3–18.

¹⁴ El Diario. La Paz, 1935–1939.

¹⁵ La Razón. La Paz, 1938.

¹⁶ Ultima Hora. La Paz, 1936–1939.

¹⁷ La Calle. La Paz, 1936–1939.

¹⁸ Специальное источниковедческое исследование по газете «Ла Калье» сделано американским ученым Дж.Кнудсоном — Knudson J. Bolivia: Press and Revolution, 1932–1964. New York, 1986.

¹⁹ Medinaceli C. Estudios criticos. La Paz, 1969; Montenegro C. Frente al derecho de Estado el oro de la Standard Oil. La Paz, 1938; Montenegro C. El desconocido. La Paz, 1979.

Учредительного собрания 1938 г.²⁰ Среди опубликованных документов, относящихся к изучаемой эпохе, следует выделить материалы госдепартамента США, собранные в ежегодных публикациях "Papers of Foreign Relations".²¹

Большую значимость для исследования имеют сборники официальных документов: Административный ежегодник²², содержащий декреты, законы и распоряжения правительства, а также постановления парламента, сборники программ политических партий²³, аграрного, трудового и социального законодательства²⁴. К источникам социально-экономической истории Боливии можно отнести статистические издания официальных органов²⁵, обзоры международных межправительственных организаций²⁶, приложения к монографиям по экономической истории. К сожалению, хозяйственная статистика в Боливии порой запутана, крайне фрагментарна и несистематизирована, а иногда просто недостоверна. Историк приходится собирать по большей части косвенные данные по различным отраслям, социальной сфере, торговле, чтобы создать более или менее достоверную картину хозяйственной жизни боливийского общества.

Мемуары, воспоминания, а также исторические исследования современников и действующих лиц тех лет представляют большой интерес для историка. Это литературные и исторические труды видных политиков — либерала П.Диас Мачикао²⁷, активного

²⁰ Redactor de la Convención Nacional de 1938. T.1–3. La Paz, 1938.

²¹ Papers relating to the Foreign relations of United States. Washington, 1935–1942. (далее FRUS).

²² Anuario administrativo de 1937. Vol. 1–3. La Paz, 1937; Anuario administrativo de 1938. La Paz, 1938. (далее AA)

²³ Comejo A. Programas políticos de Bolivia. Cochabamba, 1949; Lora G. Documentos políticos de Bolivia. La Paz, 1970.

²⁴ Bonifaz M. Legislación agrario-indígena. Cochabamba, 1953; Legislación boliviana del trabajo y de la previsión social. La Paz, 1941; Ponce García J., Stanley T., Cisneros A. Breve historia del sindicalismo boliviano. La Paz, 1968; FUB. Programa de principios, estatuto orgánico y reglamento de la FUB. Cochabamba, 1928; Saavedra B., Vazquez E. Manifiesto y programa: donde estamos y a donde debemos ir. La Paz, 1936.

²⁵ Censo demográfico. 1950. La Paz, 1952; Libro blanco de la Independencia económica de Bolivia. La Paz, 1952; Estadística boliviana. Análisis numerio del presupuesto nacional. Años 1911–1931. La Paz, 1933.

²⁶ ECLA. Development of Agriculture in Bolivia. 4th session, Mexico.28 May. 1951. New York, 1951; Labour Problems in Bolivia. Report of the Joint Bolivian — United States Labour Commission. Montreal, 1943.

²⁷ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Salamanca, la guerra del Chaco, Tejada Sorzano, 1931–1936. La Paz, 1955; Diaz Machicao P. Historia de

деятеля националистического движения А.Сеспедеса²⁸, индеанистов Э.Переса²⁹, К.Саласар Мостахо³⁰, троцкистов Г.Лора³¹, Л.Хусто³², А.Валенсия Вега³³, автобиографические работы Т.Марофа и Х.А.Арсе. В последнее десятилетие были опубликованы мемуары крупных политических деятелей той эпохи: первого министра труда и профсоюзного лидера Вальдо Альвареса³⁴, министра нефти и одного из главных защитников национализации нефтяной отрасли Д.Фионини³⁵, министра внутренних дел в правительстве Х.Буша Э.Бельмонте³⁶, политика и писателя Г.А.Отеро³⁷. Большое количество мемуаров и документов относится к войне в Чако и последующему историческому периоду. Это сборники документов по истории Чакской войны, воспоминания её участников и политиков, Д.Саламанки, Д.Торо³⁸, Т.М.Элио, Р.Сетаро, А.Таборга³⁹.

Историография вопроса, к сожалению, не богата глубокими исследованиями. До недавнего времени можно было назвать два — три труда, посвященные «государственному социализму» в Боливии. Лишь в последние годы историки обратились к проблематике 30-х годов. Появилось несколько солидных работ по теме боливийских военных-социалистов. В результате небогатая на

Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla, 1936–1940. La Paz, 1957; Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Peñaranda, 1940–1943. La Paz, 1958.

²⁸ Céspedes A. El dictador suicida. 40 años de historia de Bolivia. Santiago de Chile, 1956.

²⁹ Perez E. Warisata. La Paz, (s.f.).

³⁰ Autodeterminación. No.5. 1988. La Paz, 1988. P.143–160.

³¹ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. Vol.2 La Paz, 1969. Vol.3, La Paz, 1970.

³² Justo L. Bolivia: la revolución derrotada. Cochabamba, 1967.

³³ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. La Paz, vol.6–7, La Paz, 1987–1988.

³⁴ Alvarez España W. Memorias del primer ministro obrero: historia del movimiento sindical y político boliviano, 1916–1952. La Paz, 1986.

³⁵ Fionini Banzer D. Misión cumplida. Santa Cruz, 1991.

³⁶ Belmonte Pabón E. RADEPA: sombras y refulgencias del pasado. La Paz, 1994.

³⁷ Otero G.A. Memorias de Gustavo Adolfo Otero. La Paz, 1977.

³⁸ Toro R. D. Mi actuación en la Guerra del Chaco. La Paz, 1941; Salamanca D. Documentos para una historia de la Guerra del Chaco. Vol.1–4. La Paz, 1951–1974.

³⁹ Setaro R. Secretos del estado mayor. Buenos Aires, 1936; Elio T.M. La guerra y la paz del Chaco. La Paz, 1970; Taborga A. Boquerón. Diario de compañía. La Paz, 1956; Arze Quiroga E. Documentos para una historia de la guerra del Chaco, seleccionados del Archivo de Daniel Salamanca. Vol.1–3. La Paz, 1960.

специальные монографии боливийская историография сегодня представлена хорошими трудами по теме «государственного социализма». Выход в свет в 2000 г. мемуаров выдающегося боливийского политика, бесценно возглавлявшего национал-реформистскую партию МНР, четырежды занимавшего пост президента страны, В.Пас Эстенсоро, начавшего свою карьеру в 30-е годы, усилил интерес историков к этому периоду. Заявление мемуариста о том, что военные-социалисты были политически не-самостоятельны и оставались преданы интересам «баронов олова»⁴⁰, лишь исполняли их волю, развенчивает прочно укрепившиеся в общественном сознании убеждение в революционном противостоянии режимов Д.Торо и Х.Буша горнорудной олигархии и роске.

Классик изучения боливийской истории, американский ученый Г.Клейн посвятил этой тематике несколько своих фундаментальных работ, которые принесли ему заслуженный авторитет лучшего знатока Боливии. Речь идет об аналитических статьях, посвященных деятельности военных-социалистов Д.Торо и Х.Буша⁴¹. Также следует упомянуть его монографию по истории политических партий в Боливии, большая часть которой посвящена анализу периода «государственного социализма»⁴². К этим темам Г.Клейн возвращался и в своих последующих работах обобщающего плана⁴³. Г.Клейн справедливо отмечал, что эпоха «государственного социализма» обозначила великий поворотный момент в политическом развитии Боливии в XX веке, знаменовавший конец традиционной партийной системы конца XIX — начала XX века⁴⁴. Причиной радикальных перемен в политической жизни был, по его мнению, отход среднего класса от поддержки олигархии после поражения Боливии в Чакской войне⁴⁵. В своих выводах американский историк опирался на многочисленные доступные ему источники, прежде всего, прессу. К сожалению, архивные материалы остались вне поля зрения ученого, скорее

⁴⁰ Anuario. 2000. Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia. Sucre, 2000. P.685.

⁴¹ Klein H.S. German Busch and the Era of "Military Socialist" in Bolivia // *Hispanic American Historical Review* (далее H.A.H.R.). 1965. vol.47, No.2; Klein H.S. David Toro and the Establishment of "Military Socialist" in Bolivia // *HAHR*. 1972. vol.14, No.1.

⁴² Klein H.S. *Parties and Political Change in Bolivia, 1880–1952*. Cambridge, 1971.

⁴³ Klein H.S. *Historia general de Bolivia*. La Paz, 1988; Klein H. S. *Bolivia: The Evolution of a Multi-Ethnic Society*. New York, 1982.

⁴⁴ Klein H. S. *Parties and Political Change*. P.321–322.

⁴⁵ *Ibid*. P.169.

всего, по причине закрытости этих документов на момент написания им своих монографий. Г.Клейн провел подробнейшее исследование политической истории эпохи, однако оставил без внимания социально-экономические и идейно-политические изменения в обществе в годы, последовавшие за кризисом 30-х годов. На наш взгляд, он недооценил факт возникновения новых средних слоев и промышленного рабочего класса, их растущую роль в обществе. Между тем, именно противостояние этих новых социальных групп правящим кругам и их союзникам, традиционным средним слоям, привело к кризису гражданского общества. Даже ограничившись рассмотрением исключительно политической истории Г.Клейн упустил из вида оказавшую непосредственное влияние на все стороны жизни Боливии идейную борьбу, результатом которой был подрыв основ легитимности правящего режима и стабильности гражданского общества.

Подробному исследованию политической истории Боливии данного периода посвящены работы испанского ученого Ф.Гальего Маргалефф.⁴⁶ Он привлек новые источники, в частности, архивы британского «Форин офиса», которые не использовались до сего времени в работах по боливийской истории. К сожалению, боливийские архивы оказались недоступны этому автору.

Основная идея его работы — показать значение реформистского потенциала латиноамериканских военных в период политических катаклизмов. Ф.Гальего характеризует военно-социалистические режимы Д.Торо и Х.Буша как национал-реформистские, начавшие процесс экономической и социально-политической модернизации страны, завершившийся революцией 1952 г.⁴⁷ Ф.Гальего справедливо критикует Г. Клейна за то, что тот объяснял революцию военных-социалистов лишь вакуумом власти, образовавшимся после падения режима Д.Саламанки в 1934 г. По его мнению, причины возникновения режима «государственного социализма» необходимо искать в экономическом кризисе и развале «традиционного блока власти»⁴⁸. Автор справедливо

⁴⁶ Gallego Margaleff F.J. Ejército, nacionalismo y reformismo en América Latina: la gestión de Germán Busch en Bolivia. Barcelona, 1992; Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina: la gestión de David Toro en Bolivia. Barcelona, 1991; Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936–1937)// Ibero-Amerikanisches Archiv. vol.14, No.4, 1988. S.473–503.

⁴⁷ Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936–1937)// Ibero-Amerikanisches Archiv, vol.14, No.4, 1988. S.473–503.

⁴⁸ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.20–21.

усматривает в опыте военных-социалистов поиск своего национального пути развития государства, огражденного от каких-либо внешних влияний⁴⁹. Обе его книги содержат богатый фактический материал. Монографии дают развернутую картину политической жизни Боливии в 30-е годы.

Оригинальные выводы и интересные малоизвестные факты представлены в диссертации голландского историка М.Бринена. Исследователь использовал большой фактический материал, собранный им в архивах Боливии, впервые введя в научный оборот многие доселе неизвестные документы. М.Бринен видел в общенациональном кризисе в Боливии 30-х годов, в разрушении гражданского общества и крахе политической системы либеральной эпохи, причину появления такого своеобразного явления как «государственный социализм», ставшего преддверием национальной революции 1952 г. Как правильно отметил М.Бринен, отличительной чертой правления военных-социалистов было отсутствие хорошо продуманной программы преобразований, чем объяснялись непоследовательность, экспериментирование, неумение определить приоритеты в политике реформ. Причины поражения военных-социалистов он усматривал в их неспособности создать сильную политическую партию или движение в поддержку курса реформ⁵⁰.

Боливийская историческая наука, к сожалению, не дала ни одной фундаментальной работы по данной теме. Боливийские ученые чаще всего повторяют широко распространенные в Боливии исторические мифы и устоявшиеся в литературе схемы развития страны, почерпнутые из идеологии Национальной революции 1952 г. Д.Торо и Х.Буш изображаются романтическими предвестниками революции, а «военный социализм», да и сама национальная революция объясняются последствиями Чакской войны. Работы известных боливийских историков по этой теме П.Диас Мачикао⁵¹, А.Сеспедеса, Л.Пеньялоса⁵² не были историческими исследованиями в полном смысле слова. Авторы являлись действующими лицами тех исторических событий, которые затем сами же и описывали. Известное исключение представляет собой марксистский очерк истории Боливии в XX веке А.Валенсия Вера, бывшего

⁴⁹ Gallego Margaleff F.J. Ejército, nacionalismo y reformismo. P.27–28.

⁵⁰ Brien M.W. The Liberal Crisis and Military Socialism in Bolivia. Bolivian History from 1930 to 1939. (n.p.) Leiden, 1996. P.94 — 98.

⁵¹ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla, 1936–1940. La Paz, 1957.

⁵² Peñaloza L. Historia del Movimiento Nacionalista Revolucionario, 1941–1952. La Paz, 1963.

видным политическим деятелем левого движения в 30-е годы⁵³. Эти авторы не посвящали свои работы специальному изучению режима «военного социализма», который они рассматривали в контексте политического кризиса послевоенных лет и преддверия национальной революции 1952 г.

Особое место в боливийской историографии занимают работы Р.Савалета Меркадо, крупного историка и социолога, посвятившего немало своих трудов теме «государственного социализма». Войну в Чако и последовавший затем «органический кризис общества» Р.Савалета Меркадо рассматривал в рамках перехода от аристократического государства, в котором господствовала горнорудно-помещичья олигархия, к формированию современной боливийской нации через демократизацию элиты, к созданию гражданского общества нового типа (индустриальной фазы развития капитализма)⁵⁴. Р.Савалета Меркадо считал, что гражданское общество в Боливии до 30-х годов было ограничено рамками только господствующего класса. Он проводил знак равенства между государством и правящим классом. По его мнению, это было общество добуржуазного типа, в то время как само существование гражданского общества в собственном смысле слова должно соответствовать задачам, которые стоят перед национальным буржуазным государством. Такового же в начале XX века в Боливии еще не было. По мнению Р.Савалета Меркадо так называемое «либеральное общество» включало в себя лишь правящую элиту, олигархию, а следовательно, не было ни гражданского общества, ни государства, которые бы по своим параметрам, характеристикам и функциям не совпадали бы с господствующим классом⁵⁵. Для него деятельность военных-социалистов — это романтическая попытка провести революцию сверху без поддержки широких народных масс и без опоры на политическую партию. Провал реформистского наступления на старый режим неизбежно привел к национальной революции 1952 г. и насильственному отстранению от власти горнорудно-помещичьей олигархии.

Опираясь на упомянутые источники и на результаты работ предшественников, автор в своем исследовании поставил перед собой следующие задачи: рассмотреть итоги социального и политического развития «либеральной эпохи», предшествовавшей кризису 30-х годов; проанализировать, почему боливийское

⁵³ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. La Paz, vol.7, La Paz, 1988.

⁵⁴ América Latina: historia de medio siglo. Vol.1. México, 1982. P.87– 89.

⁵⁵ Zavaleta Mercado R. Lo nacional-popular en Bolivia. México, 1986.

общество не могло справиться с кризисными явлениями, не реформируя основы экономики и политической структуры, не осуществив идейного переворота. Автор стремится найти ответ на вопросы: каковы социально-экономические последствия Великого кризиса в Боливии, изменения социальной структуры, происшедшие в 30-е годы? В чем состоял кризис олигархического государства и либерализма, в том числе и в сфере идеологии?

30-е годы в Боливии, как и в других странах континента, ознаменовались возникновением массовых политических партий, активным участием широких слоев населения в политической жизни. Именно в период «государственного социализма» в Боливии сформировались основные политические партии, оказавшие решающее влияние на жизнь боливийского общества в течение последующих пятидесяти лет. В своей работе автор стремится проследить ход политической и идейной борьбы в период после войны в Чако. Исследование призвано дать подробное изложение событий и проанализировать социальные процессы в период существования режима «государственного социализма», такие как формирование новых политических партий и движений, осветить идейную борьбу и разобратся в сложных перипетиях политического развития. Особого внимания заслуживают поиски новых форм государства и гражданского общества: попытки реформирования экономики, аграрного сектора, просвещения, государственной машины и идеологии. Комплексное рассмотрение этих вопросов помогает раскрыть историческое значение «государственного социализма» в боливийской истории.

Прежде чем перейти к изложению материала исследования, хотелось бы выразить слова признательности всем тем, кто оказал мне помощь в написании работы. В первую очередь, моим родным и близким, которые многие годы поддерживали меня во всех моих начинаниях. За нелегкий труд тщательного ознакомления с рукописью работы, за ценные критические замечания и рекомендации хотел бы поблагодарить моих коллег, сотрудников Института всеобщей истории РАН Калмыкова Н.П., Ларина Е.А., Созину С.А., Янчука И.И., Кораблеву Л.Ю., Казакова В.П., Богуш Е.Ю., выразить особую благодарность моему научному наставнику Э.Э. Литавриной, а также отдать должное светлой памяти А.Ф.Шульговского. Большую признательность хотелось бы высказать Национальному архиву Боливии и его директору Др. Уго Поппе Э., оказавшим огромную помощь автору при работе над документами изучасмой эпохи.

Глава 1.

Боливия в 20-е годы XX века.

Социально-экономическое развитие Боливии в 20-е годы.

Первая треть XX века ознаменовалась бурным экономическим развитием страны. Главным богатством Боливии и основой её народного хозяйства была горнорудная промышленность, а точнее — добыча олова. В течение первых десятилетий XX века, особенно в годы Первой мировой войны, постоянный спрос на олово в Европе и США стимулировал приток местного и иностранного капитала в оловодобывающую промышленность. С 1900 г. по 1918 г. боливийский экспорт вырос в пять раз. Такому подъёму горнодобычи способствовало увеличение потребления олова в Европе и США, и соответственно, рост цен на этот металл с 28 центов доллара за фунт в 1900–1904 гг. до 59 центов в 1915–1919 гг. Экспорт олова увеличился с 9.700 тонн в 1900 г. до 29.100 тонн в 1920 г., достигнув максимума в 1929 г. — 47.200 тонн, что составило 24% мирового производства олова. Помимо олова росла добыча других минералов: серебра, свинца, меди, вольфрама. Экспорт меди с 1900 г. по 1919 г. увеличился с 3.035 тонн до 7.714 тонн, вольфрама с 178 тонн в 1911 г. до 1.197 тонн в 1919 г., алюминия — с 719 тонн в 1906 г. до 23.381 тонн в 1917 г.⁵⁶

Горнорудная промышленность была самой перспективной и доходной отраслью экономики страны. К 1925 г. в добычу олова было вложено около 70 млн долларов. 70% всего экспорта страны составляла оловосодержащая руда.⁵⁷ Олово давало треть национального дохода страны. Боливийская экономика формировалась

⁵⁶ Peñalosa Cordero L. Nueva historia económica de Bolivia. Bolivia en el siglo XX. Vol.3. La Paz, 1987. P.62–74.

⁵⁷ Lopez Rivas E. Esquema de historia económica de Bolivia. Oruro, 1955. P.12–49; Abadie-Aicardi R.F. Economía y sociedad de Bolivia en el siglo XX. El antiguo régimen. Montevideo, 1966. P.27.

как моноэкспортная, ориентированная на горнодобывающую промышленность. Основная часть экспорта олова шла в Англию и США. США потребляли 60% мирового производства олова и представляли собой огромный рынок для боливийского сырья. В 1923 г. экспорт олова из Боливии в США превысил его вывоз в Англию.

Минеральные ресурсы страны контролировали местные и иностранные монополии, самыми крупными из которых были компании боливийцев С.Патиньо, К.Арамайо, а также американские фирмы В.Р.Грейс и Гутгенхейм Бразерс. В 20-е годы к ним прибавилась компания М. Хохшильда, выросшая из посреднического предприятия по скупке руды на мелких шахтах. Только рудники С.Патиньо давали 42% боливийского олова, что составляло 11% мирового производства этого металла.

В начале века в Боливии было зарегистрировано 93 горнорудных общества, 55 из них принадлежали местному капиталу, 16 — чилийскому, 15 — английскому, 4 — аргентинскому, 1 — бельгийскому и 1 — немецкому.⁵⁸ Большинство боливийских мелких и средних горнопромышленников так и не смогли ни развить производственные технологии, ни построить систему сбыта или переработки, которая позволила бы им хозяйствовать независимо от трех гигантов, «баронов олова» Патиньо, Арамайо, Хохшильда. Средний боливийский капиталист был полностью подчинен монополиям, а его хозяйственный прогресс жестко контролировался. В Боливии накануне Второй мировой войны было относительно большое число мелких горнозаводчиков (они владели 1.150 рудниками). Они не могли конкурировать с монополиями и, тем более, стать основой формирования класса местных предпринимателей, заинтересованных в подъеме других отраслей экономики, в силу своей неспособности создать накопления, которые привели бы к диверсификации и индустриальному развитию Боливии.

В начале века как предприниматели, так и правительство делали попытки создать оловоплавильное производство в Боливии, чтобы заместить экспорт руды и концентрата на вывоз чистого продукта. После нескольких неудачных или недолгих проектов создания национальной цветной металлургии вся боливийская руда стала вывозиться для окончательной промышленной переработки в Англию, а во время Первой мировой войны и в США. В оправдание провала попыток создать металлургию приводились аргументы о невозможности строительства оловоплавильных печей на Альтиплано в условиях высокогорья и отсутствия дешевых источников энергии. В 20-е годы Патиньо выкупил большую часть акций оловоплавиль-

⁵⁸ Peñalosa Cordero L. Op.cit. P.40.

ного завода «Уильямс Харвей» в Ливерпуле, куда шла обогащенная руда из Боливии. В результате он сосредоточил в своих руках не только половину оловодобычи страны, но и контролировал переработку боливийской руды за рубежом.⁵⁹

В горнорудной промышленности было занято 27.340 человек (1924 г.) или 10% всего экономически активного населения страны.⁶⁰ Оловодобывающая промышленность отличалась от остальных отраслей экономики своей передовой технической оснащенностью. Современники отмечали высокий технический уровень и производительность крупнейших рудников: например, Караколес, давал 300—400 тонн руды в день.

Эта отрасль народного хозяйства оставалась анклавом, но вся структура органов государственного управления была подчинена её интересам. Главной задачей банковско-финансовой системы страны было обслуживание экспортных отраслей, обеспечение их финансовой и кредитной поддержкой за рубежом. Национальный банк Боливии контролировался Патиño через принадлежавший ему Торговый банк.⁶¹ Проведенная в 1928 г. банковская реформа упорядочила финансы, укрепив позиции государства: был образован Центральный банк, регулировавший обращение и поддерживавший обменный курс боливиано, что было жизненно важно для экспортных отраслей. Господствовавшая тогда концепция «золотого паритета»⁶², обеспечивая на том этапе финансовую стабильность, ограничивала, как потом показала практика, воздействие государства на экономическую конъюнктуру и была выгодна лишь экспортным отраслям экономики.

В 20-е годы в Боливии усилились позиции иностранного капитала, основными формами проникновения которого были прямые капиталовложения в горнорудную и нефтяную промышленность, а также государственные займы. Кроме того, в середине 20-х годов произошла формальная интернационализация местных горнорудных гигантов Патиño и Арамайо. Когда в 1923 г. пра-

⁵⁹ Almaraz S. Op.cit. P.125—128; На металлургические заводы в Англии поступало 84% боливийской руды, в Нидерландах и Германии обрабатывалось 15%, что не могло разрушить монопольный характер системы переработки олова. — Brien, M.W. Op.cit., P.9.

⁶⁰ Lofstrom W. Attitudes of an Industrial Pressure Group in Latin America: The "Asociación de Industriales Mineros de Bolivia," 1925-1935. Cornell, 1968. P. 5—8.

⁶¹ Céspedes A. El dictador suicida. P.36—38.

⁶² На 31 декабря 1929 г. Центральный банк Боливии имел золотых запасов на колоссальную сумму 57 млн боливиано, обеспечивавших 60 млн находившихся в обращении банкнотов. — Iñiguez E. Apuntes históricos del Banco Central de Bolivia e instituciones conexas. La Paz, 1982. P.92.

вительство Б.Сааведры увеличило в два раза налогообложение национальных оловодобывающих корпораций, оставив без изменения налоговый режим для иностранного капитала, Патиньо и Арамайо весьма оригинальным способом вывели свои предприятия из-под действия этого закона. В 1924 г. Патиньо зарегистрировал своё предприятие в штате Делавар в США, купив там несколько заброшенных рудников и продав часть акций американским гражданам. Арамайо превратил свою компанию в швейцарскую фирму. Таким образом оловодобывающие монополии и *de jure* перестали представлять национальный капитал.

При высокой доходности оловодобывающей отрасли поступления в бюджет государства от экспорта олова были несоизмеримо малы по сравнению со стоимостью вывозимой руды. Липь в период с 1925 г. по 1927 г. правительство сделало отступление от либеральных принципов невмешательства в дела хозяйствования и ввело в действие закон, обязывавший экспортеров передавать 25% валюты в Центральный банк причем, естественно, в обмен на боливиано, что было направлено на укрепление курса местной валюты.

Оловодобывающие корпорации практически ничего не оставляли государству (в период с 1900 г. по 1930 г. общая сумма налогов колебалась между 2 и 10 %).⁶³ Достаточно сравнить суммы доходов государства от экспорта минералов и поступления от налогов на импорт. Так, сумма налогов на импорт выросла в период с 1920 г. по 1929 г. с 8,8 млн. боливиано до 21,1 млн. боливиано в год, а доходы от экспортных пошлин на вывоз руды в этот же период даже уменьшились с 6.905.467 до 6.809.807 боливиано⁶⁴. Сравнение говорит о невероятно выгодных, «тепличных» налоговых законах для горнорудной промышленности. Даже невысокие налоги на потребление давали те же доходы, что и поступления от экспортных пошлин.⁶⁵ Приходится согласиться с тезисом о разграблении богатств страны иностранными и местными монополиями. На этом безграничном грабеже строилась мощь и богатство горнорудной олигархии.

Иностранный капитал занимал монопольное положение в нефтедобыче. С приходом к власти в 1920 г. Б.Сааведры начинается период широкого привлечения иностранного капитала в экономику

⁶³ Gómez D'Angelo, W. La minería en el desarrollo económico de Bolivia, 1900-1920. La Paz, 1978.

⁶⁴ Estadística boliviana. Análisis numerio del presupuesto nacional. Años 1911-1931. P.48 — 55.

⁶⁵ В 1929 г. налоги на экспорт всего на 800 тыс боливиано превысили налоги на потребление. — *Idibem*.

Боливии как в форме государственных займов, так и частных капиталовложений. При правительстве Б.Сааведры американские компании установили полный контроль над нефтяными богатствами Боливии. С 1922 г. Стандарт Ойл перекупила у «Ричмонд Леверинг» концессию в 1 млн га сроком на 55 лет, тем самым фактически монополизировав добычу нефти в Боливии. Б.Сааведра считал, что Боливии необходимо привлечь иностранный капитал в новые отрасли, каковой в тот момент была нефтяная. Он говорил: «Пока мы не передадим эти разработки в руки мощной компании, которая будет иметь не только необходимый капитал для успешной работы, особенно в стране без выхода к морю и без транспортной сети, но и индустриальный опыт в этой сфере деятельности, — мы не сможем добиться никаких ощутимых выгод для нации от одного из самых перспективных природных богатств»⁶⁶. Стандарт Ойл обязалась вложить 50 млн. долл. в добычу нефти, построить нефтеперерабатывающий завод, и через 2 года уже поставлять нефтепродукты на внутренний рынок. Однако ни одно из этих важных условий выполнено не было.

Главной тенденцией первой трети XX века было вытеснение американскими компаниями своих английских конкурентов из боливийской экономики. К 1929 г. по сравнению с 1913 г. капиталовложения и торговля США и Англии в Боливии увеличились на 470,65% и 15,97%, составив 133.383.250 и 12.512.000 долларов соответственно.⁶⁷ Усилилась зависимость боливийского государства от внешнего финансирования. Если в 1908 г. Боливия не имела внешнего долга, то к февралю 1927 г. её обязательства перед иностранными кредиторами достигли 40 млн. долларов. Почти вся эта сумма, за исключением 600 тыс. фунтов стерлингов, полученных в Лондоне в 1925 г., была заимствована в США.⁶⁸ Боливийское государство брало в долг как для железнодорожного строительства, так и для содержания государственного аппарата. Многие займы были кабальными и малоэффективными. Например, по условиям печально известного «займа Никалауса» Боливия в качестве гарантий предоставила в распоряжение кредитора все налоговые и таможенные поступления страны. На обслуживание государственного долга уходило около трети всей расходной части бюджета.⁶⁹

⁶⁶ Mariaca E. Mito y realidad del petróleo boliviano. La Paz, 1966. P.54.

⁶⁷ Cueva J.M. Op.cit. P.49.

⁶⁸ Marsh M. A. Op.cit. P. 90.

⁶⁹ Estadística boliviana. Análisis numerio del presupuesto nacional. Años 1911–1931. P.80.

Несмотря на гипертрофию экспортных отраслей, приводившую к серьезным потерям и деформации структуры народного хозяйства, рост горнодобычи всё же способствовал развитию промышленной и транспортной инфраструктуры, росту городов. В городах Ла-Пас, Кочабамба, Оруро расширялось ремесленное, кустарное производство, появились фабрики легкой и пищевой промышленности. В первые два десятилетия XX века число жителей городов увеличилось в 1,5–2 раза, в то время как всё население страны в этот же промежуток времени выросло лишь на треть. В городах, особенно в мелких и средних, преобладало ремесленное производство. Даже в 40-е годы число ремесленников (кустарей) и фабричных рабочих было примерно одинаковым.⁷⁰ В крупных центрах, в Ла-Пасе, Кочабамбе, Оруро, число промышленных рабочих было относительно велико. Быстрому росту промышленности и городского хозяйства способствовал небывалый прогресс коммуникаций и транспорта.

Для успешного функционирования ориентированной на внешний рынок экономики была построена сеть железных дорог, связавших тихоокеанское побережье и центры горнодобычи. Железные дороги оказали революционное воздействие на всю экономику Боливии⁷¹. Многие города получили мощный импульс к развитию за счет строительства, а затем и обслуживания всей инфраструктуры железнодорожного хозяйства. Такие центры как Ла-Пас и Оруро буквально переживали экономический бум. Резко изменилась социальная структура городов. Железнодорожники, строители, рабочие и техники, занятые в тонких новых отраслях как электроэнергетики, городской транспорт стали играть важную роль в жизни общества. Так, например, население Оруро, города, являвшегося важным железнодорожным узлом и центром горнорудной промышленности, в период с 1920 г. по 1925 г. выросло вдвое за счет появления новых социальных и профессиональных групп. Именно в этом городе впервые в Боливии были проведены полная электрификация, телефон, вымощены улицы для автомобильного транспорта⁷². Данные изменения привели к росту мелкотоварного хозяйства, сферы услуг, к увеличению числа ремесленников, мелких торговцев. В эти годы средние слои выросли численно, в них наметился качественный сдвиг в пользу новых профессиональных групп. Эта тенденция будет доминировать все 20–30-е годы.

⁷⁰ Klein H.S. *Historia general de Bolivia*. La Paz, 1988. P.231.

⁷¹ См. История Латинской Америки. 90-е годы XIX века — 1918 г. М., 1993. С.31–38.

⁷² Lorini I. *Op.cit.* P.67.

Железные дороги произвели переворот в структуре внутреннего рынка. Дешевый импорт продовольствия (в 1925 г. он составил 14 тыс тонн) привел к резкой переориентации местного рынка на новые товары и стандарты.⁷³ С одной стороны, это явление имело положительные моменты: новые дешевые товары более высокого качества изменили всю структуру потребления городского населения, а также способствовали появлению и росту пищевой промышленности, работавшей на местном и импортном сырье. Относительное продовольственное благополучие создавало предпосылки роста городского населения. С другой стороны, наплыв дешевого продовольствия вытеснял с рынка часть местных сельскохозяйственных товаров, хотя такие продукты как киноа, кока, картофель не могли быть заменены импортом. Негативное влияние наплыва импорта продовольствия на боливийское сельское хозяйство было крайне незначительным. От него пострадали лишь немногие помещики близлежащей к городу округи, продававших городским жителям часть «оброка», который они получали от своих крестьян.

Подавляющее большинство населения Боливии проживало в сельской местности. Главной характеристикой боливийского сельского хозяйства было господство крупной земельной собственности, латифундии. 95,11% сельскохозяйственных площадей принадлежало крупным помещикам-латифундистам, ведшим экстенсивное хозяйство. В помещичьих хозяйствах обрабатывалось лишь 2% учтенной, пригодной для обработки земли.⁷⁴ По-прежнему сильные позиции сохраняли индейские общины, в которых по переписи 1900 г. проживало 32 % сельского населения.⁷⁵ Большинство сельских тружеников были зависимыми крестьянами, прикрепленными к поместьям.⁷⁶

Формально в Боливии сосуществовали два типа хозяйств: асьенда или поместье и мелкая крестьянская усадьба. Кроме них ещё оставались индейские общины, являвшиеся коллективными собственниками земли. Основная масса крестьян проживала в

⁷³ В 1925–1929 гг. продовольствие составляло в среднем 22,3% от общего объема импорта — ECLA. Development of agriculture in Bolivia. 4th session, Mexico. 28 may. 1951. New York, 1951. P.17–19.

⁷⁴ Калужская Т.Г. Боливия. Тенденции социально-экономического развития. М., 1979. С.33–34.

⁷⁵ McBride G. The Agrarian Indian Communities of Highland of Bolivia. New York, 1921. P.1

⁷⁶ Подробнее об аграрной структуре Боливии см. Щелчков А.А. Аграрная реформа 1953 г. и социально-экономические изменения в боливийской деревне. — Социально-экономические процессы в Латинской Америке в новое и новейшее время. М., 1988. С.183–210.

асьендах. Характерной чертой боливийского сельского хозяйства была «система колоната» и связанная с ней система латифундия — минифундия. Земля в асьендах делилась на помещичью и крестьянскую. Помещичья запашка, как правило, включала самые плодородные земли. Помещику принадлежали водные ресурсы и пастбища. Колоны на Альтиплано, понго и колоны⁷⁷ в Кочабамбе, арендиро в долинах Чукисаки и Тарихи жили на помещичьих землях, где им выделялся участок (сайянья на Альтиплано, пегухаль в долинах Кочабамбы, мельга в Тарихе). За пользование этими участками они отработывали определенное количество дней в неделю на земле помещика, иногда отдавали ему часть своего урожая, платили сборы за право держать животных, за выпас скота на господских пастбищах, с приплода домашнего скота, отдавали ему долю ремесленной продукции. Помимо этих обязанностей крестьяне выполняли ряд повинностей, «личные услуги» (понгеахе для мужчин и митанахе для женщин). Это касалось работ по дому, доставки продуктов на рынок и помещику в город. Эти повинности демонстрировали личную зависимость крестьянина от землевладельца, который в ответ на признание таковой и выполнение «услуг» был обязан регулярно устраивать праздники и коллективные пиршества в соответствии с общинными традициями⁷⁸.

На Альтиплано господствовали латифундии, площадь которых превышала 1000 га. Так, в департаменте Оруро, 29% асьенд имели 1 тыс — 2,5 тыс га, 23% — 2,5–7,5 тыс га, 35% — более 6,5 тыс га и только 14% асьенд были менее 1 тыс га. В районе оз.Титикака преобладали хозяйства менее 500 га, но и там встречались латифундии размером более 1 тыс га.⁷⁹ Большая часть земли в латифундиях оставалась необработанной. В среднем на Альтиплано обрабатывалось лишь 0,21% сельскохозяйственной площади, а в районе оз.Титикака с относительно высокой плотностью населения — 25–30%.⁸⁰ Более того, в виду особенностей почвы примерно 65% обрабатываемой земли должна была отдыхать несколько лет, что и вовсе сокращало производственные площади.

Многие латифундии, принадлежавшие одному лицу, состояли из нескольких асьенд или усадеб. Латифундии не являлись крупными хозяйствами, в собственном смысле слова, так как основыв-

⁷⁷ Понго, колон, пегухалеро — категории зависимых крестьян, проживавших на помещичьих землях.

⁷⁸ Heydt-Coca M. Die Bolivianische Revolution von 1952. Eine Analyse unter besonderer Berücksichtigung des Agrarsektors. Köln, 1982. S.97–100.

⁷⁹ ECLA. Development of Agriculture. P.59.

⁸⁰ Carter W. The Aymara Communities and the Bolivian Agrarian Reform. Gainesville, 1964. P.26

вались на эксплуатации крестьянской общины, оставаясь по сути мелкотоварным производством. По данным ряда исследователей, в период, предшествовавший аграрной реформе 1953 г., участки колонов занимали 73–86% земли асьенды, в то время как за самим землевладельцем оставалось лишь 14–27%.⁸¹ Система колоната заключалась в том, что крестьяне, или колоны, имея небольшой участок, минифундию, служили землевладельцу бесплатной рабочей силой, должны были отдавать ему часть своего продукта в качестве натуральной ренты. Крестьянин был лишен хозяйственной и личной свободы, обременен многочисленными повинностями. Паразитический характер крупного землевладения, неизменным атрибутом которого было преобладание минифундий крестьян, обусловил тот факт, что крупное землевладение в Боливии оказалось неспособным к трансформации в капиталистическое предприятие.

Сельское население в Боливии почти полностью составляли индейцы кечуа и аймара. Белые и метисы, испаноязычное население страны, проживали только в городах. Большинство землевладельцев также жили в городах, оставляя свои асьенды в управлении мажордомов и курак, формальных лидеров индейских общин. Помимо обязанностей перед помещиком и коррехидором, представителем местной власти, индейцы как асьенд, так и общин отбывали трудовые неоплачиваемые повинности в пользу населения близлежащих городков.⁸²

Помещиками в Боливии были не только латифундисты- аристократы, ведущие свое происхождение от конкистадоров и вице-королей Перу и Ла-Платы. В небольших городах, в провинции проживало множество мелких помещиков, владевших одной — двумя усадьбами, дававшими относительно небольшой доход. Являясь такими землевладельцами средней руки, большинство помещиков занимало посты в местных органах власти, были адвокатами, военными, священниками, составляли так называемый традиционный средний класс. Такая двойственность в их социальном статусе была отличительной чертой боливийского общества. Между средними слоями и помещиками фактически можно поставить знак равенства. Именно традиционные средние слои были массовой социальной опорой правления олигархии.

В первой трети XX века Боливия оставалась страной, экономика которой представляла собой несколько разнородных по сво-

⁸¹ Carter W. Op.cit. P.71; Albó X. Achacachi: Medio siglo de lucha campesina. La Paz, 1979. P.32; Heath D., Erasmus C.J., Beuchler H.C. Land Reform and Social Revolution in Bolivia. New York, 1969. P.176.

⁸² Albó J. Op.cit. P.33–34; Heydt-Coca M. Op.cit. S.117.

им социальным и технологическим характеристикам миров. Боливии как единого хозяйственного пространства не существовало. Передовая горнорудная промышленность, развивавшаяся в исключительных рамках анклава, соседствовала с едва наметившимся фабричным производством в городах, где господствующие позиции по-прежнему занимало кустарное, ремесленное хозяйство. Вся финансовая, транспортная и производственная инфраструктура была сориентирована на обслуживание горнорудного сектора экономики. Анклавная экономика экспортных отраслей и слабо-развитый капиталистический сектор городов буквально тонули в окружавшем их в прямом и переносном смысле море архаического сельского хозяйства. Господство латифундизма, наличие огромного количества докапиталистических пережитков в деревне обуславливали узость внутреннего рынка, представляли собой серьезный барьер в формировании единого народохозяйственного комплекса.

Монокультура, экспортная ориентация экономики в сочетании с отсталостью и косной замкнутостью сельского хозяйства тормозили не только развитие всего народного хозяйства, но и были главными препятствиями в становлении Боливии как нации. Это был главный вопрос национальной жизни. Монополизация горнорудной отрасли лишь усугубила проблему зависимости и отсталости всей экономики. Нарождавшаяся и ещё очень слабая боливийская буржуазия была отстранена от важнейших источников накопления, была ограничена неразвитостью внутреннего рынка. Само её существование зависело от выживания Боливии как самостоятельной нации, что было невозможно без решения насущных социально-экономических проблем. От пути, по которому могло пойти общество в преобразованиях обветшалой социальной и политической структуры страны, зависело формирование в Боливии современной нации. Безусловно, задача состояла в превращении Боливии из географического понятия в страну.

Политическое и социальное развитие Боливии в первые десятилетия XX века.

С 1899 г. по 1920 г. у власти в Боливии находилась либеральная партия. Этот период отличался политической стабильностью, быстрым развитием экономики и серьезными изменениями в структуре общества. Триумф либеральной партии после рево-

люции 1898 г.⁸³ сопровождался повсеместным торжеством либерально-позитивистской идеологии, либеральных принципов управления государственной и хозяйственной жизнью. На самом деле, «либеральный режим» был далек от официально декларируемых принципов. Либеральная партия фактически установила авторитарный режим, где свобода прессы, регулярно проводимые выборы сочетались с насилием и подлогом во время избирательных кампаний, репрессиями против оппозиции, попранием элементарных прав индейского населения. Досконально и скрупулезно выдерживались либеральные принципы невмешательства государства в экономические отношения, что укрепляло всевластие горнорудных монополий, фактически подчинивших себе весь государственный аппарат.

Либерально-позитивистская идеология полностью ориентировалась на европейские ценности, проповедовала всеислие свободного рынка как единственного инструмента, гарантирующего прогресс и развитие. Всё, выходящее за рамки, европейской парадигмы капиталистического или, как тогда утверждалось, естественного развития, в том числе индейский элемент как носитель тормозящей развитие архаичной традицией, подлежало безжалостному разрушению и уничтожению во имя прогресса и цивилизации. Либералы строили своё демократическое общество на основе кастовой, расовой замкнутости. С их точки зрения, боливийское общество было образцом демократии, ведь критериям свободного гражданина, достойного принимать участие в созидании цивилизации, соответствовали лишь привилегированные белые и верхушка метисного испаноязычного населения. За пределы действия законов цивилизации выводилось большинство населения страны.

Внешне политическая система Боливии выглядела как двухпартийная, хотя наряду с основными, очень похожими друг на друга противниками, существовали иные мелкие, как правило, недолговечные партии. Помимо Либеральной действовала Консервативная, а затем перенимавшая у последней часть лозунгов, но уже иная по своему социальному составу Республиканская партия. Относительно крупных партий также следует сделать оговорку: ни либералы, ни республиканцы не были политическими партиями в современном смысле слова. Настоящие партии, структурирующие гражданское общество современного типа, появятся лишь в 30–40-е годы.

Помимо партий существовала также и полуделегальная оппозиция: тайные ложи, составлявшие важную часть боливийского гражданского общества. В них формировалась оппозиция, из тайных органов

⁸³ История Латинской Америки. Т.2. С.30.

поддержки правительства ложи превратились в её убежище. В ложах формировалась оппозиция, пока еще не способная сформировать общенациональное политическое движение. Полулегальный статус, связь с влиятельными фигурами в политике и экономике, скрытая деятельность лож придавали большой вес и значение мелким политическим группам. Ложи были своеобразным политическим университетом, где формировались будущие политические и идейные лидеры страны. В них находили себе применение «младшие сыновья» политической элиты, не имевшие прямого доступа к власти: студенты и военные.

С одной стороны, ложи были частью аппарата гегемонии правящей элиты, так как обеспечивали своеобразную, косвенную включенность специфических, непостоянных социальных групп и особых интересов (студенты, младшие офицеры, начинающие политики и т. п.) в политическую систему, что укрепляло фундамент традиционного гражданского общества. С другой стороны, ложи расшатывали систему, поскольку становились базой оппозиции, полулегальный характер действий которой не всегда укладывался в нормы функционирования государства и гражданского общества. Помимо заговоров и непредвиденных действий, ложи были опасным источником распространения новых идей, разрушающих господствующую социал-дарвинистскую, позитивистскую идеологию, что было серьезным фактором ускорения морально-политического кризиса в 30-е годы.

Система политических институтов опиралась на механизм идеологического влияния в обществе: средства массовой информации, университет, школу, культуру и искусство. Газеты, пресса, с одной стороны, являлись проводниками идеологической гегемонии правящих групп, а с другой, служили своеобразным клапаном для разрядки политического и социального напряжения, что способствовало укреплению гражданского общества.

Пресса представляла собой анатомический срез всего гражданского общества.⁸⁴ Крупнейшие боливийские газеты в 20-е годы «Эль Диарио», «Ла Расон» (Ла-Пас), «Лос Тьемпос» (Кочабамба) контролировались верхушкой правящих кругов. Собственником «Ла Расон» был Арамайо, «Эль Диарио» — Патиньо, «Ультима Ора» — Хохшильд. Эти газеты были органами пропаганды либерально-позитивистских взглядов по экономическим и политическим вопросам. Республиканцы имели свои политические органы. После прихода к власти Б.Сааведры и раскола партии «Ла Република» стала офи-

⁸⁴ Этому вопросу посвящено специальное исследование американского ученого Дж.Кнудтсона// *Historia boliviana*. No. 1/2, 1982. Cochabamba. 1982. P. 111–120.

циальным органом сааведристов, в то время как образовавшие свою партию «подлинные республиканцы» издавали выходившую в Оруро «Ла Патриа».

Это был первый эшелон средств массовой информации, обеспечивавший влияние правящих групп на общественное мнение. Цементом же, укреплявшим их политическую и идейную гегемонию в обществе, были бесчисленные мелкие издания. Эти малотиражные издания были главным индикатором общественного мнения. Они очень чутко реагировали на все кризисные явления в обществе. Правительство всегда внимательно следило за настроениями этих изданий. Когда в момент острого политического кризиса в период правления либеральной партии в 1914 г. было объявлено осадное положение, президент И.Монтес сразу же закрыл 13 мелких газет только в одном Ла-Пасе, справедливо усматривая в них главный источник крамолы.⁸⁵ Значение печати усиливалось еще и тем, что газеты оказывали огромное влияние практически на всех политически активных граждан, на всех избирателей.

Экономический подъем начала века позволил магнатам олова поделить свои доходы с традиционным средним классом, точнее его верхушкой. Прямо или косвенно «бароны олова» поддерживали целую армию адвокатов, чиновников, журналистов, партийных деятелей. Эта, хотя и сравнительно многочисленная, но избранная прослойка вошла в боливийскую политическую жизнь под именем роска. Роска была частью правящего класса, опорой олигархического правления. Впрочем, не следует ее рассматривать как слепое орудие, как наемных работников «баронов олова». Роска непосредственно осуществляла политическую и экономическую власть в стране, она была самодержавной.⁸⁶ Роска — это верхушка среднего класса, обеспечившая «баронам олова» лояльность и поддержку всего белого городского населения страны. Главной формулой функционирования гражданского общества был раздел власти между «баронами олова» и средним классом. Воплощением и символом этого союза была всесильная роска.

К 20-м годам либеральный режим находился в состоянии кризиса, вызванного противоречиями между антидемократизмом и кастовой ограниченностью олигархического правления и новой расстановкой общественных сил. Бурное экономическое развитие начала века привело к росту и укреплению мелкой буржуазии, «новых средних» слоев города, к появлению значительного отряда рабочего

⁸⁵ Klein H. Political parties. P. 48.

⁸⁶ Sandoval Rodriguez I. Nacionalismo en Bolivia. Ensayo histórico-político. La Paz, 1970. P.75–76.

класса. Возросло число политически активных граждан.⁸⁷

В обществе росли оппозиционные настроения. Недовольные объединились в 1914 г. в рядах Республиканской партии, в которой наряду с представителями мелкой буржуазии, ремесленников, ориентировавшихся на Баутисту Сааведру (1870–1939), выдвигавшего программу умеренных реформ, существовало правое крыло, состоявшее из недовольных монопольным правлением либералов реваншистски настроенных помещиков, клерикалов во главе с Даниэлем Саламанкой (1868–1935). Объединяющими лозунгами этих двух разных течений Республиканской партии были честные выборы и активная внешняя политика, направленная на возвращение захваченного Чили в результате Тихоокеанской войны (1879–1883) побережья.

Право-клерикальное крыло республиканцев, во главе которого стояли видные политики Д.Саламанка, А.Итурральде, Х.М.Эскальер, привлекало в свои ряды в основном земельную аристократию, недовольную всевластием либералов, не допускавших её к рычагам власти. Их раздражали законы о введении гражданского брака, о веротерпимости, вся политика секуляризации, проведенная либералами в первые два десятилетия XX века. Консервативная часть республиканцев была явным анахронизмом даже по сравнению с либералами. Лишь реваншистские лозунги возврата Тихоокеанского побережья и требования честных выборов привлекали к ней немногочисленных сторонников. Воинственная, реваншистская программа морально-политического укрепления государства посредством агрессивной внешней политики стала главным козырем их лидера, Д.Саламанки. Навязчивые идеи самоутверждения нации через победоносную войну роковым образом приведет в будущем Д.Саламанку к развязыванию вооруженного конфликта с Парагваем в Чако.

Бесспорным лидером «плебейского» крыла республиканцев был талантливый журналист и писатель Б.Сааведра. Он стал «непогрешимым» вождем народа Ла-Паса. Его поддерживали мелкая буржуазия, ремесленники, самые широкие народные массы столицы. В отличие от Д.Саламанки, аристократа и помещика из Кочабамбы, Б.Сааведра пользовался особой популярностью в своем родном городе, самом «буржуазном» центре страны, Ла-Пасе. Он выдвигал программу умеренных реформ государства, в результате которых должно было произойти перераспределение власти в пользу средних слоев города. Речь шла о расширении социальной базы государства

⁸⁷ По боливийским законам политически активными гражданами признавались лишь боливийцы-мужчины старше 21 года, при условии, что они умели читать и писать и являлись «экономически независимыми» людьми, то есть имели годовой доход не менее 200 боливияно. Прислуга не могла участвовать в выборах даже при наличии всех прочих условий.

за счет вовлечения в политическую жизнь средних слоев, ремесленников и даже рабочего класса.

Послевоенный мировой экономический кризис способствовал активизации оппозиции. Ухудшение экономического положения в первую очередь ударило по городским низам. Забастовки на рудниках в апреле 1918 г., октябре и ноябре 1919 г. внесли новый элемент в политическую жизнь Боливии, поставив на повестку дня «рабочий вопрос». Требования рабочих, в том числе о 8-ми часовом рабочем дне и принятии социальных законов, вошли в программу сааведристского крыла республиканцев.

В условиях нараставшего экономического и политического кризиса глава реформистского крыла Республиканской партии Б.Сааведра, имевший большое влияние среди среднего и низшего офицерства, решился на государственный переворот. 12 июля 1920 г. республиканцы осуществили переворот в Ла-Пасе. Б.Сааведра во главе с вооруженными ремесленниками, сформировавшими «республиканскую гвардию», сверг президента либерала Г.Гутьерреса Герру. Решительное слово в поддержку нового правительства сказала армия. Генералитет под давлением основной массы офицеров поддержал новое правительство.⁸⁸

Б.Сааведра безусловно, являлся одним из самых ярких политических деятелей Боливии в XX веке. Он пользовался абсолютным доверием «чоло» Ла-Паса.⁸⁹ Придя к власти, Б.Сааведра в первую очередь освободился от своих ставших неудобными союзников — правого крыла партии во главе с Д.Саламанкой и Х.М.Эскальером, хотя последних активно поддерживали посольства Англии и США.⁹⁰ Перешедшие в оппозицию к Сааведре правые республиканцы провели в октябре 1921 г. свой учредительный съезд в Оруро, образовав Подлинную республиканскую партию, занявшую промежуточную позицию между либералами и республиканцами-сааведристами.

Правительство Б.Сааведры опиралось в значительной мере на силу партии, обладавшей огромным влиянием среди городской мелкой и средней буржуазии, интеллигенции, студенчества. Через высший орган партии, Республиканский комитет, проводилось большинство правительственных решений. Б.Сааведра создал «республиканскую гвардию» — военизированные отряды, состоявшие из ремесленников, рабочих, мелких собственников, студентов. Все важнейшие решения проводились через конвенты или съезды республиканцев, на которых при безусловном верховенстве мнения

⁸⁸ FRUS. 1920. Vol. I. Washington, 1935. P.375.

⁸⁹ Чоло — метисы, городские низы в Перу и Боливии.

⁹⁰ FRUS. 1920. V.I. P.375–378.

лидера партии представители низовых местных организаций, в основной своей массе состоявшие из ремесленников и мелких буржуа, имели возможность влиять на действия власти. Съезды партии, «гвардия» были органами не только поддержки, но и давления на правительство, подталкивающие своих лидеров к проведению реформистской политики в интересах среднего класса и городских низов. Опираясь на «республиканскую гвардию», Б.Сааведра отстранил своих политических врагов и фактически установил режим личной власти.

Прийти к власти Б.Сааведре помогли городские низы, активно поддерживавшие республиканский переворот. Рабочие лидеры-республиканцы в сентябре 1920 г. организовали рабочую партию, которая стала своеобразной секцией правящей партии и функционально выполняла роль группы политического давления на правительство в интересах рабочих и ремесленников, выполняла те же задачи, что и «республиканская гвардия», представлявшая средние слои. Эта партия, названная Социалистической рабочей, во главе которой стояли профсоюзные руководители Э.Сальваторра и Х.М.Ордоньес, а также депутат Конгресса Рикардо Соруко, имела свои отделения в Оруро и Уйюни. В 1921 г. СРП провела свой съезд в Оруро, где приняла программу, в которой отразились мелкобуржуазный радикализм левого крыла республиканцев и сильное влияние синдикализма.⁹¹ Однако вскоре эта партия исчезла с политической арены, так как ее программа не выходила за рамки линии правительства Б.Сааведры в рабочем вопросе. В этот период еще не было потребности в существовании проправительственной реформистской рабочей партии, так как влияние рабочего класса на политику было слишком слабым и опосредованным.

В первой четверти XX века в Боливии впервые возникает организованное рабочее движение. В 20-е годы в городах и на рудниках активно действует анархо-синдикалистская Рабочая федерация.⁹² В городах и горнорудных центрах создавались рабочие профсоюзы. Правительства республиканцев по-разному реагировали деятельность профсоюзов и в целом на рабочее движение в городах и на рудниках. Городские профсоюзы, как правило, в своих акциях добивались побед или уступок со стороны правительства и хозяев. Так было в феврале 1922 г., когда прошла первая успешная всеобщая забастовка в Ла-Пасе. Большинство городских профсоюзов входило в проправительственные объединения и пользовалось поддержкой властей. Боливийские синдикалисты стали участвовать в международных организациях: в 1928 г. они впервые присутствовали на VI

⁹¹ Klein H.S. Parties and Political Change. P.70–72.

⁹² ИГАСПИ. Ф.495, оп. 79, дело 28. С.43–44.

Панамериканской конференции, где высказались в поддержку своего правительства.⁹³ Многие требования Рабочей федерации Ла-Паса вошли в программу Республиканской партии. В городах классовая борьба не привела к жесткой конфронтации властей с рабочим движением. «Рабочее законодательство» Б.Сааведры опиралось на требования городских профсоюзов.

Иная ситуация складывалась на рудниках. Там профсоюзы преследовались, а выступления рабочих жестоко подавлялись. В 1923 г. забастовка рабочих рудника Унсии была подавлена войсками. В результате устроенной бойни сотни рабочих были убиты.⁹⁴ В чем причины такой политики? Оловянные рудники были нервом экономики страны. Олово определяло подлинных властителей страны. К тому же, в то время как рабочий класс городов, большей частью занятый на мелких предприятиях и часто выступавший в союзе с городской мелкой буржуазией, мог быть интегрирован в существующее гражданское общество, большинство рабочих-шахтеров имело более низкий социальный статус. В прошлом крестьяне-индейцы, они чаще всего не порывали связей со своими общинами, говорили на аймара и кечуа и враждебно относились к бело-метисному испаноязычному миру. Для Б.Сааведры, как и для всего правящего класса, они стояли вне гражданского общества, его правил и законов.

Политика подавления и изоляции рабочих-горняков проводилась до кризисных 30-х годов, когда массовые увольнения на рудниках привели в города тысячи безработных. Тогда же изменилась и общая рабочая политика правящих кругов. В 20-е годы часть страны, которая находилась за пределами городов, казалось, не существовала. Во всяком случае, она была призвана лишь для того, чтобы оплачивать своей кровью экономическое процветание элиты.

Правление республиканцев при президенте Б.Сааведра всё более приобретало черты авторитарной диктатуры. Сам президент вынашивал планы сохранить личный контроль над правительством и по окончании своего конституционного срока, то есть после 1925 г. Был ясен и механизм сохранения власти в руках Б.Сааведры: через республиканскую партию, лидерство в которой сохранялось за ним, и при опоре на военизированную «республиканскую гвардию» он надеялся контролировать своего преемника. Необходимо было найти подходящую кандидатуру на пост президента, который был бы настолько политически слаб и зависим, что стал бы простой марионеткой в руках экс-президента, но при этом была бы сохранена ви-

⁹³ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 41.

⁹⁴ Ponce Garcia J., Shanley T., Cisneros A. Breve historia del sindicalismo boliviano. La Paz, 1968. P. 14–16.

димось легитимной смены власти и конституционности управления страной. Выбор пал на не имевшего политического веса министра образования Хосе Габино Вильянуэву. Кандидатом в вице-президенты был предложен Абдон Сааведра, родной брат уходящего главы государства⁹⁵.

Выборы состоялись 2 мая 1925 г. Как и ожидалось, победил проправительственный кандидат. Его вступление в должность должно было состояться 6 августа 1925 г., что совпадало с празднованием 100-летия юбилея независимости Боливии. Накануне инаугурации Х.Г.Вильянуэва дал интервью оппозиционной газете «Ла Патрия» (Оруро), в котором заявил о своем намерении привлечь в новый кабинет министров деятелей Подлинной республиканской и Либеральной партий, покончив тем самым с противостоянием в обществе, характерным для предыдущего периода. Незадачливое интервью вызвало ярость Б.Сааведры, который не побоялся международного скандала в виду присутствия в Ла-Пасе многочисленных иностранных делегаций, съехавшихся на празднование столетия республики, и решил не допустить вступления в должность Г.Вильянуэвы.

Конгресс, аннулировал результаты голосования, назначив председателя парламента Фелипе Гусмана временным президентом, который провел новые выборы 1 декабря 1925 г. Хотя скандала избежать не удалось, видимость конституционной законности была соблюдена, и Б.Сааведра мог исправить ошибку с выбором преемника.

На этот раз он решил действовать через аппарат своей партии. Нового кандидата в президенты, а им стал находившийся до этого в опале один из лидеров республиканского переворота 1920 г. Эрнандо Ситес, предложил Совет Республиканской партии. Кандидатом в вице-президенты вновь стал Абдон Сааведра. На выборах 1 декабря 1925 г. Э.Ситес получил 70.612 голосов из 75.549 имевших право голоса и стал президентом Боливии. Помня скандал с предыдущим кандидатом, Б.Сааведра решил застраховаться, заставив Э.Ситеса подписать декларацию, в которой тот обязался назначать членов кабинета с одобрения партии и её лидера, не вступать в союз с оппозиционными группами и деятелями.⁹⁶ По идее Б.Сааведры новый президент должен был стать лишь формальным прикрытием авторитарного правления республиканского «каудильо».

⁹⁵ Абдон Сааведра — яркая политическая фигура 20-х годов в Боливии, незаслуженно забыт из-за слишком сильной тени, отбрасываемой его более известным братом. Он был префектом Ла-Паса, основателем газеты «Ла Република». Прославился своей справедливостью, неподкупностью, прямотой.

⁹⁶ Valencia Vega, A. Op.cit. P.1660.

Б.Сааведра было суждено ошибиться дважды. Э.Силес не стал послушным орудием в руках лидера республиканцев. Ему достаточно быстро удалось освободиться от опеки бывшего президента и его брата. Он привлек к сотрудничеству оппозиционных деятелей, нарушив тем самым подписанные им «кондиции». Ф.Тамайо был назначен советником МИДа, Д.Канелас — послом в Перу, С.Патиньо — послом во Франции, а К.В. Арамайо — в Англии. Эти действия спровоцировали разрыв с Б.Сааведрой, находившегося в тот момент в Европе. Окончательная точка в противоборстве с экс-президентом была поставлена в марте 1926 г., когда Абдон Сааведра выехал из Боливии с официальным визитом в ряд стран региона, однако возвратиться ему уже не разрешили.

Приход к власти сааведристского крыла республиканской партии положил начало умеренным реформам государственного устройства, унаследованного от Либеральной партии. Сааведристы привнесли новые элементы в политическую жизнь Боливии. Привычные в боливийской политике авторитаризм и стремление к личной диктатуре сочетались с новыми демократическими институтами (конвенты партии, более демократический состав партийных комитетов и большая открытость партийных структур) и популистскими методами мобилизации масс. Однако за кажущейся похожестью программ либералов и республиканцев-сааведристов стояло кардинальное различие в методах осуществления политической власти и гегемонии в обществе. Аристократизму и кастовой замкнутости либералов, да и «подлинных республиканцев», противостояла новая политическая сила, которая опиралась на выросшие и укрепившиеся в годы экономического подъема новые социальные слои города: на мелкую буржуазию, интеллигенцию, банковских служащих, — да и часть рабочего класса.

В отличие от либералов и «подлинных республиканцев» сааведристы были, главным образом, партией среднего класса крупных городских центров. Более демократическая направленность политической линии республиканцев-сааведристов часто приходила в противоречие с принципами экономической политики, почти полностью унаследованными от либералов. Б.Сааведра предлагал укрепить правящий блок, то есть, в конечном счете, власть олигархии, за счет уступок местной буржуазии и средним городским слоям, что объективно отвечало задачам национальной государственной консолидации. Однако решение этой задачи было невозможным без проведения основных буржуазно-демократических преобразований в стране.

Реформы Эрнандо Силеса.

Вслед за Б.Сааведрой, Э.Силес продолжил политику постепенного реформирования социально-экономической структуры страны. В период его президентства продолжалось активное железнодорожное строительство; была завершена дорога, связавшая Потоси и Сукре, Аточу и Вильясон. Для завершения строительства правительство прибегало к внешнему финансированию. Вырос дефицит бюджета, что требовало наведения порядка в государственных финансах и модернизации банковской системы.

Банковское дело в Боливии сосредотачивалось в нескольких частных банках, каждый из которых действовал согласно собственному уставу и регламенту. Деятельность банков не контролировалась государством. Для проведения банковской и налоговой реформы Э.Силес пригласил в Боливию группу экспертов во главе с американцем Э.В.Кеммерером, проводившим аналогичные преобразования в Чили, Мексике, Колумбии и на Филиппинах. По рекомендациям миссии Кеммерера была проведена реформа денежного обращения, в основе которой лежала американская система федерального казначейства. По закону от 11 июля 1928 г. был создан Центральный банк с особыми полномочиями и исключительным правом эмиссии.⁹⁷

Правительство Э.Силеса предприняло шаги, ограничивавшие иностранное присутствие в Боливии. Э.Силес решился пойти на экспроприацию железных дорог (декрет от 29 июня 1927 г.) Однако под давлением могущественных экономических кругов он был вынужден отменить этот декрет уже через полгода. Следуя логике экономического национализма, Э.Силес издал в апреле 1930 г. новый закон о корпорациях, по которому все иностранные компании на территории Боливии должны были зарегистрироваться как местные, боливийские, независимые от своих центров, и должны были подчиняться только боливийским законам. Этот декрет не был исполнен.⁹⁸

Главными экономическим и политическим вопросом в Боливии оставались отношения государства и горнорудных монополий, «баронов олова». В середине 20-х годов «бароны олова» увидели необходимость создания механизма контроля над своими «меньшими братьями», мелкими и средними горнопромышленниками. В 1925 г. была создана Ассоциация горнопромышленников Боливии, куда вошло 47 различных фирм и компаний. Тем самым Патиньо,

⁹⁷ Iñiguez E. Op.cit. P.57–92.

⁹⁸ Lofstrom W. Op.cit. P.120.

Арамайо, Хохшильд создали эффективный механизм политического и экономического подчинения мелких промышленников.⁹⁹ В эпоху экономического бума средние слои шли за роскошью и «баронами олова», буржуазия была вынуждена мириться со всемогуществом монополий.

Силес, продолжая линию Б.Сааведры, стремился сделать государство более независимым от «баронов олова», хотя и избегал прямого конфликта с ними. Пробой сил стал созданный 1 октября 1928 г. конгресс горнорудной промышленности. На этом съезде «Ассоциация горнопромышленников» предложила свой проект государственной политики, заключающийся в неуклонном следовании принципам невмешательства властей в экономическую жизнь. Проект закона о контроле государства над деятельностью монополий, предложенный близким к правительству либералом Касто Рохасом, был отвергнут делегатами конгресса. Правительству не удалось добиться принятия хотя бы компромиссных решений, которые позволили бы усилить контроль государства над экспортными отраслями.

Встретив жестокое сопротивление своими весьма умеренным планам со стороны монополий, правительство Э.Силеса отступило. У власти ещё не было ни достаточной политической воли, ни серьезной силы, чтобы вступить в конфликт с «баронами олова». Монополии же не забыли и не простили, такого «наглого» как им казалось, наступления на их привилегии. С.Патиньо, в первую очередь, стал поддерживать врагов Э.Силеса. Из-за сопротивления монополий все прогрессивные начинания, как-то: экспроприация железных дорог, создание министерства сельского хозяйства и колонизации, проект закона о 8-ми часовом рабочем дне — так и не были доведены до конца.

Э.Силес старался демонтировать инструменты авторитарного правления, доставшиеся ему в наследство от Б.Сааведры, проводя в жизнь некоторые меры по демократизации общества. По декрету от 1 марта 1926 г. военным было запрещено занимать должности префектов и субпрефектов, что, по его идее, должно было упрочить гражданские основы государственной власти и исключить участие армии в политической жизни.¹⁰⁰ В мае 1927 г. военизированная «республиканская гвардия» была распущена. Эту акцию произвели военные, недовольные существованием неподчинявшихся армейскому командованию вооруженных подразделений. Э.Силес поручил провести расформирование «гвардии» Давиду Торо, который пользовался его особым доверием. Именно тогда началась политическая

⁹⁹ Lofstrom W. Op.cit. P.23.

¹⁰⁰ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Guzmán, Siles, Blanco Galindo. P.41–42

карьера этого военного. В эти годы Д.Торо сблизился с Э.Силесом, активно поддержал его реформы. Эволюции Д.Торо в направлении национализма первый толчок дал Э.Силес и его окружение.

Э.Силес не мог найти в рядах традиционных партий ни идейной, ни политической поддержки. Накануне выборов в Конгресс в мае 1927 г. Э.Силес решил создать собственную партию. По его убеждению, это должна была быть партия молодежи, партия обновления. В конце 1926 г. Э.Силес пригласил к себе на совещание группу молодых интеллектуалов, исповедовавших модные тогда ортегианские идеи обновления нации.¹⁰¹ О существовании группы Э.Силес узнал от лидера неконформистской молодежи Энрике Бальдивесо, входившего в круг доверенных лиц президента. В совещании участвовали сам Э.Бальдивесо, Умберто Пальса, Висенте Лейтон, Виктор Альберто Сарачо, Ф.Камперо Альварес и другие. Все это будущие крупные деятели режима «государственного социализма». Тогда же было решено создать новую партию поддержки Э.Силеса.

29 декабря 1926 г. в доме В.А.Сарачо, где собрался цвет интеллектуальной молодежи Ла-Паса, была создана Националистическая партия. В народе её чаще называли силистской, ибо была очевидна прямая связь с президентом и его курсом. В состав партии вошли молодые люди, впоследствии сыгравшие выдающуюся роль в истории Боливии. Это были лучшие представители политической элиты Боливии в XX веке. Есть смысл перечислить большинство собравшихся, ибо их имена будут постоянно возникнуть в изложении боливийской истории первой половины века. Среди них выделялись юристы Мануэль Карраско (сын Хосе Карраско, основателя Либеральной партии), П.Гильен, В.Мендоса Лопес¹⁰², промышленники Рафаэль Таборга, Уго Эрнст¹⁰³, Авель Солис, интеллектуалы, писатели К.Мединасели¹⁰⁴, Г.А.Отеро¹⁰⁵, А.Сеспедес¹⁰⁶,

¹⁰¹ См. главу 3

¹⁰² Пабло Гильен, Висенте Мендоса Лопес — в будущем видные государственные деятели, занимали посты министров в правительстве Д.Торо и Х.Буша, руководители национал-реформитской партии Националистическое Революционное движение (МНР).

¹⁰³ Уго Эрнст — будущий лидер социалистов и алькальд Ла-Паса в период «государственного социализма»

¹⁰⁴ Карлос Мединасели — крупный писатель-эссеист, журналист, социолог, один из основоположников левого идеализма — см. глава 3.

¹⁰⁵ Густаво Адольфо Отеро — известный писатель, крупный деятель МНР — см. глава 3.

¹⁰⁶ Аугусто Сеспедес — идеолог боливийского национал-реформизма, автор крупных литературных работ «Кровь метисов», «Диктатор покончил с собой» и другие — см. глава 3.

К.Монтенегро¹⁰⁷, У. Пальса¹⁰⁸, университетские преподаватели Х.Пас Камперо¹⁰⁹, К.Салинас Арамайо¹¹⁰, журналисты М.Флорес¹¹¹ и Л.Антесана¹¹². Это было представительное собрание «младших сыновей» элиты Ла-Паса. Бунтующая молодежь с энтузиазмом восприняла призыв Силеса стать партией реформ.

11 января 1927 г. в газете «Эль Диарио» была опубликована программа партии, в которой выдвигались требования принятия трудового кодекса, аграрного законодательства, реорганизации финансово-банковской системы, налоговой реформы, создания эффективного образования, признания университетской автономии. Во главе партии стоял Рафаэль Таборга, горнопромышленник, выступавший от имени разорявшихся мелких и средних предпринимателей. Новая партия предлагала поставить под контроль государства деятельность горнорудных монополий с тем, чтобы обеспечить выживание мелких и средних шахтовладельцев.¹¹³

Националисты или силлисты были первой политической группой, заострившей внимание на необходимости диверсификации экономики. Один из лидеров нового движения К.Салинас Арамайо говорил: «Все наши частные и общественные состояния зависят от горнорудной промышленности. Мы зависим от олова, серебра или меди, малейшее падение цен драматически сказывается на нашей жизни. Однако, рудные запасы, как и всякие сырьевые, когда-нибудь да

¹⁰⁷ Карлос Монтенегро — основоположник боливийского национал-реформизма, теории «революционного национализма», крупный государственный деятель, в молодости журналист, один из лидеров революции 1952–1953 гг. — см. глава 3.

¹⁰⁸ Умберто Пальса — философ, основатель направления «мистики земли» — см. глава 3.

¹⁰⁹ Хавьер Пас Камперо — крупный государственный деятель, впоследствии перешел в партию сааведристов, был адвокатом магната М.Хохильда, министр труда в правительстве Д.Торо.

¹¹⁰ Карлос Салинас Арамайо — один из ярчайших деятелей Боливии той эпохи. В период президентства Силеса в 27 лет стал заместителем председателя Палаты депутатов Конгресса. Активный сторонник радикальной аграрной реформы, порой склонялся к поддержке фашизма, но считал себя «национальным социалистом», был близок к марксистским группам. Неоднократно занимал ведущие посты в правительстве Х.Буша. Возглавлял Единую соцпартию в 1940–1943 гг., которая пошла на союз с олигархическими партиями. Был расстрелян в ноябре 1944 г. по приказу президента Г.Вильяррозля.

¹¹¹ Марио Флорес — впоследствии главный редактор и собственник левонационалистической газеты «Ла Поче», занимал министерские посты в правительстве Х.Буша.

¹¹² Луис Антесана — видный деятель МНР. Историк, писатель.

¹¹³ Frontaura Argandoña M. La revolución boliviana. La Paz, 1974. P.53.

кончаются, и я спрашиваю: что будет с Боливией, когда закончится олово или резко упадут на него цены?.. Мы должны искать более верные источники богатства»¹¹⁴. В диверсификации экономики националисты видели выход из порочного круга зависимости страны от горнорудной олигархии и иностранного капитала. Эта программа отвечала интересам национальной буржуазии.

Молодежное радикальное крыло во главе с Э.Бальдивесо, У.Пальсой и А.Сеспедесом настаивало на более решительной программе действий. Они предлагали выступить со своего рода антилиберальным социалистическим манифестом «национального возрождения». Однако умеренное большинство во главе с Р.Таборгой, опираясь на мнение президента Силеса, отвергли все радикальные предложения и даже отказались от предложенного названия партии. Вместо националистической партия стала называться «Партией Национальный союз». Однако общеупотребительным осталось первоначальное название — Националистическая партия.¹¹⁵

Принятая программа партии в своей политической части предлагала провести конституционную реформу. В их планах был отказ от традиционного парламентаризма и основ представительной демократии. Они предлагали разрешить профсоюзам иметь своих представителей в парламенте. В качестве примера и теоретического обоснования реформы им служили ставшие модными идеи «функциональной демократии», воплощение в жизнь которых они видели в период преобразований в Чили при диктаторе К.Ибаньесе и в мексиканского революционного конституционализма¹¹⁶. В виду сопротивления умеренного крыла партии в её программу не вошли самые радикальные идеи преобразования государственного устройства. Единственным достижением левого крыла был пункт о представительстве профсоюзов. Националистическая партия искала союза с рабочим движением. Включение профсоюзов в институты политического управления общества было одной из стратегических задач левого крыла партии, которое со временем станет базой формирования боливийского национал-реформизма.

Численный рост рабочего класса в эти годы обуславливался общим экономическим подъемом. Несмотря на то, что в 20-е годы редки забастовки, трудовые конфликты, проявления протеста, профсоюзное движение укреплялось за счет вовлечения новых секторов рабочего класса и приобрело большой политический вес. Это был период мирного роста профсоюзов, что происходило на фоне благо-

¹¹⁴ Arze Aguirre R.D. Carlos Salinas Aramayo: un destino inconcluso, 1901–1944. La Paz, 1995. P.83.

¹¹⁵ Céspedes A. Op.cit. P.84–85.

¹¹⁶ История Латинской Америки. т.3. М. 1999.

приятной экономической конъюнктуры и терпимой позиции правительства Силеса, которое рассчитывало получить в их лице своих союзников. Правительство не препятствовало расширению и росту профсоюзного движения. Всё чаще лидеры городских профсоюзов стремились найти общий язык с горнорудными центрами. Удавалось регулярно проводить общенациональные рабочие съезды, на которых главные соперничавшие политические тенденции стремились получить преимущество в руководстве общенациональных органов.

Уже в 1925 г. на Втором национальном конгрессе Рабочей федерации труда (ФОТ) образовалась сильная марксистская группа, которая смогла повести за собой большинство представителей профсоюзов. Тогда же ими была создана Профсоюзная рабочая федерация (ФОС). На Третьем национальном конгрессе трудящихся в 1927 г. коммунистам вновь удалось сохранить руководство на съезде. Это дало основания Коминтерну рекомендовать создать единый профцентр Боливии под контролем коммунистов. Исходя из этих успехов, Коминтерн даже планировал в конце 1927 г. образование компартии.¹¹⁷ На конгрессе 1927 г. была создана общенациональная Конфедерация труда Боливии (СТБ). Коммунисты во главе с Моисесом Альваресом и К.Мендосой Мамани заняли все руководящие посты в новой конфедерации, что вызвало недовольство базовых профсоюзных объединений и, прежде всего, ФОТ и ФОЛ. Когда в январе 1929 г. вновь собрался Общенациональный рабочий конгресс, ФОТ отказалась принять в нем участие, что привело к глубокому кризису СТБ.

Общенациональные руководящие органы СТБ так и остались ве-рушечным образованием, мало влиявшим на положение дел в рабочем движении. После 1927 г., то есть после так называемой «коммунистической узурпации» и образования чисто марксистской ФОС, дело профсоюзного объединения было фактически разрушено. Хотя председателем 3-го Рабочего конгресса был избран анархист Р.Чу-масеро, коммунисты не смогли найти общего языка с другими политическими направлениями в профсоюзном движении, а именно с анархистами и анархо-синдикалистами. Анархисты по-прежнему контролировали сохранившую свою независимость и силу старую Рабочую федерацию (ФОЛ), а социалисты остались в ФОТ. На деле политический раскол, спровоцированный коммунистами, привел к разобщенности рабочего движения. Сохранились не только разные общенациональные федерации, главное не было координации деятельности профсоюзов даже на уровне этих объединений. В каждом департаменте страны, в отдельных районах, доминировала та или иная местная федерация, лишь формально входившая в ФОТ или

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф.495, оп.79, д.28. л.44.

ФОЛ. Такая ситуация вполне устраивала правительство Силеса, предпочитавшего контролировать действия рабочих профсоюзов через местные власти. На районном уровне удавалось более эффективно реагировать на конфликтные ситуации и не позволять им дестабилизировать политическую обстановку в других регионах. В результате у правительства складывались если не союзнические, то по крайней мере благожелательные отношения с рабочими организациями. У Силеса пока ещё не было задачи интегрировать профсоюзы в политическую систему, и их нейтрализация в большой мере отвечала потребностям того момента.

На годы президентства Силеса приходится время возникновения серьезного левого и социалистического движения. В июле 1927 г. возникла Рабочая партия, переименованная в конце года в Лабористскую партию, которая провозгласила себя марксистской. В партии образовалось значительное и влиятельное коммунистическое ядро. Коммунистические группы действовали в основном в профсоюзах.

В первые годы президентства важным союзником Силеса стало студенческое движение. Однако их отношения резко испортились после разгона демонстрации оппозиции в Ла-Пасе 4 мая 1927 г. Доминирующие позиции в студенческом движении завоевали марксисты. Под руководством молодых марксистов Х.А.Арсе и Р.Анайя в 1928 г. на первом съезде студентов страны была образована Университетская федерация Боливии (ФУБ). Центральными требованиями программы ФУБ стали университетская автономия, национализация рудников и нефтедобычи, проведение аграрной реформы.¹¹⁸ Это была радикальная марксистская программа реформ.

В 1929 г. Х.А.Арсе, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди студенчества, выдвинул идею создания Конфедерации рабочих республик Тихоокеанского региона — Перу, Чили, Боливии (КРОП) как регионального объединения рабочих партий и прообраз будущего рабочего государства. Эта идея нашла поддержку среди молодежи и интеллигенции, находившихся под влиянием «ибероамериканизма» В.Р. Айя де ла Торре.

Для боливийцев идея пролетарской конфедерации отражала их стремления преодолеть «географическую и историческую обреченность» страны. Х.А.Арсе рассматривал КРОП как воспроизведение ленинского лозунга Соединенных Штатов Европы применительно к индейским андским странам. К 1931 г. КРОП в Боливии оформилась в небольшую конспиративную группу. Южно-американское бюро Коминтерна решительно осудило КРОП, объявив ее «националистической» и «антипролетарской» организацией. Бюро

¹¹⁸ Arze J.A. Sociología marxista. Oruro, 1963. P.IV–V.

призвало коммунистов бороться с этой «мелкобуржуазной партией». В письме Бюро от 21 мая 1932 г. указывалось: «КРОП — это боливийская АПРА». В ответ из Ла-Паса писали, что КРОП нашла поддержку в коммунистических организациях Оруро, Потоси, Кочабамбы.¹¹⁹ По требованию бюро Х.А.Арсе был исключен из компартии, но тем не менее он продолжал демонстрировать лояльность по отношению к СССР и лично Сталину. Не встретив массовой поддержки ни в Боливии, ни в сопредельных странах, а также перед лицом захватывающей боливийское общество шовинистической истерии, Х.А.Арсе в 1932 г. принял решение распустить эфемерную КРОП. Х.А.Арсе поплатился за идею КРОП ostracism со стороны Коминтерна и обвинениями в отсутствии патриотизма со стороны боливийских националистов. В конце 20-х годов небольшая группа марксистов во главе К.Мендоса Мамани создала так называемую Подпольную коммунистическую партию, которая поддерживала тесные контакты с Коминтерном. В виду своей малочисленности и «идейной слабости» Коминтерн так и не санкционировал создание национальной компартии как полноправной секции Интернационала¹²⁰.

В этот период появились первые левые группы и партии социалистической ориентации. Важную роль в левом движении Боливии в эти годы играл Тристан Мароф¹²¹. Он становится неоспоримым лидером боливийских марксистов. В те годы он пропагандировал свою главную идею о том, что коммунизм являлся единственно возможным решением национальных проблем Латинской Америки. От Т.Марофа левые ждали создания коммунистической или радикальной социалистической партии. В 1927 г. Т.Мароф вместе с профсоюзным лидером, анархистом Р. Чумасеро создал в г.Сукре пропагандистскую марксистскую группу. Затем в Потоси он объявил о создании Максималистской социалистической партии, в которую вошли видные деятели революционного движения Боливии Роберто Инохоса, Дик Ампуэро, Энрике Г.Лоса, Э.Сальватьерра.¹²² Однако

¹¹⁹ РГАСПИ. Ф.495, оп.122, д.4, л.5–7.

¹²⁰ Официально признанная Москвой Компартия была образована в 1950 г. на основе левого крылалевой революционной партии (ПНР), созданной Х.А.Арсе в 1940 г. Подробно о коммунистическом движении в Боливии и взаимоотношениях с Коминтерном см. — Целчков А.А. К истории создания компартии в Боливии. — Латинская Америка. No.5, 1996. М., 1996. С.39–55.

¹²¹ Подробнее о Т.Марофе см. глава 3.

¹²² Valencia Vega, A. Op.cit. P.1671. Впоследствии Р.Инохоса создал собственную партию социалистической ориентации, Дик Ампуэро стал одним из первых коммунистов Боливии, Э.Лоса и Э.Сальватьерра, будучи

уже в феврале 1927 г. Т.Мароф и Р.Инохоса были арестованы и высланы из страны, а партия прекратила свое существование.

В аграрном вопросе и Силес, и Б.Сааведра придерживались старых либеральных принципов невмешательства в дела собственности. По их взглядам, индейская община была главным тормозом развития сельского хозяйства. Они являлись убежденными сторонниками расистского проекта аграрного развития страны, исключая выживание индейцев кечуа и аймара как самостоятельных крестьянских народов. Б.Сааведра ещё до прихода к власти, будучи адвокатом на знаменитом «процессе Моосы», когда судили лидеров крестьянского восстания 1899 г.¹²³, заявлял: «Если мы решили покончить с этим атавизмом [индейцами — А.Щ.], то должны это сделать, как можно решительней и быстрее». Ни Б.Сааведра, ни Э.Силес не рассматривали даже как гипотетическую возможность аграрных преобразований.

Крестьянские выступления против злоупотреблений помещиков и местных властей подавлялись армией и полицией с удивительной жестокостью и бесчеловечностью. В марте 1921 г. восстание в Хесус-де-Мачака было подавлено армией: 116 человек было убито, а дома крестьян сожжены. Так же поступило и правительство Силеса с крестьянами Чайянта в 1927 г. Оба восстания носили типичные черты восстаний андских крестьян, в мотивациях которых сочетались и конкретный протест против несправедливости местных помещиков, властей и расовая, цивилизационная борьба против мира белого человека, полное отрицание европейца и его ценностей.

Вместе с тем в восстании в Чайянта в 1927 г. проявились некоторые детали, свидетельствовавшие о новом этапе борьбы индейского крестьянства. Левые политики попытались использовать восстание в своих пропагандистских целях, направились к крестьянам, пропагандируя свои идеи. В частности, местные помещики обращали внимание властей на то, что адвокат Рикардо Даса, один из членов коммунистических кружков, распространял среди крестьян измышления, что он якобы нашел в архивах документы, свидетельствовавшие о незаконности владения помещиком бывшими общинными землями в Чайянта. Затем полиция обвинили ряд левых политиков во главе с Т.Марофом в провоцировании восстания подрывными призывами к переделу земли и в коммунистической агитации¹²⁴. В действительности вряд ли существовала прямая связь

членами сааведристской партии, посвятили свою жизнь профсоюзному движению.

¹²³ История Латинской Америки. т.2. С.30.

¹²⁴ Montes Ruiz F. Mascara de piedra. Simbolismo y personalidad ayamara en la historia. La Paz, 1984. P.338–341.

между деятельностью левых политиков и восстанием, которое проходило по вполне традиционному сценарию: расправа с помещиком даже закончилась ритуальным каннибализмом. Важно другое: первые крестьяне в аргументировании своих акций использовали аргументы, предоставленные им городскими политиками. Обе стороны были бесконечно далеки от взаимопонимания, но вполне осознали выгоду такого союза. Все последующие крестьянские выступления, вплоть до крестьянской войны 1947 г. и революции 1952–1953 гг. проходили в рамках такого своеобразного взаимодействия и союза.

Силес все же сделал первый шаг навстречу индейскому крестьянству. Он понимал необходимость интеграции индейцев в экономику страны, ибо от этого зависело развитие внутреннего рынка, а по сути дела, формирование единого народно-хозяйственного комплекса. Силес считал, что главное препятствие на этом пути — в забитости и необразованности индейских масс, живших в своем замкнутом, изолированном мире. Он разделял широко распространенное тогда мнение, что будет достаточным просвещение индейцев, которое сможет приобщить их к ценностям европейской цивилизации. Испанизация и европеизация деревни, исчезновение индейского самобытного хозяйственно-культурного элемента должны были решить индейскую, а значит и аграрную проблему, то есть, по-прежнему, преследовалась старая цель — ликвидация самих народов кечуа и аймара.

В 1926 г. он объявил о развертывании компании по просвещению индейцев. Был создан Педагогический институт по подготовке сельских учителей. Этот курс правительства поддержала Церковь, организовав «Крестовый поход за индейца», целью которого объявлялось создание целой системы начального образования в деревне. Не без основания левые молодежные организации, в том числе ФУБ, охарактеризовали эту акцию как попытку поставить просвещение индейского населения на службу клерикализму и латифундизму. 18 апреля 1926 г. студенты под лозунгами «Долой клерикализм! Долой гамонализм!»¹²⁵ разогнали крестный ход в Ла-Пасе. Аграрную проблему было невозможно решить никакими просветительскими акциями. Однако, в обществе ещё не созрело убеждение в неизбежности аграрной реформы, без которой было невозможно решение задач завершения формирования боливийской нации, ибо статус-кво в деревне исключало индейское население из всех социальных процессов в стране.

Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис серьезно

¹²⁵Тамоналами в андских странах называют помещиков-латифундистов.

повлиял на политическую ситуацию в Боливии. Реформы буксовали, политическая база поддержки правительства таяла на глазах. Правительство Силеса демонстрировало свою экономическую беспомощность перед лицом кризиса и теряло поддержку населения не только вследствие своей инертности, но из-за откровенно диктаторского, авторитарного курса. Президент опирался исключительно на силу. Все политические партии и группы, за исключением слабой и малочисленной Националистической, перешли в оппозицию к Силесу.

Большое влияние в кабинете министров приобрел Г. Вискаarra. С одобрения Силеса он установил полицейский режим, ввел цензуру. Постоянно объявлялось осадное положение в столице и других городах. Были высланы лидеры оппозиции как правые, так и левые, в том числе либералы Луис Кальво, Томас Монхе, профсоюзный руководитель Р. Сорруко и другие. По стране прокатилась волна арестов, около 250 человек оказалось в тюрьмах по политическим мотивам. Силес попытался привлечь армию на свою сторону, введя в правительство подполковника Давида Торо, пользовавшегося его личной симпатией и доверием. Прямая ставка на вооруженные силы подлила масла в огонь недовольства, вызвав дополнительные протесты, да и армия в целом, главным образом генералитет, не одобряла репрессий против либеральной оппозиции.

Приближались очередные президентские выборы. Срок полномочий Силеса заканчивался в 1930 г. Однако президент считал, что его реформы лишь начались, и их следует продолжать. Не видя в Националистической партии лидера, способного победить на выборах, Силес принял решение сохранить свою власть даже ценой нарушения конституции. Перезизбрание на второй срок по закону было невозможным. Для сохранения видимости легальности 28 мая 1930 г. Силес ушел в отставку с поста президента, передав свои полномочия, снова в нарушение конституции, совету министров, а не вице-президенту, что оппозиция расценила как государственный переворот. По идее Силеса, совет министров должен был подготовить выборы в Учредительное собрание, которое, в свою очередь, внесло бы изменения в текст конституции, разрешающие избрание президента на второй срок. Планы Силеса могли быть осуществлены лишь при установлении жесткого контроля над выборами и ничем не прикрытой диктатуры. А на это у него не хватило решимости.

В ответ на противозаконные действия президента оппозиция, забыв прежние обиды и разногласия, объединилась в единый антиправительственный блок, в котором роль ударной силы отводилась студенческим организациям. Патиño, обеспокоенный реформистскими планами Силеса и желавший в период кризиса видеть во главе правительства проолигархические политические силы, оказал финансовую поддержку противникам президента.

Крайние левые группировки, наблюдая за развитием политических событий, считали, что страна находится на грани революционного кризиса. В июне 1930 г. произошла так называемая «революция в Вильясоне». 16 июня 50 вооруженных молодых людей перешли боливийско-аргентинскую границу и захватили боливийский приграничный городок Вильясон, где провозгласили «социалистическую республику» в Боливии. Там же был опубликован «Манифест к народу». Лидером этой группы и автором программного манифеста был Р.Инохоса. Его программа содержала такие пункты, как непризнание внутренних и внешних долгов Боливии, отмена налогов, свобода торговли и отмена таможенных пошлин, национализация рудников и нефти, промышленности, железных дорог, телеграфа, проведение аграрной реформы. Одним из пунктов было введение обязательной синдикализации населения и организация всей жизни общества на профсоюзной основе.¹²⁶ Это была сбивчивая и путанная программа, состоящая из смеси анархистских и социалистических лозунгов и требований. Уже через 3 дня посланные из Тарихи военные части после небольшой стычки, в которой погибло несколько человек, рассеяли группу Р.Инохосы. Сам лидер «революции» бежал в Аргентину.¹²⁷

Одновременно с «революцией» Р.Инохосы, в Ла-Пасе с 12 июня беспрерывно шли студенческие волнения. 22 июня они переросли в кровавые столкновения. Перед лицом всеобщего недовольства армия отказалась повиноваться главнокомандующему. Лишь Д.Торо с небольшой группой военных до конца оставался верен Силесу, пытаясь переломить ситуацию. 25 июня армия присоединилась к восставшим студентам, Силес был свергнут. Восставшие разгромили дома экс-президента, Д.Торо, Р.Таборга и других сподвижников Силеса. Сам Силес укрылся в бразильском посольстве, а затем покинул страну, выехав в Чили.

Со свержением Силеса потерпели поражение попытки умеренных реформ, направленных на укрепление существовавшей политической системы, на расширение социальной базы правящей элиты. Кри-

¹²⁶ Hinojosa R. La revolución de Villazón. La Paz, 1944. P.25–29.

¹²⁷ Р.Инохоса бежал сначала в Аргентину, а затем в Уругвай. С 1932 г. находился в Мексике, где занимался эжидальной реформой Карденаса в Комарке Лагуна. В Мексике познакомился и сдружился с И.Троцким. В 1944 г. вернулся в Боливию при президенте Л. Вильярроэле. Возглавил Дирекцию прессы, пропаганды и информации. За деятельность на этом посту оппозиция прозвала его «креольский Геббельс». В июле 1946 г. был убит, а труп его был повешен на площади Мурильо в Ла-Пасе во время восстания, свергнувшего Г.Вильярроэля. — о нем см. Abecia Lopez V. 7 políticos bolivianos. La Paz, 1986. P.97–116.

зисные процессы в гражданском обществе, недовольство средних слоев и рабочего класса кастовой замкнутостью «либеральной демократии» побуждали искать реформистский выход из социально-политического тупика, не дожидаясь пока противоречия, этот кризис порождающие не достигли ещё той остроты, когда радикальная ломка всей системы была бы неизбежной.

Реформизм Силеса был не более радикален, чем у Б.Сааведры, но именно он впервые использовал национализм как политическое знамя и романтический лозунг. При этом он не был националистом по убеждениям. Он уже не находил в «республиканизме» (читай либерализме) той энергии, которая была необходима для реформ в обществе. Силес уже в большей степени нежели Б.Сааведра терял поддержку традиционной политической элиты. Силес обратился к новым политическим силам, провозгласившим отход от либерализма, что свидетельствовало о начале нового этапа истории, главной характеристикой которого был нарастающий кризис гражданского общества и государства. Ему не оставалось ничего другого как искать опору своих реформаторских планов у новых политических сил, молодежи, ставших выразителями интересов динамично развивающихся секторов общества, прежде всего, местной буржуазии, новых средних слоев.

Силес осознал, что пришло время обратиться к национализму, как «внутреннему» и «внешнему» оправданию реформ, направленных на трансформацию общества в более гибкий и сильный организм. Его курс, программа Националистической партии были направлены на учет интересов молодой боливийской буржуазии, расширение социальной базы олигархического государства. Силес и националисты первыми осознали, что такое «национальный эгоизм», и принял его как национально ориентированную политику.

Реформизм Силеса оставался умеренным и половинчатым, ибо не затрагивал основ экономической жизни, а был направлен лишь на ремонт, обновление обветшавшей политической системы. Исторически ещё не появились достаточно мощные социальные силы, способные не только поставить перед всем обществом задачи коренных преобразований, но и провести их в жизнь. Ещё сильна была вера в незыблемость либеральных принципов управления экономикой, в магическую силу мирового рынка как единственного инструмента хозяйственного прогресса. Нужны были потрясения экономического кризиса и войны в Чако, чтобы окончательно оформились политические силы, осознававшие необходимость и неизбежность реформ во имя консолидации нации, преодоления порочного круга зависимости и отсталости. Между реформаторством Б.Сааведры, Э.Силеса и исторической эпохой, последовавшей за мировым экономическим кризисом и войной в Чако, лежит целая пропасть. Силеса

лишь условно можно назвать предтечей боливийского национализма или национал-реформизма. При нем формировалось будущее политическое ядро реформистских сил, но уровень осознания задач и целей преобразований не позволяет даже приблизительно проводить аналогии с последующим периодом. Э.Силес остался в рамках либерального реформаторства, фактически он замыкал целую историческую эпоху, начатую в конце XIX века проведением фундаментальных преобразований, направленных на модернизацию архаичных боливийских государств и экономики.

Мировой экономический кризис и война в Чако.

Начавшийся с краха на нью-йоркской бирже в октябре 1929 г. мировой экономический кризис обрушился на страны периферии. Падение цен на олово¹²⁸ вызвало глубочайший спад в горнорудной промышленности Боливии. Добыча олова сократилась с 47.069 тонн руды в 1929 г. до 20.920 в 1932 г.¹²⁹ Падение производства других металлов было еще более драматично: например, в 1932 г. в Боливии было добыто висмута только 1% от уровня 1900 г.¹³⁰

Уже в ноябре 1929 г. боливийские горнопромышленники призвали правительство прийти на помощь отрасли. В декабре 1929 г. министерство финансов издало распоряжение о 50% сокращении налогов оловодобывающим компаниям, а также освободило предпринимателей от каких-либо ограничений в вопросах минимального размера заработной платы трудящихся. Однако эти меры не могли спасти отрасль от депрессии.

Чтобы координировать свои действия, все крупнейшие мировые оловодобывающие компании по инициативе Патиньо создали «Комитет производителей олова», который был официально признан Боливией в 1930 г. Комитет устанавливал квоты на производство олова разным странам. Внутри Боливии они распределялись правительством совместно с «Ассоциацией горнопромышленников», контролируемой С.Патиньо.

С.Патиньо в полной мере воспользовался бумом 20-х годов для расширения и модернизации добычи олова. Созданный им комплекс Катави — Сигло-XX стал самым производительным и эффективным предприятием в Боливии. К 1929 г. рудники Патиньо давали 60% боливийского олова, $\frac{3}{4}$ которого приходилось на Сиг-

¹²⁸ Цены на олово упали с 203,9 фунта стерлинга за тонну в 1929 г. до 142 — в 1930 г., и до 97,6 — в 1932 г., то есть более чем вдвое — Valencia Vega, A. El pensamiento político en Bolivia. La Paz, 1973. P.239.

¹²⁹ Lopez Rivas E. Op.cit. P.83.

¹³⁰ Lofstrom W. Op.cit. P.58.

ло-XX. Он же контролировал металлургические заводы в Ливерпуле, перерабатывавшие боливийскую руду. Когда же наступил кризис, С.Патиньо был одним из главных заинтересованных лиц и инициаторов создания в январе 1930 г. «Картеля олова» или «Комитета олова», в который вошли представители Нигерии, Малайи и голландской Ост-Индии. Во главе комитета оказался Симон Патиньо.

Благодаря умелой политике Патиньо удалось достичь того, что Боливия, находясь в самых невыгодных по сравнению со своими конкурентами условиях из-за высокой себестоимости добываемой руды, оказалась отчасти в привилегированном положении. Патиньо добился, чтобы за основу ограничений добычи принят уровень экспорта 1929 г., что означало для его компании незначительное сокращение производства.

В отличие от Малайи или Нигерии сокращение производства и экспорта в Боливии затрагивало такую деликатную сторону вопроса, как распределение квот между тремя гигантами («баронами олова») и мелкими и средними производителями. Боливийское правительство Д.Саламанки было вынуждено закрывать глаза на нарушения своих обязательств по ограничению производства. Между тем, сверхквотируемый экспорт со стороны средних и мелких шахтовладельцев составил в 1931 г. – 748 тонн, в 1932 г. – уже 1 502 тонн.

Реальный контроль над производством и экспортом правительство могло осуществлять лишь на крупных предприятиях. Хотя президент Д.Саламанка 25 июля 1932 г. по требованию Комитета по олову, за которым стоял С.Патиньо, издал декрет, предусматривавший целый комплекс мероприятий по сокращению производства, реально повлиять на поведение мелких и средних горнопромышленников не удавалось, и проблема была решена лишь увеличением квот и временным подъемом в отрасли в целом. Свою пассивность в этом вопросе Д.Саламанка так объяснял в письме к Патиньо: «Это возбуждение среди мелких производителей в Потоси будет лишь увеличиваться, так как цены на олово стали расти. Невозможно удовлетворить всех на свете, они не прекратят яростно нападать на соглашения, ограничивающие производство. Я убежден, что будет крайне трудно, если ни невозможно, избежать пересмотра соглашения». Правительству удалось преодолеть эту опасную тенденцию, лишь увеличив квоту для мелких рудников с 16,8% в 1931 г. до 22,3% в 1932 г., что привело к сокращению сверхквотируемого экспорта до 152 тонн в 1933 г.¹³¹ Боливии уда-

¹³¹ Hillman J. Bolivia and the International Tin Cartel, 1931–1941 // *Journal of Latin American Studies*. Cambridge. Vol.20. part.1, May, 1988. P.96–97.

лось избежать международных осложнений и санкций со стороны других участников Комитета лишь благодаря тому, что подобные проблемы возникли и в Малайе.

Недовольный ходом дел в Комитете и некоторой беспомощностью боливийского правительства С.Патиньо создал свой картель (с участием английского Ллойдс банка), который занялся созданием собственных запасов металла. Хотя Патиньо тем самым выводил часть своего капитала из оборота, цель нового картеля состояла в ожидании оживления рынка и продажи запасов по более высокой цене, что могло дать хорошую прибыль.

Кризис привел к усилению монополистической структуры оловодобывающей промышленности. Патиньо, Арамайо, Хохшильд именно с этого момента стали «баронами олова». Разорилась фирма «Гутгенхейм», её рудники были куплены в 1933 г. Арамайо по очень низким ценам. М.Хохшильд, который специализировался на операциях по купле-продаже продукции мелких и средних рудников, к 1929 г. контролировал 80% экспорта немонополизированного сектора промышленности. М.Хохшильд активно сопротивлялся картелизации отрасли, так как понимал, что это повлечет за собой контроль Патиньо над всей добычей олова. Конфликт Патиньо и Хохшильда по поводу распределения квот на производство олова вовлекал в борьбу массу мелких и средних шахтовладельцев, контроль над которыми был затруднен, чем пользовался Хохшильд, а Боливия постоянно числилась в нарушителях соглашения по олову.¹³²

Несмотря на хаотическое состояние мирового хозяйства, боливийское правительство продолжало поддерживать золотой курс свободно конвертируемого боливиано. Золотой запас страны сократился с июля 1929 г. по сентябрь 1931 г. на 57%.¹³³ Утечка капитала поставила страну на грань банкротства. Только 23 сентября 1931 г. конференция латиноамериканских банков в Лиме, в которой принимала участие Боливия, постановила ввести принудительный обменный курс национальных валют с тем, чтобы прекратить вывоз капитала из стран региона.

Кризис драматически отразился на государственных финансах. Доходы от налогов на экспорт минералов снизились по сравнению с 1929 г. вдвое в 1930 г. и вчетверо в 1931 г.¹³⁴ Кризис в оловодобывающей промышленности уменьшил поступления валюты в страну, что сократило возможности импорта продовольствия. В

¹³² Ibid. P.87–93.

¹³³ Iñiguez E. Op.cit. P.93–94.

¹³⁴ Estadística boliviana. Análisis numerio del presupuesto nacional. Años 1911–1931. P.55.

результате подскочили цены на продукты питания. В городах разорялась основная масса мелких собственников и предпринимателей.

Экономический кризис имел большие социальные последствия. 17 марта 1930 г. по требованию «баронов олова» правительство санкционировало массовые увольнения на рудниках. Только на предприятиях Патиньо количество занятых сократилось с 6.688 человек в 1929 г. до 2.064 — в 1932 г.¹³⁵ Социальное брожение, недовольство правящими кругами охватило самые широкие слои общества.

Одной из ярких черт развития Боливии второй половины 30-х годов стала масштабная урбанизация. После войны в Чако (1932–1935 гг.) города наводнили демобилизованные солдаты и их семьи, в основном метисы, жители маленьких провинциальных городков, и крестьяне индейцы. Население Ла-Паса и Кочабамбы за один, 1936 год увеличилось на 30%.¹³⁶ Вместе с тем спрос нового городского населения на предметы легкой и пищевой промышленности способствовал значительному росту производства в этих отраслях. Так, в Ла-Пассе в 1935 г. было 35 крупных и средних предприятий, а в 1945 г. — уже 173, на которых работало 7.890 человек. 69% всех этих предприятий относились к легкой и пищевой промышленности.¹³⁷ Та же картина наблюдалась и в Кочабамбе, где в 30–40-е годы возникло 37 новых промышленных предприятий, большинство которых потребляло сырье местной сельской округи. В Кочабамбе в 1938 г. предприниматели основали промышленную палату, ставшую рупором местной буржуазии.

Урбанизация привела к появлению новых социальных групп городского населения, активно включившихся в политическую борьбу. Стала заметной фигура промышленного рабочего, ранее терявшегося в массе ремесленников. По данным на 1936 г. возросло число фабрично-заводских рабочих — до 5% экономически активного населения; временные и сезонные рабочие, составляли около 7%. В добывающей промышленности постоянно было занято около 2% экономически активного населения. Вместе с тем, эта отрасль давала более 20% ВВП страны. К 30-м годам резко сократилась доля ремесленного и кустарного производства: в этом секторе экономики было занято лишь 0,1% граждан¹³⁸.

¹³⁵ Peñalosa Cordero L. Op.cit. P.202.

¹³⁶ Klein H S. David Toro and the Establishment of "Military Socialist" in Bolivia // HAHB. 1972. vol.14, No.1. P.41.

¹³⁷ Schoop W. Ciudades bolivianas. La Paz, 1981. P.60 – 61.

¹³⁸ Brien M.W. Op.cit. P.6

Следует подчеркнуть, что именно после кризиса 30-х годов возникли целые новые отрасли, развивалась инфраструктура городов, что свидетельствовало о качественных изменениях структуры бוליвийского капитализма. Экономические перемены несли с собой серьезные социальные трансформации в обществе, в его структуре, и в первую очередь, в составе и природе средних слоев. По данным на 1936 г. городское население распределялось следующим образом: городские собственники — 2%, торговцы и банковские служащие — 3%, лица свободных профессий — 1,5%, «непроизводительные классы» (в том числе и студенты) — 8%. Эти группы населения с некоторой долей приближения могут быть отнесены к средним слоям. В сумме они составляли около 15% населения страны и половину всех городских жителей. Именно эта категория граждан оказывала решающее влияние на социально-политическую жизнь в стране. К средним слоям по уровню дохода, а также по социальному поведению и ценностной ориентации призывали «привилегированные», «образованные» рабочие, занятые на транспорте, в сфере связи — около 1% населения.

Многочисленными стали и новые средние слои, обслуживавшие экономические потребности современного города с его промышленностью и транспортной инфраструктурой. Именно начиная с 30-х годов можно говорить о преобладании «новых средних слоев», их численном перевесе и социальной инициативе, подавлявшей «старые», традиционные городские элиты. Показательно увеличение количества лиц свободных профессий, рост числа «новых профессионалов» и постепенное исчезновение традиционной образованной элиты, так называемых «докторов». Так, за полвека при значительном, более чем вдвое, приросте городского населения, число адвокатов, «законников», то есть «докторов», уменьшилось на 6%, священников на 50%, а вот прирост врачей составил 50%, инженеров 310%, а учителей — колоссальной цифры в 1.158%.¹³⁹

Эту тенденцию подтверждает рост числа лиц, имевших право голоса. Если в 1904 г. избирателей было 43 тыс человек, а в 1926 г. — около 70 тыс, то в 1930 г. — уже 450 тыс. Безусловно, реально голосовало меньше граждан, но выборная статистика фиксирует всех, кто имел это право.¹⁴⁰ Динамика роста числа избирателей, то

¹³⁹ Klein H.S. *Parties and Political Change in Bolivia*. P.393.

¹⁴⁰ По переписи 1900 г. в Бolivии было 217 тыс грамотных (в том числе женщин, не имевших избирательных прав) — *Sinipsis estadística y geográfica de la Republica de Bolivia*. Vol 2. La Paz, 1903. P.34; перепись 1950 г. дает цифру в 708 тыс человек — *Censo demográfico*. 1950. La Paz, 1973. P.114.

есть тех граждан, кто соответствовал требованиям закона, а значит, был грамотным и имел доход, превышающий установленный имущественный ценз, показывает тенденцию увеличения числа новых средних слоев. Хотя эти социальные слои были «новичками» в политической жизни в Боливии, в 30-е годы они стали её главными действующими лицами.

Глубокие перемены в социально-экономической структуре боливийского общества свидетельствовали о новом этапе его эволюции. Экономической причиной политического и социального кризиса в 30-е годы было изменение уровня прибыли, получаемой господствующим классом в целом, в первую очередь от главной отрасли экономики, горнорудной промышленности, вступившей в полосу застоя. Олигархия, прежде всего, «бароны олова» утратили былой финансовый контроль и опеку над средним классом, составлявшим политическую основу «либерального» государства. Новые потребности экономики и общества вступили в противоречие с архаичной политической системой, давили на старое государство, что вызвало глубокий кризис гражданского общества и постепенный развал старого политического режима. Олигархическое государство переживало глубокий органический кризис

Правительство Д.Саламанки. Война в Чако.

В июле 1930 г. к власти в Боливии пришла хунта во главе с генералом К.Бланко Галиндо, заявившим, что главной целью нового правительства являлись возвращение к конституционной законности и проведение свободных выборов. Хунта представляла блок оппозиционных Э.Силесу традиционных партий, в котором доминировали либералы и «подлинные республиканцы». Откровенная поддержка переворота «баронами олова» дала основания прозвать его в народе «пятинистской революцией».

На пост президента был выдвинут лидер «подлинных республиканцев» Даниэль Саламанка, объединивший вокруг себя все консервативные силы. На выборах, состоявшихся 4 января 1931 г., он получил 32.282 голоса, а отдельно баллотировавшиеся на пост вице-президента либерал Х.Л.Техада Сорсано и Б.Сааведра — 24.039 и 9.608, соответственно. Д.Саламанке шел 61 год, когда он стал первым лицом в боливийском государстве. Блестящий оратор и опытный политик, Д.Саламанка был убежденным консерватором, защитником старой кресольской Боливии. Он был безусловным патриотом страны, которая существовала лишь в его вообра-

жении. Для него Боливия была страной цивилизованного испаноязычного белого меньшинства, окруженного враждебным индейским варварством. Он был убежден в способности вывести это креольское государство к вершинам славы, укрепить его внешние границы, ликвидировать внутренние распри и социальный протест трудящихся классов. Для старой, «креольской» Боливии он был «человеком символом». Именно так его срезу же стали называть сторонники и оппоненты. Д.Саламанка был символом олигархического государства и роскоши, от успеха его правления зависело выживание самого этого государства.

Отношения с Парагваем были головной болью боливийского правительства. Оба соседних государства оспаривали своё право на территорию области Чако. Однако боливийское присутствие чувствовалось только в самых северных районах Чако, прилегающих к Санта-Крусу и Камири, в то время как Парагвай осуществлял успешное экономическое освоение спорных территорий к северу от реки Парагвай. Претензии же Боливии распространялись на всё Чако, вплоть до реки Парагвай. Обе страны строили в Чако небольшие форты, где размещали немногочисленные гарнизоны. Параллельно шла подготовка к более масштабному военному противостоянию.

Э.Силес, предвидя конфликт в Чако, активно закупал оружие в Англии, на что было потрачено 3 млн фунтов стерлингов. Это оружие составило основу арсенала боливийской армии во время войны в Чако. В 1926 г. Э.Силес вновь пригласил в Боливию немецкого генерала Х.Кундта, которому была поручена реорганизация вооруженных сил. Вместе с Х.Кундтом приехали и немецкие инструкторы, опытные офицеры, прошедшие школу Первой мировой войны.¹⁴¹ Немецкая военная миссия много сделала для профессиональной подготовки боливийских военных. Любопытно, что в миссию входил Эрнст Рем, с которым Х.Кундт познакомился во время нацистского путча в Германии в 1923 г.¹⁴²

¹⁴¹ Х.Кундт представлял не только профессионализм военной традиции Германии, но и торгово-коммерческие интересы крупных немецких компаний, заинтересованных в проникновении на боливийский рынок. Интересы Круппа, Маузера, Фарбен И.Г. не были безразличны немецкой военной миссии, являвшейся коммерческим представителем нескольких промышленных групп Германии — Nunn F.M. Yesterday's soldiers. European military professionalism in South America, 1890–1940. Nebraska, 1983. P.103–128

¹⁴² Э.Рем служил в боливийской армии до 1930 г., участвовал в конфликте у форта Вангуардия. Во время переворота 1930 г. вместе с Х.Кундтом попросил убежища в немецком посольстве. Вернулся в Германию по просьбе Гитлера в ноябре 1930 г. В Германии поддерживал свя-

Спорные вопросы между Парагваем и Боливией обсуждались в 1927–1928 гг. дипломатами обеих стран при посредничестве Аргентины. Боливия была готова доверить спор арбитражу третьей стороны, но Парагвай жестко держался требований статуса есть приостановки всякого военного продвижения в Чако, в то время как гражданское проникновение с его стороны шло быстрыми темпами¹⁴³. Э.Силес всеми силами старался избежать конфликта, оппозиция же во главе с Д.Саламанкой взывала к силовым методам решения спора.

Ситуация обострилась после 5 декабря 1928 г., когда парагвайские подразделения захватили и сожгли боливийский форт Вангуардия. Перед лицом открытой агрессии Э.Силес отозвал посла из Лос-Анхелеса и принял решение нанести адекватный удар по парагвайскому форту Бокерон. Волна шовинизма захлестнула страну. Аполитдисменты шовинистически настроенной прессы находившиеся тогда в оппозиции Д.Саламанка требовал объявления войны, ибо был абсолютно уверен в превосходстве сил Боливии и в скорой победе. Э.Силес, напротив, был убежден в неспособности и готовности страны вести войну в Чако. Судя по всему, Парагвай все еще не был готов к открытому военному конфликту.

3 января 1929 г. Боливия и Парагвай подписали в Вашингтоне протокол об арбитраже и международной мирной конференции с приглашением США, Мексики, Колумбии, Уругвая и Кубы. По настоятельным требованиям сторон был восстановлен статус-кво, существовавший до нападения на Вангуардию¹⁴⁴. Э.Силес стремился сохранить мир во имя продолжения реформ и модернизации страны. Однако, по мнению Э.Силеса, вела к национальной катастрофе.¹⁴⁵ Его оппоненты, ястребы во главе с Д.Саламанкой, именно в войне видели лучший способ морально-политического укрепления государства. Победа в войне им была нужна для преодоления назревшего общественного кризиса через демонстрацию моральной силы и эффективности правящей элиты.

с боливийским посольством, дружил со многими сотрудниками предпосольства Боливии в Берлине. На официальных приемах всех поражал знанием боливийского гимна на фортепьяно. Оставил в Боливии много поклонников национал-социалистических идей, особенно среди военных. — Crespo Rodas A. Siles. P.243–245.

¹⁴³ Подробно дипломатическую историю Чакского конфликта см.: История Латинской Америки. т.3. М., 1999. С.238–250.

¹⁴⁴ Díaz Machicao P. Historia de Bolivia. Guzmán, Siles, Blanco Galindo. P.88.

¹⁴⁵ Crespo Rodas A. Siles. P.256–265.

Приход к власти в Ла-Пасе партии войны во главе с Д.Саламанкой перечеркнул всё дипломатические усилия предыдущих лет. Правящие круги как Боливии, так и Парагвая страдали комплексом неполноценности по отношению к своим более удачливым соседям, Чили и Аргентине, сумевшим нанести им военные поражения, масштабы и катастрофические последствия которых оказали огромное влияние на историческую память многих поколений вплоть до сегодняшнего дня. Победа в войне с соседями и союз с европейскими странами, с английским империализмом, являвшимся, по их мнению, гарантией экономического прогресса казались им секретом успеха этих стран. Победенные, боливийцы и парагвайцы, стремились подражать победителям, развязав победоносную войну при поддержке империалистических государств, носителей европейского капитализма, образца, на который ориентировались латиноамериканские либералы. Победа в войне была бы своего рода оправданием их правления и верности идеологическим либеральным постулатам. Тяжелое внутреннее положение, кризис олигархического государства толкали правящие круги Боливии к легкой, победоносной войне, как им казалось, с более слабым противником. Для олигархии, для правящих кругов война с Парагваем должна была стать реваншем и за поражения Боливии в предыдущих конфликтах, могла отвести недовольство кризисом либеральной экономической модели. Победа в войне должна была доказать эффективность и жизнеспособность олигархического государства.

Шовинизм, военная истерия стали единственным способом достижения консенсуса в обществе, находящегося в глубоком экономическом и морально-политическом кризисе. Шовинистическая пропаганда захватила практически все вовлеченные в политику силы, в том числе и недавно оппозиционные Саламанке левые и националистические группы. Лишь небольшие анархистские организации, и находившиеся под их влиянием профсоюзы, как и до начала войны, вели пацифистскую, антивоенную пропаганду. Однако, широкой поддержки в обществе они не нашли.¹⁴⁶ Против каких-либо мирных переговоров с Парагваем выступили все: «бароны олова», помещичья аристократия, средние слои.¹⁴⁷

Нефтяной вопрос в войне превратился в ключевой лишь с поражением Боливии. Левые, марксистские и националистические организации считали, что война между Боливией и Парагваем была вызвана борьбой за нефтеносные районы Гран Чако. Утверждалось, что за спиной Боливии стоит американская «Стандард Ойл».

¹⁴⁶ РГАСИИ. Ф.495, оп.79, д.53, л.79.

¹⁴⁷ FRUS. 1933, vol.V. P.1–6.

Патриотическая демонстрация в Ла-Пасе, 1932 г.
Начало войны в Чако. (РГАКФД).

Антивоенный митинг в Кочабамбе. 1 мая 1932 г.

Хотя эта версия стала общим местом в марксистской, в том числе и советской, историографии, факт закулисного участия нефтяных компаний в развязывании войны не находит подтверждения и отвергается большинством современных историков. Возможно, Парагвай рассчитывал получить нефтедобывающие районы, уже освоенные боливийцами. Однако эта цель в войне стала обретать реальные черты лишь в конце кампании, когда отступившие боливийские войска подошли вплотную к местам нефтяных разработок. «Стандард Ойл» оставалась на удивление безучастной и нейтральной в разразившемся конфликте. Судя по всему, компания уже знала то, что боливийцы узнают лишь спустя много лет: в Чако нет запасов нефти, а уже открытые не столь значительны, как то представлялось политикам¹⁴⁸.

В мае 1931 г. Саламанка утвердил «План проникновения и военного занятия Чако», имевший целью упредить Парагвай и максимально продвинуться в Чако. Для финансирования этого плана правительство получило «патриотический» заем у Патиньо в 50 тысяч фунтов стерлингов. Практическое его осуществление несомненно вело к войне. Используя мелкий пограничный инцидент, в июле 1931 г. Саламанка разорвал отношения с Парагваем. Президент толкал страну к пропасти войны, не имея никаких стратегических целей и планов, не объясняя ни себе, ни народу её причин и задач. Надо было «просто выиграть войну», не зная ни географических, ни климатических особенностей района боевых действий, не имея малейшего представления о силе и возможностях противника. Более того, Саламанка не осознавал масштабов войны, ни способности самой Боливии выдержать её.

6 июля 1932 г. боливийские летчики обнаружили в Чако большое неизвестное им озеро. 14 июля 1932 г. по приказу из Ла-Паса боливийский отряд напал на парагвайский пост у лагуны Питиантута, или Чукисака (так называлось обнаруженное летчиками озеро). Вскоре парагвайцы выбили оттуда боливийцев. Известие о столкновениях в Чако вызвало массовые манифестации в Ла-Пасе. Шовинистический угар захватил все политические партии и группы. Даже Националистическая партия, неизменно следовавшая за тезисом Э.Силеса о пагубности политики войны для Боливии и ранее стоявшая на миротворческих позициях, оставшись без своего лидера, поддержала курс на войну. 18 июля 1932 г. Д.Саламанка с балкона президентского дворца произнес перед демонстрантами зажигательную речь, фактически объявив войну Парагваю. 30 июля 1932 г. видные политики и интеллектуалы, как из

¹⁴⁸ Zavaleta Mercado R. La formación de la conciencia nacional. La Paz, 1990. P.46.

правительственного лагеря, например, А.Аргедас, Р.Хайме Фрейре, Ф.Тамайо, так и оппозиционные деятели К.Монтенегро, Э.Бальдивесо, Х.Родас Эгино, В.Мендоса Лопес — все те, кто спустя несколько лет обвиняли Д.Саламанку чуть ли не в предательстве и продажности нефтяным интересам «Стандард Ойл», подписали воззвание, в котором полностью солидаризировались с действиями официального Ла-Паса и, естественно, обвинили Парагвай в разжигании войны.¹⁴⁹

Первоначально боливийцы захватили форты Толедо, Бокерон, практически дойдя до реки Парагвай. В августе 1932 г. началось парагвайское контрнаступление на Бокерон. Дезорганизованные боливийские войска потерпели поражение по всему фронту. Бокерон был оставлен. В надежде исправить положение военное командование было передано немецкому генералу Г.Кундту, в 20-е годы возглавлявшему боливийскую армию.¹⁵⁰

Кундт сосредоточил войска у форта Нанава, где разгорелось кровопролитное сражение. В июле 1933 г. боливийское наступление на Нанаву закончилось полным крахом. Умелым маневром парагвайские войска разбили наступающих и окружили часть боливийской армии. В сражениях у Нанавы и при последовавшем отступлении боливийская армия понесла $\frac{3}{4}$ всех своих потерь за время войны: 10 тыс человек были взяты в плен, 28 тыс — убиты или пропали без вести. Это был полный провал стратегии Кундта.

После поражения при Нанава в обществе усилились антивоенные настроения. Для всех стало очевидным бездарное ведение кампании военными. Правительство столкнулось с непреодолимыми трудностями финансирования военных действий. В связи с невозможностью внешнего заимствования, прежде всего, в виду отказа Боливии обслуживать уже существовавший долг, оставались лишь два источника: внутренние принудительные займы и увеличение налогов на экспорт, что и было предпринято начиная с 1934 г. к общему недовольству горнодобытчиков. «Бароны олова» были вынуждены предоставить правительству чрезвычайные займы на сумму 1.700.000 фунтов стерлингов.¹⁵¹

Патриотическая риторика и благотворительные жесты Патиньо и других олигархов, заявлявших о своей поддержке «родины в трудный час испытаний», их патетическая фразеология о готовности принести жертвы и быть вместе со своим народом, скрывали

¹⁴⁹ Klein H.S. *Parties and Political Change in Bolivia*. P.154. (Все эти деятели никогда не вспоминали об этом документе, когда во всем обвиняли Саламанку и «Стандард Ойл»)

¹⁵⁰ Klein H. *Historia general de Bolivia*. La Paz, 1988. P.236.

¹⁵¹ Gallo C. *Op.cit.* P.111.

истинное равнодушие и даже предательство интересов страны олигархией, давно уже чувствовавшей себя чужеродным элементом в собственной стране. Патиньо, больше всех говоривший о своей готовности до последнего поддерживать сражающуюся родину, на самом деле был напрямую замешан в поставках вооружений противнику. Французская фирма Шнейдер-Крезо, частично принадлежавшая Патиньо, получила огромные прибыли, в обход международных санкций продавая оружие и Боливии, и Парагваю.¹⁵²

Вслед за военными катастрофами шовинистический угар сменился на пораженческие настроения и разочарование Д.Саламанкой. Уже после разгрома у Бокерона в Ла-Пасе прошли бурные демонстрации против правительства и некомпетентных военных. Д.Саламанка демонстративно заявил о желании уйти в отставку, но в такой тяжелый момент никто не хотел принять на себя ответственность, и его уговорили остаться в президентском кресле. На оппозиционные группы и газеты обрушились жестокие репрессии. Из страны были высланы многие политики и журналисты газет «Эль Диарио» и «Ла Република».¹⁵³ С октября 1933 г. «Ла Република» постоянно находилась под запретом и фактически не выходила, другие оппозиционные газеты, как например, «Эль Универсаль» также подверглись конфискации тиража и временному закрытию.

Главной силой оппозиции правительству стала Националистическая или силистская партия. В 1933 г. она опубликовала обращение к гражданам страны, в котором обвинила правительство в бездарном ведении войны, грозящей неминуемой катастрофой. Авторами этого документа были вставшие во главе партии К.Ромеро, У.Пальса, К.Салинас Арамайо.¹⁵⁴ Это были представители нового поколения политиков, ставившие перед собой цели радикальных реформ. Среди них выделялись Карлос Монтенегро и Аугусто Сеспедес, прославившиеся своими статьями и репортажами с фронта, публикуемыми в «Эль Универсаль». Замечательные по литературной форме, глубокие, эмоциональные статьи А.Сеспедеса, ставшие основой его книги «Кровь метисов», раскрывали обществу глубину национального унижения и позора поражения в войне. Неизбежно поднимался вопрос о виновниках катастрофы.

¹⁵² The Hemisphere. New York, vol.2, No.8, 23 August, 1940. P.8.

¹⁵³ Knudson J. Bolivia: Press and Revolution, 1932-1964. New York, 1986.

P.12

¹⁵⁴ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Salamanca, la guerra del Chaco, Tejada Sorzano. P.178

Радикализация настроений в обществе коснулась и недавних союзников Д.Саламанки, сааведристов. Их орган «Ла Република» с 1932 г. возглавил П.Сильвети Арсе, человек радикальных лево-националистических взглядов. В июле 1932 г. «Ла Република» дала лозунг всем оппозиционным силам в их отношении к войне в Чако: «В Боливии можно быть либо с роскош, либо против неё».¹⁵⁵

Нарастало недовольство в армии. Во время штурма Нанавы массовым явлением стало дезертирство. В январе 1933 г. у Нанавы восстало несколько соединений, оставивших позиции и требовавших отправки в тыл. В апреле 1934 г. восстали кадеты Военного колледжа. Кадетов удалось уговорить сдать оружие. Однако напряжение в стране усиливалось.

Д.Саламанка не собирался идти на уступки критикам его правительства. В июле 1934 г. он объявил, что очередные президентские выборы состоятся в срок, то есть 11 ноября 1934 г. Либеральная и сааведристская партии бойкотировали выборы в знак протеста против отсутствия элементарных свобод и демократических гарантий. Президентом был избран сторонник Д.Саламанки известный поэт и писатель Франц Тамайо¹⁵⁶. В этих выборах приняло участие лишь около 20% всех имевших право голоса, что ставило под сомнение легитимность избрания известного литератора президентом страны.¹⁵⁷

Между тем военная обстановка в Чако складывалась не пользу Боливии. Смена Кундта на Э.Пеньяранду не изменила положения. В сентябре 1933 г. парагвайские войска под руководством генерала Х.Ф.Эстигаррибия начали мощное наступление. Неся огромные потери, главным образом от болезней, отсутствия воды и непривычного для жителей высокогорья климата, боливийская армия отступала до предгорий Анд. Сдача фортов на реке Пилкомайо в ноябре 1934 г. была использована Д.Саламанкой как повод для отставки пользовавшегося большим авторитетом в армии Пеньяранды. Недовольство Саламанкой, царившее во всех слоях общества, а также кризис отношений с генералитетом привели к его аресту военными 27 ноября 1934 г. в Вильямонтесе, куда тот прибыл для смещения Пеньяранды.

Главой заговора и инициатором свержения Д.Саламанки был его давний враг, начальник Генштаба полковник Д.Торо. Ключевую роль в перевороте сыграл молодой тридцатилетний майор Херман Буш. Его имя уже было овеяно славой героя войны, а его слово было высшим приказом для солдат и офицеров. Лишь бла-

¹⁵⁵ Knudson J. Op.cit. P.10.

¹⁵⁶ Подробнее о Тамайо см. главу 3

¹⁵⁷ Brien M.W. Op.cit. P.54.

Боливийская часть противоздушной
обороны на фронте в Чако.

Давид Торо.
(Архив Ла-Паса)

годаря его поддержке заговор Д.Торо и Э.Пеньяранды удалось осуществить, что свидетельствовало о зависимости военного командования от настроений и позиций среднего офицерства, беспспорным лидером которого был Х.Буш. Без содействия Х.Буша переворот был бы невозможен. И командование армии, и Генштаб, го есть Э.Пеньяранда и Д.Торо всё более впадали в зависимость от этого молодого офицера, которому было суждено сыграть ключевую роль в истории Боливии в 30-е годы.

Военные отказались признать права Ф.Тамайо на пост президента, видя в нем слишком легковесную фигуру, неспособную сплотить нацию перед лицом становившейся всё более реальной военной катастрофы. Армия настояла, чтобы президентские полномочия перешли к вице-президенту, либералу Х.Л.Техаде Сорсано. Кроме того, в отличие от презиравшего военных Д.Саламанки, Х.Л.Техадэ Сорсано заигрывал с ними, восхваляя их подвиги в прессе и в официальных выступлениях.

Тем временем парагвайские войска подошли к предгорьям Анд, к местам нефтедобычи Чарагуа, Камири. Их наступление представляло угрозу Санта-Крусу. Парагвайцы оказались в том же положении, что и боливийцы в начале войны: в незнакомой и враждебной местности, оторванные от тыла и источников снабжения, с растянутыми и слабыми коммуникациями. Боливийские отряды под командованием Х.Буша успешно применяли тактику партизанской войны. В январе-марте фронт стабилизировался по линии Вильямонтес — Камири — Ньянкорайнса. В апреле 1935 г. боливийские войска перешли в контрнаступление, обратили в бегство противника и вновь заняли Санта-Фе и Посо-Бланко. Развить свой успех им не удалось. На фронте было достигнуто тактическое равновесие.

27 мая 1935 г. начались мирные переговоры в Буэнос-Айресе. 14 июня 1935 г. вступил в силу протокол о прекращении огня.¹⁵⁸ Боливия проиграла войну, приведшую к огромным материальным потерям. На фронте погибло 50 тысяч человек, то есть 2% населения страны. Боливия должна была уступить 240 тысяч кв км, т.е. 2/3 спорной территории Северного Чако.

Военная кампания в Чако выявила все недостатки и слабости боливийского государства. Поражение в войне сыграло роль катализатора общественно-политических процессов, свидетельствовавших о глубоком кризисе той модели экономического и государственного устройства страны, которая была сформирована в годы господства либерализма. Если ранее о необходимости реформ и кардинальных преобразований в жизни нации говорили лишь пе-

¹⁵⁸ Мирный договор был подписан 21 июля 1938 г.

редовые политики и интеллектуалы, то после войны осознание этого проникало в самые широкие слои общества. Инертность и даже преступное равнодушие правящих кругов к судьбе страны, ввергнутой ими в пропасть военной катастрофы, лишали их в глазах общества, права на дальнейшее политическое лидерство. Наступил период возникновения новых политических движений и лидеров, способных предложить альтернативу обанкротившейся системе управления экономикой и обществом. Борьба развернулась вокруг выбора пути дальнейшего развития. Этот поиск характеризовал период, наступивший после окончания войны в Чако.

Мировой экономический кризис и война в Чако стали рубежом в истории Боливии XX века. Кризис разрушил экономику страны, полностью сориентированную на поставки горнорудного сырья на мировой рынок. Начавшаяся урбанизация, появление промышленности в городах ставили перед страной новые экономические ориентиры: максимальное расширение внутреннего рынка как базы развития боливийского капитализма. Сместилась сама система координат: появились национально значимые задачи преобразования хозяйственной и социальной структуры, без чего было невозможно говорить о дальнейшем развитии капитализма в стране. Подобные изменения на национальном уровне подкреплялись и частично были вызваны новыми тенденциями развития мирового капитализма. Старая либеральная экономика вступила в полосу органического кризиса, выход из которого мог быть предложен лишь при усилении государственного вмешательства, методы и формы которого обуславливались конкретными историческими традициями и национальными условиями разных стран.

Глава 3.

Идейная борьба в Боливии в 20–30-е годы XX века.

Логическим завершением социально-экономических процессов первой четверти XX века и изменений социально-классовой структуры общества в Боливии стал глубочайший кризис господствующей идеологии. Отказ общества от устоявшихся представлений и концепций привел к «идейной революции», завершившей идейные поиски поколения 20–30-х годов. Идеология наряду с общественным разделением труда составляет один из главных элементов структуры общества. Идеология — это не только идеи, но и отражающаяся в ней материальная практика, привычки, обычаи, образ жизни, это основа жизни гражданского общества, а идейный кризис, кризис менталитета является главной составляющей структурного кризиса и возможного политического и социального переворота. Идейная революция 30-х годов в Боливии была одним из основных факторов, решающим образом повлиявших на формирование боливийского национал-реформизма, на политическую практику режима «государственного социализма». Без идейного переворота 30-х годов были бы необъяснимыми не только режим «государственного социализма», но и революция 1952–1953 гг.

Примечательным явлением идейных баталий конца 20-х — начала 30-х годов был тот факт, что её главными действующими лицами были ведущие государственные и политические деятели изучаемого нами периода боливийской истории. Речь идет о лидерах движений и партий, министрах, депутатах, то есть о политической элите страны, идейные поиски которой напрямую были связаны с практическими вопросами государственной и общественной жизни страны в 30-е годы. В этой связи нам представляется особо важным рассмотрение основных проблем идейной борьбы в Боливии в этот период ее истории.

Имея сильно выраженный национальный оттенок, идейные процессы в Боливии были тесно связаны с общей тенденцией развития общественной мысли континента. Как и в других странах

Латинской Америки, первая четверть XX века в Боливии прошла при господстве позитивизма и либерализма. В этот период позитивизм был прогрессивным явлением в общественной мысли. Его антиклерикальная направленность и либеральные принципы политического устройства были революционным шагом по сравнению с постколониальными, в основном каудильистскими методами правления в Боливии в XIX веке. Идеи Конта, Тэна, Ренана стали очень популярными, их книгами зачитывалась боливийская образованная публика. Пропагандистами их идей были Бенхамин Фернандес, прозванный боливийским Контом, и крупный историк и мыслитель Габриэль Рене Морено. Позитивисты были убеждены, что прогресс неизбежен, и что естественные законы жизни путем эволюции приведут к совершенному общественному укладу. Главными постулатами либерально-позитивистской идеологии были невмешательство государства в экономическую жизнь общества, полная свобода действий ее субъектов, вера в естественные законы развития, экономический детерминизм с его неизбежностью прогресса, хозяйственного роста и самосовершенствования общественного устройства.

Либералы не видели своеобразия развития Боливии, кроме отсталости и, как они полагали, неспособности имеющегося в наличии человеческого материала, то есть индейцев, к прогрессу. Этот «материал» предстояло либо исправить, либо ликвидировать. Целью было попасть в поезд «экономического и социального прогресса». Они ориентировались исключительно на Европу и считали своей задачей обеспечить в Боливии победу европейских законов и стандартов экономического и социального развития. Естественным союзником либералов был иностранный капитал и империализм. По их убеждению, только европейское присутствие и влияние, могли гарантировать превращение Боливии в современную страну. Отказ от всего национального и самобытного был положен в основу идеологии и политической стратегии либеральной партии.

Вместе с тем, внутри позитивизма и либерализма в первое десятилетие XX века формировались новые течения. В латиноамериканской литературе под влиянием поэта Рубена Дарио возникает модернистская школа, представленная в Боливии такими выдающимися художниками слова, как Рикардо Хаймес Фрейре, Франц Тамайо, Григорио Рейнольдс. Отходя от сентиментализма в поисках нового слова, новой красоты, они создавали свою эстетику, которая не ограничивалась литературой. Их влияние на общественную мысль в целом было огромным.

Ни либерально-позитивистские концепции, ни литературный модернизм не давали ответа на волновавшие боливийскую интел-

лигенцию вопросы. Главным было отношение к истории собственной страны, к культурно-исторической самобытности и неповторимости латиноамериканских стран. Внутри либерализма стали возникать течения, отходившие от основных постулатов позитивизма в анализе национальных реалий. Среди таких «белых воронов» были выдающиеся писатели и мыслители Боливии: Альсидес Аргедас, Франц Тамайо, И.Пруденсио Бустильо, Хайме Мендоса. Их работы не были поняты современниками. Книги А.Аргедаса «Общая история Боливии», «Каудильо-варвары» и другие вызывали возмущение и протест, Ф.Тамайо вовсе не был понят, и его работы не были удостоены внимания публики. Идеи Тамайо должны были подождать два десятилетия, чтобы стать предметом жарких дискуссий. Книги И.Пруденсио Бустильо мало кто покупал.

Это были выдающиеся мыслители, литераторы, журналисты, философы. Рубен Дарио так писал о них: «Я имел возможность познакомиться со столь значительными боливийцами как... Франц Тамайо, чья мужественная молодость была полна мудрости, как Аргедас, шествовавший по пути триумфов, как доктор Хайме Мендоса, которого вскоре на нашем континенте, возможно, назовут новым Горьким».¹⁵⁹ Именно эти философы и литераторы подготовили концептуальный кризис либерализма и позитивизма. Они были предвестниками индеанизма и национализма в Боливии 20–30-х годов.

Правление либералов, сопровождавшееся подлогами на выборах и подавлением оппозиции, фактическое установление диктатуры привело к разочарованию многих боливийских интеллигентов в догматах демократии. И.Пруденсио Бустильо¹⁶⁰, не покидая позиций позитивизма, заявлял о крахе идей Французской революции, главным образом, ее основ — демократии и индивидуализма. Он симпатизировал русской революции, так как видел в ней попытку создания «интегральной», преодолевающей недостатки традиционной, демократии.¹⁶¹ Идеи И.Пруденсио наносили серьезный удар по либерально-позитивистской идеологии, так как поставили под сомнение жизненность и функциональность ее основополагающих постулатов.

Хайме Мендоса (1874–1939 гг.), создатель философского направления так называемой «мистики земли», в начале века обра-

¹⁵⁹ Condarco Morales R. Franz Tamayo. El Pensador. La Paz, 1989. P.75.

¹⁶⁰ Игнасио Пруденсио Бустильо (умер в 1928 г.) — профессор Университета Сан Франсиско Хавиер в Сукре, юрист, автор фундаментальной работы "Очерк юридической философии".

¹⁶¹ Francovich G. El pensamiento boliviano en el siglo XX. La Paz, 1985. P.80.

тился к теме индейца и окружающего его жизненного пространства. Он исходил из чисто позитивистских взглядов о влиянии среды обитания на человеческую жизнедеятельность, но в отличие от господствовавшего тогда преклонения перед Европой и западной цивилизацией воспевал индейца и природу Альтиплано. Он был мистическим пессимистом; созерцающая жизнь своей страны, восторгался и печалился одновременно. Он писал о Боливии: «Это печаль ставшая землей»¹⁶². Используя поэтические образы, он писал о вечности и индейце аймара: люди на Альтиплано сделаны словно из камня, камень же не умирает, а превращается в терпение и время.¹⁶³

В его книге «На землях Потоси» главные персонажи — ветер, горы, пампа. Порождение этой земли — индеец, и только с ним связано грядущее величие Боливии, — утверждал он.¹⁶⁴ Мендоса спорил с теми, кто объявлял Боливию «географическим» казусом. Он заявлял о своей вере в страну и ее жителей, подтверждая это примерами величия истории и культуры древних народов кечуа и аймара. Мендоса был одним из первых, кто решительно отошел от европоцентристского понимания исторического процесса.

Индеец как главное действующее лицо национальной действительности был в центре внимания Альсидеса Аргедаса (1879–1946). Аргедас — уникальная фигура в истории Боливии XX века. Являясь одним из немногих признанных за пределами Боливии писателей и историков, он активно участвовал в политической борьбе, немалую роль в которой сыграли его работы. На 30-е годы приходится пик его карьеры: он становится лидером Либеральной партии, участвовал в выборах, его открытые обращения к власти, к президентам через газеты становились важным событием политической жизни.

А. Аргедас дебютировал на литературном поприще рассказами «Вата-Вата» и «Писагуа», в которых сразу проявился его интерес к самобытной культуре индейских народов и к исторической тематике. Он был первым боливийским писателем, который в своих произведениях затронул тему индейца. Его повести и рассказы отличались ярким колоритом и свежестью. Однако «образованная» публика в Боливии не обратила внимания на молодого писателя. Аргедас уехал в Европу и жил в Париже 20 лет. В Европе к нему пришла писательская слава.

¹⁶² Mendoza J. El macizo boliviano. La Paz, 1978. P. 7.

¹⁶³ Marof T. Ensayos y crítica. Revoluciones bolivianas, guerras internacionales y escritos. La Paz, 1961. P. 168–169.

¹⁶⁴ Francovich G. El pensamiento boliviano. P. 98.

В 1909 г. вышла наделавшая много шума его книга «Больной народ». Она имела общеконтинентальный резонанс и была благожелательно воспринята интеллигенцией за пределами Боливии. Известный уругвайский мыслитель Хосе Энрике Родо писал автору после прочтения этой книги: «То зло, которое так открыто и честно Вы описываете, свойственно не только Боливии, оно присуще в большей или меньшей степени всей Испаноамерике... Вы называете свою книгу «Больной народ», а я бы назвал ее «Народ-ребенок».¹⁶⁵

В этом социо-культурологическом эссе А.Аргедас рассматривал три основные темы: психология расы, политическая практика и историческая судьба Боливии. Аргедас подчеркивал, что Боливия — это прежде всего индейская страна. Он описывал чудовищную нищету и отсталость боливийской деревни, бесчеловечно эксплуатируемой высшими классами и государством. Однако жалость, сострадание и протест против жестокости общества в отношении индейца сочетались с признанием лишь негативной роли индейских народов в истории страны. В его описании индеец предстает пассивным, жалким существом, в котором нет ни желаний, ни страстей.¹⁶⁶ Впрочем, метис был для него во сто крат хуже индейца. Метис, чоло, — активный участник политической жизни, которую Аргедас ненавидит и презирает. Для него чоло — это воплощение лени, варварства, алкоголизма и прочих пороков. Чоло объединяет худшие черты обеих рас. Левый социолог и писатель К.Мединасели так характеризовал взгляды А.Аргедаса: «Как «Больной народ», так и его другие книги по истории сверх меры переполнены расовыми и кастовыми предрассудками.»¹⁶⁷

В своем многотомном труде «История Боливии» А.Аргедас обрушился на чоло, эгоизм и низкие страсти толпы, плебса. В истории Боливии он видел лишь торжество варварства и деградацию образованных классов. Предательство, мелочный эгоизм правителей, опиравшихся на низкую в своих потребностях и страхах толпу, чолладу, завели страну в политический и социальный тупик. «История Боливии» А.Аргедаса — это многотомная хроника преступлений и низостей чоло, толпы, главной опоры власти тиранов и военных диктаторов. «И его «Больной народ», и его исторические книги, — писал исследователь его творчества Р.Саламанка, — бичуют, ранят, обижают. Аргедас хотел изыскать лекарства, которые бы вылечили болезни, которые он обнаружил у своей страны, и в этом он потерпел самое большое поражение... Его книги раз-

¹⁶⁵ Arguedas A. Pueblo enfermo. La Paz, 1992. P. V.

¹⁶⁶ Ibid. P. 39–43.

¹⁶⁷ Marof T. Ensayos y critica. P. 71.

делили страну. До сего дня его книги борются, сражаются и ссорят боливийцев: они нас разделили на тех, кто с Аргедасом, и кто против него»¹⁶⁸.

Страстные, протестующие против эксплуатации и варварства страницы «Больного народа» были наполнены пессимизмом и несверием в собственную страну. Все, что А.Аргедас встречал в Боливии, приводило его в уныние. Он не видел никакой исторической перспективы для своей страны, если она не избавится от «индейского атавизма». А.Аргедас полностью следовал доминировавшему тогда негативному мнению относительно жизнеспособности индейских народов. Вместе с тем, он впервые показал стране, что ее отсталость и «варварство» были вызваны не внешними условиями, а были следствием внутренних дефектов, падения морали и отсутствия благородных устремлений в обществе.

Видный боливийский литературовед, историк, а также крупный политический деятель эпохи «государственного социализма», один из лидеров Социалистической партии, министр иностранных дел в правительстве Х.Буша, Энрике Финот справедливо писал об исторических трудах А.Аргедаса: «Его история пессимистична, он считал необходимым показать это героическими метафорами, чтобы упрекнуть «больной народ» за его ошибки и недостатки. Поскольку в целом, он не анализирует причин стольких несчастий..., его выводы историка не предлагают никакого способа решения проблем».¹⁶⁹

Поступательный ход всемирной истории Аргедас противопоставлялся боливийской действительности. Он ставил свою страну за рамки общечеловеческого прогресса и цивилизации. С поэтической нежностью и печалью он описывал свою родину: «Пампа зимнюю похожа на море, но это мертвое море, без волн, без волнения, отталкивающее, враждебное... Здесь чувствуется покинутость, одиночество, здесь нет места мечте и свободе. Поэтому здесь нет поэтов».¹⁷⁰ Аргедас стремился показать, что того прогресса, о котором говорят позитивисты, в Боливии нет, скорее есть патологическая обреченность расы и страны.

Веря в непобедимость и неизбежность прогресса, А.Аргедас глубоко переживал отсталость своей страны. Он был убежден, что для перемен в Боливии, для всеохватывающей реформы достаточно его моральных назиданий. Как писал его биограф Густав Адольфо Отеро: «Аргедас прежде всего был писателем

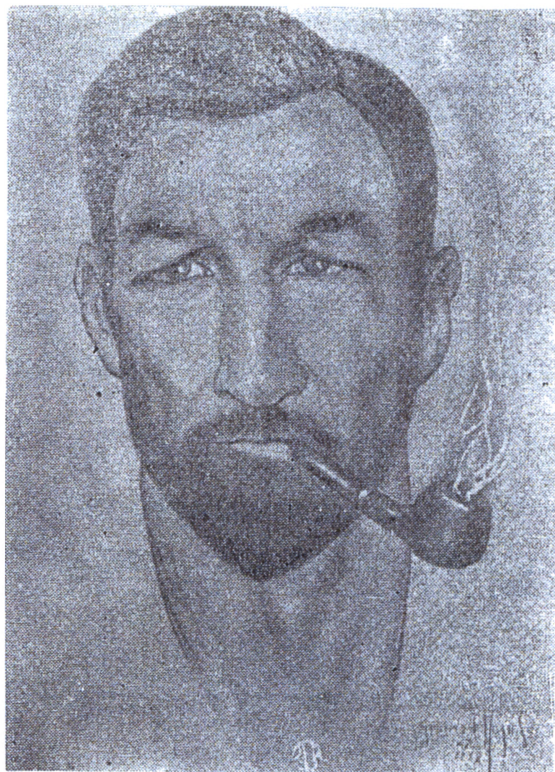
¹⁶⁸ Salamanca L.R. Vigencia del Arguedismo en Bolivia// Kollasuyc No.64. 1947. La Paz, 1947. P.44.

¹⁶⁹ Finot E. Nueva historia de Bolivia. Buenos Aires, 1946. P.393.

¹⁷⁰ Arguedas A. Op.cit. P.16–17.

Альсидес Аргедас. 20-е годы.
(Архив Ла-Паса)

Тристан Мароф. Портрет работы
Художника С.Гусман де Рохаса.

моралистом, а не философом или мыслителем».¹⁷¹ Не будучи пессимистом по своим взглядам и оставаясь континентом и либералом, Аргедас нанес самый ощутимый удар по идее прогресса, по позитивистскому историческому оптимизму.

Своей пессимистической враждебностью к боливийской истории, Аргедас в глазах прогрессивной интеллигенции снискал репутацию реакционера и ретрограда, превратился в символ олигархической, расистской, колониалистской идеологии. Молодые интеллектуалы-бунтари разных политических направлений выбрали его мишенью постоянных нападок. Лидер крайних левых, влиятельный политик и писатель Т.Мароф буквально преследовал его по всему миру, посылая ему свои и чужие отнюдь не дипломатические и порой просто грубые и грязные статьи и фельетоны, которые оскорбляли и унижали писателя. Националистическая молодежь Аугусто Сеспедес, Фернандо Диез де Медина (оба – крупные политические деятели режима «государственного социализма») постоянно нападали на него в прессе, что вызывало горькие письма писателя к своим оскорбителям¹⁷². При этом ими забывался огромный интеллектуальный вклад Аргедаса, который он сделал, хотя и вопреки своей воле, в разрушение либерально-позитивистской идеологии.

Если сочинения Аргедаса вызвали негодование и протест «образованной» публики, то вышедшее в свет в 1910 г. собрание статей Франца Тамайо (1878–1956), объединенное в книгу под названием «Создание национальной педагогики», было едва замечено и удостоилось нескольких равнодушных рецензий. Тамайо не был понят, его читатель еще не появился. Однако уже через десять лет его идеи повсеместно завладели умами молодежи, стали главной темой дискуссий в философских и политических кружках и клубах. Повсюду появлялись сторонники и последователи его идей, развивавшие их в неожиданном и нежелательном для самого Тамайо политическом направлении. А еще через 20 лет эту книгу уже называли «Евангелием» боливийского национализма и индеанизма.¹⁷³

Тамайо родился 20 февраля 1879 г. в аристократической семье, ведшей свое генеалогическое древо от перуанских касиков, признанных дворянами в 16 веке при Карле V. Его отец, Исаак Та-

¹⁷¹ Marof T. Ensayos y critica. P.52.

¹⁷² ALP. Miscelania.Gavetas. No.32.

¹⁷³ В 1944 г. "Создание национальной педагогики" Тамайо было периздано военно-националистическим правительством Г.Вильярроэля, объявившим автора книги основоположником идей "революционного национализма".

майо, был одним из авторов конституции 1879 г. Родители назвали его Франсиско, но затем он принял немецкое звучание своего имени, Франц. Это было не случайно. Его преклонение перед немецкой философией и культурой нашло отражение не только в изменении собственного имени на тевтонский лад, но и в самом литературном творчестве молодого поэта и писателя. В молодости он посвятил себя поэзии, примкнул к модернистам и перенял их стиль и манеру письма.

В политике Тамайо слишком часто менял свои симпатии к отдельным деятелям, оставаясь при этом всегда в рядах ортодоксальных либералов. Начав как ярый сторонник президента И.Монтеса, затем он перешел в оппозицию к правящей партии. Тамайо был журналистом, депутатом, министром, основал две газеты: «Фигаро» и «Свободный человек». При правительстве Б.Сааведры он стал представителем страны в Лиге наций, где пытался привлечь внимание великих держав к проблеме выхода Боливии к морю. Вместе с Томасом Мануэлем Элио и Даниэлем Санчесом Бусаманте он был одним из основателей в 1910 г. Радикальной партии, стоявшей на позициях либеральной ортодоксии. Поддерживал, а затем боролся с Сааведрой и Силесом. В период правления Саламанки он был выдвинут на пост президента и даже победил на выборах, но президентом так и не стал из-за военного переворота, лишившего Д.Саламанку власти как раз в период между выборами и вступлением в должность. После свержения Саламанки в 1934 г. он временно уходит с политической сцены.¹⁷⁴

Книга «Создание национальной педагогики» (1910) была сборником статей Тамайо в газетах Ла-Паса, в которых автор вел полемику с Филипе Гусманом¹⁷⁵, представителем нормалистской школы в педагогике. Боливийский историк Р.Савалета Меркадо так отмечал значение этой работы: «Поэзия Тамайо превратила его жизнь в торжественный акт. Но и приговорила его к одиночеству. Перед лицом той среды, которую он любил и презирал, в поисках легкой оригинальности она утратила свою подлинность и выглядела несравнимой с таким проявлением его таланта как «Создание национальной педагогики», с этой мощной, органичной и блестящей прозой, хотя он сам считал её вторичным, но которая на деле

¹⁷⁴ В 40-е годы Тамайо был избран председателем палаты депутатов Конгресса, выступал с консервативно-охранительных позиций, в том числе и по аграрно-индейскому вопросу. — Frontaura Argodona M. La revolucion boliviana. La Paz, 1974. P.130.

¹⁷⁵ Филиппе Гусман (Второй) — в будущем президент Боливии, август — декабрь 1925 г., сенатор, крупный деятель республиканской партии.

являлась продолжением самой жизни автора»¹⁷⁶. В этой работе Ф.Тамайо поставил ряд вопросов национальной жизни, казавшихся в тот момент чисто риторическими. В центре его внимания были проблемы формирования национального характера, новой морали, образования и воспитания. Ф.Тамайо считал их самыми насущными для развития Боливии.

В формировании индивида и народа, согласно Ф.Тамайо, наибольшее значение имеют историческое прошлое и окружающая среда. Он писал: «Земля формирует человека, и в этом смысле земля является не только пылью человеческих следов, но и воздухом, которым дышат, и физическим окружением человека... В земле надо искать высшую причину человеческих мыслей, дел, морали».¹⁷⁷ Тамайо описывал землю своей родины в жестких, скупых, но сильных красках. Одиночество — вот главная характеристика ландшафта у Тамайо, который тем самым как бы одухотворяет природу. Альтиплано не создано для жизни, враждебно человеку и животным. В этой картине жестокой природы появляется особенный человек — индеец-аймара. «Уникальная земля дала уникальную расу».¹⁷⁸

Для Тамайо главное богатство Боливии — это индеец. Он, по его мнению, обладает главным — энергией. Повторяя Фихте, Тамайо утверждал, что главное в понимании судьбы страны — это человек, взятый как совокупность энергии и воли. Для Ф.Тамайо «воля» предшествовала «мысли». Воля и энергия — вот основа и начало жизни. В его сборнике стихов «Притчи II» (1924 г.) есть строки: «Что прежде всего обновляет творца и мысль, так это — энергия».¹⁷⁹ Энергия — это высшая человеческая, социальная и историческая реальность. Индеец — это огромная концентрация внутренней энергии. «Энергию нельзя купить, ее ни откуда ни привезти, ее нельзя скопировать, и именно энергия — это то, что, есть в наших венах».¹⁸⁰ «По своей жизнестойкости, по своему непревзойденному энергетическому безусловному превосходству, по своей крови, индейская раса, кажется, предназначена к тому, чтобы выжить и остаться в истории».¹⁸¹

Тамайо открыто заявлял, что все в боливийском обществе основано на труде индейца. «Индеец для государства, для общества

¹⁷⁶ Zavaleta Mercado R. La formación de la conciencia nacional. P.54.

¹⁷⁷ Tamayo F. Creacion de la pedagogia nacional. La Paz, 1991. P.147–148.

¹⁷⁸ Ibid. P.160.

¹⁷⁹ Ferrufino Llach C. Tamayo y el hombre bolivaino. La Paz, 1987. P.81–82.

¹⁸⁰ Tamayo F. Creacion de la pedagogia nacional. P.47.

¹⁸¹ Ibid. P.91

означает все. Надо признать, индеец является источником 90 процентов национальной энергии».¹⁸² Белый (потомок европейцев), пользуясь своим техническим и историческим превосходством, завоевал Америку и индейца. Однако у него нет жизненных сил, обуславливающих историческое и социальное творчество. Единственный выход для белого — это метисация, слияние с индейцем, чтобы получить от него энергию и силу.

По мнению Ф.Тамайо, белый, креол, обладает знаниями и культурой, но что они значат для нации, жизненная энергия которой не влияет на историю и судьбу страны. Индеец противостоит белому, как воля и энергия противостоят разуму и интеллекту. «Интеллект — это не присущая индейцу характеристика, она не определяет его сущности,» — пишет Тамайо.¹⁸³ И это не недостаток, а главное преимущество индейца перед белыми и метисами. Нет нужды искать в индейце декадентские настроения, неврастению, интеллектуальные пороки. Индеец физически, интеллектуально здоров и морально силен. Все это дает индейцу моральное и физическое превосходство.¹⁸⁴ Тамайо возводил индейца в ранг высшей расы, которая должна стать биологической основой формирования боливийской нации.

Тамайо указывал и путь формирования нации, или как он чаще писал, национального характера. Речь шла об образовании, не о простом просветительстве, а о создании собственной национальной педагогики, в основе которой лежало бы осознание нацией особой судьбы и своей миссии в мире. Основными принципами национальной жизни он объявлял силу, энергию, волю и национальный эгоизм.

В то время когда преобладали позитивистские взгляды о неограниченном, поступательном развитии, о предопределённости прогресса человечества, Тамайо, не отрицая самоценности прогресса, отошел от позитивистского понимания законов общественной жизни: он противопоставлял науке — интуицию, разуму — энергию и жертву. Тамайо писал: «Нужно создать новые общественные и экономические критерии для перестройки нации, которая таковой еще и не является, нужно создать, как говорил Ницше, шкалу новых ценностей, более гуманных, более рациональных, более понятных, более эгоистических с точки зрения нации».¹⁸⁵ Тамайо выступил против либерального демократизма, интеллектуализма и

¹⁸² Ibid. P.58.

¹⁸³ Ibid. P.104.

¹⁸⁴ Ibid. P.117.

¹⁸⁵ Reinaga F. Franz Tamayo y la revolucion boliviana. La Paz, 1957 P.134.

позитивистского универсализма. Этим господствовавшим в то время идейным принципам были противопоставлены волюнтаризм и радикальный индеанизм.

Мессианиззм, антиевропеизм проявлялись в те годы не только в исканиях латиноамериканских философов. В Европе десятилетие спустя эти взгляды будут в законченной форме сформулированы Шпенглером и Кайзерлингом, которые станут идолами боливийской радикально мыслящей интеллигенции. Еще до появления шпенглеровского «Заката Европы» Ф.Тамайо провозгласил индейскую расу основой возрождения Боливии и всего остального мира.

Безусловно, Тамайо внес огромный вклад в преодоление европоцентризма и позитивизма в боливийской общественной мысли. Будучи, как выразился о нем крупный боливийский историк и социолог Р.Савалета Меркадо, *enfant terrible* либерализма, в своих идеях он был выше собственных политических пристрастий. Даже его абстрактная мессианская проповедь была всего лишь перевернутой социал-дарвинистской, позитивистской схемой: на место белого он просто поставил индейца.¹⁸⁶ И вместе с тем, боливийцы чтят Франца Тамайо в одном ряду с создателями философии индоамериканизма В.Айя де Ла Торре, М.Угарте, Х.Васконселосом. Подлинная заслуга Тамайо заключалась в том, что он выступил против «идеологической иностранщины», против «идеологической колонизации», обращался к теме земли, к индейцу.

Хотя Тамайо не был понят современниками и остался, как выразился боливийский философ Г.Франкович, «одиноким мыслителем и эстетом, укрывшемся в замке из слоновой кости»¹⁸⁷, его влияние на общественную мысль в 30-е годы невозможно переоценить. Его работы стали отправной точкой идейных поисков интеллигенции в 20-е годы не только в Боливии, но и за ее пределами. Х.К.Мариатеги интересовался трудами Тамайо. Некоторые его работы были опубликованы в 1926 г. в журнале «Амаута», сыгравшем огромную роль в появлении нового поколения философов и социологов как в Перу, так и в Боливии.

Аргедас и Тамайо своими работами, порой помимо своей воли, подрывали господствующие позиции либерализма и позитивизма в обществе¹⁸⁸. Их идеи прямо и косвенно оказали решающее влияние

¹⁸⁶ Zavaleta Mercado R. Lo nacional-popular en Bolivia. Mexico, 1986. P.212–214.

¹⁸⁷ Francovich G. Op.cit. P.64

¹⁸⁸ Любопытно отношение Ф.Тамайо к своему современнику А.Аргедасу. Принадлежа к одному с А.Аргедасом политическому лагерю, Ф.Тамайо крайне резко отзывался о его литературном творчестве и взглядах. В начале 30-х годов, когда отмечали столетие со дня рождения

на подготовку идейной революции в Боливии, предпосылки которой стали прослеживаться с середины 20-х годов.

В 20-е годы в среду боливийской интеллигенции проникали новые идеи из Европы. Социализм и марксизм вызвали большой интерес среди молодежи, особенно среди студенчества. Принятая в 1928 г. Университетской федерацией Боливии «Декларация принципов» была выдержана в чисто марксистском духе. Хотя в дальнейшем студенчество почти поголовно увлеклось идеями Шпенглера, Кайзерлинга, Тамайо, марксизм завоевал себе многочисленных сторонников. Кроме того, в Боливии марксизм переплетался с индейскими идеями. Такого рода эклектический симбиоз представлял собой «марофизм».

Тристан Мароф (настоящая фамилия Густаво А.Наварро) родился в Сукре в 1898 г. Ещё очень молодым человеком включился в политическую борьбу,¹⁸⁹ активно участвовал в «республиканском» перевороте 1920 г. и был близок к лидеру республиканцев, а затем и президенту Боливии Б.Сааведре. Очень рано Наварро занялся литературно-публицистической деятельностью. Его первая повесть «Гражданские», опубликованная в 1918 г., была плакатной защитой политического направления, представленного «республиканизмом» Сааведры. В этом произведении он дал потрясающую картину упадка и внутреннего распада боливийского либерализма, цинично попиравшего свои собственные идейные принципы. Он писал: «Ничто в государстве не прогнило так, как полиция. Нет ничего столь низкого и преступного, чего бы мы здесь не нашли: воровство, подлог, лесть, ложь, откровенный разбой, пытки и бандитизм – всё это рядится в тогу закона... Особенно мученически страдает оппозиция, попадая в руки жестоких притеснителей... а во время выборного фарса услуги этих негодяев ещё более востребованы, чтобы получить необходимый власти результат»¹⁹⁰. Затем появились более зрелые литературные произведения. Повести «Сетонио Пимента», «Просвещенный город» содержали резкую критику общественного строя латиноамериканских стран. Его ра-

Г.Рене Морено, выдающегося боливийского историка, Ф.Тамайо неожиданно для своих политических единомышленников выступил в Конгрессе с речью обличавшей Г.Рене Морено и А.Аргедаса в национальном предательстве и дефамации истории страны. Он заявил, что А.Аргедас является лишь бездарным имитатором Рене Морено, «но более глупым и более подлым». — Alcazar M. Crónicas parlamentarias. La Paz 1946. P.178.

¹⁸⁹ Г.Наварро входил в кружок интеллигенции, оппозиционной авторитарному правлению либеральной партии и группировавшейся вокруг газеты «Свободный человек», возглавляемой Ф.Тамайо.

¹⁹⁰ Navarro G. Los cívicos. Novela de lucha y de dolor. La Paz, 1918. P.43

боты «Эксперимент», «Шеф» отмечены литературной зрелостью, но главным в них были злободневность темы и сила убежденности автора.

За активное участие в «революции» Б.Сааведра назначил его на должность консула Боливии в Гавре (Франция).¹⁹¹ Пребывание в Европе полностью изменило его жизнь. Густаво А.Наварро попал в Старый свет, когда ему было 25 лет. Послевоенный революционный подъем и интеллектуальные поиски европейской интеллигенции произвели на него огромное впечатление. В Европе он вошел в круг прогрессивной латиноамериканской интеллектуальной эмиграции. Вместе с Инхеньеросом, Унамуно, Угарте, Васконселосом, Астуриасом и Айя де Ла Торре он стал основателем «Латиноамериканского союза», созданного в Париже 29 июля 1925 г. Антиимпериалистическая и радикально левая позиция Г.А.Наварро была несовместима с дипломатическим постом.¹⁹²

С середины 20-х годов он полностью посвящает себя литературно-публицистической и политической деятельности. Еще в 1921 г. он придумывает себе экстравагантный псевдоним Тристан Мароф. В интервью, данном в 1967 г., он так рассказывал об этом: «Это было в Париже, где-то в 1921 г. Я написал книгу «Наивный американский континент» и, будучи консулом, должен был подписать ее псевдонимом, что, разумеется, я хотел сделать под именем Иван, но мой испанский друг Дариус Форти убедил меня принять имя Тристан». К имени он присоединил, как ему казалось, русофильскую фамилию Мароф. Яркий, ироничный памфлетист левой ориентации привлек к себе внимание Анри Барбюса и Ромена Ролана, активно пропагандировавших коммунизм и русскую революцию. А.Барбюс обратился к Т.Марофу с восторженным письмом по поводу одной из его статей. Между ними установились дружеские отношения. Дружба с А.Барбюсом, который писал вступительные статьи к книгам Марофа, способствовала персориентации его идейных поисков от латиноамериканского модернизма к марксизму и коммунизму. Своих друзей-писателей А.Барбюс стремился привести к Коминтерну, и Мароф увлекается русским марксизмом и коммунизмом.

¹⁹¹ Г.Лора ошибочно указывает на Геную — Lora G. Op.cit. P.303.

¹⁹² В середине 20-х годов правительство Силеса предложило Марофу пост консула в Лондоне или депутатское кресло от Националистической партии, рассчитывая привлечь на свою сторону авторитетного среди интеллигенции и рабочих лидера. Мароф отверг это предложение, за что был выслан из страны. — Lorini I. El movimiento socialista «embrionario» en Bolivia, 1920–1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional. La Paz, 1994. P.233

Первой книгой Т.Марофа, имевшей общеконтинентальный резонанс, была «Справедливость Инки», изданная в Брюсселе в 1926 г. В этой книге он цитировал Маркса, Ленина, писал о русской революции. Т.Мароф утверждал, что общепринятые идеи о неизбежности прохождения странами континента того же самого пути, что прошла Европа для достижения капиталистического процветания, являются иллюзией, ибо ведет лишь к подчинению американскому империализму и стагнации¹⁹³. По его мнению, континент самой судьбой предназначен, и главное, уже готов к переходу к социализму и коммунизму. Он писал: «Американский континент — это континент, созданный для социализма, который даст на его почве самый плодотворный результат»¹⁹⁴. И больше всех подходит для социализма Боливия. Во-первых, потому что основная масса населения — индейцы, сохраняющие в своей исторической памяти и в общинной организации основы инкского коммунизма. А во-вторых, это — богатейшая по своим ресурсам страна, способная обеспечить благосостояние своего населения. То, на что Европе понадобились века, а именно подготовка к принятию коммунизма, Боливия имеет от природы, от своего исторического прошлого¹⁹⁵.

Для Т.Марофа коммунизм — это, прежде всего, режим имущественного равенства, отсутствия паразитических классов, свободного труда. Более того, следуя логике восстановления инкского наследия, он готов пожертвовать демократией и свободами, являющимися для него ничем иным как пустым звуком и спекулятивной демагогией правящих креольских классов¹⁹⁶. Надо отметить, что Т.Мароф при всей поверхностности своих взглядов на коммунизм верно подметил его суть: тоталитарное отношение ко всем сферам экономической и общественной жизни. Они утверждал, что для триумфа коммунизма мало провести реформы и изменить экономические и общественные основы жизни, необходимо полностью подчинить жизнь индивида и общества единому чувству и мыслям, а всякая половинчатость и «либеральничание» приведут лишь к поражению и разочарованию. Примером такого тотального (или как он пишет «целостного»), хоть и не демократического общества был инкский коммунизм¹⁹⁷.

Переход к социализму для Т.Марофа сводился лишь к национализации природных богатств. Он предлагал ввести монополию внешней торговли во избежание ограбления страны ино-

¹⁹³ Marof T. La justicia del Inca. Bruselas, 1926. P.15.

¹⁹⁴ Ibid. P.14.

¹⁹⁵ Ibid. P.21–26.

¹⁹⁶ Ibid. P.24.

¹⁹⁷ Ibid. P.24, 66.

странным капиталом, что создаст, как он писал, национальный капитал¹⁹⁸. Фактически речь шла о государственном капитализме, при этом мало понятно, как это сочеталось с социализмом. Впервые здесь Т.Мароф сформулировал исторический лозунг «землю — индейцам, рудники — государству». Эта «магическая» формула сделала Т.Марофа общеперувианским лидером. Уже через год после опубликования «Справедливости Инки» Рабочий конгресс в Оруро проходил под этим лозунгом.

Хотя Т.Мароф не отличался особой глубиной анализа или целостностью взглядов, но в некоторых своих работах он высказывал новаторские идеи и художественно ярко формулировал суть проблем: также как и Мариатеги он обратился к индейцу, как основе национальной жизни Боливии. Т.Мароф идеализировал инкский «коммунистический строй», видел в нем будущую модель боливийского общества. Отсюда, прошедшая сквозь все ранние произведения его испанофобия и идеализация индейской самобытности.¹⁹⁹ Однако постепенно в его работах индееанские воззрения стали сочетаться с марксистскими установками. В целом, взгляды Марофа были очень противоречивы и непоследовательны. С одной стороны, его считают одним из основоположников левого индееанизма, а с другой — часто упрекали в том, что его видение боливийской действительности всегда было европейским и отчужденным.

Т.Мароф проповедовал латиноамериканскую солидарность и общеконтинентальную антиимпериалистическую революцию. Он верил в особый латиноамериканский социализм: «Наш прямой путь — это идти к чисто американскому коммунизму со своими отличительными чертами и особыми свойствами»²⁰⁰. Однако в этом вопросе он противоречил самому себе: на одной странице писал о латиноамериканском братстве и об очищающей революции, а на другой, уже не верил в дружбу соседних народов из-за груза конфликтов и противоречий между ними. Порой это выглядело просто анекдотично: как «настоящий» боливийский патриот он не мог допустить мысли о дружбе и единении с Чили, «ограбившей» его родную Боливию, аннексировав Тихоокеанское побережье. В применении к общеконтинентальной солидарности он писал: «Если бы в Южной Америке не было Чили, царил бы

¹⁹⁸ Ibid. P. 15, 31–39.

¹⁹⁹ Позднее он говорил, что его обращение к инкам было лишь поэтическим образом, а не их идеализацией. — Abadie-Aicardi R.F. *Economía y sociedad de Bolivia en el siglo XX. El antiguo régimen*. Montevideo, 1966. P. 94.

²⁰⁰ Marof T. *La justicia del Inca*. P. 26.

мир, и в тысячу раз быстрее был бы достигнут идеал американского единства»²⁰¹. В своих умонастроениях он оставался националистом, а марксистская терминология лишь прикрывала своеобразие его социальных проектов. Кроме того, революционная агитация Т.Марофа сочеталась с глубоким скептицизмом и пессимизмом, выразившихся в уповании лишь на моральное совершенствование и просвещение народа.²⁰²

В 1935 г. Т.Мароф издал в Буэнос-Айресе, имевшую большую популярность в Боливии и других странах континента, книгу «Трагедия Альтиплано». В этой книге Т.Мароф развивал некоторые свои идеи, высказанные в его предыдущих работах. Он вновь поставил в центр своего социально-политического анализа индейский вопрос. Делая ссылку на Мариатеги, Т.Мароф подчеркивал, что суть индейской проблемы состоит не в просвещении коренного населения Америки, о чем писали и говорили политики и писатели, так называемые индеанисты, а в реальном их освобождении через возвращение земли, отнятой у индейской общины в период колонии и креольской республики. Т.Мароф по-прежнему считал, что индеец является коллективистом и социалистом по своей природе, и поэтому станет основой построения нового строя в Боливии. Задача революционеров, писал он далее, «создать из индейца авангард, выступающий в союзе с горнорудным пролетариатом и студентами»²⁰³.

Решение всех национальных проблем Т.Мароф видел в осуществлении программы социалистических преобразований. Главное в ней — это национализация горнорудной промышленности, нефти, железных дорог. Он был убежден, что осуществить это возможно лишь насильственными методами, то есть после революции²⁰⁴. В этой книге Т.Мароф впервые излагал марксистскую программу революции: аграрная реформа, ликвидация латифундий и последующая затем коллективизация сельского хозяйства, обобществление средств производства и индустриализация. В противном случае, пишет он далее, исполнится исторический приговор странам, опаздывающим в своем развитии, и они останутся вечно потенциально богатыми, а реально нищими и всегда подчиненными империализму²⁰⁵. Т.Мароф, пожалуй, был одним из первых, высказавших в те годы столь пессимистическое и во многом пророческое суждение.

²⁰¹ Ibid. P. 19.

²⁰² Ibid. P. 66–69.

²⁰³ Marof T. La tragedia del Altiplano. P. 46–53.

²⁰⁴ Ibid. P. 109.

²⁰⁵ Ibid. P. 82–84.

В «Трагедии Альтиплано» Т.Мароф изложил свою часто цитируемую и критикуемую схему социальной структуры Боливии. Он выделили три класса в боливийском обществе: белых, метисов и индейцев²⁰⁶. Безусловно, его идея о существовании только этих трех классов отличается индеанистско-псевдомарксистским упрощением реальной картины. Что было удачным как литературная метафора, не выдерживало критики научной социологии. За эту теорию Т.Мароф был критикуем всеми. И все-таки, сами боливийцы прочитывали в этой литературной по форме близкую к действительности формулу. Т.Мароф четче и резче, по-марксистски, сформулировал то, о чем писали практически все боливийские индеанисты в этот период.

В «Трагедии Альтиплано» Т.Мароф связал борьбу за новую Боливию с противостоянием капитализму и империализму. Он писал: «Национальная частная собственность не может развиваться иначе, как попадая в лапы иностранного империализма. Собственность, как и инициатива, должны стать общественными»²⁰⁷. Т.Мароф сформулировал задачи антиимпериалистической, антифеодальной революции, главными движущимися силами которой должны были стать рабочие и крестьяне-индейцы, революции, направленной против касты белых эксплуататоров, наследников испанских конкистадоров, а также против империализма.

Т.Мароф этой книгой дал начало целому общественному движению, левому индеанизму, искавшему пункты соприкосновения и синтеза с марксизмом. Сам же Т.Мароф, несмотря на марксистскую риторику, все более склонялся к умеренному индеанизму. В вышедшей в то же время, что и «Трагедия Альтиплано», статье²⁰⁸, его многие высказывания перекликались со взглядами умеренных и даже правых индеанистов. В некоторых местах буквально создается впечатление, что читаешь ненавидимого и презируемого самим Т.Марофом за его исторический пессимизм и поражение Альсидеса Аргедаса. Так он пишет: «Жизнь в Боливии бесцветна, сера, тускла. Нет больших талантов, также нет творцов. Даже нет крупных бандитов. Все среднее, приземленное, бескрасочное»²⁰⁹.

Мароф (марофизм) завоевал много сторонников среди леворадикальной интеллигенции, студенчества, профсоюзных лидеров страны. Его страстная антиимпериалистическая пропаганда создавала предпосылки возникновения влиятельного левонационали-

²⁰⁶ Ibid. P.19–21.

²⁰⁷ Ibid. P.111.

²⁰⁸ Речь идет о вступительной статье к книге Рикардо М.Сетаро «Секреты генерального штаба», вышедшей в 1936 г.

²⁰⁹ Setaro R.M. Secretos de Estado Mayor. Buenos Aires, 1936. P.13.

стического и левомарксистского политических направлений. Значительным было влияние Т.Марофа на формировавшееся в 20-е годы индеанистское направление общественной мысли Боливии. Сам Т.Мароф играл важную роль в политической борьбе в 30-е годы.

В середине 20-х годов работы испанского философа Х.Ортеги-и-Гассета стали подлинным откровением для боливийской интеллигенции, прежде всего, студенческой молодежи. Влияние Ортеги-и-Гассета в Латинской Америке было исключительно сильным, и "этому влиянию были подвержены также и те, кто не соглашался с конкретными высказываниями философа по поводу американской истории".²¹⁰ Боливийская интеллигенция восприняла от ортегианства критику европоцентризма. Позитивисты же интересовались глобальными процессами, всегда исходили из обобщенного представления о мире и человеке. Ортега-и-Гассет отрицал либерально-позитивистский подход к человеку как унифицированному, «универсальному», «массовому» явлению. Ортега-и-Гассет восстал в защиту индивида, человека, против человечества, универсальности. Противопоставление массы и личности у Ортеги нашли свой отклик у боливийцев в самоутверждении своей индивидуальности перед лицом «европейской» универсализации. Защита личности у Ортеги-и-Гассета оправдывала индивидуальность, самобытность культуры и истории.

Из исторической концепции Ортеги-и-Гассета наибольший интерес вызвали теория поколения и понятие кризиса. Из этой теории боливийская интеллигенция, прежде всего, студенчество усвоили призыв к осознанию новым поколением неподлинности своей культуры.²¹¹ Ортегианская мысль о противостоянии подлинной и ложной культуры была для боливийцев отражением их повседневной двойственной реальности сосуществования бело-метисного и индейского миров. Лидер студенческого движения Э.Бальдивесо, один из идеологов Националистической партии, а в будущем один из идеологов режима «государственного социализма» в соответствии с ортегианской схемой выдвинул лозунг «стать поколением столетия основания республики». Новое «поколение столетия» ставило перед собой цель бороться с либеральной «антикультурой» с тем, чтобы воссоздать республику, подлинно независимое государство.²¹² Ортегианство было исходным пунктом в формиро-

²¹⁰ Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М., 1978. С.62.

²¹¹ Там же.

²¹² Cespedes A. El Dictador Suicida (40 Años de historia de Bolivia). Santiago de Chile, 1956. P.82–83.

вании националистического движения в период президентства Э. Силеса.

Бунтом «нового поколения» против старых элит и традиционного общества была деятельность молодых активистов партии «Националистический союз» К.Монтенегро, А.Сеспедеса, А.Гусмана, Э.Бальдивесо, игравших ведущие политические роли в период «государственного социализма» в 30-е годы. В их рядах формировалось идейное направление «революционного национализма», боливийская разновидность национал-реформизма, превратившегося в 40–50-е годы в господствующую идеологию в Боливии.

Национализм возник из критики либерализма как политической доктрины и позитивизма как идеологии. Молодые интеллектуалы К.Монтенегро, А.Гусман, А.Сеспедес в начале 20-х годов публиковали статьи в журнале «Арте и трабахо» (Искусство и труд), где выступали с критикой основ либерализма и европоцентризма. Идеалом К.Монтенегро является Боливия с единой, не разделенной на касты и расы нацией. Уже в этих ранних работах Монтенегро замтно его преклонение перед авторитаризмом, его враждебность как коммунизму, так и либерализму.²¹³ В 20-е же годы в своих литературных произведениях, он резко критиковал господствующие либерально-позитивистские представления. Уже в его ранних работах содержался зародыш национализма и антидемократизма. В 20-е годы эти идеи (или скорее их предпосылки) еще не соединились с философскими взглядами Тамайо и индеанизмом. Их синтез составил основу теории «революционного национализма», боливийской разновидности национал-реформизма.

Конец 20-х годов в Боливии ознаменовался острым кризисом господствующей социал-дарвинистской, либерально-позитивистской идеологии. Интеллигенция жадно впитывала новые идеи и концепции общественного развития. Как нигде в Латинской Америке, в Боливии огромной популярностью пользовались Шпенглер и Кайзерлинг с его верой в мессианское предназначение континента. Вслед за д'Аннунцио, Ортегой-и-Гассетом, Унамуну, Угарте, Шпенглер и Кайзерлинг становились новыми идолами молодежи. В августе 1929 г. Кайзерлинг посетил Боливию, где на его лекции стекались толпы студентов и интеллигенции. Страна жила напряженной интеллектуальной жизнью. Старые либерально-позитивистские идеи были безвозвратно сданы в архив.

²¹³ Ibid. P.44–45.

Философская и социологическая литература входила в моду. Издавались труды, вдохновляемые идеями Шпенглера²¹⁴. Происходило новое открытие Ф.Тамayo, росла популярность Х.Мендосы и А.Аргедаса. Философские поиски и яростные дискуссии о сущности боливийского общества, о путях дальнейшего развития пока затронули лишь интеллектуальную элиту. Постепенно отвлеченные философские и социологические споры стали объектом широкого общественного внимания. Боливийцы ощущали ущербность и неполноценность своей политической системы и общепринятой идеологии, оправдывающей её существование.

В 30-е годы теоретические споры вышли из кабинетов ученых и приобрели политическое значение. Вслед за периодом вызревания новых идей и концепций общественного развития, пришло время самого идейного переворота, когда отвлеченные философские и социальные теории окончательно оформились в законченные идеологические парадигмы, предлагавшие обществу определенные пути развития. Формировались новые понятия и определения, и, главное, — общественно значимые цели и задачи развития, постепенно становившиеся признанными и общепринятыми. Гегемония переходила к той части общества, которая становилась носителем, пропагандистом и практиком этих новых идей. Совершалась идейная революция, пролог общественно-политического переворота.

Поражение в войне в Чако наложило свой трагический отпечаток на идейные поиски интеллигенции, придав привкус горечи осознанию боливийцами своего одиночества в мире. Для того, чтобы стать нацией, во всей своей самобытности и неповторимости, нужно было заняться самими собой, прежде всего, познать свою национальную природу и сущность. Этой задаче посвятила себя боливийская интеллектуальная элита.

В поисках национальной самобытности боливийцы встречали созвучие своим идеям во взглядах Шпенглера и Кайзерлинга. Последний восторгался пейзажами Альтиплано, говорил об особом предназначении Боливии. Выступая в Ла-Пасе в 1929 г., он заявлял: «Боливия, возможно, самая древняя часть человечества; нет лучшего ощущения будущего, как отдаленное прошлое, ибо во времени нет конца».²¹⁵ Кайзерлинг призывал обратиться к так называемым телуристическим тайным силам земли. Поклонники Кайзерлинга вновь открывали для себя идеи Тамayo и Мендосы,

²¹⁴ Эгино Савалья публикует в 1929 г. «Теорию циклов», Рене Балъиван Кальдерон — в 1930 г. книгу «Шпенглер», Р.Пруденсио — в 1928 г. «Новую концепцию жизни».

²¹⁵ Francovich G. Op.cit., P.112.

идеи в земле, окружающей среде решающий фактор формирования человека, расы, нации.

В 30-е годы в Боливии возникла влиятельная философско-литературная школа: телуризм, близкая индееизму, концепциям Х. Мендосы и Ф. Тамайо. Идеи Шпенглера, Тамайо, Мендосы были развиты телуристами: в философии Роберто Пруденсио и Умберто Тальса, в историографии Ф. Авила, в литературе и поэзии Х. Мединасели, Ф. Диес де Медина и Примо Кастрилью, в живописи и скульптуре С. Гусманом де Рохас и Мариной Нуньес дель Прадо, в музыке Эдуардо Каба.

В 30-е годы Х. Мендоса в своих последних работах, четко формулировал основы телуризма или, как он называл свою теорию, «мистики земли». Активно участвовал в политической жизни в 30-е годы, занимался публицистической деятельностью, выступал с лекциями, сотрудничал с марксистским Боливийским социологическим институтом, ставшим кузницей кадров новых левых партий. Его работы, наряду с трудами Ф. Тамайо стали философской методологической базой всех исканий индееистского и националистического направлений как общественной мысли, так и антилиберальных направлений в политике. Х. Мендоса видел в земле, в среде обитания основу самобытности страны, условие бессмертия боливийской нации. Он писал: «Среда создаст человека. Или иными словами — человек — ничто иное, как среда, запечатленная в личности. Вода, которую мы пьем, воздух, которым дышим, свет, который нам светит, продукты питания, поддерживающие нас, — все они ежедневно воспроизводятся в наших мыслях, эмоциях, воле, действии. Мы считаем, что действуем по своей инициативе, а на самом деле лишь подчиняемся императиву нашей среды обитания. Среда определяет ритм, а горы, леса диктуют нормы нашей жизни. Ни далекая звезда на небе, ни скромная траинка на земле не остаются безучастными к определению нашего жизненного динамизма... Среда — кузница расы, демиург наций; она формирует связи, объединяющие разрозненные человеческие группы, она дает им родной воздух, создает традиции, вершит историю».²¹⁶ Х. Мендоса развивал идею «незаконченности», молодости боливийской нации, формирование которой ещё далеко от своего завершения.²¹⁷ Эту идею взяли на вооружение национал-реформисты К. Монтенегро, А. Сеспедес и другие. В философии взгляды Х. Мендосы развили Р. Пруденсио и У. Пальса.

²¹⁶ Revista del Instituto de sociología boliviana, No.1. 1941. La Paz, 1941. P.14–15.

²¹⁷ Mendoza J. Op.cit. P.167.

В 30-е годы, после войны в Чако, в политических и интеллектуальных кругах Боливии видную роль играл университетский профессор истории Роберто Пруденсио. Вместе с вернувшимися с войны оппозиционно настроенными «ветеранами Чако» и студентами он создал националистическую группу «Железная звезда», ставшую влиятельной политической силой. В 1939 г. он основал журнал «Кольясуй», превратившийся в трибуну национализма и индсанизма.

В 1928 г. Р.Пруденсио опубликовал «Новую концепцию жизни», своего рода антилиберальный, антирационалистический манифест. Он следовал иррационализму Шопенгауэра и телуризму Мендосы. Отправная точка его концепций состояла в понимании жизни как импульса, прыжка во времени, вызова миру.²¹⁸ Размышляя над судьбой своей страны он пришел к убеждению, что «чувство» земли, география, пейзаж формируют человека и общество. Культура для него — лишь формальное выражение иррационального, телуристического. Он искал биологическую силу, волю, способную создать новый культурный цикл, который выведет Боливию к величию. Вслед за Тамайо такую силу он видел в индейце.

В середине 30-х годов наряду с Р. Пруденсио крупным теоретиком телуризма становится Умберто Пальса. У.Пальса был одним из основателей Националистической партии, идеолог «государственного социализма». В 1936 г. он публикует книгу «Пересмотр нашего исторического прошлого», а после выхода в свет в 1939 г. работы «Человек как метод», он становится лидером нового философского направления, которое полностью вытеснило позитивизм из науки и интеллектуальной жизни.

Главная идея У.Пальса состояла в абсолютизации «духа земли» как носителя географического императива, воздействующего на индивид и общество и обуславливающего форму и образ жизни человека. Он ставил в центр внимания человека как выразителя духа земли, телуристических сил. Его идея «человека как метода» исходила из концепции «человека-космоса» немецкого философа Шелера, для которого человек был мерой и олицетворением вселенной. Вслед за Тамайо, Мендосой и Кайзерлингом он видел в земле «космическую энергию», без которой человек неспособен познать свой мир и душу.²¹⁹

У.Пальса ставил главный вопрос, волновавший его сограждан: что значит быть боливийцем? И в поиске ответа на этот вопрос он обращался к раскрытию феномена национальной культуры. Куль-

²¹⁸ Albarracin Millan J. Sociologia indigenal y antropologia telurista. vol. IV. I. a Paz, 1982. P.28.

²¹⁹ Ibid. P.87-91.

тура для него — это переход от хаоса и беспорядка к особенному, индивидуальному (самобытному) и гармоничному (с окружающей средой). Он принял как аксиому идею Шпенглера о конце Европы и призвал к поиску самобытных основ жизни боливийского народа.

Для Пальса нет универсальной культуры, как и нет универсального гуманизма или универсального человека. Каждый человек и культура — социогеографичны. Индоамериканский человек по-своему чувствует и думает. Этот человек немислим вне его связи с землей. Как и для Тамайо, у У.Пальса индеец являлся наиболее связанным с землей индивидом и социумом.²²⁰ Следовательно, для обретения собственного «я» боливийцы должны обратиться к духу Анд и к «космической энергии» индейской расы. С обидой на весь мир писал У.Пальса о своей стране: «Боливия — великая страна, Боливия — прекрасная страна, Боливия — богатая страна, но в гущу вселяется отчаяние от сознания, что миллионы людей на земле даже не подозревают, что это великая, прекрасная и богатая страна»²²¹.

У.Пальса искал национальную идею, способную объединить народ во имя достижения величия Боливии. Пример такой идеи он рассматривал в национал-социализме. У.Пальса был восторженным поклонником тоталитарных режимов, ибо видел в них концентрацию воли и энергии миллионов людей во имя «идеалов нации». Даже после краха третьего рейха он продолжал верить в звезду Гитлера и его миссию в немецкой истории. Так, в 1946 году он писал: «Чтобы ни говорили о Гитлере и Германии, я уверен, что если бы немцы не были убеждены в необходимости расширения жизненного пространства и не верили бы в способность фюрера успешно завоевать его, если бы эта идея не проникла бы в сердце каждого немца, то не было бы этого страшного последнего боя 1945 года...»²²² Идеи У.Пальса стали теоретической базой идеологии «государственного социализма».

Работы телуристов были окончательным разрывом интеллектуальной элиты с либерально-позитивистским прошлым. Они преодолевали глубоко укоренившийся европоцентризм как в теории, так и в общественной и политической жизни. Практические выводы идеологов нового поколения боливийских политиков были разнообразны: отталкиваясь от идей телуристов многие эволюционировали к индсанизму и «революционному национализму», а в их иррационализме находили оправдание корпоративизма и фашизма.

²²⁰ Francovich G. Op.cit. P.126–129.

²²¹ Kollasuyo. No.64. 1946. La Paz, 1946. P.303.

²²² Ibidem.

Иррационализм и волюнтаризм предлагали новые перспективы социального развития, разрывали со всем «позитивным» прошлым, с демократией, либерализмом и даже с христианскими ценностями. Телуристы и их последователи руководствовались ницшеанской формулой: «Бог умер». Их взгляды не были экстравагантным чисто боливийским изобретением, иррационализм глубоко поразил общественную мысль в Старом свете. В 1930 г. Томас Манн в речи «Призыв к разуму» утверждал, что иррационализм XX века поднял на щит силы бессознательного, силы, творящие смутное, темное, отрицая дух и разум, в противовес ему восхваляя тьму души, слепую волю и инстинкт. Из этого почти религиозного почитания земли, природы, почвы многое было воспринято в Европе национал-социализмом, а в Латинской Америке различными направлениями радикального национализма. Волюнтаризм отрицал надсубъектную силу и смысл истории, предполагал способность политических вождей нации управлять историческим процессом, что представлялось боливийцам единственной возможностью преодолеть порочный круг зависимости и отсталости их страны.

Такие последователи телуризма, как К.Мединасели, пытались развить идеи Тамайо, обращаясь к Ницше и Бергсону. Они отошли от примитивных рассуждений Кайзерлинга, приблизившись по своим взглядам к экзистенциалистам и феноменологистам.²²³ Индоамериканизм, воспринятый ими из теорий перуанского апризма, воспринимался как идейная альтернатива западной цивилизации. Они проповедовали создание вселенской культуры на основе метизации и мистического переживания «космического духа земли», индеанизации всех сторон жизни страны²²⁴ ..

Индеанизм появился как реакция на модернизм, как поиск художественной искренности и простоты, необходимость приблизиться к реалиям национальной жизни. Хотя индеанизм как самостоятельное идейное направление возник еще в 20-е годы, лишь период после окончания войны в Чако это течение общественной мысли приобрело политическое звучание и стало играть заметную роль. Вслед за Ф.Тамайо индеанисты видели в кечуа и аймара биологическую основу нации, призывали к изучению индейской культуры. Первоначально оформился литературный индеанизм, самыми яркими и ранними представителями которых были А.Арредас (его первая костюмбристско-индеанистская повесть «Вата Вара» увидела свет еще в 1904 г.), и чуть позднее К.Мединасели, Х.Лара.

²²³ Albarracin Millan J. Op.cit. P. 22–23.

²²⁴ Эти философские изыскания впоследствии нашли свое отражение в таком всемирно значимом культурном явлении как «новый латиноамериканский роман».

Помимо философско-литературного и политического направлений в индеанизме было еще третье — просветительское, внутри которого боролись две школы: коллективистская и нормалистская.

Во главе коллективистского направления в просветительском индеанизме встали учителя-энтузиасты Э.Перес, Т.Клауре, супруги Кастро Лейге. В период правления военных-социалистов в 30-е годы основоположник этого движения Э.Перес занимал важные посты в министерствах труда и просвещения, активно поддерживал режим, был одним из основателей Социалистической рабочей партии (ПСОБ). 2 августа 1931 г. Э.Перес создал первую школу-айлью в Варисате (недалеко от Ла-Паса)²²⁵. Э.Перес считал, что Боливия — это индейская страна, где господствует бело-метисное меньшинство. Его идеалом был инкский коллективизм. Школа представляла собой форму единения труда, просвещения, коллективизма. Э.Перес стремился «создать школу с боливийской душой, основанную на инкских социальных принципах».²²⁶ Свою теорию он, вдохновляясь идеями Ф.Тамайо, назвал «педагогикой освобождения».

Хотя внешне олигархия объявляла эксперимент Э.Переса коммунистической и подрывной акцией, она терпела его, предпочитая просветительскую деятельность революционной пропаганде левых партий. В период глубокого идейного кризиса олигархия противилась проникновению в Боливию новых идей Запада, что совпадало с устремлениями Э.Переса, который проповедовал изоляционизм, отказ от всего европейского, передового или отсталого, для него одинаково чуждого боливийской жизни.

В своем письме Грасиано Санчесу, директору департамента по индейским делам Мексики, в феврале 1938 г. Э.Перес писал: «Наша доктрина и философия, с одной стороны, опирается на доиспанскую культуру, а с другой, ориентируется на организацию современных, основанных на коллективизме автономных ячеек, на восстановление инкского землеустройства на принципах общины-айлью».²²⁷ Он отрицал революцию и восстания, считая, что только община и школа-айлью может привести к решению всех социально-экономических проблем индейца.

Э.Перес не поддерживал призывов к аграрной реформе и перераспределению земли. Ему были чужды планы социального переустройства деревни. Он писал: «В Боливии нет проблемы земли, а

²²⁵ Позднее, при правительстве Х.Буша, 2 августа был объявлен общенациональным «днем индейца».

²²⁶ Pérez E. Warisata. La escuela-ayllu. La Paz, 1962. P.478.

²²⁷ Secretaría de Relaciones Exteriores. Archivo histórico Genaro Estrada. México. 30 — 3 — 16.

есть нехватка населения».²²⁸ Индеанизм Э.Переса был утопическо-консервативным. Он противопоставлял мир европейской капиталистической цивилизации города общинному индейскому. Больше всего он боялся смешения этих двух противоположностей и разрушения индейской цивилизации, основанной на общине. Ее консервация была возможна лишь при определённом изоляционизме, а школа-айлью была формой воспроизводства общинной жизни и защиты индейца от внешнего мира и капитализма.

В движении просвещения индейцев противоположные Э.Пересу позиции занимали сторонники озападнивания индейского мира, его испанизации. Один из идеологов этого течения Рафаэль Рейерос в феврале 1937 г. в одной из полемических статей писал: «Главное — передать в руки индейца новые сельскохозяйственные орудия труда, научно адаптировать его к новой экономической жизни, привить новые привычки и стандарты. Все это должна сделать школа... Нет ни такого помещика, ни такого торговца, которым не было бы выгодно такое просвещение индейца, ибо оно лишь увеличит производство и их доходы».²²⁹ В 1936 г. Р.Рейерос создал школу «Утама» в Какиавири. Несмотря на официальную поддержку его движение просуществовало недолго.

Движение индейского просвещения, работы учителей-индеанистов оказали значительное влияние на идеологические споры того времени. Индеанизм становится все более неоднородным течением. В его рамках формировалось два противостоящих направления: консервативно-расистское и революционное. Среди революционных индеанистов выделялся К. Мединасели, журналист и литературовед, автор многочисленных работ по социокультурной проблематике. В 30-е годы он активно занимался политикой. Был одним из руководителей Народного фронта Потоси, руководившего этим городом. В 1938 г. был избран в Учредительное собрание, в котором был одним из лидеров Рабочего блока.

В поражении Боливии в войне в Чако К.Мединасели увидел «конец расы» белой олигархии, крах правящих кругов страны. Пессимистический взгляд на настоящее Боливии К.Мединасели выразил известной фразой, звучавшей как приговор: «Страна великих гор и высочайших вершин дала мелких, ничтожных людей»²³⁰. Национальная катастрофа означала для каждого боливийца личный, индивидуальный крах. К. Мединасели глубоко чувствовал личную трагедию и безысходность в стране без будущего. В

²²⁸ Pérez E. Op.cit. P.462

²²⁹ Crónica. La Paz. 05.02.1937.

²³⁰ Zavaleta Mercado R. La formación de la conciencia nacional. P.55–56.

его философии «индивидуальное Я терпит поражение там, где не реализуется национальное Я».

В отличие от своих пессимистических и иррационалистских предшественников Мединасели видел в индеанизме революционную идеологию формирования нового человека. Его учителями в большей степени были перуанцы К.Мариатеги и Х.Уриэль Гарсия, нежели Тамайо или боливийские телуристы.²³¹ К.Мединасели идеализировал инкский строй, проповедовал борьбу за нового индейца, призывая все боливийское общество повернуться к нему лицом. Он писал: «Проблемы индейца — это скорее, проблема отношения боливийцев к индейцу. И от того, как мы ее решим, будет зависеть наше будущее существование».²³² К.Мединасели отошел от патерналистского и консервативно-литературного идеализма, и вслед за Мариатеги призывал решить прежде всего социально-экономические проблемы деревни, а значит, всей страны: «Необходимо безотлагательно разработать социальные требования индейца, пути его вовлечения в жизнь страны и его культуризации». Революционный индеанизм поставил в политическую повестку дня индейский и аграрный вопросы, от решения которых уже не могла уклониться ни одна серьезная партия.

Теоретические философские и литературно-культурологические изыскания индеанизма легли в основу новых влиятельных политических течений: национал-реформизма и разнообразных течений боливийского марксизма и социализма.

Наиболее влиятельным течением был «революционный национализм», боливийская разновидность национал-реформизма. Его идеологи К.Монтенегро, А.Сеспедес, В.Гевара Арсе, В. Пас Эстенсоро они заявляли о своей приверженности индеанизму, индоамериканизму АПРА и даже марксизму. На боливийскую интеллигенцию огромное влияние оказал индоамериканизм перуанской АПРА. Один из ее идеологов Мануэль А. Сеоане в 1927 г. посетил Боливию и написал книгу «Левый взгляд на Боливию». В ней остро ставились вопросы национализации оловодобывающей промышленности и проведения аграрной реформы. Многие апристские тезисы были восприняты и вошли в идейный арсенал «революционного национализма».

Идеологом этого политического движения стал К.Монтенегро. Он был одним из основателей Социалистической конфедерации, пришедшей в 1935 г. на смену Националистической партии. Если националисты признавали либеральные принципы демократии, то К.Монтенегро и его социалисты выступали с позиции агрессивно-

²³¹ Medinacelli C. Estudios criticos. La Paz, 1969. P.122

²³² Ibid. P.140.

го национализма и подавления «эгоистических интересов» личности во имя высших интересов нации. Демократия виделась им лишь препятствием в движении к величию Боливии. Их идеалом стали авторитарные и тоталитарные методы управления, подчинение масс, подавление либеральных свобод и демократии.

К.Монтенегро сформулировал концепцию «национальной революции». Он утверждал, что в Боливии со времени колонии существует два противоположных полюса — «нация» и «антинация». Эту терминологию (антинация или анти-родина, *antipatria*) К.Монтенегро заимствовал у испанских фалангистов, которые, в свою очередь, переняли ее у немецких нацистов. С завоеванием независимости страны нация (народ) осталась подавленной антинацией (олигархией).²³³ Между олигархией и империализмом ставился знак равенства.

Острые своей критики К.Монтенегро направил против либерально-позитивистской идеологии. Он утверждал, что олигархия пыталась привить на боливийской почве европейское правосознание, которое, однако, не соответствовало местным, автохтонным, «подлинно национальным» принципам жизни. Он отрицал возможность применения в Боливии каких-либо европейских доктрин и концепций общественного устройства. К.Монтенегро писал: «Либеральная идеология, к которой прибегал режим, идеология исключительно европейская; она была навязана народу, являлась одним из проявлений иностранного господства».²³⁴

«Национальная революция», согласно его концепции, носит лишь политический, а не социальный характер, ибо речь идет об освобождении всей нации, а не отдельного класса, от внешнего, колониального угнетения. Олигархия превратилась в «сверхгосударство», подчинив себе подлинное государство, узурпировав его суверенитет. Националисты, призывал К.Монтенегро, должны направить против него основной удар. Для К. Монтенегро революция заключалась в восстановлении суверенитета нации, отстранении олигархии от власти, решении антиимпериалистических задач. Революция принималась как «консервативный акт», восстанавливающий метафизически понимаемую историческую справедливость, освобождающий государство, то есть нацию, от господства «сверхгосударства», олигархии.²³⁵ К.Монтенегро считал пролетариат передовым руководителем нации, однако лишенным будущего, если он не придет к слиянию с другими классами. По мнению К.Монтенегро, олигархия разобщила народ, ввергла его в пучину

²³³ Montenegro C. Nacionalismo y coloniaje. La Paz, 1979. P.71, 82

²³⁴ Ibid. P.191.

²³⁵ Bolivia, hoy. México, 1983. P.66

классовой борьбы. Отсюда тезис о том, что «олигархия мешает единству народа». Следовательно, народ вновь обретет единство в «национальной революции», которая создаст гармоническое общество без противоречий и классовой борьбы.²³⁶

К.Монтенегро и А.Сеспедес в своих журналистских, исторических и литературных работах, их сподвижники из Социалистической партии периода военного-социализма в своих программах и в политической практике формулировали основные принципы революционного национализма. Ядро будущей партии Националистическое революционное движение (МНР), образованной в 1941 г., стала газета «Ла Калье», начавшая выходить в свет в 1936 г.

Не все «романтические» националисты периода Силеса перешли вместе с Монтенегро на позиции антидемократического и агрессивного «революционного национализма». Многие под влиянием индеанизма и университетской реформы склонялись к марксистским и лево-социалистическим идеям. Близкими к умеренным националистам и индеанистам были взгляды одного из ярких политиков тех лет, самого молодого министра в правительстве Х.Буша Альберто Селада Вальдеса, умершего в возрасте 37 лет в 1939 г. Он был автором книги «Кольясуйо» (1933 г.), в которой проводил идею преемственности древней инкской цивилизации и современной боливийской нации. Большое влияние на его взгляды оказала книга Фернандо де Лос Риоса²³⁷ «Гуманистическое существо социализма», главная идея которой состояла в необходимости соединить демократию и свободу либерализма с социальной справедливостью социализма.

А.Селада активно пропагандировал идеи «гуманистического социализма». Он утверждал: «Мы верим в социализм, мы боремся за последовательную и разумную перестройку страны на социалистических основах... Нельзя быть по настоящему ни националистом, ни революционером, не будучи социалистом».²³⁸ Селада пытался примирить непреходящие ценности демократии и либерализма с агрессивным национализмом. Однако в эпоху кризисов и борьбы крайних позиций такие примиряющие идеи не имели успеха. Его деятельность и идеи оказали большое влияние на содержание новой боливийской конституции, принятой Конституционной ассамблеей в 1938 г. Он пользовался доверием президента Х.Буша,

²³⁶ Revista mexicana de sociología. México, 1978. No.2. P.523–524.

²³⁷ Фернандо де Лос Риос — автор теории "гуманистического социализма". Испанский политический деятель, во время гражданской войны был министром юстиции в республиканском правительстве.

²³⁸ Francovich G. Variedad. La Paz, 1988. P.126.

а его идеи служили теоретическим оправданием реформ «государственного социализма».

В конце 20-х — в 30-е годы в Боливии наблюдалось повальное увлечение марксизмом. Из Чили и Аргентины поступали книги Ленина, Бухарина, Троцкого. Проблемы марксизма и социализма дискутировались повсюду, от профсоюзных собраний в горнорудных поселках до университетских кафедр. Марксистская терминология нашла отражение в философских и социологических работах представителей самых разнообразных течений.

Однако, если революционный национализм и индсанизм открыто отрицали либерально-позитивистскую традицию, в частности в виду ее европоцентричности и интернациональности, марксизм стал убежищем либеральной интеллигенции. В чистом виде либерализм умер. Его редкие представители группировались вокруг карликовых партий и консервативных организаций, не имевших никакого идейно-политического воздействия ни на массы, ни на интеллигенцию. Марксизм же стал фактическим наследником либерализма, ибо более всего был близок к нему в принятии таких фундаментальных положений, как универсализм, интернационализм, исторический оптимизм, экономический детерминизм и рационализм. В Боливии прослеживается преемственность между марксизмом и либерализмом наиболее четко. Внутри боливийского марксизма в 30-е годы сформировалось два антагонистических крыла: троцкизм и «либеральный» марксизм.

Троцкизм в Боливии связан с именами Т.Марофа и Х.Агирре Гайнсборга. Во время Чакской войны Т.Мароф открыто выступал с антивоенных позиций. В 1934 г. он создал в Аргентине марксистскую группу «Тупак Амару». В декабре 1934 г. она объединилась с «Боливийской левой» Х.Агирре Гайнсборга, а в июле 1935 г. в Кордобе состоялся съезд этих групп, образовавших Революционную рабочую партию (ПОР) во главе с Т.Марофом. Партия провозгласила себя марксистско-ленинской. Все основатели партии высказывались в поддержку Троцкого. На съезде присутствовал генеральный секретарь Компартии Парагвая Оскар Крейдт, что свидетельствовало о стремлении коммунистов промосковской ориентации повернуть идеологическую направленность новой боливийской партии в прокоминтерновское русло. Участие О.Крейдта в съезде должно было также символизировать интернациональную солидарность боливийских и парагвайских левых в борьбе против войны в Чако.

Кроме того, в феврале — марте 1936 г. в журнале «Кларидад», выходящем в Буэнос-Айресе, прошла полемика между О.Крейдтом и Т.Марофом, суть которой сводилась к отстаиванию политики Народного фронта первым, и защите стратегии пролетарской ре-

волюции в Боливии вторым. На первых порах в отношении ПОР, которая изначально придерживалась протроцкистских позиций, коммунисты проводили весьма умеренную линию, что никак не соответствовало их общей установке на непримиримую борьбу с троцкистами.

После войны в Чако Т.Мароф возвращается в Боливию, где надеялись, что с его приездом начнется социальная революция или, по крайней мере, будет создана массовая пролетарская партия. Однако, персоналистский, каудильистский стиль руководства ПОР приводит Т.Марофа к конфликту с Х.Агирре, ПОР и троцкизмом. Его очередной политический вираж, на этот раз от троцкизма, вполне объясним. Т.Мароф несмотря на свою политическую жизнь в марксистском движении, собственно никогда марксистом не был. Его идеалом была массовая рабочая партия с размытыми идеологическими границами, без жестких доктринальных установок, типа лейбористской в Англии. Он не был ни троцкистом, ни сталинистом, ни марксистом. Его поведение было во многом типичным для леворадикальной интеллигенции в Латинской Америке. Крупнейший боливийский троцкистский историк и политический деятель Г.Лора признавал, что в Латинской Америке к троцкистам чаще всего шли не те, кто хотел бороться со Сталиным за «чистоту» марксистско-ленинских идей против их бюрократического извращения, а те, кто по сути выступали против марксизма, и со временем покидали ряды троцкизма.²³⁹ Если Мароф отошел от троцкизма, то Х.Агирре Гайнсбург олицетворял верность марксистско-ленинским тезисам о пролетарской революции в Боливии. Троцкизм сохранил свое значительное влияние благодаря таким ярким фигурам как Т.Мароф, Х.Агирре Гайнсбург, О.Баррьентос (Томас Уарки), А.Валенсия Вега (Иван Кесвар), Г.Лора. Влияние троцкизма объясняется также отсутствием серьезной просоветской коммунистической партии и преобладанием «либерального марксизма» в среде левых сил. Все эти факторы позволили троцкизму сохранять влиятельные позиции в рабочем и студенческом движении многие годы.

«Либеральный марксизм» в Боливии в конце 30-х годов стал влиятельным политическим течением. Его идеологами были видные философы и экономисты Х.А.Арсе, Р. Анайя, М.Бонифас, А.Уркиди и другие. В 20-е годы это были лидеры студенческого движения, примыкавшие к левому крылу националистов. С установлением «государственного социализма» Х.А.Арсе и Р.Анайя были советниками министерства труда, а М.Бонифас и А.Уркиди возглавляли Левый фронт Кочабамбы.

²³⁹ Lora G. Op.cit. P.310.

У «либеральных марксистов» не было четкой концепции революции. Влияние ортегианства сказалось на их восприятии диалектики и формационной доктрины марксизма. Лидеры этого течения считали, что Боливия должна пройти полный цикл капиталистического развития подобно странам Западной Европы и США, прежде чем появиться предпосылки для проведения социалистических преобразований. Это положение выводилось из известной гегелевской триады как основного диалектического принципа развития. По их мнению, Боливия должна была пройти длительный процесс изменений: тезису — господству империализма и полуфеодального латифундизма противостоит антитезис — антифеодальная революция, а их синтезом будет победа буржуазных отношений и вызревание следующего этапа.²⁴⁰

«Либеральные марксисты» сохраняли преемственность с либерально-позитивистской идеологией. Этим объясняется их значительное влияние среди традиционных средних слоев. Вместе с тем, марксистская терминология, а главное, социальные цели были столь отличны от либеральных, что не следует преувеличивать охранительную тенденцию этого течения. В конечном итоге, даже в этой форме марксизм разрушал существовавшие идеологические установки, призывая к политической и экономической реформе и проповедуя, пусть в урезанном виде, классовую борьбу.

Вторая половина 30-х годов в Боливии ознаменовалась идейной революцией в обществе. Индеанизм, национализм, марксизм полностью разрушили существовавшие идеологические стереотипы. Идейная борьба в боливийском обществе в 30-е годы была неразрывно связана с политической. Те же действующие лица, та же тематика дискуссий. Без идейного переворота в умонастроениях большинства боливийцев, подготовленного интеллигенцией в конце 20-х — в начале 30-х годов, было бы невозможно проведение каких-либо радикальных преобразований в обществе. Политическая дискуссия 30-х годов оперировала понятиями и терминами, выработанными в ходе идейной революции.

Идейная революция привела к формированию гегемонии новых политических сил, определявших вектор развития страны на новом историческом этапе. Идейный кризис привел к «кризису легитимации», что в первую очередь, затронуло господствующую идеологию, освящавшую функционирование политического аппарата, а также формы и методы вмешательства государства в экономическую жизнь.

²⁴⁰ Arze-y-Arze J.A. Ensayos filosóficos. Polémica sobre el marxismo y otros ensayos afines. La Paz, 1980. P.139–143.

Послевоенный политический кризис и военно-социалистический переворот 17 мая 1936 г.

Поражение на фронте в Чако серьезно осложнило внутриполитическое положение в Боливии. Свержение Д.Саламанки в ноябре 1934 г. было воспринято с облегчением большинством населения. Оппозиция с восторгом приветствовала военный переворот. Газета «Эль Универсаль», считавшаяся рупором Националистической партии, писала в своей редакционной статье: «Свержение Саламанки, как с исторической, так и с моральной точек зрения, означает для национального сознания подлинный смертный приговор всему режиму власти; переворот в условиях войны становится первой предпосылкой спасения... В отрешении Саламанки от власти соединились все жизнеспособные силы страны, воодушевленные священной потребностью уничтожить врага общества номер один. Даниэля Саламанку, человека, который в своем мрачном эгоцентризме и невежестве, в своей психопатологической манере управлять парализовал всякую возможность действовать»²⁴¹. С политическими переменами в обществе возникла надежда на улучшение положения на фронте, на быстрейшее заключение мира.

Свергнувший Д.Саламанку переворот поставил точку и в политической карьере Ф.Тамайо, избранного президентом на выборах 1934 г. Военные настояли на отмене результатов выборов. Главой государства стал вице-президент либерал Х.Л.Техада Сорсано. Нового главу государства считали технократом, не обладавшим большими политическими амбициями. Х.Л.Техада Сорсано был политиком либерально-демократических убеждений. Он был популярен не только среди традиционных политиков, ориентированных на Либеральную партию, но и среди националистической молодежи. Х.Л.Техада Сорсано принадлежал к той части либералов, которые еще в период правления их партии призывали ограничить

²⁴¹ Цит. по – Alcazar M. Crónicas parlamentarias. La Paz, 1946. P.194.

всевластие монополий олова. Будучи министром финансов, в 1919 г. он указывал на социальное зло, порождаемое монополизацией горнорудной промышленности. Однажды, в беседе с писателем и видным деятелем либеральной партии А.Аргедасом, он сказал, что К.В.Арамай, одного из «баронов олова», интересуется только то, как много он сможет вывезти из страны для собственного обогащения, и ничего более²⁴². Х.Л.Техада Сорсано подчеркивал необходимость побороть негативную тенденцию постоянного уменьшения поступлений в бюджет от этой отрасли экономики, нарастания социальной напряженности в районах горнодобычи, где росло количество выступлений рабочего класса.²⁴³ Он был убежден, что существовавшая система может быть сохранена при умеренном реформировании, исправлении явных перекосов в экономической структуре страны, становившейся всё более зависимой от горнорудных монополий.

Прагматизм и патриотизм Х.Л.Техады Сорсано вызвали симпатии к его правительству в самых широких слоях населения. В противовес свергнутому «человеку-символу» его назвали «человеком мира». Хотя главной проблемой текущего момента оставалась война в Чако, страна нуждалась не только во внешнем умиротворении, но и в достижении гражданского мира. Новый президент сразу же сделал шаг в сторону оппозиции, пригласив в своё правительство представителей республиканцев-сааведристов и националистов. Важные посты в правительстве получили либералы и республиканцы-саламанкисты Д.Альвестеги, Т.М.Элио, Х.М.Сальес. Оппозиции вручили важные портфели в кабинете: пост министра обороны был предложен старому каудильо Ла-Паса Б.Сааведре. Хотя он сам отказался, его сторонники вошли в правительство. Министром обороны стал сааведрист Габриэль Госалвес, а министром просвещения — молодой политик, один из лидеров силлистской Националистической партии Э.Бальдивесо.²⁴⁴

Х.Л.Техада Сорсано столкнулся с тяжчайшим положением в экономике. Ему предстояло решать проблемы финансовой несостоятельности государства. Война в Чако привела страну на грань финансового краха. Чтобы оценить глубину той пропасти, перед которой оказалась послевоенная Боливия, достаточно упомянуть размер государственного долга, достигавшего гигантской суммы в 250 млн фунтов стерлингов, что в десять раз превышало годовой бюджет страны. Бюджетный дефицит в 1935 г. достиг 136 млн бо-

²⁴² ABNB. Diario de Alicides Arguedas. T.7. P.202.

²⁴³ Libro blanco de la Independencia económica de Bolivia. La Paz, 1952. P.33.

²⁴⁴ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1743.

ливиано, или 71 % всех расходов. За годы войны национальная валюта обесценилась в 20 раз. Появился валютный черный рынок. Население страдало от роста цен. По сравнению с 1931 г. индекс цен на основные товары вырос более чем в два раза²⁴⁵. Приток населения в города увеличил потребность в продовольствии. Все без исключения правительства пытались решить эти проблемы за счет импорта, лишь усиливая таким образом нагрузку на национальную валюту и способствуя её девальвации и последующему витку роста цен.

Для обеспечения поступления в страну жизненно необходимого импорта продовольствия и поддержания минимального уровня потребления в городах, правительство Х.Л.Техады Сорсано установило несколько типов обменного курса,²⁴⁶ что породило массу финансовых злоупотреблений, спекуляций, привело лишь к обогащению валютных дельцов, но не спасло ни валюту страны от обесценения, ни остановило рост цен. Ещё во время президентства Э.Силеса была опробована система принудительной передачи части валютной выручки по специальному курсу. Объем продажи валюты государству в 1933 г. достиг 65%. Правительство объясняло такие жесткие меры логикой военного противостояния в Чако и необходимостью мобилизации всех резервов для военных целей.

Единственным источником пополнения бюджета оставался путь эмиссии и усиления налогового пресса на горнорудные компании. Президент пошел на меры, вызвавшие решительный протест и шквал критики со стороны традиционных партий, его основной политической опоры. Правительство установило правило 55%-ной сдачи валютной выручки экспортеров по курсу более низкому, нежели на свободном рынке. За нарушение этого валютного режима Х.Л.Техад Сорсано угрожал компаниям экспроприацией.²⁴⁷

В 1934 г. льготный курс, по которому принудительно меняли полученную горнорудными компаниями от экспорта валюту на боливиано, был в четыре раза ниже котировок свободного рынка. Покупая валюту «по дешевке» у экспортеров, государство продавало её по более высокому курсу импортерам. По сути, это был

²⁴⁵ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina. P.34–35, 83

²⁴⁶ Впервые система дифференцированных обменных курсов с введением льгот для импортеров продовольствия была введена еще при Э.Силесе и сохранилась при Д.Саламанке.

²⁴⁷ Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936–1937)// Ibero-Amerikanisches Archiv. vol. 14. No. 4, 1988. S.475.

дополнительный налог на горнорудную отрасль, что, конечно, негативно сказывалось на её капитализации, снижало уровень прибыли, практически остановило обновление производственных фондов. За счет разницы курсов государство получало 31% всех бюджетных поступлений в 1938 г. и 40% в 1939 г.²⁴⁸

Для покрытия растущих государственных расходов правительство увеличивало налогообложение экспортеров, являвшихся единственным реальным источником получения валютных средств. Начиная с 1934 г. налоги на экспорт, прежде всего, олова были увеличены вдвое. С одной стороны, это больно ударило по горнорудной отрасли в целом, снизив её конкурентоспособность. С другой стороны, правительство всё более зависело от положения в горнорудной промышленности, а следовательно, и от взаимоотношений с «баронами олова». Именно начиная с 30-х годов положение в горнодобывающих отраслях напрямую отражалось на финансовом положении государства. Поступления от налогов на олово составляли львиную долю бюджета. Ситуация в горнорудной отрасли стала проблемой государственного выживания: отсюда многочисленные проекты от полного или частичного контроля за экспортом олова до национализации.

Х.Л.Техадэ Сорсано стремился разрядить внутривнутриполитическое напряжение: правительство ослабило цензуру, а 20 февраля 1935 г. объявило всеобщую амнистию, что позволило политэмигрантам вернуться в страну. Авторитет правительства укрепился после стабилизации фронта и последовавшего затем контрнаступления боливийских войск в начале 1935 г. Дипломатические усилия кабинета, в котором внешнеполитическое ведомство возглавлял опытный дипломат Томас М.Элио, дали свои результаты: в июне было достигнуто соглашение о перемирии, а в Буэнос-Айресе начались мирные переговоры с Парагваем. Все эти обстоятельства увеличили доверие к президенту, а Конгресс продлил полномочия Х.Л.Техадэ Сорсано до августа 1936 г. Выборы были назначены сначала на октябрь 1935 г., а затем были перенесены на май 1936 г.

Вместе с успехами в урегулировании военного конфликта, в консолидации всех политических сил, положение Х.Л.Техадэ Сорсано оставалось очень уязвимым. Неумолимо надвигался политический кризис: росли экономические трудности, политические партии требовали отмены ограничений военного времени. Бывшие союзники президента-либерала, «подлинные-республиканцы», которым больше всего доставалось от критиков их правления в предыдущие годы, выступили с документом, обвинявшем военное командование в некомпетентности и бездарном ведении войны в

²⁴⁸ Brien M.W. Op.cit. P.45.

Чакко²⁴⁹. Х.Л. Техада Сорсано во имя добрых отношений с военными пошел на конфликт и даже прибегнул к репрессиям против «подлинных-республиканцев», лидеров которых в апреле 1936 г. обвинили в заговоре и выслали из страны. Эти обстоятельства сделали невозможным предвыборный союз традиционных партий. Характерной чертой момента было нарастание кризиса взаимоотношений военных и традиционных политиков. Взаимные критика и обвинения разрушали единство политической элиты, ослабляли её позиции в обществе. Этими противоречиями и враждой воспользовались новые политические силы.

Одной из главных особенностей послевоенного кризиса было формирование новых, в основном антиолигархических партий. В последний год войны в крупнейших городах Боливии возникло множество левых и националистических групп, именовавших себя социалистическими. В период войны в левом студенческом движении произошло политическое размежевание: от марксистов отошли те, кто перешел на позиции национал-реформизма, индоамериканизма, ставшего модной политической доктриной благодаря активной пропагандистской работе перуанской АПРА. Часть бывших левых студентов стали симпатизировать национал-социализму и фашизму. Сторонники апризма, бывшие левые студенты и марксисты Х.Суасо Куэнка, Л.Итурральде Чинель, Виктор Андраде, Вальтер Гевара Арсе и Эрнан Силес Суасо²⁵⁰, — в будущем видные государственные деятели и идеологи боливийского национал-реформизма, — в июле 1935 г. основали полуподпольную группу «Бета Гамма», аббревиатура которой означала заглавные буквы испанских слов «Bolivia Grande» — Великая Боливия. Первоначально требования группы не шли далее конституционной реформы и участия в коалиционном правительстве. В конце 1935 г. эта организация издавала одноименную газету.

«Бета Гамма» пошла на тесный союз с рабочим движением, что способствовало радикализации программы группы. Целью этой группы объявлялось создание социалистического государства в Боливии, в котором будут достигнуты взаимодействие рабочего класса, крестьянства и средних слоев.²⁵¹ Внутри «Бета Гамма» сформировалось леворадикальное крыло во главе с Х.Агирре

²⁴⁹ Salamanca D. Mensajes y memorias póstumas. Cochabamba, 1976. P.117–126.

²⁵⁰ Эрнан Силес Суасо — побочный сын президента Эрнандо Силеса, в будущем один из лидеров боливийского национал-реформизма, трижды становился президентом Боливии (1952, 1956–1960, 1982–1984).

²⁵¹ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1808–1809.

Гайнсборгом, который только что вернулся из Чили, где был одним из организаторов троцкистской партии. Вскоре левые сформировали самостоятельную группу «Левый социалистический блок», который входил в «Бета Гамму» на правах коллективного члена. Х.Агирре Гайнсборг критиковал на страницах популярных газет своих соратников за идеологическую размытость и слабость классовой позиции. Программной целью «нового социалистического движения» он объявлял строительство «государства профсоюзов»²⁵². Х.Агирре Гайнсборг оказывал огромное влияние на позицию группы, которая все более эволюционировала влево. Радикализация позиций «Бета Гамма» привлекла к союзу с ней марксистскую «Левую группу» Кочабамбы во главе с видным деятелем студенческого движения 20-х годов, известным пропагандистом марксизма Х.А.Арсе. Х.Агирре Гайнсборг настоял на изменении названия группы на «Социалистическое действие Бета Гамма».

С окончанием военных действий националисты возобновили свою деятельность, попытались восстановить свою партийную организацию. Националистическая партия провела в октябре 1935 г. свой съезд в Ла-Пасе, на котором было объявлено об образовании «Социалистической ячейки», которая реально уже существовала с августа 1935 г.²⁵³ Первая программа «Социалистической ячейки» была опубликована 4 ноября 1935 г. Во время съезда националистов К.Монтенегро, желавший подчеркнуть свою антилиберальную направленность, настоял на «социалистическом» названии новой партии.²⁵⁴ Фактически речь шла о трансформации старой и весьма умеренной партии в более радикальную организацию.

Многие бывшие члены националистической партии, ветераны войны в Чако образовывали небольшие политические группы, неизменно именовавшиеся социалистическими. Самыми крупными были Социалистическая партия Э.Бальдивьесо и «Национальная ассоциация ветеранов социалистов – АНДЕС»²⁵⁵. Эти так называемые социалистические группы, среди которых выделялись Социалистическая партия, «Социалистическая ячейка», группы «АНДЕС», «Боливия», ряд студенческих и профсоюзных организаций объединились в Социалистическую конфедерацию (КС), принявшую в декабре 1935 г. программу «Социалистического дейст-

²⁵² Ultima Hora. 04.11.1935.

²⁵³ El Diario. 08.10.1935.

²⁵⁴ Céspedes A. Op.cit. P.147.

²⁵⁵ По-испански означает Анды, а также аббревиатуру «Национальной ассоциации социалистов-ветеранов войны» (Asociación nacional de ex-combatientes socialistas).

вия». Социалисты выдвигали требования «постепенной национализации рудников, нефти, железных дорог и банков», ставили вопрос о необходимости раздела латифундий и просвещения индейцев. Их стратегической задачей была индустриализация и диверсификация экономики с опорой на ресурсы горнорудной промышленности. КС рассматривала валютные поступления от экспорта минералов как единственный источник индустриализации экономики страны²⁵⁶.

Политической целью социалистов было единение нации во имя исторического прорыва, выхода из порочного круга зависимости и отсталости. Главным препятствием на этом пути была кастовая ограниченность правящего класса, своей неуступчивостью и сопротивлением реформам толкавшим страну к экономической стагнации и социальной нестабильности.

В основу политической платформы социалистов были положены национализм и антилиберализм. Национализм был естественной реакцией на империалистическую эксплуатацию. Символом чужеземного влияния была горнорудная олигархия, давно потерявшая какие-либо связи со своей страной. Поражение в войне усилило националистические чувства молодых политиков. Политическим выражением правления олигархии был либерализм, ответственный, в глазах социалистов, за крах экономической системы и за все поражения Боливии. Программа социалистов предлагала реформу государственного устройства, в основе которой лежали принципы «прогрессивной функциональной демократии», способной ликвидировать классовую борьбу во имя общенациональных интересов.²⁵⁷ На её авторов большое влияние оказали корпоративистские идеи итальянского фашизма, а также более близкий им опыт «Социалистической республики» и «функциональная» демократия К.Ибаньесы в Чили. Под антиолигархическими и антилиберальными знаменами им удалось объединить самые пестрые политические организации — от марксистов и сторонников индоамериканизма перуанской АПРА до право-радикальных деятелей, симпатизировавших фашизму.

В столице и в других городах помимо КС и «Бета Гамма» возникали сходные партии и группы. В Кочабамбе действовала «Левая группа», в Сукре образовалась организация «Аризель», в Оруро — группы «Инти», «Блок Авансе (Наступление)», в Ла-Пасе — «Анри Барбюс». Все они именовали себя социалистическими, объединяли в своих рядах как националистов, так и марксистов. опи-

²⁵⁶ Lorini I. Op.cit. P.204.

²⁵⁷ РГАСПИ.Ф.495, оп.122, д.4. л. 12.

рались на леворадикальную интеллигенцию, студенчество, лиц свободных профессий, рабочих.

В январе 1936 г. руководящее ядро «Бета Гамма» во главе с её генеральным секретарем Л. Итурральде Чинелем настояло на союзе с близкой им по взглядам Социалистической конфедерацией. 30 января 1936 г. «Бета Гамма» объявила о присоединении к КС. Такой союз, заявили её лидеры, предполагал образование единой социалистической партии, съезд которой был назначен на 15 марта²⁵⁸. Все социалистические (так они себя называли, а на самом деле национал-реформистские) группы объединились в одну партию. На съезде этих групп и организаций в марте 1936 г. была создана единая Социалистическая партия (ПС). В её программу вошли положения декларации КС, принятой в декабре 1935 г. Возглавили ПС бывшие активисты Националистической партии Э.Бальдивесо, К.Монтенегро, Х.Тамайю (члены КС), Л.Итурральде Чинель (от «Бета Гамма»), Моисес Альварес (от рабочих профсоюзов — ФОТ). Несмотря на то, что новая партия была малочисленна и организационно слаба, она имела большой вес в реальной политике, так как представляла собой собрание влиятельных в обществе деятелей, журналистов, писателей, профсоюзных и студенческих лидеров. Социалисты стремились объединить под крышей своей партии все антиолигархические политические и профсоюзные группы. Поддержанная всеми левыми группами и профсоюзами Соцпартия превратилась в решающую политическую силу.

В январе 1936 г. социалисты и марксистская группа «Блок Авансе» провели в Оруро Первый региональный конгресс левых сил. На конгрессе был сформирован Единый революционный фронт (ФУР). В принятой на этом съезде программе нашли развитие основные положения документов Соцпартии, и даже были добавлены более радикальные формулировки в отношении преобразований государственной системы. ФУР предлагал ввести всеобщую синдикализацию, осуществить политическую реформу с целью создания профсоюзного государства, провести социализацию промышленности, аграрную реформу, коллективизацию земли и прочие меры революционного характера.²⁵⁹ Однако ФУР не стал объединением разных групп, и вскоре сам растворился в Социалистической партии.

Социалистическая партия быстро набирала силу. С ней стали считаться традиционные партии, предполагавшие путем альянсов и привлечения молодых политиков к разделу власти приручить

²⁵⁸ FRUS. 1936, vol. V. Washington, 1954. P.221.

²⁵⁹ Delgado Gonzalez T. 100 años de lucha obrera en Bolivia. La Paz, 1984. P.95–97.

влиятельную группу бунтарей, многие из которых происходили из лучших семей боливийской элиты. В марте 1936 г. Либеральная партия предложила социалистам политическое взаимодействие. Цель либералов состояла в привлечении на сторону правительства Х.Л.Техадэ Сорсано «чакской молодежи» из новых партий. Либералы недооценили всей глубины идейных расхождений с социалистами, что полностью исключало не только союз, но и диалог. В опубликованном в газетах ответе на это предложение Э.Бальдивесо, подчеркивая фундаментальные доктринальные различия с либерализмом, писал: «Политическая философия либерализма рассматривает государство как объединение личностей. Для социалистов государство является не миражом, а фундаментальной и в основном экономической структурой; оно определяется социальными функциями, состоит из производительных сил, создающих экономическую, политическую и социальную реальность»²⁶⁰.

Новые политические группы и партии, возникшие сразу же после войны на волне кризиса власти, представляли общественные силы, окончательно разочаровавшиеся в традиционной системе, стремившиеся к преобразованию экономики и государственного устройства. Большинство этих партий начертали на своих знаменах социалистические лозунги. Социализм для Э.Бальдивесо, Х.Тамайо, Л.Итурральде Чинеля и других, называвших себя социалистами, представлялся такой экономической и политической системой, в которой главной ценностью и, вместе с тем, решающей силой было бы государство.

Социализм представлялся системой, способной вывести страну из кризиса, укрепить государство, консолидировать нацию. У социалистов этого времени были крайне эклектические воззрения на будущее общество, к которому они стремились. С одной стороны, они проповедовали принципы социальной справедливости, говорили о приоритете национальных интересов, о защите природных богатств страны и ограничении монополий. С другой, их всех объединяло неприятие либеральной демократии, стремление к огосударствлению всех сторон общественной жизни и построению корпоративистской системы управления, в чем явно прослеживалось влияние европейского фашизма. Речь шла о строительстве государственного капитализма в экономике, о формировании корпоративистской общественной системы. Их лозунгом была социальная справедливость и преодоление классовой борьбы, понимаемых как огосударствление всех сторон жизни общества, в частности, профсоюзов и политических партий.

²⁶⁰ Iorini I. Op.cit. P.209.

Свою модель демократии они называли «функциональной»: по их мнению, в управлении страной должны участвовать только «производящие классы», то есть предприниматели, рабочие, военные и т.д., организованные на принципах корпоративизма. Социалисты считали, что в будущем государстве интересы личности должны быть преодолены во имя величия нации. Национальный эгоизм, абсолютизация и даже преклонение перед идеей государства, отрицание принципов демократии и либерализма как исчерпавших себя, политический волонтаризм — вот основные постулаты социалистов. В будущем все эти идеи составят основу идеологии «революционного национализма», боливийского варианта национал-реформизма.

Крайне левые политики не могли согласиться с поглощением революционных групп большой национал-реформистской партией. Х.Агирре Гайнсборг, справедливо усматривая в этом объединении окончательный политический выбор «Бета Гамма» в пользу национал-реформизма и антилиберального радикализма профашистского толка, покинул со своими сторонниками её ряды. В феврале 1936 г. в манифесте, написанном Х.Агирре Гайнсборгом, говорилось: «Конфедерация не является организацией трудящихся..., а защищает и гарантирует капиталистическую и феодальную собственность, обещает передать страну империализму и иностранному капиталу... Мы же боремся за создание классовой социалистической партии»²⁶¹. Сторонники Х.Агирре Гайнсборг присоединились к небольшой марксистской группе «Новый путь», руководимой рабочим лидером Максом Португалем, образовав «Левый социалистический блок», то есть сохранив название группы Х.Агирре Гайнсборга. Это политическое образование объявило себя пролетарской партией. Несмотря на размежевание с социалистами, эта группа считала необходимым на данном этапе продолжать сотрудничество с КС.

Х.Агирре Гайнсборг хотя и отмежеввался от националистов, преобладавших в «Бета Гамма», он всё же не терял надежды на создание единой социалистической пролетарской организации. Он вел переговоры с Э.Бальдивьесо, с группой «Андес» и многими другими социалистическими организациями, предлагая им образовать Единый левый фронт, целью которого было революционное свержение олигархии и начало радикальных преобразований в Боливии.²⁶² Фронт мыслился как реализация в Боливии плана создания рабочей партии, выработанного на съезде левых сил в Кордобе

²⁶¹ Alvarez W. Op.cit. P.85.

²⁶² Abecia Lopez V. Siete políticos bolivianos. La Paz, 1986. P.89.

(Аргентина) в июне 1935 г., когда была создана Революционная рабочая партия (ПОР) в эмиграции²⁶³.

Х.Агирре Гайнсборг стремился к тому, чтобы ПОР под тем или иным именем превратилась в массовую пролетарскую партию внутри страны²⁶⁴. Однако его усилия не увенчались успехом. Марксистская партия не могла объединить в своих рядах всю антиолигархическую оппозицию. Лишь идея национального государства, внеклассового социализма антилиберального направления могла объединить левых. Именно националисты или, как они себя называли, социалисты пользовались несомненным авторитетом в массовых организациях ветеранов войны и профсоюзах. Политическая инициатива принадлежала националистам из Социалистической конфедерации и «Бета Гамма», а не пролетарским группам.

Троцкистские позиции Х.Агирре Гайнсборга и Т.Марофа оттолкнули от союза с ними прокоминтерновских коммунистов и умеренных марксистов, предпочитавших лозунги «Народного фронта» задачам немедленной пролетарской революции. В 1936 г. во многих городах создавались «Региональные комитеты левых», которые через 4 года объединились в марксистскую промосковскую партию. Среди комитетов в провинциях выделялись влиятельный, фактически доминировавший в городе Народный фронт Потоси, марксистские группы «Блок Авансе» в Оруро и «Антауара» в Сукре. Последняя даже издавала свой теоретический журнал. Эти группы установили между собой связь и пытались наладить контакт с Коминтерном.²⁶⁵ В результате противостояния сталинистов троцкистам Х.Агирре Гайнсборга чаще удавалось находить общий язык с социалистами, националистами, нежели с более близкими им марксистами. Троцкисты в Боливии осуществляли тактику «энтризма» (от испанского слова — вступать, входить), то есть вхождения, проникновения в левые, а порой и «буржуазные партии». Их целью была работа по внутреннему преобразению и превращению этих партий в пролетарские организации или, как минимум, давление изнутри на их руководство во имя проведения более радикальной политики.

Наряду с новыми левыми партиями на главную роль в «социалистической» оппозиции претендовала также Республиканская партия Б.Сааведры. Эта партия вела свою историю от Республиканской пар-

²⁶³ О создании ПОР см. главу 3.

²⁶⁴ РГАСПИ. Ф.495. оп. 122. д.4, л.12–13.

²⁶⁵ В архиве Коминтерна имеется письмо группы «Антауара», подписанное Роберто Альварадо, Мигелем Бонифасом (оба видные боливийские ученые социологи и историки) — РГАСПИ. Ф.534. оп.7. д.89. л.7.

тии, к которой также принадлежал Д.Саламанка, ставший символом поражения в войне. Б.Сааведра, желая подчеркнуть свой разрыв со всей политической системой, поменял название партии на Республиканско-социалистическую (ПРС). Новая программа партии предлагала провести умеренные социально-экономические реформы, а также реорганизацию государства на корпоративистских началах. «Парламентское представительство должно опираться на корпоративные интересы промышленников, торговцев, студентов; местная власть, муниципалитеты должны быть эффективными, чисто техническими органами, армия должна выполнять социальную функцию»²⁶⁶. Оппозиция Б.Сааведры правительству Д.Саламанки и его собственная идейная эволюция к идеям корпоративизма оживили партию. В годы войны бывшие студенты-марксисты Абраам Вальдес, Франсиско Ласкано, Ф.Эгино Савалья, увлекшиеся Муссолини и национал-социализмом, присоединились к сааведристской партии. После войны ПРС вновь стала влиятельной массовой партией.

В марте 1936 г. Б.Сааведра выступил с программным «социалистическим» манифестом, в котором развивал корпоративистские идеи организации общества. Республиканцы-социалисты или сааведристы в своей новой программе говорили о диверсификации экономики, постепенной национализации рудников, колонизации неосвоенных земель и подъеме сельского хозяйства.²⁶⁷ Б.Сааведра стал ярким поклонником итальянского фашизма. Он ратовал за создание корпоративистского государства по примеру Италии.

Б.Сааведра оставался популярным лидером, особенно среди низов Ла-Паса. Он блестяще использовал «социалистическую» и антиимпериалистическую риторику в своей демагогической пропаганде. Однако его успехи были незначительны. Несмотря на свою политическую мимикрию, Б.Сааведра все-таки оставался человеком прошлого. Боливийцы искали новых, не связанных с позором и катастрофами прошедших лет, политиков, не имевших ничего общего ни с республиканцами, ни с либералами. Понимая это, Б.Сааведра протянул руку сотрудничеству своим главным конкурентам, социалистам. Союз сааведристов и социалистов предполагал обязательство поддерживать кандидатуру Б.Сааведры на будущих президентских выборах²⁶⁸. Однако было очевидным, что военные вряд ли поддержат устремления Б.Сааведры и передадут ему всю полноту власти. Сааведристы проводили сложную политику союзов и компромиссов, однако у них оставалось мало шансов прийти к власти помимо воли во-

²⁶⁶ Gomez E. Bautista Saavedra. La Paz, 1975. P.297.

²⁶⁷ Comejo A. Programas políticos de Bolivia. Cochabamba, 1949. P.101–

103.

²⁶⁸ РГАСПИ. Ф.495. оп.122. д.4, л.12.

енных. Тем не менее, сааведристы и социалисты договорились о совместных действиях. 4 февраля 1936 г. был заключен союзнический пакт, ставший основой заговора против правительства Х.Л.Техады Сорсано

Сааведра должен был считаться с тем, что хотя социалисты, будучи малочисленной политической партией, обладали большим влиянием в обществе, среди рабочего класса, средних слоев и, главное, военных. Как сааведристы, так и социалисты рассматривали рабочее движение как своего самого естественного союзника. Именно рабочий класс был адресатом большинства положений их программ, заявлявших о строительстве государства социальной справедливости, республики трудящихся и т.д. Союз с профсоюзным движением превращал социалистов в одну из самых влиятельных сил в стране.

С окончанием войны разогнанные Д.Саламанкой профсоюзы возобновили свою деятельность. В этот период в рабочем движении наблюдались огромный интерес к различным радикальным революционным доктринам. Большинство рабочих лидеров склонялись к марксизму и национализму типа перуанской АПРА. В 1935 г. в Оруро был восстановлен профсоюз горнорудных рабочих шахт Итос, Сокавон и Сан-Хосе. В апреле 1936 г. он уже участвовал в Левом региональном конгрессе, на котором был создан Единый революционный фронт (ФУР)²⁶⁹. Рабочее движение оставалось очень неоднородным. Если в городах профсоюзы активно участвовали в политической борьбе, то горнорудные рабочие пока держались в стороне от политики и порой даже отказывались сотрудничать с явно политизированными профобъединениями, левыми партиями и группами, возникшими в конце войны как грибы после дождя.

В октябре 1935 г. были воссозданы профсоюзы печатников и шоферов — наиболее организованных и боевых отрядов рабочего движения. Во главе профсоюза печатников стоял молодой (ему было 33 года), радикальный руководитель Вальдо Альварес Эспанья, пользовавшийся большим авторитетом.²⁷⁰ Начиная с мая 1935 г., подъем забастовочного движения остро поставил вопрос об организации общенационального революционного профцентра. Ещё во время войны из Чили прибыла группа рабочих лидеров М.Альварес, Э.Сальватьерра, Э.Лоса, которые объявили о создании Конфедерации трудящихся Боливии (СТБ).

27 ноября 1935 г. лидеры СТБ совместно с руководством новых профсоюзов печатников и шоферов провели профсоюзную ассамб-

²⁶⁹ Rodriguez. Ostria G. El Socavón y el sindicato. Ensayos históricos sobre los trabajadores mineros. Siglo XIX — XX. La Paz, 1991. P.98

²⁷⁰ Alvarez España W. Op.cit. P.75–77.

лею, на которой было решено возродить старую ФОТ Ла-Паса, разгромленную в период войны в Чако. В комитет по реорганизации вошли Л.Паласиос, А.Бустильос, А.Карреага. При помощи социалистов ФУР была восстановлена общенациональная Рабочая федерация (ФОТ) в Оруро во главе со своим старым руководителем Г.Моисесом. Вскоре филиалы ФОТ были восстановлены в других городах. Ещё ранее, 11 июля 1935 г. была возрождена старая анархистская ФОЛ²⁷¹.

Х.Л.Техادا Сорсано делал серьезные шаги навстречу рабочему движению. Сила профсоюзов подталкивала президента искать с ними политического взаимодействия. В сентябре 1935 г. правительство приняло новые законы, регулирующие правила найма, что в значительной мере укрепляли социальное законодательство 20-х годов, так как они запрещали любые формы принудительного труда и требовала формального трудового договора с рабочими.²⁷² 8 января 1936 г. правительство предложило ФОТ прислать своего полномочного представителя в состав муниципалитета Ла-Паса, что позволило бы решать конфликтные вопросы путем переговоров и компромиссов и сделало бы более сговорчивыми лидеров левых партий. ФОТ отвергла протянутую президентом руку сотрудничества. В профсоюзах и в поддерживавших их политических партиях и группах, в частности, в Социалистической конфедерации, преобладали непримиримые, радикальные взгляды как на действующее правительство, так и на всю политическую систему. На повестку дня ими ставились вопросы радикального реформирования государства и экономики.

Именно в это время ФОТ готовилась развернуть общенациональную кампанию протеста против экономической политики и ухудшения положения трудящихся. К требованиям ФОТ присоединились социалисты, Левый социалистический блок Х.Агирре Гайнсборга, ветеранские организации и даже сааведристская Республиканско-социалистическая партия, традиционно пользовавшаяся большой поддержкой городских низов, ремесленников, студентов, в целом средних слоев Ла-Паса.²⁷³

Наряду с левыми группами и профсоюзами огромный политический вес в обществе приобрела армия. Хотя военные тяготились позором поражения, а высшее командование вполне обоснованно обвиняли в бездарном управлении войсками, вызвавшем огромные потери, новые власти заигрывали с армией. Устраивались банкеты в честь командования, прославлялся героизм военных. В январе 1936 г.

²⁷¹ Lorini I. Op.cit. P.122.

²⁷² Ponce Garcia J., Stanley T., Cisneros A. Op.cit. P.28.

²⁷³ SRI. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. 27 – 29 – 13, f.44.

тери, новые власти заигрывали с армией. Устраивались банкеты в честь командования, прославлялся героизм военных. В январе 1936 г. А.Аргедас в своем дневнике писал: «Военные сначала были тихими, скромными, почти робкими... и вот, сначала президент Техада, потом Муниципалитет, затем различные общества стали организовывать празднества в их честь, и военные мало по малу расправили плечи, воспрянули духом. И сегодня они делают все, что хотят, командуют страной, присвоив себе все полномочия правительства; именно они правят, а президент превратился в игрушку в их руках»²⁷⁴.

Армейское командование сконцентрировало в своих руках больше управленческих функций нежели само правительство, которое было бессильно без поддержки военных. Военные получили исключительное право распределения нефтепродуктов. Телеграф, все коммуникации полностью контролировались военными властями. Верховное командование контролировало львиную часть бюджета: из 130 млн боливиано, за вычетом расходов на обслуживание долгов и средств, направляемых на возвращение пленных домой, армия распорядилась 40 млн боливиано, в то время как вся остальная гражданская администрация довольствовалась 30 млн.²⁷⁵

Даже цензура осуществлялась военными, в частности, полковником Д.Торо, установившим полный личный контроль над прессой²⁷⁶. Генеральный штаб самостоятельно, без консультаций с правительством, принимал решения о закрытии газет или конфискации тиража: так, 21 марта 1936 была закрыта либеральная газета «Ла Пренса», которая осмелилась опубликовать критическую статью против военных. Несмотря на фактическое окончание войны, Генштаб во главе с Д.Торо сопротивлялся планам Х.Л.Техады Сорсано по скорейшему восстановлению конституционной законности, отмены чрезвычайного положения и возобновления функционирования в полном объеме республиканских институтов власти. Военные возражали против снятия цензуры и либерализации въезда в страну. Генштаб жесткой рукой контролировал саму армию, подавляя всяческое проявление недовольства своим излишним участием в политике²⁷⁷.

За годы войны в офицерском составе армии произошли существенные изменения. К довоенным профессионалам, воспитанным на аполитичных принципах прусской доктрины, пропагандируемой

²⁷⁴ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.173.

²⁷⁵ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P. 202–203.

²⁷⁶ FRUS. 1936, vol.V. Washington, 1954. P.221

²⁷⁷ В конце апреля 1936 г. в Ла-Пасе циркулировали слухи о заговоре в армии против командования и лично Д.Торо и Э.Пеньяранды — ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P. 202–203.

миссией генерала Х.Кундта, возглавлявшего в 20-е годы боливийские вооруженные силы, добавились новые мобилизованные во время войны офицерские и сержантские кадры. В довоенной армии офицерский корпус формировался за счет выходцев из средних слоев. Военная служба была одной из форм социальной мобильности в обществе. Прощедшая мобилизацию, потери и пополнение офицерства за счет различных классов общества, армия предстала социально обновленным организмом. Большинство старых офицеров происходили из обедневших средних слоев. Они испытали во время войны горькое чувство разочарования в высшем командовании армии, были возмущены бездарным правлением олигархических политиков, приведших страну к национальной катастрофе. К ним добавились импровизированные офицеры, представители образованных слоев населения и масса сержантского состава из городских низов, мобилизованные в годы войны.

Среди офицерского состава были популярны националистические идеи. Понимание необходимости реформ проникало в среду офицеров, ориентировавшихся в большей степени на неформальных военных лидеров, известных своими реформистскими и националистическими взглядами, нежели на высшее командование. Вместе с тем, широкое распространение среди военных получили антидемократические, авторитарные идеи переустройства страны. Исчезла вера в способность гражданских политиков эффективно управлять страной. А.Аргедас в своем дневнике передал одну из бесед со своим другом военным, который говорил следующее: «Я более не верю в демократию, не доверяю выборам. Наш избиратель всегда подкупается и не может выражать интересы народа. Нужна новая политическая система, направленная на возрождение страны»²⁷⁸. Часто слышались призывы слиться со своим народом, дать ему возможность выбрать свою судьбу и т.п. Орудием народного волеизъявления они видели самих себя.

В июле — августе 1935 г. военные стали возвращаться из Чако в города, прежде всего в Ла-Пас. Военным казалось, и не без основания, что они лучше гражданских политиков понимали национальные интересы страны. Их контакт с индейцами, составлявшими основную солдатскую массу, раскрыл им глаза на ту пропасть, которая разделяла официальную политику и ту социальную реальность, которой жила страна. Среди офицерства, еще недавно консервативного института, распространились леворадикальные идеи. Любопытен, например, сюжет, рассказанный в своих мемуарах рабочим лидером В.Альваресом. Он был знаком с полковником Варгасом, который с началом военных действий в Чако с университетской скамьи был

²⁷⁸ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.201.

данность марксизму. Встретившись с ним в 1936 г., В.Альварес с большим удивлением выслушал от него большую лекцию по марксистской политэкономии. В.Альварес отмечал, что многие офицеры до войны были студентами, часто с левым, марксистским прошлым²⁷⁹.

Зависимость командования армии от молодых офицеров и, главным образом, от их лидеров Э.Пеньяранды и Х.Буша объяснялась общей дискредитацией генералитета в глазах общества. Боязнь ответственности за бездарное ведение войны пронизывала всю верхушку армии, которая видела в неформальных лидерах офицерства, героях войны Х.Буше, Б. Бильбао Риохе и даже в Д.Торо единственных спасителей чести всего военного института в глазах общества. Это обстоятельство объясняет солидарное поведение высшего командования, генералитета в отношении молодых офицеров, а также его добровольное подчинение неформальным лидерам армии. Любопытно, что страх перед обществом был столь велик, что при возвращении генерала Э.Пеньяранды в Ла-Пас в октябре 1935 г. были предприняты беспрецедентные меры безопасности из-за открытой враждебности со стороны населения столицы.

Военные создавали тайные организации, ложи, принимали активное участие в общественной дискуссии о будущем страны, явно солидаризируясь с левыми оппозиционными группами и партиями. Ещё во время войны, 2 мая 1934 г. в одном из лагерей военнопленных в Парагвас офицеры-патриоты создали тайную ложу РАДЕПА (Razon de la Patria — разум родины). Впоследствии в эту группу вошли многие молодые офицеры, ветераны войны. По оценкам самих руководителей ложи, число её членов достигало от 200 до 400 человек. Во главе ложи стояли молодые офицеры Э.Бельмонте и Г.Вильяррозель.²⁸⁰ Программа глубоко законспирированной ложи содержала требования защиты национальных интересов, борьбы за моральное и духовное освобождение страны, во многом повторяя сходные положения программ других политических организаций национал-реформистского типа, появлявшихся в это же время в Боливии.

²⁷⁹ Alvarez W. Op.cit. P.91.

²⁸⁰ Э.Бельмонте занимал ряд важных постов в правительстве Буша, стал знаменит после «раскрытия так называемого пронацистского заговора Бельмонте», дела сфабрикованного в 1942 г. британской разведкой. Г.Вильяррозель был президентом Боливии в период с 1943 г. по 1946 г. Погиб во время народного восстания 1946 г., инспирированного олигархией. Был повешен на площади перед президентским дворцом в Ла-Пасе. Боливийцами почитается президентом-мучеником, предтечей национализма.

жения программ других политических организаций национал-реформистского типа, появившихся в это же время в Боливии.

У логи были две отличительные черты, позволяющие говорить об уникальности этой организации. Во-первых, программа запрещала членам логи не только входить в другие партии и группы, но и занимать посты, облеченные высшей государственной властью, то есть президента и министров. РАДЕПА изначально отказывалась от прямой борьбы за власть, предполагая лишь тайно содействовать своим союзникам в осуществлении поставленных целей²⁸¹. Второй особенностью РАДЕПА была её конспиративность, возведенная в абсолют. Если первый пункт программы — неучастие в высшем государственном управлении — им не удалось выполнить, и в разные годы радеписты входили во власть, а затем захватили её, хотя программа запрещала участие в переворотах, то вторая особенность логи, её ультраконспиративность всё-таки, выдержала испытание временем. О её существовании стало известно лишь после свержения Г.Вильярроэля в 1946 г., когда достоянием гласности стали её тайные документы, найденные в президентском дворце. РАДЕПА и другие военные тайные организации вступали в контакт с левыми политическими группами, прежде всего, социалистами. К 1936 г. оформился союз военных-националистов и социалистов. Радеписты поддерживали социалистов, являясь их главными союзниками среди военных.

Самым известным человеком в стране был тридцатилетний подполковник Херман Буш. Он стяжал славу подлинного героя войны: именно на его счету было единственное успешное боливийское контрнаступление у Камири в 1935 г. Народ прозвал его «Чакский тигр». Х.Буш родился в 1904 г. в семье немецкого иммигранта, женатого на боливийке. Он вырос на востоке страны в районе тропиков Амазонии. Его детство прошло в нищете. Сын немецкого врача и бедной местной жительницы с раннего возраста познал тяжелый физический труд. Отец отправил его с матерью в отдаленный поселок, где они зарабатывали на скудное пропитание сбором дров в лесу.

В 1927 г. после окончания военного колледжа поступил на службу в Генштаб, где в 1929 г. получил назначение вторым адъютантом президента. Во время переворота против Э.Силеса был поставлен руководить личной охраной президента. Х.Буш был последним, кто сложил оружие в борьбе с восстанием против Э.Силеса, за что попал в ссылку в Раборе, отдаленный гарнизон в тропиках.

С началом войны в Чако Х.Буш оказался в действующей армии. С июля 1933 г. командовал полком «Ланса», а с января 1934 г. был назначен начальником штаба первого корпуса армии. На фронте прославился своей отчаянной храбростью и решительностью. 15 августа

²⁸¹ Belmonte Pabón E. Op.cit. P.43.

1935 г. он был назначен командующим кавалерийской бригады. У Камири использовал тактику партизанской войны, искусным маневрированием сумел остановить натиск противника, а затем перейти в контрнаступление.

Войска в Ла-Пасе и ветеранские организации фактически подчинились одному человеку, Херману Бушу. Он превратился в человека-легенду, чьи подвиги на фронте хотя и не смогли уберечь страну от поражения из-за бездарности высшего военного командования, но спасли от оккупации и возможного отторжения исконные боливийские земли в районе Санта-Круса. Х.Буш был очень популярной фигурой. Его очарованию поддавались многие политики, в том числе и Х.Л.Техада Сорсано, искренне вскрывшие в него, в его честность, прямоту и непосредственность. Правда, впоследствии тот же Х.Л.Техада Сорсано с горечью признал: «Это величайший из известных мне артистов... то, как Буш поступил со мной — постыдно и грязно»²⁸².

Х.Буш был искренним и пылким патриотом. Поражение в войне он воспринял как личную трагедию. Его резкий и непреклонный характер более всего импонировал офицерской массе, ветеранам, да и большинству боливийцев, уставшим от бесконечного политиканства гражданских деятелей в правительстве. Вместе с тем, Х.Буш был слишком молод и политически наивен. Он сознавал это сам и не претендовал на самостоятельную роль в большой политике.

Самым опытным, политически искушенным человеком в армии был Давид Торо, возглавлявший Генеральный штаб. 37-милетний Д.Торо принадлежал к привилегированным классам Чукисаки. Свою военную карьеру он начал как адъютант президента Гутьерреса Герра (1918–1920). В 1920 г., находясь в Оруро, где Э.Силес организовывал поддержку республиканского переворота Б.Сааведры, выступил на стороне «революционеров». Тогда же произошло его знакомство с земляком Э.Силесом. После избрания Э.Силеса президентом Боливии в 1926 г. Д.Торо становится его правой рукой в военных вопросах. Ему поручалось решать важные и сложные вопросы. В 1927 г. Д.Торо провел акцию по ликвидации сааведристской «республиканской гвардии», вместо которой был образован полк регулярной армии «Ингави». Э.Силес доверял Д.Торо и через него старался контролировать армию.

В критический для Э.Силеса 1930 год Д.Торо поддержал его планы продлить свои полномочия, пытаясь превратить армию в оплот диктатуры. В июне 1930 г., когда пало правительство Э.Силеса, Д.Торо возглавлял кабинет и пытался силой подавить восстание против диктатуры. Д.Торо, которого не любили в столице за его чукисакское происхождение (также как и Э.Силеса), не мог рассчитывать

²⁸² ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P. 250.

на поддержку населения, а потому сделал ставку на военную силу, в частности, на свой полк «Ингави». Лишь после перехода всей армии на сторону восстания Д.Торо сдался. Его дом в Ла-Пасе был разгромлен толпой, а сам он отправился в ссылку. Лишь с началом войны в Чако Д.Торо смог вернуться в действующую армию, где сразу же занял ведущее положение в Генштабе. Он был одним из инициаторов и главным действующим лицом в свержении Д.Саламанки. Однако репутация Д.Торо была не так безупречна, как у Х.Буша. Д.Торо нес значительную долю ответственности за поражение в войне, к тому же он был близким другом потерпевшего полное фиаско генерала Х.Кундта.

Д.Торо и Х.Буш прекрасно дополняли друг друга. В этом союзе роль первой скрипки исполнял Д.Торо. Однако было ясно, что главным его козырем оставался младший сподвижник Х.Буш и шедшие за ним армейские и ветеранские массы. Д.Торо был самым опытным политиком среди военных, но при этом за ним не было собственно боевой славы, как у Х.Буша или Б.Бильбао Риохи. С первым у Д.Торо складывались хорошие отношения и взаимопонимание, в основном благодаря отсутствию у молодого Х.Буша далеко идущих политических амбиций. Другое дело — политически активный Б.Бильбао Риоха, герой войны и лидер ветеранов. В октябре 1935 г. Д.Торо удалось отправить Б.Бильбао Риоху с миссией в Лондон, а затем он сделал всё для того, чтобы этот визит затянулся на неопределённое время.

Д.Торо и Х.Буш прекрасно понимали необходимость координации действий армии с социалистами и рабочим движением. При всей своей могущественности и кажущемся всевластии военные не могли рассчитывать на поддержку населения, если бы их претензии на власть не подкреплялись программой радикальных политических преобразований. Союз с социалистами и рабочим движением превращал военных в партию революционных преобразований в обществе. Только при такой конфигурации военные могли опереться на поддержку широких народных масс.

Офицерство ориентировалось на ветеранские организации, на своих неформальных лидеров, «героев» войны в Чако. В сентябре 1935 г. был создан Легион ветеранов (ЛЕК). Легион объединил в своих рядах практически всех демобилизованных солдат и офицеров. Действующие офицеры также входили в эту организацию. Первоначально ЛЕК планировался как объединение по социальной защите военнослужащих и ветеранов, но очень быстро превратился во влиятельную политическую организацию. В руководстве ЛЕК преобладали националистически настроенные люди, близкие к социалистам. Фактически ЛЕК превращался в массовую опору социалистов, которые все ещё были хоть и влиятельной, но малочисленной группой.

В январе 1936 г. руководство ЛЕК было полностью обновлено, были приняты новый устав и декларация принципов, содержание которых свидетельствовало о преобладающем влиянии социалистов. В этих документах ЛЕК определил себя как «профсоюзный институт с социалистической идеологией»²⁸³. Легион возглавили фронтовые герои Б.Бильбао Риоха и Х.Буш. Союз военных и социалистов, воплощением которого был ЛЕК, представлял собой решающую политическую силу в стране. Судьба правительства Х.Л.Техады Сорсано зависела от той линии, какую выберет этот альянс.

Правительство Х.Л.Техады Сорсано пыталось нейтрализовать активность ветеранских организаций и левых политических групп. В апреле 1936 г. президент предложил Б.Сааведре и Э.Бальдивесо сформировать правительство национального согласия. Однако ни тот, ни другой не собирались поддерживать своим авторитетом Х.Л.Техаду Сорсано, а планировали получение всей полноты власти. Правительство оказалось в безвыходном положении. Натолкнувшись на отказ, президент предложил военным войти в кабинет министров или даже создать чисто военное переходное правительство, чтобы гарантировать проведение выборов. Однако военные отвергли эти предложения под давлением ЛЕК и социалистов.²⁸⁴ Х.Л.Техад Сорсано стремился спасти существующую систему, обеспечить законность перехода власти к новому президенту. Своим запоздалым ходом он хотел упредить формирование опасного для существующей власти блока военных, социалистов и рабочего движения.

Ухудшающееся положение трудящихся вследствие постоянного роста цен²⁸⁵ вело к радикализации рабочего движения. В марте 1936 г. в Ла-Пасе прошла всеобщая забастовка, грозившая перерасти в рабочее восстание. Забастовка проходила по инициативе и под руководством профсоюза печатников во главе с В.Альваресом. Рабочие действовали в высшей степени организованно и дисциплинировано. Ла-Пас фактически перешел в руки забастовщиков, организовавших собственную полицию для поддержания порядка. Бесспорное перед размахом движения правительство потребовало от

²⁸³ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina. P.77.

²⁸⁴ Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936–1937)// Ibero-Americanisches Archiv. vol. 14. No.4, 1988. S.476.

²⁸⁵ Инфляция в среднем составляла 50% в год, что по представлениям и масштабам тех лет равносильно современной гиперинфляции. Следует учитывать также, что в предыдущие непростые, кризисные и военные годы, в период с 1932–1935 гг. рост стоимости жизни составил около 17% — см. CEPAL.Desarrollo económico de Bolivia. México, 1958. P.58–62.

военных навести порядок в столице. В ответ на обращение президента военные в резкой форме отказались применить силу против рабочих. Союз политической оппозиции, рабочего движения и армии состоялся именно во время забастовки марта 1936 г. Несмотря на уступки правительства, профсоюзы лишь на время прекратили забастовку.

Ещё в конце 1935 г. — начале 1936 г. рабочие лидеры напрямую установили контакт с реформистскими лидерами военных. Когда военные арестовали Х.Агирре Гайнсборга, Вальдо Альварес попросил встречи с начальником Генштаба полковником Д.Торо. Во время беседы с профсоюзным руководителем Д.Торо высказывался в поддержку новых левых партий и групп, заявив о солидарности с целями профсоюзного движения. Более того, он откровенно стал говорить о планах замены существовавшего «демолиберализма» новой общественно-политической системой, основанной на идеалах национального обновления и социальной справедливости. Как признавался в своих воспоминаниях В.Альварес, эта встреча положила начало дружеским отношениям с Д.Торо и более тесным связям с военными²⁸⁶.

В середине апреля профсоюзы предъявили президенту страны список требований из 19 пунктов, в частности, речь шла о повышении зарплаты, снижении цен на предметы первой необходимости, амнистии, отмене закона о забастовках, гарантиях основных демократических свобод, об экспроприации имущества, полученного в результате спекуляций во время войны. Для изучения требований профсоюзов была создана правительственная комиссия.²⁸⁷ Однако переговоры с профсоюзами закончились полным провалом. Х.Л.Техадá Сорсано безуспешно пытался оказать давление на предпринимателей, уговаривая их пойти на уступки рабочим. В начале мая были даже созданы Комитеты по борьбе со спекуляцией²⁸⁸. Эти меры вызывали лишь раздражение консервативных кругов, недовольных неспособностью власти подавить выступления рабочих и поддерживавших их социалистов. Правительство оказалось между молотом и наковальней: теряя поддержку консервативных, проолигархических кругов, оно испытывало сильное давление со стороны левых партий и рабочего движения.

К маю 1936 г. обстановка в стране накалилась настолько, что без решительного вмешательства военных в пользу одной из противостоящих сторон мог наступить политический хаос. С марта по май 1936 г. по всей стране не прекращались забастовки рабочих,

²⁸⁶ Alvarez España W. Op.cit. P. 82.

²⁸⁷ Lorini I. Op.cit. P.123.

²⁸⁸ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina. P.87.

поддержанных практически всеми слоями общества. Жизнь городов, особенно Ла-Паса, была практически парализована. Правительство, оставленное армией на произвол судьбы, не могло контролировать ситуацию за пределами президентского дворца.

Наибольшее беспокойство вызывали подготовительные мероприятия профсоюзов к проведению всеобщей политической стачки, которую они рассматривали как преддверие свержения правительства. 23 апреля 1936 г. состоялось объединение двух рабочих федераций Ла-Паса, ФОТ и ФОЛ, в которые к этому моменту входили около 34 местных и региональных профорганизаций. Тогда же было решено провести всеобщую забастовку 4 мая. Власти сразу же арестовали 20 человек из руководства профсоюзов, но вскоре были вынуждены их освободить. Правительству удалось добиться только отсрочки выступления рабочих столицы.

Подготовка всеобщей забастовки в совокупности с отказом армии поддержать правительство свидетельствовали о серьезном политическом кризисе. Приближались выборы 31 мая. В соответствии с решением конгресса от 4 августа 1935 г. одновременно должны были состояться выборы президента и в учредительное собрание. Реальными противостоящими силами на них могли стать кандидатуры от правящего блока во главе с либералами, с одной стороны, и от союза республиканцев-социалистов и Социалистической партии, с другой. У социалистической оппозиции было мало шансов победить на выборах, так как избирательный механизм полностью контролировался традиционными партиями, по-прежнему сильными в провинции. Военные и их союзники понимали, что далее медлить с выступлением нельзя. Забастовка рабочих ускорила развязку.

А. Аргедас, обеспокоенный неизбежностью военного переворота, написал в январе 1936 г. письмо Х.Л. Техада Сорсано, в котором предупреждал, что единственной альтернативой «милитаризму» может быть лишь объединение всех партий в единый блок²⁸⁹. Однако вражда между их лидерами Сааведрой, Элио и Канеласом делала практически невозможным осуществление этого плана. В ответном письме Техада Сорсано откровенно признавался, что его правительство не сможет управлять страной без участия армии, прежде всего по причине того, что «традиционные политические партии дезорганизованы, погрязли в снобизме» и вряд ли представляют собой реальную альтернативу политического развития. Именно поэтому президент хотел довести страну до честных выборов, не подвергая страну опасностям военной диктатуры. Что же касается новых партий, и в первую очередь социалистов, то Техада

²⁸⁹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.183.

Сорсано справедливо подчеркивал, что они сами понимают свою слабость и ищут лишь небескорыстного союза с военными для захвата власти²⁹⁰.

Президент лихорадочно искал способа заинтересовать все политические силы в сохранении конституционной законности, привлечь их к избирательному процессу, что было мало привлекательно пока для ещё малочисленной и молодой Социалистической партии. Х.Л. Техада Сорсано предложил всем участникам избирательного процесса создать Совет по контролю за выборами, которая обеспечила бы свободу волеизъявления. Возглавить Совет предложили Б.Сааведре, как лидеру самой многочисленной партии, участие которой в выборах было крайне необходимым. Сааведра сначала заинтересовался этой идеей, но затем повел себя индифферентно. Так, в частной беседе с А.Аргедасом, который от имени правительства вел эти переговоры, он заявил, что сегодня в Боливии ничто нельзя предпринять без участия военных.²⁹¹ Не в интересах Сааведры было проведение честных выборов, так как он участвовал в заговоре против правительства.

Перед лицом нараставшей напряженности в обществе и давления со стороны армии лидер либералов Т.М.Элио, пойдя на конфликт с президентом, в интервью газете «Эль Диарио» 3 мая 1936 г. заявил: «Нет смысла участвовать в этих выборах, так как армия вряд ли станет уважать их результаты и наверняка вмешается в ход политической жизни и установит новый режим».²⁹² Х.Л.Техаду Сорсано покинула даже собственная партия. К этому следует добавить полное равнодушие к судьбе правительства со стороны «баронов олова», недовольных политикой обязательной передачи части валютной выручки по заниженному курсу. С конца апреля буквально со дня на день ждали прямого вмешательства армии. Президенту ничего не оставалось, как только увещевать военных призывами выполнить свой гражданский и профессиональный долг и уважать конституцию²⁹³.

Вопрос о подготовке переворота, а также об участии в нем каждой из сторон «революционного» альянса по-разному освещается и оценивается в историографии. Ведущий специалист по этому периоду боливийской истории Г.Клейн утверждал, что заговор с целью свержения президента Х.Л.Техады Сорсано участвовали сааведристы, социалисты и Х.Бущ, при этом он исключал связь

²⁹⁰ ALP. Miscelania. Gavetas. No.32.

²⁹¹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.203–205.

²⁹² El Diario. 03.05.1936.

²⁹³ La Razón. 05.05.1936

Д.Торо в подготовке переворота²⁹⁴. Между тем, некоторые новые документы свидетельствуют об обратном.

На самом деле именно Д.Торо направлял действия всего заговора. Он был ключевой фигурой в вооруженных силах и состоял в тесном контакте с социалистами. Уже с 1934 г. Д.Торо вновь сблизился со своими бывшими соратниками периода правления Э.Силеса К.Монтенегро и Э.Бальдивесо, активно пропагандировавшими идеи «социалистического» переустройства страны, национализации нефти, установления функциональной демократии вместо представительной системы власти и т.д. Американский дипломатический представитель в Боливии в своих отчетах, посылаемых в Вашингтон, утверждал, что Д.Торо не только связан с левыми, но и возглавляет целое движение молодых социалистов в армейском командовании²⁹⁵.

В марте 1936 г. Д.Торо вступил в конкретные переговоры с левыми организациями о формировании «революционной» коалиции для насильственного свержения Л.Х.Техады Сорсано и недопущения победы на выборах традиционных политических партий. Тогда же Социалистическая партия неожиданно выступила с заявлением, что не заинтересована в победе на выборах, и что единственный путь политического спасения страны состоит в революции.²⁹⁶

В марте 1936 г. Д.Торо встретился с представителем левых, корреспондентом Коминтерна, который послал большой и подробный отчет об этом контакте в Москву. Д.Торо заявил этому деятелю, что «обычный переворот лишь создаст правительство, опирающееся на штыки, а нам необходимо крепкое, сильное правительство, поддерживаемое народной партией, и Социалистическая конфедерация может быть такой партией»²⁹⁷. Д.Торо считал, что необходимо подождать с переворотом, который виделся ему как «военно-гражданская революция». Именно тогда из уст Д.Торо прозвучала формула: «государственный социализм». Он заявил: «Боливия будет социалистической или превратится в ничто». По его словам, «государственный социализм» — это лишь первый этап революционных преобразований.²⁹⁸

К марту 1936 г. уже сложился конспиративный союз военных, возглавляемых Д.Торо, и социалистов Э.Бальдивесо. ПОР, а точ-

²⁹⁴ Klein, H S. David Toro and the Establishment of "Military Socialist" in Bolivia // IAHHR. 1972. vol. 14, No. 1. P. 167.

²⁹⁵ FRUS, 1936. P. 221.

²⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. оп. 122. д. 122. л. 12.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Там же.

нее Левый социалистический блок, предложила Д.Торо сотрудничество в завоевании власти. Учитывая прочные позиции и влияние Х.Агирре Гайнсборга и Т.Марофа в рабочем движении, с чем не могли не считаться участники политической борьбы, Д.Торо и Э.Бальдивесо приняли протянутую им руку союза. Т.Мароф предложил сформировать триумвират: военные в лице Д.Торо, социалисты и Левый социалистический блок. Условием ПОР было выполнение политических требований: амнистия, национализация рудников, нефти, банков, раздел латифундий. Главным спорным пунктом была немедленная национализация рудников. Д.Торо и Э.Бальдивесо считали, что нельзя проводить национализацию оловодобывающей промышленности, не обеспечив стране рынка сбыта, альтернативного США и Англии, каковым, по их мнению, мог стать Советский Союз. Было решено вернуться к предложениям 1929 г., исходившим от советского Южамторга, по закупкам боливийского олова. Для проработки вопроса переориентации рынка олова на СССР предполагалось послать в Москву Т.Марофа и Ивана Кесвара (А.Валенсия Вега), находившихся в то время в Аргентине, а также представителей социалистов. В случае положительного решения в Москве, по их рассуждениям и планам, можно было сразу же с приходом к власти национализировать добывающую промышленность, не боясь санкций со стороны Международного комитета олова, который контролировался С.Патиньо.²⁹⁹

Т.Мароф и И.Кесвар тогда же, в марте, связались с представителем Коминтерна в Аргентине, лидером местной компартии Орестесом Гиольди. В Москву в Коминтерн на имя Ван Мина была отправлена соответствующая записка, в которой излагалась просьба Т.Марофа и И.Кесвара о поездке в Москву для установления контакта с советским руководством. Целью поездки объявлялось желание создать компартию в Боливии. Т.Мароф заявлял о своем согласии публично отмежеваться от троцкизма.³⁰⁰

История с московскими контактами не имела своего продолжения в силу ряда причин. Во-первых, при существовавшей тогда связи и уровне информации о положении в Боливии, в Москве в принципе не могли оперативно решать подобные проблемы. Кроме того, О.Гиольди числился в «интеллигентах» и не пользовался полным доверием советского руководства. За Марофом в Москве уже закрепилась репутация очень ненадежного человека, его даже считали провокатором. Для решения столь серьезного вопроса было слишком много неясного и противоречивого. Во-вторых, быстро меняющаяся обстановка в самой Боливии вскоре сделала этот во-

²⁹⁹ Там же. л.13.

³⁰⁰ РГАСПИ. Ф.495. оп. 20. д.353. л.3.

прос просто неактуальным. Эта история так и осталась курьезом, не имевшим политических последствий. Для нас же этот сюжет интересен в виду того, что свидетельствует о широком политическом спектре «революционного» альянса и о масштабах переговорного процесса, который вели военные. Очевидно и активное участие Д.Торо в заговоре военных и социалистов.

На май пришлось крайнее обострение политической обстановки. 9 мая 1936 г. в Ла-Пасе началась забастовка типографских рабочих, шедших в авангарде профсоюзного движения. Требования печатников сводились к повышению зарплаты, но вскоре забастовка переросла в политическую. С 10 мая к забастовке присоединились профсоюзы, входившие в ФОТ и ФОЛ. Забастовка стала всеобщей: не работал транспорт, пикеты комитета шоферов препятствовали любому движению на улицах города. В своем дневнике А.Аргедас так описывал положение в городе: «Забастовка повсюду. Все магазины закрыты, улицы пусты. Нет машин, никто не осмеливается вывести свой автомобиль на улицу, боясь, что его разобьет толпа»³⁰¹. Все рынки, магазины, владельцы которых поддерживали анархистскую ФОЛ, закрыли свои двери. Банки бездействовали. Все предприятия города прекратили работу, поддерживая требования печатников. Не выходили газеты, что весьма печально для историка, потерявшего важный источник информации о таких важных и насыщенных событиями днях. Несмотря на осадное положение и запрет манифестаций, начались уличные демонстрации протеста.

Правительство пыталось показать свою твердость в борьбе с профсоюзами. 12 мая президент Х.Л.Техада Сорсано созвал в президентском дворце «собрание нотаблей», куда пригласил около 50 человек, представителей различных политических и социальных групп столицы. Президент выступил перед ними, нарисовав печальную картину финансового краха и политического тупика. Единственный выход, с точки зрения Техады Сорсано — это проведение всеобщих выборов без бойкота партий и давления со стороны правительства или военных. Кроме того, он подчеркнул свою полную уверенность в лояльности армии и лично Буша³⁰². Х.Л.Техада Сорсано произносил эти слова вполне искренне, поскольку еще 7 мая он получил от Буша письмо, в котором тот дал честное слово офицера, что ни одно подразделение не собирается восставать³⁰³. В тот же день, 12 мая, пока президент общался с политиче-

³⁰¹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.228.

³⁰² ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.228–229.

³⁰³ Письмо Х.Буша — Х.Л.Техада Сорсано от 7 мая 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T.143 (PG7542).

ской элитой, рабочие лидеры во главе с В.Альваресом встретились с Х.Бушем, который заверил пришедших к нему профсоюзных руководителей в том, что армия не станет применять силу против движения, носившего чисто экономический характер. Более того, он заявил о своей солидарности с борьбой забастовщиков, проявил открытость и радушие, обняв в знак единства на прощание рабочих лидеров³⁰⁴.

15 мая состоялась ассамблея Рабочей федерации (ФОТ), на которой было принято решение о проведении всеобщей забастовки. ФОТ аргументировала свои требования повышения зарплаты ростом стоимости жизни, а также тем, что еще в январе правительство повысило жалование государственным служащим, в то время как на частных предприятиях оплата труда не увеличилась. Перед лицом солидарного выступления рабочего класса столицы Х.Л.Техада Сорсано пытался маневрировать, обещая изучить данный вопрос, на что, по его мнению, требовалось время, но ему не удалось убедить профсоюзы подождать с забастовкой.

Уже 15 мая вся жизнь города была парализована. На следующий день к рабочим присоединились студенты. Студенческая федерация полностью поддержала требования ФОТ. Студенты вышли на улицы, провоцируя столкновения с полицией и сторонниками правительства. В ходе забастовки встал вопрос об управляемости страны и о неспособности власти обеспечить элементарный порядок в столице. С 12 мая забастовочный комитет решил организовать «профсоюзную полицию»: общественный порядок в Ла-Пасе поддерживали рабочие дружинники. Х.Л.Техада Сорсано решил воздействовать на забастовку рукой военного принуждения.³⁰⁵ Однако для подавления выступлений рабочих и студентов была необходима сила, которой у правительства не было. Одним из последних заявлений Х.Л.Техады Сорсано накануне переворота было следующее: «Армия не должна принимать чью-либо сторону, иначе она перестанет выполнять свою священную миссию и потеряет уважение общества»³⁰⁶. Увещания президента не нашли отклика у военных. Надежды властей на армию оказались тщетными.

После нескольких дней бездействия 16 мая Х.Л.Техада Сорсано издал декрет о введении военного положения в государственных учреждениях и службах, объявил о мобилизации всех служащих. Президент обратился в Генштаб, к подполковнику Х.Бушу с просьбой восстановить общественный порядок силой армии. В ответ по

³⁰⁴ Alvarez W. Op.cit. P.88.

³⁰⁵ FRUS. 1936. P.230.

³⁰⁶ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla 1936–1940. La Paz, 1957. P.23.

приказу Х. Буша в три часа ночи два офицера прибыли к дому Х.Л.Техады Сорсано, объявили ему, что он арестован, потребовали подписать заявление об отставке и передаче власти революционной хунте.³⁰⁷

Смена власти прошла мирно, не было пролито ни капли крови. Переворот произошел в отсутствие в столице двух влиятельнейших представителей армейского командования. Д.Торо и Э.Пеньяранда оставались в Вилья Монтесе, где их и застала весть о переменах в Ла-Пасе. И хотя Д.Торо и заявлял впоследствии, что он был в полном неведении о подготовке переворота и даже был готов выступить в защиту законной власти, приведенные выше документы свидетельствуют о его прямом участии в заговоре. Кроме того, идеологическая окраска переворота, проявившаяся уже в первых политических шагах и заявлениях Х.Буша, полностью согласовывалась с теми высказываниями о «государственном социализме», которые звучали из уст Д.Торо ещё до переворота в его беседах с представителями коммунистов.³⁰⁸

17 мая 1936 г., говоря о целях и задачах нового правительства, Х.Буш заявил, что речь идет о создании принципиально нового общественного и политического строя в стране. Было объявлено об установлении режима «государственного социализма». Х.Буш заявлял: «Мы ориентируем нацию на государственный социализм, умеренный и постепенный. Мы отвергаем восстания и заговоры. Наша цель — установить в Боливии режим социальной справедливости»³⁰⁹. Народ в Боливии окрестил этот режим «военным социализмом», ибо идея его была ясна: боливийский социализм будет предложен не обществом, а самим государством, то есть в данном случае военным правительством.

Военные использовали реваншистские и шовинистические лозунги, призывавшие к контрнаступлению в Чако, что отвечало настроениям широких масс. Авторы переворота эксплуатировали патриотические настроения для консолидации всех националистических сил, в том числе в армии. Они объясняли своё выступление, в частности, стремлением добиться перелома на фронте и возоб-

³⁰⁷ Gallego Margaleff F.J. Los origenes del reformismo militar en América Latina. P.88–89.

³⁰⁸ Г.Клейн утверждал, что именно Х.Буш, импровизируя, дал название новому режиму – «государственный социализм», что вступает в противоречие с данными архива Коминтерна, согласно которым этот термин использовался Д.Торо уже в марте 1936 г. Кроме того очевидна идейная связь боливийских военных с чилийской Социалистической республикой 1932 г.

³⁰⁹ Цит. по Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1749.

новления реваншистской войны, возлагая ответственность за поражения на фронте на гражданские правительства. Государственное радио «И.льимани» бесконечно передавало патриотические марши, призывы защитить Чако и выбросить оттуда парагвайцев, в адрес которых сыпалась площадная брань на аймара, опустившись до самых примитивных приемов шовинистической пропаганды³¹⁰. Создавалось впечатление, что страна вернулась в 1932 г., в канун катастрофической войны в Чако.

Наибольшую активность в день переворота развили члены Социалистической конфедерации. Отставка президента послужила сигналом к действиям гражданских «революционеров». Возглавляемая К.Монтенегро группа социалистов захватила и разгромила «Клуб союза», членами которого были виднейшие олигархи, в том числе и «бароны олова». Над клубом был вывешен красный флаг и установлена вывеска: «Революционный комитет». Разгром революционерами этого символа олигархии при одобрительном и даже поощрительном отношении к этому эксцессу со стороны военных лидеров переворота, поверг в ужас высшие классы общества. Традиционную элиту охватили панические настроения.³¹¹ Многим казалось, что ничто не способно спасти положение. Решительность «революционеров» создала серьезные предпосылки для нейтрализации олигархических сил на этапе становления нового режима.

Переворот произошел на фоне всеобщей забастовки в Ла-Пасе и при активной поддержке со стороны рабочего класса столицы. В утро переворота площадь перед президентским дворцом наполнилась вооруженными отрядами рабочих³¹². Это было новым элементом в расстановке сил. Рабочие отряды поддерживали армию. Их сила была столь значительна, что рабочий вопрос стал объектом первоочередного внимания военных. Х.Буш старался подчеркнуть союзнические отношения военных-социалистов и рабочего движения. В день переворота уже в 10 утра он по просьбе рабочих прибыл на профсоюзную ассамблею, собравшуюся в Муниципальном театре Ла-Паса. В своем кратком выступлении он пообещал профсоюзам гарантировать участие их представителей в новом правительстве.³¹³ На собрании Х.Буш заявил: «Я полностью согласен с целями забастовки, с позицией трудящихся. Я знаю обо всех страданиях, через которые проходят печатники, шоферы, железнодорожники, все рабочие, и... мое правительство обязательно выпол-

³¹⁰ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.231.

³¹¹ Frontaura Argondofia M. Op.cit. P.79.

³¹² ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.230.

³¹³ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Informe de 8 de octubre de 1936. 27 – 29 – 13. f.45.

нит все их требования»³¹⁴. Действия военных и социалистов были поддержаны рабочими столицы, хотя забастовка печатников продолжалась, и её участники не довольствовались сменой власти. В новой ситуации профсоюзы были уверены в победе, в достижении соглашения с хозяевами.

На следующий день после переворота рабочие лидеры перешли к более решительным действиям. Заявляя о своей поддержке военных, профсоюзы вывели рабочих на улицы. 18 мая прошли мощные рабочие манифестации, показавшие свою силу не только предпринимателям, с которыми всё ещё не было заключено соглашение по требованиям забастовщиков, но и самим военным, которые сдержанно относились к своим союзникам слева, к рабочему движению. Во время утренней манифестации рабочие вошли и захватили здание муниципалитета Ла-Паса, водрузив на нем красное знамя. Мэрия города была объявлена «Народным домом», был принят акт о создании «Функционального совета коммуны Ла-Паса», тем самым профсоюзные лидеры делали прямой намек на Парижскую коммуну.

Захват муниципалитета профсоюзами должен был свидетельствовать о падении не только правительства Х.Л.Техады Сорсано, но и всего старого республиканского строя с его демократическими институтами власти. Новый политический режим не предполагал возвращения в будущем к предшествовавшему конституционному строю, поэтому захват муниципалитета столицы рабочими вызвал одобрение военных, рассчитывавших сделать профсоюзы одной из составляющих «государственного социализма». События в столице дали толчок к захвату левыми власти на местах. В Потоси фактическими хозяевами города стали прокоммунистический Народный фронт и Легион ветеранов, который также возглавляли марксисты А.Арратия и А.Вильяльпандо³¹⁵.

В новом «Народном доме» в полном соответствии с анархосиндикалистскими традициями была созвана «Генеральная ассамблея трудящихся», на которой было решено поддержать новую власть. 19 мая ассамблея выдвинула своего представителя в правительство. Им стал лидер печатников Вальдо Альварес Эспанья³¹⁶. Впервые за всю историю Боливии представитель профсоюзов получил министерский портфель в правительстве. В тот же день секретарь Хунты и представитель ФОТ обратились по радио к забастовщикам, призывая их вернуться на работу при условии повыше-

³¹⁴ Alvarez W. Op.cit. P.92.

³¹⁵ Письмо ЛЕК — Д.Торо от 16 марта 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.152. (PG7211).

³¹⁶ Alvarez W. Op.cit. P.94–95.

ния зарплаты и вхождения в правительство В.Альвареса³¹⁷. 19 мая забастовка в соответствии с соглашением между ФОТ и Хунтой прекратилась. Зарплата была повышена вдвое. По городу разъезжали на машинах, трамваях группы рабочих, провозглашавших здравицы в честь военных, выкрикивая: «Да здравствует революция! Да здравствует победа!»³¹⁸. Среди рабочих царила атмосфера триумфа и начала новой эпохи.

Вслед за заявлениями о принципах, которые будут положены в основу деятельности будущего правительства, Х.Буш сформировал Хунту, или Революционный комитет. По его составу был сделан вывод и об участниках заговора против Х.Л.Техада Сорсано. Переворот произошел при взаимодействии Генерального штаба, Д.Торо, сааведристов и социалистов, тесно связанных с ветеранами, и рабочими организациями.

Интрига Б.Сааведры состояла в использовании военных для прихода к власти его политической группировки. Как признавался впоследствии Сааведра, заговор готовился за два месяца до майских событий, а выступление планировалось на июнь. В новое правительство по договоренности с Сааведрой должны были войти военные, не являвшиеся ставленниками Торо³¹⁹. Однако Буш все переиграл, увидев реальную расстановку сил на фоне принявшей всеобщий характер забастовки и явного преобладающего влияния социалистов. В этих обстоятельствах сааведристам отводилась второстепенная роль. От республиканцев-социалистов в Хунту вошли лидеры левого крыла партии Педро Сильвети Арсе в качестве министра по общественным работам и Габриэль Госалвес, занявший ключевой пост министра обороны. Социалисты получили ответственные портфели министра финансов — Фернандо Камперо Альварес и министра иностранных дел — Энрике Бальдивieso. Однако сразу же был определен временный характер этого состава Хунты. Х.Буш был намерен передать власть Д.Торо, который по возвращению из Чако мог бы приступить к формированию нового правительства.

В рамках «революционного» союза политических сил, вошедших в Хунту в результате переворота, шла жесткая конкурентная борьба за влияние на военных, а именно на Х.Буша. В первые же дни обозначились расхождения среди союзников в определении курса нового правительства. Нарушителями спокойствия были сааведристы, старавшиеся столкнуть между собой Д.Торо и Х.Буша. Д.Торо не находил общий язык с Б.Сааведрой не только ввиду тя-

³¹⁷ FRUS. 1936. P.225.

³¹⁸ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.253–254.

³¹⁹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.235.

желого груза взаимных обид, корни которых уходили во времена президентства Э.Силеса, но и из-за реальных опасений лидера республиканцев-социалистов быть отодвинутым на второстепенные позиции в будущем правительстве³²⁰. Д.Торо был достаточно самостоятельным и опытным политиком, чтобы согласиться довольствоваться ролью проводника линии, за которой стоял бы Б.Сааведра. Последнего вполне устроила бы кандидатура Х.Буша, молодого и крайне неопытного в политике военного лидера. Х.Буш же осознавал свои недостатки и сам не решался воспользоваться той реальной властью, которой он обладал. Кроме того, совершенно очевидно, что он выполнял договоренности, достигнутые до переворота и всецело поддерживал Д.Торо.

Б.Сааведра противился призыву Д.Торо к управлению страной, уговаривая и настраивая Х.Буша против него. Социалисты опасались развала всей коалиции и создания чисто военного правительства. Они старались примирить стороны, при этом всегда подчеркивая свою верность союзу с военными. Лидер социалистов Э.Бальдивесо даже съездил в Оруро, где находился Д.Торо, чтобы предупредить того о крайней непопулярности его фигуры в Ла-Пасе. Используя этот реальный факт, Э.Бальдивесо хотел предостеречь Д.Торо от каких-либо враждебных действий против его гражданских союзников, намекая, что за ними стоят народные массы столицы.³²¹ Тем временем сааведристы организовали манифестации, главным образом студентов и рабочих, ещё помнящих о репрессиях 1930 г., в которых был повинен тогдашний министр внутренних дел Д.Торо.³²² Выступление студенчества обернулось протестом против всякого вмешательства армии в политику, но на фоне почти поголовного одобрения в обществе действий военных оно осталось изолированным фактом, который умело использовали традиционные олигархические группы для формирования либеральной оппозиции военному режиму.

19 мая 1936 г. было объявлено о роспуске Хунты. Это было сделано Х.Бушем ввиду разногласий в «революционном комитете», и главным образом для того, чтобы предоставить Д.Торо на большую свободу в формировании нового кабинета министров, новой Хунты. 20 мая 1936 г. Д.Торо прибыл в Ла-Пас. Олигархическая оппозиция в лице К.В.Арамайо, поддерживавшего с Д.Торо

³²⁰ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.94–95.

³²¹ Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936–1937)// Ibero-Amerikanisches Archiv. vol.14. No.4. 1988. S.482

³²² FRUS. 1936. P.225–227.

довольно близкие отношения, предложила новому президенту свою полную поддержку и финансы при условии, что Сааведра и социалисты будут выведены из Хунты³²³. Однако, как бы этого ни хотелось и самому Д.Торо, он слишком зависел от «революционного альянса» и Х.Буша, которые не приняли бы такой рокировки.

Прежде чем занять пост президента, Д.Торо потребовал от армейского командования заявления, подписанного не только командующим генералом Э.Пеньярандой, но и всеми высшими офицерами, о безусловной поддержке вооруженными силами всех действий его будущей администрации.³²⁴ Именно армия была основой удержания власти «социалистическим» правительством. Новый состав Хунты, сформированный Д.Торо, практически повторял Революционный комитет, пришедший к власти 17 мая. Однако было заметно усиление социалистов и военных-сторонников Д.Торо в ущерб сааведристам. Эта тенденция стала очевидной уже в первых заявлениях правительства.

23 мая 1936 г. во время инаугурации нового кабинета Д.Торо заявил, что страна нуждается в обновлении и утверждении новых принципов функционирования экономики и управления обществом. По его словам, предстояло провести в жизнь реформы, которые позволили бы сориентировать экономику на «чисто социалистические стандарты». Поясняя заявление Д.Торо, назначенный на пост министра иностранных дел лидер социалистов Э.Бальдивьесо утверждал, что главная цель переворота — это свержение либерального режима, и что речь идет «не о полном социализме, так как страна ещё нуждается в иностранном капитале».³²⁵ Военно-социалисты предлагали строить такую общественную систему, при которой государство брало бы на себя заботу о благосостоянии трудящихся классов, принимало ответственность за стабильное развитие экономики, гарантировало социальную защиту, здравоохранение и просвещение, что полностью противоречило старым либеральным принципам невмешательства государства в частную жизнь граждан и в управление народным хозяйством.

Под социализмом военные и их союзники подразумевали укрепление государства, жесткое регулирование экономики и усиление контроля властей за всеми областями жизни. «Полный социализм», по их разумению, состоял в полном огосударствлении экономики и социальной сферы. Для построения «полного социализма» было необходимо пройти через этап индустриализации и ди-

³²³ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.236.

³²⁴ Toro D. Mi actuación en la Guerra del Chaco. La Paz, 1941. P.262–263.

³²⁵ El Diario. 24.05.1936

версификации народного хозяйства, для чего и требовался иностранный капитал. Что же касается политической надстройки, то, по их мнению, надлежало немедленно приступить к формированию структур нового строя. Идеологи «государственного социализма» не устали подчеркивать серьезные отличия от марксистского социализма. Речь шла о «государственном социализме», и более того, режим противопоставлял себя интернациональному марксизму, декларируя чисто «национальные цели». Д.Торо подчеркнул превентивный характер «революции», гарантировавшей от сползания к анархии и коммунизму. Все эти масштабные планы революционного преобразования страны должны были реализовываться не во имя интересов пролетариата и его классовых союзников, как о том говорили коммунисты, а во имя государства и нации.

В своем первом послании к нации Д.Торо заявил: «Наше твердое намерение — с помощью левых партий установить государственный социализм»³²⁶. Демонстративно в официальный оборот было введено обращение «товарищ», что придавало романтически розовую окраску всему «социалистическому» движению военных. Новое правительство объявило всеобщую амнистию и отменило осадное положение. Кабинет, поддержав действия профсоюзов, заявил о своей политике защиты интересов трудящихся и востановивших войну.

26 мая Хунта опубликовала «Программу минимум» из 52 пунктов. Авторство программы принадлежало Э.Бальдивieso, что отразилось в усилении звучания социалистических принципов. В этом документе говорилось о различиях между хищническим и «хорошим», прогрессивным капиталом, который необходимо защищать, так как он не расхищал национальные богатства, а способствовал промышленному развитию. Из этого положения можно было сделать вывод о готовности нового правительства сотрудничать с национальными и иностранными предпринимателями при контроле со стороны «социалистического» правительства.³²⁷ Говоря о контроле со стороны государства за деятельностью капитала, в том числе и иностранного, военные-социалисты выглядели подлинными новаторами и революционерами, порывающими со всей предыдущей экономической политикой.

В реформировании экономической структуры важное место занимала налоговая реформа. Налоги на прибыль должны были стать

³²⁶ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.24.

³²⁷ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1753; Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.98.

главным источником дохода государства, отодвинув на второй план таможенные сборы и косвенные налоги. Налоговая политика должна была стать эффективным инструментом государственного регулирования экономики. Ставилась задача постепенной национализации железных дорог и связи. По мнению военных-социалистов, вся инфраструктура и стратегические отрасли экономики должны были находиться в собственности государства, которое с их помощью создавало бы условия для развития национального капитала, индустриализации и диверсификации. В текущей экономической политике хунта ставило цели формирования сбалансированного бюджета и достижения финансовой стабилизации, что было животрепещущим вопросом ввиду послевоенной инфляции и нехватки продуктов. Хунта обещала установить субсидии на наиболее важные товары первой необходимости, и прежде всего, на продовольствие, в большей части поступающего в города по импорту.

Хунта делала многообещающие заявления в области структурных реформ экономики. В отношении горнорудной промышленности программа-минимум обещала пересмотреть систему налогообложения, но главное — предусматривала передачу части акций государству с тем, чтобы вместо частных монополий появились смешанные компании с решающим участием государства. По планам Хунты, долгосрочной перспективой развития горнорудной отрасли была её постепенная национализация через получение государством решающего голоса в управлении предприятиями.

Предполагалось создать Горнорудный банк, который должен был стать государственным агентом с монопольным правом продажи металлов за рубеж. Установление государственного контроля за реализацией продукции позволило бы, избежав национализации самого производства, полностью подчинить действующие компании государству. Данные революционные проекты «социалистической» хунты вызвали энтузиазм и одобрение левых партий, но в то же время заставили олигархию мобилизовать все свои силы. Правым впоследствии удалось похоронить эти планы, не дожидаясь конкретных действий правительства. У военных-социалистов не хватило политической воли и сил для наступления на интересы горнорудных магнатов. Фундаментальные для экономического реформирования страны планы ограничения всевластия монополий и восстановления государственного контроля над сырьевыми ресурсами так и остались на бумаге. Программа-минимум замахнулась также на принцип неприкосновенности частной собственности в земельных отношениях. Заявление правительства о необходимости «способствовать разделу непроизводительных лати-

фундий» было дополнено оговоркой, что данная политика должна проводиться постепенно и осторожно³²⁸.

Одним из главных пунктов программы был пересмотр контракта со «Стандард Ойл» и создание национальной нефтедобывающей отрасли. Дело «Стандард Ойл» связывалась с расследованием экономической и политической ответственности лиц и компаний за развязывание и ведение войны в Чако. Кроме того, хунта собиралась провести чистку общества от коррупционеров, расследовав все случаи сомнительного обогащения в период войны.³²⁹ Эти меры должны были стать своего рода моральным реваншем за поражение в войне.

Одним из пунктов программы была реформа государственного и общественного устройства страны. Было заявлено о необходимости реформы государства на «социалистических принципах». В общих чертах эти реформы означали создание новой системы власти, которая заменила бы парламентскую демократию. Основой реформы должна была стать обязательная синдикализация и огосударствление профсоюзов.³³⁰ Политическая составляющая программы была умеренной и пока мало понятной. Речь шла лишь о некоторых реформах государственной машины. Особенно подчеркивалась новая роль профсоюзов как основы всей политической системы. Суть программы можно свести к формуле: всемерное усиление государства.

Резкие антикапиталистические, социалистические декларации новых членов правительства накануне переворота вызывали беспокойство консервативных кругов и иностранного капитала. После майской революции общий тон заявлений социалистов стал более умеренным. Уже после прихода к власти их лидер Э.Бальдивесо в беседе с британским послом заявил, что все эти радикальные высказывания были лишь пропагандистской данью настроением в обществе, и по сравнению, например, с законами Англии боливийские реформы выглядят более консервативными³³¹. Э.Бальдивесо говорил правду лишь отчасти. Действительность состояла в том, что крайне архаическая и отсталая система власти и управления экономикой в Боливии нуждалась в реформах, которые для европейских стран выглядели бы умеренными и слабыми. Однако для

³²⁸ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1753.

³²⁹ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.24.

³³⁰ Klein H S. German Busch and the Era of "Military Socialist" in Bolivia // HANR.1965. vol.47, No.2. P.37.

³³¹ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.100.

Боливии — это было революционным разрывом с прошлым. Другое дело, что Э.Бальдивесо приходилось оправдываться перед иностранными послами и успокаивать США и Великобританию, главных экономических партнеров Боливии, убеждая их в своей лояльности и «добропорядочности».

Военные-социалисты создали новые министерства: труда, горнорудной промышленности, нефти, сельского хозяйства. При министерстве просвещения создавался департамент по крестьянским делам. Декретом от 2 июня 1936 г. было создано министерство труда, перед которым была сформулирована цель — разработать соответствующее трудовое законодательство и провести синдикализацию. Первым министром труда стал лидер забастовщиков мая 1936 г., профсоюзный руководитель, типографский рабочий В.Альварес. Во время переворота рабочая Генеральная ассамблея выдвинула его кандидатуру в качестве представителя профсоюзов в кабинете министров. Его заместителем, правда на очень короткое время, стал Х.Агирре Гайнсборг, перешедший затем в министерство промышленности и торговли³³². На пост директора департамента труда, то есть фактически второго лица в министерстве, был назначен представитель Соцпартии А.Мендоса Лопес³³³, ставший некоторым противовесом слишком левому руководству министерства труда. В министерство труда на пост юридического советника был приглашен известный марксист Х.А.Арсе, вернувшийся из эмиграции. Ответственные должности в министерстве получили профсоюзные лидеры и левые политики, в частности, руководитель марксистской «Левой группы» Р. Анайя и сааведрист У.Севиляно.³³⁴

В первые месяцы существования нового режима важные государственные посты заняли социалисты и даже деятели, имевшие репутацию коммунистов, такие как Х.Агирре Гайнсборг, Х.А.Арсе, Р.Анайя. Военные предпочитали сотрудничеств с социалистами и левыми рабочими лидерами всем другим возможным союзам, в частности, с сааведристами. Левые активно принялись за выполнение декларированных военными программных задач, в первую очередь, усиление роли профсоюзов в политической жизни. Привлекая левых в правительство, военные рассчитывали на более

³³² Alvarez W. Op.cit. P.98

³³³ Письмо Д.Торо — В.Альваресу от 3 июня 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T.127. (PG7250).

³³⁴ У.Севиляно, А.Арсе участвовали в 1 конференции красных проф-союзов Латинской Америки в Монтевидео в 1929 г. После этого события У.Севиляно вернулся в Боливию стойким антикоммунистом.

тесный союз с рабочим движением, которое на данном этапе рассматривалось ими как главный союзник режима. Сильное рабочее движение, поддерживающее Хунту, было также гарантией лояльности армии, в которой помимо пылких сторонников новой власти оставалось немало консервативных генералов, не принимавших «социалистические» новшества.

При министерстве труда было создано несколько комиссий по разработке трудового законодательства и подготовке трудового кодекса. Направляли работу этих комиссий левые деятели и лидеры рабочего движения. Непосредственное участие в их работе принимал В.Альварес. Правительство шло на большие уступки рабочему движению. 1 июня 1936 г. декретом Хунты была значительно повышена зарплата как государственным служащим, так и работникам частного сектора. Затем другим декретом были установлены льготы ветеранам войны в Чако³³⁵. Этими популярными мерами новое правительство рассчитывало завоевать доверие к своим планам реформ среди широких слоев населения.

Ветераны Чако были самыми ревностными сторонниками Хунты, что показал 1-ый съезд Легиона ветеранов в Оруро. Главным требованием съезда было проведение расследования в отношении виновников войны и поражения. Там же, на съезде, были исключены те ветераны, которые не поддерживали идею «государственного социализма». ЛЕК стал тем инструментом, посредством которого социалистическое правительство нейтрализовало военных, а именно высшую иерархию, недовольную переменами, сохраняя тем самым контроль над армией в руках неформальных лидеров, то есть инициаторов переворота. В тот момент ветеранским организациям отводилась роль правительственной партии.

В начале июня 1936 г. правительство переживало внутренний кризис. Б.Сааведра пытался играть в Хунте первую роль, что привело к конфликту с военными и поддерживавшими их социалистами. Ему не удалось вбить клин в ряды военных и заручиться поддержкой части армии. Б.Сааведра пытался давить на Хунту, прибегая к традиционным методам мобилизации чоло, городских низов Ла-Паса: были организованы демонстрации, митинги, собрания сторонников республиканцев-социалистов. В эти дни численность ПРС резко выросла, что вызывало беспокойство союзников в правительстве. В начале июня сааведристы собрали большой митинг в Муниципальном театре, на котором открыто противопоставили себя социалистам, деятельность которых они характеризовали как коммунистическую. Б.Сааведра призывал создать единый фронт

³³⁵ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.25

«умеренных социалистов» вокруг его партии. Газета «Ла Република» развернула кампанию обвинений правительства и военных в потворстве коммунизму. Острые критики Б.Сааведры в адрес хунты было направлено против министерства труда и поддерживавших В.Альвареса социалистов.

Социалисты всё более враждебно реагировали на гегемонистские претензии сааведристов. В начале июня сначала местные организации в провинции, а затем и столичный комитет социалистов заявили о разрыве союза с республиканцами-сааведристами. Д.Торо, желая нейтрализовать Б.Сааведру, предложил ему войти в состав делегации Боливии на мирной конференции в Буэнос-Айресе, что означало удаление лидера «республиканцев-социалистов» из страны, а в конечном итоге, делало неизбежным разрыв его партии с революционной коалицией. После отказа Б.Сааведры конфликт стал открытым.

Главное отличие в поведении сааведристов и социалистов в отношении военных заключалось в том, что последние, осознавая свою организационную слабость, не предполагали единоличное управление страной и мыслили своё будущее исключительно в увязке с армией. Б.Сааведра же изначально шел на союзы и компромиссы во имя достижения полноты власти и последующее удаления вооруженных сил с политической арены, как это было в 1930 г. Конфликт Б.Сааведры и военных становился неизбежным.

В свою очередь социалистам удалось вбить клин в ряды сааведризма. В.Альварес в своих мемуарах рассказывал, как в кабинете министров представителя ПРС Г.Госалвесу уговаривали пересмотреть персоналистскую ориентацию партии и отойти от слепого следования за старым каудильо. Министр финансов Ф.Камперо Альварес прямо предложил Г.Госалвесу с помощью властей сместить Б.Сааведру и возглавить партию, укрепив коалицию «революционной хунты»³³⁶. Заклинания министров и давление военных имели серьезные последствия для ПРС, в которой произошел раскол: из партии выделилась «антиперсоналистская» фракция, подержавшая правительство Д.Торо.

Ответные действия военных на фронду Б.Сааведры были стремительными и решительными. 21 июня 1936 г. Х.Буш фактически осуществил новый переворот: он распустил хунту и потребовал от Д.Торо сформировать «чисто» военное правительство. Д.Торо, всегда изображавший себя легалистом и противником переворотов, вновь заявил о полной для него неожиданности действий Генштаба. Могло показаться, что переворот направлен именно против него. Однако маловероятно, чтобы Х.Буш провел эту акцию без

³³⁶ Alvarez W. Op.cit. P.103–104.

ведома и согласия главы хунты, ибо именно Д.Торо извлек наибольшую выгоду из этих событий³³⁷.

Х.Буш обратился к нации с манифестом, в котором говорилось о верности курсу «государственного социализма» и движению «национального возрождения», начатого революцией 17 мая. Он обвинил сааведристов в противодействии революционным задачам правительства. Социалистам предлагалось присоединиться к военным на основе «социалистической доктрины» и провести внутреннюю чистку, избавившись от политиканов и попутчиков.³³⁸ В манифесте Х.Буш заявил, что армия опирается исключительно на встеранов и рабочее движение.³³⁹ Лейтмотивом всех деклараций военных было недовольство политиканством гражданских деятелей и партий, неприятие правил традиционной политической борьбы. Заявление Х.Буша было направлено и против социалистов, которых вместе с сааведристами обвинили в колебаниях и в участии в заговорах. Э.Бальдивесо, который, как и сааведристы, был удален из правительства, не стал оправдываться или защищать собственную партию, а признал правоту Х.Буша. Следствием этого шага Э.Бальдивесо был его уход с поста главы партии, которую вместо него возглавил Х.Тамайо³⁴⁰. Э.Бальдивесо сумел сохранить после этого кризиса доверительные отношения с военными, в частности с Х.Бушем.

После выступления Х.Буша была проведена реорганизация правительства. Д.Торо была предоставлена полная свобода в формировании новой хунты.³⁴¹ Из кабинета министров были удалены социалисты и сааведристы. Несмотря на резкие заявления военных, отказавшихся от сотрудничества со своими гражданскими союзниками, социалисты и их рупор газета «Ла Калье» поддерживали «переворот». «Ла Калье» в резко антилиберальном духе приветствовала действия Х.Буша: «Мы считаем необходимым предоставить социалистической армии полную свободу для маневра, что позволит военным до конца исполнить свой долг... Мы согласны с жестоким и откровенным использованием власти и силы, чуждой лицемерию и законности старой демократии»³⁴².

³³⁷ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.106–107.

³³⁸ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.27.

³³⁹ El Diario. 27.07.1936.

³⁴⁰ Lorini I. Op.cit. P.210.

³⁴¹ FRUS. 1936. P.236.

³⁴² Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.108.

22 июня Б.Сааведра был арестован, а затем вместе со своими многочисленными сторонниками депортирован. Из правительства также ушел Э.Бальдивесо, а К.Монтенегро был отправлен в Буэнос-Айрес в качестве секретаря на мирную конференцию по Чако. Не все гражданские лица были удалены из кабинета министров. В правительстве сохранили свои портфели социалист Ф. Камперо и лидер рабочих профсоюзов В.Альварес, оставшийся на посту министра труда, что подтверждало желание Х.Буша видеть в рабочем движении союзника военного правительства. С этого момента военные-социалисты окончательно порвали со всей традиционной системой достижения согласия в правящем блоке, продемонстрировали боливийской политической элите своё непреклонное желание строить принципиально новое государство и общество.

Острый политический кризис 1935–1936 гг. характеризовался бурным процессом вызревания антиолигархического, антилиберального движения, начертавшего на своих знаменах социалистические и националистические лозунги. Военная катастрофа в Чако была фактором формирования националистического движения в армии. Новые партии и группы консолидировались вокруг военных-реформаторов, поставивших перед собой задачи вывода страны из затянувшегося экономического и политического кризиса и проведения радикальных преобразований общественных структур. Военные-реформаторы в союзе с социалистами и рабочими профсоюзами осуществили государственный переворот, объявив об установлении режима «государственного социализма».

Переворот мая 1936 г. был направлен против олигархического государства и всей архаичной социальной системы. Действия военных и их союзников были поддержаны большинством населения страны, разуверившимся в эффективности инструментов традиционной либеральной демократии, дискредитировавшей себя поражениями на фронте войны в Чако и экономическими катаклизмами. Общество ожидало от новой власти политических и экономических преобразований. Военные практически полностью приняли программу своих союзников социалистов. Период, последовавший за переворотом мая 1936 г., был самым радикальным временем существования режима «государственного социализма», когда казалось, что это лишь начало подлинной социальной революции, способной победить вековую отсталость и зависимость страны. Позднее многие положения первоначальной программы революции были преданы забвению, а наиболее радикально настроенные деятели, ставшие неудобными союзниками более умеренных военных, вынуждены были уйти из правительственных органов.

**Формирование основ режима «государственного социализма». Правительство Д.Торо
(июнь 1936 г. – июль 1937 г.).**

Сразу же после прихода во дворец Кемадо, резиденцию президента страны, военные стали развивать идеи перестройки всего общества на принципиально новых основах. В первую очередь предстояло решить серьезные экономические проблемы, доставшиеся новому режиму в наследство от старой власти. На момент прихода к власти Д.Торо страна находилась на грани экономической пропасти. Во время войны правительство прибегало к заимствованию внутри страны и за рубежом; долги достигли астрономической суммы в 1.700.000.000 боливиано. Только выплаты по процентам внешнего долга составили 400 млн боливиано в год.³⁴³ В стране бушевала инфляция. Рост цен больно ударил не только по городским низам, рабочему классу, но и по средним, достаточно благополучно существовавшим до этого, слоям населения. Все надежды народа на улучшение положения были связаны с обещаниями Д.Торо переломить негативные тенденции в экономике и найти выход из кризиса.

Экономическая политика правительства Д.Торо.

С приходом к власти военные-социалисты заявили о новой экономической политике, целью которой было построение общества социальной справедливости. Одной из первоочередных задач правительства стало обеспечение населения продуктами первой необходимости. Широта и размах забастовочного движения в апреле-мае 1936 г. заставили военное правительство обратиться к проблемам сдерживания скачкообразного роста цен и сохранения уровня жизни населения. В течение июня, августа и сентября 1936 г. Д.То-

³⁴³Klein H.S. David Toro and the Establishment of "Military Socialist" in Bolivia // HAHR. 1972. vol.14. No.1. P.51

ро издал несколько законов против спекуляции и установил субсидии продовольственным магазинам.

19 августа 1936 г. были созданы Комитеты борьбы со спекуляцией. Декрет от 20 июня 1936 г. запрещал устанавливать торговые надбавки на предметы народного потребления выше 12%.³⁴⁴ Правительство ввело карточную систему и фиксированные цены на продукты питания, что нашло большую поддержку среди народных масс, но одновременно привело к дефициту товаров на рынке. Антиспекулятивный комитет регулярно публиковал списки фиксированных цен, а также с помощью созданной коммерческой полиции следил за выполнением своих распоряжений. Кроме того, был опубликован перечень товаров, импорт которых в Боливию был временно запрещен. Речь шла о предметах роскоши или «узкого круга потребления». В этот список попали такие товары как пианино, бильярд, деревянный паркет, кожаные сумки и тому подобное³⁴⁵. Ограничительные административные меры не могли преодолеть трудности в обеспечении товарами, не остановили роста цен и разрастания черного рынка. Левая пресса призывала «расстреливать спекулянтов, как это делают в СССР с врагами народа»³⁴⁶. Министерство торговли пригрозило высылать из страны всех торговцев-иностранцев, занимающихся спекуляцией (речь шла, конечно же, о появившихся еврейских иммигрантах из Европы, для которых высылка из страны реально представляла большую угрозу)³⁴⁷.

Запретительные меры и драконовские постановления не могли ликвидировать невероятно разросшийся черный рынок. Газеты признавали, что все дефицитные товары уходили к спекулянтам. Помещики, поставщики сельскохозяйственной продукции припрятавали продовольствие, чтобы не продавать его по низким фиксированным ценам. Правительство в сентябре 1936 г. стало всерьез планировать армейские операции по поиску укрываемого продовольствия в поместьях и общинах³⁴⁸.

В связи с нехваткой товаров первой необходимости из-за падения импорта правительство Д.Торо создало министерство сельского хозяйства, на которое возлагались некоторые надежды по приросту поставок продуктов питания местного производства. В 1936 г. правительство создало Совет по развитию зернового хозяйства, в

³⁴⁴ Anuario administrativo de 1936. Vol. 1. La Paz, 1937. P.1028.

³⁴⁵ El Diario. 10.09.1936.

³⁴⁶ La Calle. 14.10.1936.

³⁴⁷ El Diario. 04.03.1937.

³⁴⁸ El Diario. 12.09.1936.

задачу которой входила ликвидация острой нехватки хлеба на внутреннем рынке.³⁴⁹

Правительство предпринимало конкретные действия для облегчения положения народных масс. В июне 1936 г. были созданы «Дома обеспечения», то есть сеть государственных магазинов, призванных заменить собой частную торговлю товарами первой необходимости. Принимаемые защитные меры смогли на некоторое время смягчить удар кризиса по беднейшим слоям населения. Соцпартия приветствовала создание государственных магазинов, так как видела в этом осуществление «социалистической» программы хунты, в которой важное место занимала идея «государства-предпринимателя». Напротив, эта мера вызвала шквал критики со стороны правых газет и партий, увидевших в них угрозу свободе торговли и частному предпринимательству³⁵⁰. Все эти новшества объяснялись новым направлением в экономической политике — созданием основ для госкапитализма. Государственное регулирование цен, да и всей ситуации на потребительском рынке становилось основным инструментом экономической политики.

В течение всего года, пока Д.Торо находился у власти, экономическое положение только ухудшалось. Наибольшее беспокойство вызывали финансы и стабильность национальной валюты. Обесцененный в годы войны в 10 раз боливиано продолжал стремительно катиться по наклонной плоскости. За год правления Д.Торо боливиано «потерял в весе» 20 % (со 160 боливиано за 1 фунт стерлингов до 200 боливиано).³⁵¹ Экономические эксперты Д.Торо предложили установить дифференцированные курсы обмена валют и льготного режима для импортеров продовольствия, что могло бы сдержать рост цен.

Экспортеры были вынуждены продавать часть валюты государству по заниженному курсу. Импортеры же продовольствия могли покупать «дешевую» валюту, что, по идее военных, должно было сдержать рост цен на розничном рынке. Эта мера встретила ожесточенную критику горнорудных монополий, не желавших делиться своими доходами во имя поддержания жизненного уровня населения. Валютный кризис ставил непреодолимые препятствия для поставок импортного продовольствия в города. Все эти факторы заставляли правительство лихорадочно искать дополнительные источники поступления валюты. Социалисты предложили правительству проект налоговой реформы, модернизированной ус-

³⁴⁹ ECLA. Development of Agriculture in Bolivia. 4th session, Mexico. 28 may. 1951. New York, 1951, P.32.

³⁵⁰ El Diario. 13.05.1937.

³⁵¹ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.50.

таревшую систему пополнения бюджета исключительно за счет налогов и торговых пошлин. Их предложения предусматривали дифференцированное обложение прибыли и ренты³⁵². Правительство же пошло по проверенному пути изъятия части прибыли горнорудных компаний через систему заниженных обменных курсов.

Компания Патиньо обращала внимание правительства на резкое снижение доходности своих рудников. В письме на имя Д.Торо представитель корпорации отмечал: «В течение 1936 г. правительство Боливии получило от компании в качестве налогов и в обмен от продажи валюты сумму в 696.275 фунтов стерлингов и 4.400.000 боливиано при том, что акционеры получили от всех рудников в Боливии не более 30.360 фунтов стерлингов. К этому следует добавить тот факт, что получаемые боливиано не могут конвертироваться в валюту и передаваться зарубежным держателям акций. Наши рудники работают на государство, а не на акционеров»³⁵³. Правая пресса, представляя интересы горнорудных монополий — основных экспортеров, постоянно требовала ликвидации различий в валютном режиме для отдельных отраслей и установления единого обменного курса³⁵⁴. Правительство строго держалось системы дифференцированных обменных курсов. Однако эта мера не смогла обеспечить решение проблемы падения стоимости национальной валюты и оплаты импорта продовольствия. Спекуляции окончательно расстроили финансовый рынок, а разница курсов обмена привела к полной неразберихе.

Горнорудная промышленность продолжала испытывать серьезные трудности. Для поддержки мелких и средних владельцев рудников в январе 1937 г. был создан Горнорудный банк, скупавший у них минералы³⁵⁵. Ассоциация горнопромышленников отказалась прислать своего представителя в Совет администрации банка, выражая тем самым несогласие с проводимой политикой государственного вмешательства в сферу торговли рудой³⁵⁶.

29 августа 1936 г. под председательством министра финансов Ф.Камперо Альвареса начала заседать комиссия, в которую вошли представители горнорудных компаний, банков и торговли. В её задачу входила разработка комплексных мер по выводу экономики из кризиса. Надежды на улучшение положения были связаны ис-

³⁵² La Calle. 02.12.1936.

³⁵³ Письмо Патиньо Майнз — Д.Торо от 4 июня 1937 г. — ANB.PG.1937. C.13. T.153 (PG7543).

³⁵⁴ El Diario. 19.10.1936; 26.01.1937; 02.07.1937; 04.07.1937.

³⁵⁵ El Diario. 08.04.1937.

³⁵⁶ Отчет министерства горнорудной и нефтяной промышленности от 24 октября 1936 г. — ANB.PG.1936. C.12. T.127 (PG7250).

ключительно с оптимистическими прогнозами положения на мировом рынке олова³⁵⁷. Боливия оставалась членом Комитета олова, который связывал её определенными обязательствами по ограничению производства и экспорта. С начала 1937 г. началось некоторое оживление рынка: выросли цены и увеличился спрос на олово, что позволило Комитету ослабить ограничения производства.³⁵⁸

В конце 1936 г. появился новый фактор в политике в отношении олова: США стали создавать свои запасы стратегического сырья. Боливийцы ухватились за это обстоятельство и начали переговоры с США о прямых поставках руды, что могло разрушить всю систему контроля над рынком олова, созданную Комитетом. Правительство Д.Торо действовало осторожно и не сразу отреагировало на привлекательное предложение американцев, так как опасалось санкций со стороны Комитета и политического противодействия со стороны Патиньо внутри страны.³⁵⁹ США были заинтересованы в нарушении ограничений, установленных Комитетом и толкали к этому правительство Д.Торо, которое отчаянно нуждалось в увеличении экспорта для получения валюты.

В ноябре 1936 г. Д.Торо встретился с послом США в Боливии, с которым велись переговоры о поставках олова в США по межправительственному соглашению и о строительстве там оловоплавильного завода, специально сориентированного на боливийскую руду. Д.Торо заявил послу, что действует с согласия Арамайю, и Боливия хотела бы иметь гарантии со стороны США в случае конфликта с Патиньо.³⁶⁰ Ввиду нарастания угрозы европейской войны США с большим интересом отнеслись к предложениям Боливии и расширили рамки переговоров, предполагая подписать широкое торговое соглашение.

Д.Торо согласовывал свою экономическую политику с К.В.Арамайю, с которым поддерживал дружеские, сердечные отношения. У Арамайю были серьезные трения с Патиньо по вопросу распределения квот и выплавки олова из боливийской руды. Дело в том, что Патиньо контролировал оловоплавильное производство в Англии, а Арамайю, мощь которого выросла за годы мирового кризиса, был заинтересован в переориентации потока боливийского олова на США. В этом вопросе его интересы совпадали с устремлениями мелких и средних шахтовладельцев, желавших покон-

³⁵⁷ El Diario. 01.09.1936.

³⁵⁸ Hillman J. Bolivia and the International Tin Cartel, 1931–1941// JLAS. Vol.20. part.1. May, 1988. P.102–104.

³⁵⁹ FRUS. 1936. P.237–238.

³⁶⁰ FRUS. 1936. P.237–238.

чить с ограничениями Комитета олова за счет прямых поставок руды в США.

Однако, пока шли переговоры, и США торговались по поводу таможенных скидок на поставки товаров из Боливии, ситуация на мировом рынке резко изменилась. В начале 1937 г. неожиданно вырос спрос на олово, подскочили цены с 228 фунтов стерлингов за тонну в январе до 301 в марте 1937 г. И, хотя американцы настаивали на скорейшем заключении торгового договора, по которому соглашались на строительство оловодобывающего завода в США, для боливийцев этот сюжет утратил свою остроту в связи с новой, более благоприятной ситуацией на рынке³⁶¹.

8 сентября 1936 г. правительство Д.Торо установило правило 10%-ной сдачи государству валюты, получаемой от экспорта, по заниженному курсу. В начале марта 1937 г. в Потоси состоялся конгресс мелких и средних горнопромышленников, на котором прозвучала резкая критика как в адрес Международного комитета олова, то есть Патиньо, так и в адрес правительства за его финансовую политику, обескровливающую всю отрасль. Конгресс потребовал повышения официального курса обмена боливиано с 50 до 80 или даже 100 боливиано за фунт стерлингов, так как на свободном рынке он достигал 150. Эти требования совпадали с позициями оловодобывающих монополий, выступавших единым фронтом со всеми экспортерами³⁶². Под их давлением министерство финансов пошло на уступки, установив сложную шкалу обменных курсов, выгодную крупным производителям. Чем больше экспортировалось руды, тем выше был курс обмена валюты, предназначенной к обязательной сдаче государству³⁶³. Объективно эта мера лишь облегчила положение «баронов олова» в ущерб мелким и средним предприятиям, хотя именно в них правительство усматривало свою основную социальную опору.

Среди предпринятых мероприятий и нововведений выделялся целый блок законов и распоряжений, позволяющих говорить о действительно новом этапе экономического курса, состоявшего во всеобъемлющем государственном регулировании во всех секторах народного хозяйства: достаточно упомянуть создание Горнорудного банка, контроль за обменом валюты, монополию на продажу золота и нефтяную политику (о чем пойдет речь отдельно). Испытывая дефицит золотовалютных запасов, правительство ввело государственную монополию на реализацию добываемого в стране

³⁶¹ Ibid. P.273–274.

³⁶² El Diario. 04;29.03.1937.

³⁶³ Декрет был подписан 22 января 1937 г., а конкретный механизм введен в действие лишь в мае 1937 г. — El Diario. 12.05.1937.

золота. Под угрозой аннулирования концессий на добычу частные компании и старатели должны были сдавать весь металл в Центральный банк. Для контроля за выполнением декрета при министерстве горнорудной промышленности создавалась «Национальная полиция золота», которую возглавил радикальный националист, член ложы РАДЕПА Э.Бельмонте³⁶⁴.

Хунта разрабатывала планы экономических реформ, которые по своему содержанию означали усиление роли государства в управлении экономикой, создание смешанной модели народного хозяйства. В сентябре 1936 г. во всех департаментах страны были созданы Советы промышленности и торговли, в задачу которых входила поддержка и создание промышленных предприятий в провинции³⁶⁵. Предполагалось обеспечить их деятельность серьезными финансовыми ресурсами. Однако в условиях финансового кризиса реальных результатов от деятельности этих новых органов ждать не приходилось.

Создание госорганов регулирования потребления и финансового обращения, а также установление контроля государства в стратегических сферах народного хозяйства свидетельствовали о новом, этатистском направлении в экономической политике: о создании государственного сектора в экономике, которому отводились ведущие позиции. Вместе со стратегическими задачами реформирования, сформулированными в программе правительства военных-социалистов, Д.Торо должен был решать текущие проблемы кризисного управления экономикой. Идя на уступки различным влиятельным группам, Д.Торо принимал порой противоречивые решения. Его политика оставалась невнятной и путанной, конъюнктурной и малоэффективной, ибо пыталась решить текущие проблемы в ущерб фундаментальным реформам. Все это создавало массу трудностей в реформировании страны.

Идеология режима «государственного социализма».

Идеология новой власти была отражением идейных поисков в боливийском обществе в 20–30-е годы, а также новых теорий государства, получивших широкое распространение на континенте. Во-первых, само название режима, «государственный социализм», не было политической новинкой в Латинской Америке. Именно так называли свою доктрину создатели эфемерной «Социалисти-

³⁶⁴ Belmonte Pabon E. Op.cit. P.155.

³⁶⁵ El Diario. 13.09.1936.

ческой республики» в Чили в 1932 г. Тот факт, что в обоих случаях главным инструментом действия была армия, говорит о попытке боливийских военных копировать и более основательно осуществить то, что не удалось сделать в Чили. Как чилийские, так и боливийские военные-социалисты усматривали в социализме единственную альтернативу находившемуся в глубоком экономическом и морально-политическом кризисе «классическому» капитализму. Экономические и социальные успехи новых политических режимов в Европе, прежде всего, коммунистического в СССР и национал-социалистического в Германии, которых, в глазах военных-социалистов, объединяло их противостояние либеральной демократии, были лучшим аргументом в пользу новых общественно-политических форм функционирования государства.

Впервые находящиеся у власти политики, говоря о национальных интересах, указали на их противостояние «эгоистическим интересам частных групп самих же боливийцев», была обозначена противоположность интересов нации и олигархии. В своем первом обращении к нации Х.Буш заявил: «Мы видим огромное неравенство между теми, кто тысячами отдавал свои жизни на пустынных просторах Чако, и теми, кто составляют, по словам одного журналиста, «привилегированную касту», но мы видим также, что сейчас рождается новое мышление новой Боливии»³⁶⁶. Главный идеологический тезис нового режима состоял в «укреплении государства», его освобождении от олигархии. Именно государство, свободное от эгоистических интересов отдельных групп и классов, представляло собой ту самоценность, ради которой все боливийцы должны были пожертвовать своими частными интересами и правами. В самом наименовании режима понятие «государственный» было первостепенным, и только потом речь шла о новой организации общественной жизни, «социализме».

Идеологи новой доктрины делали оговорки в сторону ограничительного толкования социализма. Д.Торо неоднократно подчеркивал, что речь идет лишь о новой фазе развития общества, преодолевающего эгоистические ограниченности либерализма и индивидуализма, а не об интегральном, то есть полном социализме.³⁶⁷ Ставший идеологом режима лидер социалистов Э.Бальдивесо утверждал, что Боливия не готова к полному социализму, и поэтому вводит свою модель «государственного социализма». Он заявлял, что новая социалистическая доктрина не обращается к зарубежным, европейским теориям, а основывается лишь на социально-экономической и географической реальности Боливии.

³⁶⁶ Boullón Barreto G. Bolivia República Socialista. La Paz, 1936. P.16.

³⁶⁷ Valencia Vega, A. Historia política de Bolivia. P.1754.

Стратегическая цель нового режима — это социальная справедливость, диверсификация и индустриализация народного хозяйства страны³⁶⁸. На первой пресс-конференции в президентском дворце 21 мая 1936 г. Д.Торо заявил: «Идеология армии не отличается от взглядов левых партий. Армия желает создать правительство социальной справедливости, режим, который положит конец старым методам и старой политической системе. Наша задача — это развитие социалистического действия, это государственный социализм, который мы осуществим совместно с левыми партиями»³⁶⁹.

Военные, при всех своих социалистических декларациях были готовы пойти на компромисс со старой политической системой, и даже согласиться на временное сохранение прежних принципов функционирования экономики. Безусловно, они были далеки от идеи установить режим тоталитарного типа с полной перестройкой общественной и экономической жизни. Для этого они были слишком слабы как политически, так и доктринально. В своей редакционной статье 4 октября 1936 г. ставшая рупором режима газета «Ла Калье» определяла будущее социалистическое общество в Боливии как «организацию, сочетающую рациональность и коллективистскую мораль». А пока речь шла лишь о движении к такому обществу, на пути к которому главным организующим орудием будет государство³⁷⁰.

Для военных-социалистов экономической моделью развития Боливии был некий «прогрессивный капитализм», при котором государству отводилась активная роль в хозяйствовании. В своем докладе хунте Д.Торо, излагая принципы нового экономического строя, утверждал: «Государственный социализм основывается на принципах государства-предпринимателя. государства, которое возьмет на себя осуществление той деятельности, которая в руках частного предпринимателя не выполняла свою социальную функцию»³⁷¹. В этой формуле состояла суть экономической политики национал-реформистского типа, видевшей в государстве единственно возможное орудие гармонизации развития народного хозяйства страны. Государство вытесняло частных лиц из сферы, где их эффективность и польза, с точки зрения экономического национализма, была мала или недостаточна. Для социалистов было ясно, что олигархия имела отличные от национальных экономические интересы. Государство должно было исправить историческую несправедливость и вернуть народу, узурпированные олигархией бо-

³⁶⁸ La Razón. 24.05.1936.

³⁶⁹ Boullón Barreto G. Op.cit. P.28.

³⁷⁰ La Calle. 04.10.1936.

³⁷¹ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.138.

гатства и власть. Проправительственная «Ла Калье» на своих страницах утверждала, что на данном этапе в Боливии следует строить государственный капитализм, который является лишь первым этапом социалистической организации общества³⁷².

Признавая за государством право предпринимательской инициативы и даже ведущих позиций в народном хозяйстве, военные-социалисты не отказывались от гарантий частному капиталу. Примирить частнособственнические принципы «прогрессивного капитализма» с общественной природой социализма был призван принцип «социальной функции частной собственности». Идеологи режима были убеждены, что необходимо «подчинить производство целям общества, ибо в рамках социалистического государства всякая частная собственность должна выполнять свою социальную функцию».³⁷³ «Социальная функция» стала основополагающим принципом экономической политики и даже конституционного устройства. И здесь боливийские военные-социалисты не были первопроходцами. Эта модная к этому времени теория, ограничивающая неприкосновенность частной собственности выполнением ею своей социальной функции, определяемой её полезностью обществу (читай государству), была очень популярна в те годы во многих странах Латинской Америки. В Чили в период диктатуры Ибаньеса эту тему широко обсуждали в интеллектуальных и политических кругах. Те же идеи шли из Мексики, где активно развивался государственный сектор и много говорили о социализме.

Боливийский «государственный социализм» предполагал решительный отказ от демократии и основополагающих гражданских свобод. «Государственный социализм» в сфере политики был наследником идей Ф.Тамайо. Демократическому механизму принятия решений и достижению консенсуса в обществе социалисты вслед за Ф.Тамайо противопоставляли волю и энергию нации, выразителем которой должны были стать национальные силы, присвоившие себе право выражать «эгоистически понимаемые национальные интересы». Как и Тамайо, социалисты требовали от всех социальных слоев жертвы во имя достижения общенациональных целей.

Главным объектом критики идеологов режима была демократия. В мае 1936 г. при вступлении в должность министра иностранных дел Э.Бальдивесо заявлял: «Либеральная демократия — это выражение капитализма на службе меньшинства». Боливия, — считал он, — нуждалась не в зависимом старом либеральном, а в

³⁷² La Calle. 01.12.1936.

³⁷³ План организации министерства труда от 15 июня 1936 г. — ANB. PG. 1936. С.12. Т.127. (PG7250).

«плодотворном и производительном прогрессивном капитализме». Путь к нему лежит через «эволюционную социальную реформу при преобладании государственной собственности и ограничении экономической и политической власти горнорудной олигархии»³⁷⁴. Политической составляющей реформы должна была стать так называемая функциональная демократия, предполагавшая отказ от классической системы парламентского представительства и замену её корпоративным строем при ограничении основных прав и свобод принципом государственной целесообразности.

Индивидуализму и эгоизму «демолиберализма» противопоставлялось единение передовых элементов нации, «генераторов её жизненной энергии» — рабочего класса и капитала. Их объединение, считали идеологи режима, может осуществить лишь государство, приоритетом в политике которого будет общее благо нации, даже в ущерб интересам этих классов и при ограничении свободы личности. Данные принципы были изложены в «Доктрине государственного социализма», программном документе Национального департамента пропаганды. В нем говорилось: «Государственный социализм — это призыв к эффективной солидарности активных членов общества, это установление царства закона, защищающего труд»³⁷⁵. Там же указывалось, что долг каждого гражданина — посвятить себя государству во имя величия нации.

Называя себя социалистами, пусть даже и «государственными», военные тут же делали оговорку, что речь ни в коем случае не идет о коммунизме. В отличие от коммунистов, видевших в социализме, по крайней мере, доктринально, развитие демократии и подтверждавших свою верность идеалам Французской революции, свободы, равенства, братства, военные-социалисты избрали главной своей мишенью именно демократическое устройство общества. Более того, идеологи режима заявляли, что их строй — это барьер на пути коммунизма, который, по сути, является интернациональной (как и иностранный капитал, империализм), а следовательно, и антинациональной силой.³⁷⁶ Более того, если коммунисты отстаивали интересы пролетариата, то военные-социалисты претендовали на защиту общенациональных ценностей, на преодоление классовой борьбы и установление социальной гармонии.

Большое влияние на идеологию «государственного социализма» оказали итальянский фашизм и германский национал-со-

³⁷⁴ Klein H S. David Toro and the Establishment of "Military Socialist" in Bolivia // HAHR. 1972. vol. 14, No. 1. P. 36.

³⁷⁵ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 30 de mayo de 1937. 31 – 25 – 3.

³⁷⁶ La Razón. 19.02.1937.

циализм, провозглашавшие приоритет нации над личностью и классами. Многие деятели режима, особенно военные, с большой симпатией относились к национал-социализму Гитлера. Влияние нацизма в боливийской армии было очень велико. Боливийские военные поддерживали связи с германскими нацистами до и после прихода Гитлера к власти. Х.Кундт был личным другом Гитлера, а боливийское консульство в Берлине часто давало приют нацистам в 20-е годы. Многие боливийские офицеры отправляли своих детей учиться в Германию. Министр обороны правительства Д.Торо Оскар Москосо заявлял, что при реформировании государства следует руководствоваться национал-социалистической доктриной. В октябре 1936 г. он создал Национал-социалистический легион ветеранов Чако.³⁷⁷ Эта организация оказывала серьезное влияние на политическую линию режима.

Не только военные открыто выражали свои симпатии фашизму, но и гражданские политики, прежде всего, члены Социалистической партии, будущие идеологи и лидеры национал-реформизма К.Монтенегро, Э.Финот и другие вели антилиберальную пропаганду через газету «Ла Калье»³⁷⁸. 23 октября 1936 г. подполковник Г.Вискарра опубликовал в «Ла Калье» редакционную статью «Наш боливийский национал-социалистический путь», в которой прославлял политический строй Германии и Италии. Он утверждал, что национал-социалистическая система — «это единственный режим правления, который дает гарантии прогресса и общественного благосостояния»³⁷⁹.

Идеологи режима находили много общего с фашистской доктриной и вели активную пропаганду успехов европейских тоталитарных режимов. И военные, и их союзники социалисты не скрывали родственных с национал-социализмом взглядов. В марте 1937 г. мексиканский посол пригласил для беседы видных деятелей режима Х.Пас Камперо, Ф.Камперо Альвареса, Э.Финота, которые постарались изложить ему принципы «государственного социализма». Они заявляли, что демолиберализм изжил себя, а боливийский режим движется в том же направлении, что и национал-социализм в Германии и фашизм в Италии.³⁸⁰

³⁷⁷ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Informe de 8 de octubre de 1936. 27 – 29 – 13. f.30.

³⁷⁸ Именно в это время вокруг газеты «Ла Калье» формировалось политическое движение «революционного национализма». Об идеологии этого течения см. главу 3.

³⁷⁹ La Calle. 23.10.1936.

³⁸⁰ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 30 de mayo de 1937. 31 – 25 – 3.

С приходом к власти военных-социалистов проявились результаты идейной революции, которая сместила господствовавшие представления об основах общественной жизни от либерализма и индивидуализма в сторону авторитаризма и социального государства. Центральным пунктом теории «новой Боливии» было отрицание принципов либерализма и демократии в экономике и в политической жизни.

Всё, что было связано со старым капитализмом свободной конкуренции, и что потерпело крах в период мирового кризиса, отвергалось военными-социалистами. Частная инициатива противопоставлялась государственному капитализму, мировой рынок со свободным обращением товаров и капиталов — национально регулируемой экономике и даже автаркии с ориентацией лишь на внутреннюю потребность страны, либеральная демократия со свойственными ей индивидуализмом и частно-эгоистическими интересами — коллективизму, подчинению личности государству, нации.

Государство принимало на себя ответственность за экономическое и социальное развитие. Фактически речь шла о государственном капитализме, при котором классовые противоречия и борьба интересов различных социальных групп подавлялись во имя национальной идеи. При слабости местного класса предпринимателей именно государство должно было выполнять задачи, как первоначального накопления, так и проведения индустриализации. По мнению военных-социалистов, либеральная демократия не смогла обеспечить условия для экономического развития и социального прогресса. Они были готовы предложить иную систему власти, где различные политические и социальные группы подчиняли бы свои устремления единой цели, определяемой государством, то есть социалистами, а гражданское общество полностью растворялось в государстве, подчинялось ему.

Многие положения идеологии «государственного социализма» впоследствии были восприняты национал-реформизмом. Наряду с очевидной преемственностью идейной базы, да и политической практики, у военных-социалистов и национал-реформистов существовали несколько серьезных отличий, позволяющих делать вывод о более радикальном противостоянии «государственного социализма» либеральной демократии и всей капиталистической системе. Самоназвание режима как социалистическое было не только данью моде, но и убеждением его создателей, что он призван заменить дискредитировавший себя демолиберальный строй, да и сам капитализм. В этом антирыночном, антикапиталистическом порыве слились в одно целое как левые, так и правые, профашистского толка, силы. Сильный антикапиталистический элемент «государственного социализма» придавал ему более ради-

кальное и антисистемное звучание. Принятие обществом новых идей свидетельствовало об изменении самого типа ментальности, о переходе гегемонии к тем интеллектуальным и политическим силам, которые в тот момент выражали антилиберальную, националистическую и авторитарную тенденцию.

Политическая реформа

Придя к власти путем переворота или, как они говорили, революции, военные отнюдь не стремились к легитимации режима на основе действовавших до этого конституционных принципов. Военные-социалисты поставили задачу создать свою собственную корпоративную политическую систему. Они заявили о своем намерении созвать Учредительное собрание, которое, основываясь на «социалистических» принципах, разработает новую конституцию страны.

Политическая реформа затрагивала высшие органы государственной власти, судебную систему и местное самоуправление. Хунта готовила обширную судебную реформу, которая полностью подчинила бы эту ветвь власти исполнительным органам³⁸¹. Декретом от 14 августа 1936 г. Д. Торо отменил выборы мэров, которых отныне назначало центральное правительство, а муниципальные собрания впредь должны были не избираться населением, а назначаться пропорционально Торговой палатой, Промышленной палатой, Коллегией адвокатов, профсоюзами медиков, инженеров, обществом сельских собственников и Рабочей федерацией. Вводилась оплата за работу мэров (алькальдов) в городах и поселках, что знаменовало собой демократизацию этого института власти, ибо позволяло занимать этот пост лицами свободных профессий, наемными рабочими и служащими без ущерба для их заработка³⁸². Впрочем, это было чистой теорией, так как самих алькальдов назначало центральное правительство, исходя из политической целесообразности и продвигая своих сторонников. Вместе с тем, эти меры в целом укрепили вертикаль исполнительной власти. Сильное государство являлось для военных главной целью всей политической реформы.

Основой новой системы, по мнению Д.Торо, должна была стать «функциональная демократия». Отказ от классической демократии как выражения прав и свобод личности объяснялся потребностью учитывать интересы классов и слоев населения, составлявших аб-

³⁸¹ La Calle. 17.11.1936.

³⁸² El Diario. 25.10.1936.

солютное большинство нации. Политическая реформа должна была полностью изменить представительную систему, ликвидировать парламентскую демократию. На место принципа выборности всех властей приходила авторитарная корпоративистская система. Не личность, не гражданин объявлялись основой «функциональной демократии», а некие народные классы и профессиональные группы. Исходя из этих предпосылок, Д.Торо, не одобряя экстремизма некоторых своих единомышленников и не являясь ярким приверженцем новомодных режимов Муссолини и Гитлера, будучи весьма прагматичным политиком, предложил компромиссный вариант структуры представительной власти. По его идее, как учредительное собрание, так и будущий парламент должны будут формироваться одновременно на основе обычных выборов, как было ранее, и из представителей профсоюзов. Половина депутатов избиралась бы по территориальным округам, а остальные делегировались бы от профсоюзов. Здесь следует оговориться, что речь шла исключительно о тех профсоюзах, которые создавались властью на корпоративистских началах.

Антилиберализм и логика антирыночной, этатистской политики делали рабочее движение естественным союзником режима, а также предлагали такое реформирование государственно-политического устройства, которое превращало профсоюзы в основу функционирования новой системы власти. Структурирование профсоюзного движения, его приспособление к нуждам новой власти были первоочередными задачами политической реформы. С целью создания основ новой политической системы Хунта разработала и опубликовала декреты об обязательной синдикализации и всеобщей трудовой повинности. Объясняя причины появления этих декретов, Д.Торо заявил в интервью газете «Ла Расон» следующее: «Необходимо реорганизовать государство на новом фундаменте... Думаю, что функциональные профсоюзы, хорошо организованные и контролируемые государством, смогут стать вспомогательным фактором обновления нашей социально-политической системы. Парламент должен действовать на основе двойного представительства»³⁸³.

Декрет о трудовой повинности был предложен министерством труда и подписан Д.Торо 6 июля 1936 г. По новому декрету Боливия провозглашалась «республикой трудящихся», следовательно, все были обязаны работать. Государство получало право принудительно привлекать «на работы» безработных и так называемые «паразитические классы». Всем безработным предлагалось обращаться в специальные департаменты труда и полицию, где из них

³⁸³ El Diario. 28.08.1936.

создавались бригады, направляемые либо на частные предприятия, либо на общественные работы, например, по строительству дорог, на которые привлекались не только безработные, но и те, кто не мог или не хотел платить дорожный налог. Демобилизованным с фронта в Чако солдатам предписывалось устроиться на работу в течение 20 дней.

Все боливийцы должны были обзавестись трудовыми книжками, которые становились важнейшим документом гражданской дееспособности.³⁸⁴ Предприниматели должны были сообщать в министерство труда о своих потребностях в рабочей силе, а органы власти были обязаны поставлять соответствующих рабочих и специалистов. За выполнение декрета отвечало новое полицейское подразделение — специальная трудовая инспекция, проводившая регистрацию безработных, формировавшая и направлявшая к месту выполнения повинности «бригады трудящихся в соответствии с запросами горнорудных, торговых, промышленных и прочих предприятий. Полиции предписывалось сопровождать бригады до места назначения. Газеты сообщали о задержании лиц, не имевших трудовой книжки и являвшихся безработными, которых временно арестовывали и содержали под стражей до определения будущего места работы»³⁸⁵. В случае бегства «призываемого на трудовую службу» по заявлению работодателя полиция должна была объявлять розыск и принудительно доставлять беглеца на прежнее место, причем стоимость поиска и проезда вычиталась из его будущей зарплаты»³⁸⁶. Особенное рвение в осуществлении декрета о трудовой повинности проявлял Э.Бельмонте, известный своим восторженным отношением к трудовой организации третьего рейха³⁸⁷.

Декрет о всеобщей трудовой повинности преследовал две цели. С одной стороны, он был реакцией на жалобы горнопромышленников, испытывавших серьезные трудности с рабочей силой, в то время как города наполнились безработными демобилизованными солдатами. В течение всего года для увеличения экспорта горнорудные компании требовали выполнения декрета о трудовой повинности, отправки на рудники дополнительных рабочих рук³⁸⁸. В письме от 30 июня 1936 г., исходя из потребностей горнорудной

³⁸⁴ Проект декрета о трудовой повинности. — ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁸⁵ La Calle. 03.10.1936.

³⁸⁶ Проект декрета о трудовой повинности. — ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁸⁷ El Diario. 11.10.1936.

³⁸⁸ El Diario. 29.03.1937.

отрасли, Д.Торо призывал министра труда в кратчайшие сроки разработать и представить проект декрета³⁸⁹. С другой стороны, декрету придавалась идеологическая и институционная нагрузка, состоящая в установлении государственного контроля над трудовыми ресурсами и в создании предпосылок тоталитарного управления экономикой. Социалисты отвергали рыночные механизмы регулирования спроса и предложения трудовых ресурсов, противопоставляя им полный контроль государства над занятостью. Эта реформа содержала сильный антирыночный, антикапиталистический вектор развития. Вопрос состоял лишь в выполнимости планов социалистов.

Министерство труда было активным проводником положений декрета в жизнь. В конце сентября 1936 г. министерство разослало местным властям новую инструкцию по выполнению декрета. В ней признавалось, что «существует всеобщая убежденность в том, что декрет никто не собирается выполнять». В результате граждане не беспокоятся о получении трудовых книжек. Министерство настаивало на усилении работы местных властей по организации бригад, выделив три направления: горнорудная промышленность, строительство дорог и сельское хозяйство. Все задержанные безработные должны были содержаться в казармах без права свободного выхода. Комиссии, отбирающие и сортирующие безработных, должны «в первую очередь удовлетворять потребности в рабочей силе крупных горнорудных предприятий, разрабатывающих олово, а уж затем мелких и средних». Подчеркивалось, что комиссии и политические органы должны строго выполнять распоряжения министерства и соблюдать букву закона «независимо от лица или социального положения» подлежащих принудительному призыву на работу, в том числе и иностранцев³⁹⁰.

Хотя в своих отчетах президенту В.Альварес рапортовал об успехах в реализации декрета³⁹¹, это новшество осталось лишь на бумаге. Несмотря на грозные инструкции и призывы к органам исполнительной власти, декрет о трудовой повинности так и остался лишь образом тоталитарного законотворчества. В реальной жизни декрет не выполнялся за исключением показательных акций. У государства не было ни средств, ни возможности на данном этапе обеспечить работой всех безработных. Эффективность дек-

³⁸⁹ Письмо Д.Торо — В.Альваресу от 30 июня 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁹⁰ Дополнительные инструкции к декрету о трудовой повинности от 29 сентября 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁹¹ Отчет В.Альвареса от 2 октября 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

рета была почти нулевой, но его появление вызвало целую бурю возмущения интеллигенции, видевшей в нем начало торжества тоталитаризма в Боливии.³⁹²

Поскольку рабочее движение должно было стать основой политической системы, министерство труда приступило к организации новых, подконтрольных государству, профсоюзных структур. Политическим инструментом управления синдикализированным обществом могли стать созданные по инициативе Х.А.Арсе (служившего юридическим советником в министерстве труда) АНПОС — Постоянные национальные ассамблеи профсоюзных организаций. Задача Ассамблеи заключалась в контроле за деятельностью министерства труда со стороны рабочих организаций и в подготовке общенационального конгресса, на котором планировалось создание единого профцентра. В АНПОС вошли представители всех профсоюзных объединений, в том числе ФОТ и ФОЛ. В своем циркуляре от 30 июня 1936 г. всем профсоюзным организациям страны В.Альварес писал: «Постоянная связь министерства и Хунты с рабочими организациями необходима для эффективного учета мнений рабочего класса, а также для доведения до сведения трудящихся и их организаций в центре и на местах действий и решений министерства, осуществляемых в интересах трудящихся»³⁹³. Министр труда раз в неделю выступал перед собранием рабочих представителей с отчетом о своей деятельности. Через АНПОС до рабочего класса должны были доводиться все инициативы «социалистического правительства».³⁹⁴ Желая подчеркнуть институциональное место АНПОС в политической системе «государственного социализма», В.Альварес запросил разрешения Д.Торо предоставить в распоряжение новой структуры помещение Сената³⁹⁵. Разрешение было получено и, к ужасу правых политиков, в Сенате стали заседать рабочие лидеры. Этот жест правительства носил не только символическое значение, а реально демонстрировал торжество новых принципов государственной власти.

Неофициальный статус АНПОС был вскоре изменен декретом Хунты, превратившем их в новый орган власти. Декрет Д.Торо об образовании АНПОС от 4 июля 1936 г. устанавливал схему образования новых профсоюзов. Организованные по цеховому принципу рабочие профсоюзы и объединения предпринимателей обра-

³⁹² Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.113–115.

³⁹³ Циркуляр Министерства труда от 30 июня 1936 г. — ANB.PG.1936. C.12. T.127(PG7250).

³⁹⁴ Alvarez W. Op. cit. P.105–106.

³⁹⁵ Письмо В.Альвареса — Д.Торо от 1 июля 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T.127 (PG7250).

зовывали общенациональные и местные ассамблеи. На предприятиях по профессиональному признаку создавались комитеты, которые затем объединялись в общенациональные союзы, встраиваемые в единую отраслевую структуру. Руководство АНПОС назначалось министерством труда. АНПОС должна была заменить собой все остальные профсоюзы, став не столько конфедерацией различных отраслевых союзов, сколько своеобразным синдикалистским предпарламентом, который, в свою очередь, делегировал бы своих полномочных делегатов в общенациональный парламент.

Создавая АНПОС, правительство надеялось поставить под контроль министерства труда деятельность и сам процесс организации рабочих профсоюзов. На заседании 23 июля 1936 г. АНПОС, выразив поддержку «социалистическому правительству», потребовали от Хунты скорейшего принятия декрета об обязательной синдикализации, при помощи которого рассчитывали организовать всю профсоюзную вертикаль в общенациональном масштабе³⁹⁶. Всеобщая синдикализация, по идее военных-социалистов, была оружием огосударствления профсоюзного движения.

Для профсоюзных лидеров создание синдикализованной, а по сути корпоративистской представительной власти, свидетельствовало о конце буржуазного государства и торжестве социалистических принципов. Важным элементом строительства новой политической системы была призвана стать обязательная синдикализация, декретированная 19 августа 1936 г. В отчете от 28 декабря 1938 г. министерство труда, подводя итоги своей деятельности, особо подчеркивало значение этого декрета в проведении политической реформы: «Всеобщая и обязательная синдикализация является основой нового режима и новой формой осуществления гражданства в Боливии, что отныне означает признание неотъемлемого права коллектива трудящихся участвовать в решении судеб страны»³⁹⁷. В преамбуле декрета указывалась цель этой широкомащтабной акции: «Обязательная и всеобщая синдикализация должна быть основой нового гражданского режима и одним из основных факторов функционирования избирательной системы». Декрет предписывал: «Все боливийцы, будь то мужчины или женщины, в той или иной мере участвующие в производстве, распределении и пользовании общественным богатством, обязаны объединиться в профсоюзы, деятельность которых должна регулироваться единым профсоюзным уставом». Каждый гражданин получал профсоюз-

³⁹⁶ Письмо В.Альвареса — Д.Торо от 25 июля 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T.127 (PG7250).

³⁹⁷ Отчет министерства труда за второе полугодие 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

ный билет, который, как предполагалось, заменял иные документы дееспособности, необходимые для участия в избирательном процессе. Статья 3 гласила: «Профсоюзы должны контролироваться и быть под постоянной опекой социалистического правительства, они являются частью государственного организма, основой функциональной системы власти»³⁹⁸

Создавались профсоюзы двух типов: работодателей и наемных работников. Закон предусматривал создание смешанных комиссий профсоюзов хозяев и работников для решения спорных вопросов и «достижения взаимопонимания труда и капитала, а также для совместных действий по усовершенствованию производства». Министерство труда предписывало каждому профсоюзу, в какую отраслевую или региональную федерацию он должен войти. Федерации призывались провести общенациональный объединительный конгресс трудящихся в ноябре 1936 г., на котором предполагалось образование Национальной профконфедерации. Будущий съезд должен был, согласно декрету, принять предложенный министерством труда профсоюзный устав, который виделся главной нормативной базой трудовых отношений.³⁹⁹ Эта система была направлена на установление всеобщего государственного контроля над профсоюзами. Объясняя необходимость радикальной политической реформы, Д.Торо говорил: «Страна переживает состояние дезорганизации своих политических и общественных институтов... Атмосфера в обществе характеризуется отсутствием здоровых политических групп, инерцией масс и преобладанием частных, эгоистических интересов, стремящихся эксплуатировать государство»⁴⁰⁰.

Декрет вызвал большие трения внутри правительства; были предложены два проекта декрета и профсоюзного устава. Они исходили из противоположных концепций общественного устройства и места в нем профсоюзов. Авторство первого принадлежало министерству труда, а конкретно марксистам Х.А.Арсе и Р.Анайе. Левые настаивали на скорейшем принятии профсоюзного устава в их редакции. В сентябре 1936 г. в письме министру В.Альваресу от имени Социалистической партии Кочабамбы А.Уркиди (реальным лидером партии был Р.Анайя, работавший тогда в министерстве труда) писал: «Необходимо срочно завершить процесс обязательной синдикализации принятием устава, и тем самым выбить почву из-под ног у противостоящей социалистическому характеру про-

³⁹⁸ Antezana L., Romero H. Historia de los sindicatos campesinos. La Paz, 1973. Anexos. P.10.

³⁹⁹ Ibid. P.11–12.

⁴⁰⁰ El Diario. 28.07.1936.

водимых реформ реакции, пытающейся навязать свои планы»⁴⁰¹. От содержания Профсоюзного устава зависел вектор развития отношений профсоюзов и государства. В.Альварес и его сподвижники из левого социалистического движения сразу же принялись за его разработку. Об успешном завершении этой работы министерство труда отчиталось правительству уже в декабре 1936 г., обещая представить устав на утверждение Хунты в ближайшее время⁴⁰². Однако после отставки В.Альвареса и чистки министерства от левых деятелей этот проект был предан забвению.

Несколько иное содержание обрела идея обязательной синдикализации в интерпретации министра внутренних дел подполковника Хулио Виера⁴⁰³, который видел в этом акте шаг на пути строительства корпоративного государства. Его идеалом был итальянский фашизм с корпоративистской политической организацией. Реальное осуществление декрета обуславливалось принятием профсоюзного устава, вокруг которого развернулась борьба между левым синдикализмом, представленным В.Альваресом, и правым корпоративизмом, олицетворением которого был глава кабинета министров Х.Виера. Дискуссия вокруг этого вопроса длилась вплоть до ухода В.Альвареса из правительства в конце 1936 г.

Профсоюзные круги с одобрением восприняли декрет о синдикализации. Левые считали, что при новом «социалистическом» режиме будут реализованы анархо-синдикалистские представления о месте профсоюзов в революции и в будущем общественном устройстве. В.Альварес заявлял, что «профсоюзы должны стать основой функциональной демократии и осуществления общественной власти»⁴⁰⁴. Несмотря на сопротивление правых сил, профсоюзным вождям удалось достичь некоторых успехов в осуществ-

⁴⁰¹ Письмо А.Уркиди — В.Альваресу от 9 сентября 1936 г. — ANB. PG. 1936. С.12. Т.127 (PG7250).

⁴⁰² Отчет министерства труда за второе полугодие 1936 г. — ANB. PG. 1936. С.12. Т.127 (PG7250).

⁴⁰³ По мнению испанского историка Ф.Гальего идея обязательной синдикализации на корпоративистской основе исходила от В.Альвареса и министерства труда. Однако это утверждение не согласуется с последующими действиями министерства, выхолостившего саму корпоративистскую суть декрета, поддержанного Х.Виера. В.Альварес сделал все от него зависящее, чтобы сохранить силу уже существовавших профцентров, в то время как Х.Виера предполагал создать новые, зависящие от правительства, корпоративистские профсоюзы. — Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936–1937) // Ibero-Amerikanisches Archiv. vol.14. No.4, 1988. S.486–487.

⁴⁰⁴ Klein H.S. David Toro and the Establishment of “Military Socialist” in Bolivia // IAHHR. 1972. vol.14, No.1. P.42–43.

лении синдикалистской реформы. Согласно сентябрьскому 1936 г. отчету министерства труда, в среднем в месяц выдавалось около 3 тысяч профсоюзных билетов. В течение первого месяца действия декрета министерство регистрировало примерно 12 профсоюзов в неделю, что свидетельствовало о серьезной организационной работе, предпринятой левым руководством министерства труда.⁴⁰⁵

Целью режима была интеграция рабочего движения в политическую систему через огосударствление профсоюзов. Провозглашавшиеся военными-социалистами доктринальные цели создания «функциональной демократии» обретали реальные черты именно посредством всеобщей синдикализации. Превращение профсоюзов в органы власти содержало сильную антибуржуазную, антисистемную тенденцию, опасность которой сразу же осознали как умеренная часть военных, так и консервативные круги страны, сделавшие все для того, чтобы эти декреты остались лишь декларацией намерений.

Народная инициатива порой ставила в тупик правительство и руководство левых партий, не готовых возглавить стихийное творчество масс. Возникали новые органы народного контроля и власти. Рабочие и ветеранские организации оказывали давление на правительство не только через политические группы и близких им деятелей кабинета министров, но и посредством прямых, порой насильственных действий. Чаще всего Хунта постфактум была вынуждена признавать результаты этих действий.

Тяжелая ситуация на потребительском рынке, расцвет спекуляций вызвали стихийные протесты народных масс, недовольных неспособностью власти навести порядок в торговле. Леворадикальные группы призывали население использовать методы прямой демократии и устанавливать народный контроль в торговле. 12 сентября 1936 г. толпа, предводительствуемая лидерами ветеранских организаций, в том числе самой радикальной АНДЕС, заняла помещения Департамента потребления и устроила судилище над служащими, которые, по их мнению, не выполняли своих обязанностей по контролю над торговлей. Бессильное воспрепятствовать самоуправству левых организаций, правительство было вынуждено признать эти стихийные акты справедливыми и даже декретировать присутствие народных контролеров из числа ветеранских союзов и партий в местных органах власти⁴⁰⁶. Вместе с тем, эти стихийные элементы новой народной власти, несшей в

⁴⁰⁵ Отчет В.Альвареса от 2 октября 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T.127 (PG7250).

⁴⁰⁶ El Diario. 13.09.1936.

себе сильный заряд антибуржуазности, не находили развития и постепенно исчезали.

Для осуществления широкомасштабной политической реформы Хунта сформировала 1 октября 1936 г. комиссию по выработке новой конституции. В нее вошли не только сторонники «государственного социализма» Х.Пас Камперо, Х.М.Салинас, В.Мендоса Лопес (глава комиссии), но и представители традиционных политических сил, не разделявшие новаторские идеи государственного устройства военных-социалистов. Вошедшие в комиссию бывшие министры правительства Х.Л.Техадэ Сорсано правые деятели Х.М.Гутьеррес и П.Гильен стремились выхолостить все «социалистические» новшества.

В ноябре 1936 г. Д. Торо заявил, что Учредительное собрание будет создано в соответствии с новыми политическими принципами, то есть половина депутатов от профсоюзов, половина — посредством всеобщих выборов⁴⁰⁷. Учредительное собрание, по мысли Д.Торо, не будет заниматься избранием президента, а лишь выработает новую конституцию, по которой впоследствии пройдут выборы новых органов власти⁴⁰⁸. Появились предложения не созывать Учредительное собрание, а разработать временный Статут на ближайшие 4–5 лет, ибо старая конституция мирно почилла с революцией мая 1936 г., а новые принципы жизни только формировались в процессе становления социалистического режима.

В январе 1937 г. несмотря на закрытый, негласный характер работы комиссии, достоянием общественности стали разработанные ею общие принципы государственного устройства. Как заявили прессе представители комиссии, ими были изучены все новые современные конституции, в частности Мексики, Чили и Советского Союза. Особо был проанализирован опыт Германского рейха. Многие наблюдатели отмечали, что комиссия, возглавляемая В. Мендосой Лопесом, по настоянию президента берет пример с законов нацистской Германии⁴⁰⁹. За основополагающий принцип были приняты коллективизм и антииндивидуализм. Декларировалось, что интересы государства и общества выше интересов и прав личности. Отношения труда и капитала, по мнению членов комиссии, должны были ориентироваться на германский образец, а декреты об обязательной синдикализации и трудовой повинности становились органичной частью новой конституции⁴¹⁰. В начале 1937 г. был разработан проект нового «функционального» парламента.

⁴⁰⁷ El Diario. 03.11.1936.

⁴⁰⁸ La Calle. 27.12.1936.

⁴⁰⁹ El Diario. 02.02.1937.

⁴¹⁰ El Diario. 28.01.1937.

Предполагалось создать Конгресс со смешанной, синдикалистско-корпоративной и старой парламентско-партийной системой. Палата депутатов должна была формироваться пополам от профсоюзов и общественных организаций, а сенаторы назначались бы профсоюзами сроком на 9 лет⁴¹¹.

Из-за внутренних противоречий в правящем блоке планы конституционной реформы отодвигались на неопределенное будущее. Перемена в настроениях властей отразилась на работе конституционной комиссии. В конце апреля 1937 г. В.Мендоса Лопес ушел с поста председателя комиссии, объяснив свой поступок тем, что некоторые её члены не разделяют взглядов на будущую социалистическую модель государства, а посему невозможно достичь с ними взаимопонимания⁴¹². Одной из причин конфликта был проект Профсоюзного устава⁴¹³, выдержанный во вполне традиционном либеральном духе. Корпоративистские идеи были сведены к минимуму. Комиссия оправдывалась, подчеркивая, что преследовала цель «гармоничного решения социальных вопросов, но главное — ориентировалась собственно на потребности производства»⁴¹⁴. В.Мендоса Лопес заявил о неприемлемости такого проекта. Его поддержал лидер социалистов Э.Бальдивьесо, протестовавший против реакционного духа, царившего в комиссии⁴¹⁵. Д.Торо отказался принять отставку В.Мендоса Лопеса как необоснованную, но не предпринял никаких мер по изменению обстановки в комиссии, ибо уже мало интересовался её работой⁴¹⁶. Впоследствии результаты работы комиссии так и не были востребованы, а выборы в Учредительное собрание — отложены.

Последовательное проведение в жизнь декретов о всеобщей синдикализации, об АНПОС, о всеобщей трудовой повинности, осуществление реформы парламента и местного самоуправления реально могло бы создать базу нового политического строя, мало похожего на буржуазную демократию. Осуществление политиче-

⁴¹¹ El Diario. 30.01.1937.

⁴¹² Конституционная комиссия — Д.Торо от 19 апреля 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.156 (PG6875).

⁴¹³ 23 февраля 1937 г. Д.Торо потребовал от комиссии срочного представления профсоюзного устава, ставшего камнем преткновения в построении корпоративистского государства — Конституционная комиссия — Д.Торо от 23 февраля 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.152. (PG7211).

⁴¹⁴ Конституционная комиссия — Д.Торо от 19 апреля 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.156 (PG6875), f.42.

⁴¹⁵ Конституционная комиссия — Д.Торо от 21 апреля 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13 T.156 (PG6875). B.857.

⁴¹⁶ Письмо Д.Торо — Конституционной комиссии — ANB. PG. 1937. C.13. T.156 (PG6875). B773.

ской реформы создало бы предпосылки к углублению и развитию антикапиталистического и антирыночного элемента в «государственном социализме». Если радикализм этих реформ привлекал левых, рабочее движение, то их откровенная антибуржуазная направленность отпугивала союзников режима справа. Военные лавировали и предпочитали половинчатые меры и уступки то одной, то другой группе.

При всех колебаниях и непоследовательности военных первые полгода существования режима «государственного социализма» были самыми радикальным периодом в политической реформе. Революционный напор первых месяцев быстро ослабел, и режим все более склонялся к проведению умеренной реформистской политики.

Социальный вопрос и рабочее движение.

Рабочие профсоюзы использовали распоряжение об обязательной синдикализации в своих интересах. В то время как военные строили лишь теоретические схемы будущего корпоративного устройства на основе государственных профсоюзов, независимое рабочее движение укрепляло свои позиции. Повсеместно исчезали старые мутуалистские, возникали новые профессиональные союзы, присоединявшиеся к общенациональным центрам ФОТ и ФОЛ. Набравшие силу провинциальные центры ФОТ требовали большего участия профсоюзов в правительстве. ФОТ Оруро, ссылаясь на декларацию Хунты о привлечении профсоюзов к управлению государством, настаивала на передаче ей одного министерского портфеля⁴¹⁷. 28 сентября 1936 г. обе федерации подписали соглашение о единстве действий и образовали Единый широкий профсоюзный фронт (ФУСА), в рамках которого организации-члены сохраняли автономию и независимость. Непосредственной задачей ФУСА была подготовка объединительного общенационального съезда профсоюзов⁴¹⁸.

Профсоюзное движение, пойдя навстречу правительству в его желании объединить под своей эгидой все рабочие организации страны, и находя твердую поддержку со стороны министерства труда и лично В.Альвареса, провело в ноябре 1936 г. общенациональный объединительный съезд в Оруро, на котором было представлено 213 профсоюзных организаций, представлявших 70 тысяч

⁴¹⁷ El Diario. 16.09.1936.

⁴¹⁸ La Calle. 25.10.1936.

рабочих.⁴¹⁹ Большинство делегатов были присланы от городских профсоюзов Ла-Паса (42 человека), Кочабамбы (19), Оруро (26). В меньшей степени были представлены горнорудные центры Пулакайо (3 чел.), Корокоро (1 чел.), Оруро. Среди делегатов съезда были старые профлидеры анархисты и анархо-синдикалисты ФОЛ, сааведристы и социалисты из ФОТ, а также коммунисты. Среди делегатов были такие видные политические деятели, как Х.Агирре Гайнсборг, Р.Анайя, К.Монтенегро, Ф.Рейнага. Между крайне левым крылом во главе с Х.Агирре и умеренными, сопротивлявшимися навязываемой коммунистами классово-марксистской идеологизации профдвижения, постоянно возникали конфликты, угрожавшие расколом. Умеренные, близкие к военным, социалисты обвинили В.Альвареса в пособничестве троцкистам, «засевшим в министерстве труда»⁴²⁰. Ему стоило больших усилий примирить стороны и избежать провала задуманного объединения. На съезде была образована Профсоюзная конфедерация трудящихся Боливии (ССТБ). Образование общенациональной конфедерации, ориентированной на крупные союзы промышленных рабочих, шахтеров, железнодорожников, печатников и других, отражало реальные процессы в самом профсоюзном движении, было кульминацией кризиса ремесленных регионалистских организаций ФОТ и ФОЛ.

На съезде была принята программа, представлявшая собой петицию требований к Хунте. В экономической части документа следует выделить радикальные предложения: о передаче государству 40% прибыли горнорудной промышленности (о национализации монополий даже не упоминали), об отмене концессий «Стандард Ойл», о контроле государства над движением валюты и золота, о проведении форсированной индустриализации при активной хозяйственной роли государства. В политической части упоминались реформа конституции и право профсоюзов на участие в выборах⁴²¹. Требования ССТБ не вышли за рамки правительственной программы реформ и идеологических установок «государственного социализма». Радикализм рабочего движения не простирался далее положений «программы минимум» Майской революции, то есть подтверждал приверженность принципам, декларированным Хунтой. В этих условиях естественным было принятие резолюции в поддержку «социалистического» правительства.

Во время проведения рабочего конгресса состоялась сенсация: рабочие делегаты отказали в доверии В.Альваресу. Тем самым

⁴¹⁹ La Calle. 15.11.1936.

⁴²⁰ La Calle. 02.10.1936.

⁴²¹ Delgado Gonzalez T. 100 años de lucha obrera en Bolivia. La Paz, 1984. P.109.

конгресс выражал неодобрение проектам реорганизации профдвижения, которые вынашивало правительство. В.Альварес ушел в отставку, рассчитывая, что на этот пост будет назначен другой рабочий лидер Габриэль Моисес, получивший большинство голосов на конгрессе. В своем заявлении об отставке В.Альварес напоминал президенту о его обещании назначить нового министра труда из числа предложенных Рабочим конгрессом кандидатур. Свою отставку он объяснял эволюцией вправо режима и своей оппозицией этому новому курсу военных⁴²². В своих высказываниях в прессе он был более категоричен, но не упоминал о результатах голосования на рабочем конгрессе. Он объяснял свой уход из правительства невозможностью работать в обстановке преследований его единомышленников и друзей, высылку из страны левых политиков⁴²³.

Д.Торо направил рабочему конгрессу приветствие, в котором обещал сохранить за профсоюзами пост министра труда⁴²⁴. Ход самого конгресса, бурные дискуссии и сильные расхождения во взглядах на будущее рабочего движения разочаровали власти. Д.Торо хотел видеть в конфедерации послушный инструмент в руках правительства. Рабочее движение, по его мысли, должно было превратиться в одно из звеньев государственной машины.

Дискуссии о классовых интересах и независимости пролетариата, доминировавшие на конгрессе, разочаровывали военных. Департамент пропаганды даже опубликовал весьма критическое заявление: «Рабочий класс должен сохранять бдительность перед опасностью раскола, стремиться к взаимопониманию, если на самом деле желает навсегда разрушить остатки феодального прошлого в Боливии и укрепить государственный социализм»⁴²⁵. На конгрессе возникла не послушная правительству корпоративистская структура, а мощное рабочее объединение, с которым предстояло считаться. Избрание «слишком левого» Г.Моисеса, конечно же, повлияло на решение Д.Торо игнорировать договоренности с профсоюзами мая 1936 г. Левоцентристская газета «Ла Кроника» писала в эти дни: «Габриэль Моисес из Оруро является слишком крайним политиком и никак не вписывается в рамки социалисти-

⁴²² Заявление В.Альвареса — Д.Торо от 28 ноября 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.13. T.127 (PG7250).

⁴²³ La Calle. 02.12.1936.

⁴²⁴ La Calle. 03.12.1936.

⁴²⁵ La Calle. 08.12.1936.

ческого государства»⁴²⁶. С уходом В.Альвареса правительство сильно поправело.

Некоторое время Д.Торо не назначал министра труда, игнорируя предложения ССТБ. Тем временем лидеры ФОТ Х.Гусман и У.Севиляно не желали терять свою независимость и подчиняться ССТБ, в руководстве которой преобладали люди нового поколения, отмежевавшиеся от старых анархо-синдикалистских «ремесленнических» лидеров. Враждебность ФОТ и ФОЛ к ССТБ впервые проявилась 9 января 1937 г., когда они отказались участвовать в проправительственной демонстрации. В письме на имя Д.Торо ФОТ упреждала недовольство правительства своими неуклюжими заверениями в преданности и готовности провести свою собственную манифестацию в другой день⁴²⁷. Хотя формально все федерации входили в ССТБ, старые профобъединения стремились сохранить свою автономию и проводить самостоятельную политическую линию.

Учитывая отказ Д.Торо принять кандидатуру ССТБ Г.Моисеса на пост министра труда, ФОТ обратилась к президенту со своими предложениями. В письме Д.Торо от 22 декабря 1937 г. ФОТ утверждала: «Не может быть социализма без прямого и активного участия масс; невозможно достичь гармонии труда и капитала без прямого участия трудящихся в управлении производством и распределении. Министерство труда является подлинным органом трудящихся в управлении социалистическим государством, что и является целью Хунты, возглавляемой Вами». ФОТ призвала Д.Торо сдержать слово, данное им рабочим в мае во время революции, и назначить министра из представителей профсоюзов. К этому призыву прилагался длинный список возможных кандидатур, среди которых фигурировали известные синдикалисты ФОТ, в частности сааведристы Э.Сальватьерра, У.Севиляно, социалисты Р.Чумасеро, Ф.Синьяни и другие⁴²⁸. Выдвижение независимых от ССТБ кандидатур на пост министра свидетельствовало о расколе в рабочем движении. Раздоры в профсоюзах укрепили военных в желании проигнорировать ранее достигнутые договоренности о вхождении представителя ССТБ в кабинет министров.

⁴²⁶ Г.Моисес получил 32 голоса, К.Каприлес от Кочабамбы 27 голосов, В.Альварес, считавшийся безусловным рабочим лидером, занял лишь третье место — 22 голоса. — Delgado Gonzalez T. Op.cit. P.104–110.

⁴²⁷ ФОТ — Д.Торо от 9 января 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

⁴²⁸ ФОТ — Д.Торо от 22 декабря 1936 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

Д.Торо, получив слишком мощную и строптивую ССТБ, воспользовавшись отсутствием единства в рядах профдвижения, и понимая, что Г.Моисес слишком левый для его правительства, отказался от услуг профсоюзных лидеров и назначил на пост министра труда Х.Паса Камперо, который был известен главным образом тем, что был адвокатом горнопромышленника Арамайю.

При вступлении в должность 29 января 1937 г. новый министр труда заявил: «Являясь антагонистическими факторами производства, труд и капитал все же выполняют одну социальную функцию, а посему оба нуждаются в гарантиях, но и должны выполнять свои обязанности во имя гармоничного развития и прогресса страны»⁴²⁹. Он сразу же пояснил своё отношение к рабочему движению. Учитывая задачи политической реформы и обязательной синдикализации, профсоюзы должны развиваться при строгом контроле со стороны государства. Одной из задач упорядочения отношений государства, рабочего класса и капитала должна была стать, по его мнению, разработка и безотлагательное введение в действие Трудового кодекса.⁴³⁰ При новом министре труда изменилась вся политика правительства в рабочем вопросе. Главной темой всех выступлений нового министра было гармоничное сотрудничество труда и капитала.

В русле проведения корпоративистской рабочей политики был издан декрет от 30 марта 1937 г. об участии трудящихся в прибылях предприятий и о росте зарплаты. Был образован общенациональный комитет из представителей трудящихся и предпринимателей, в задачу которого входила разработка принципов участия рабочих в прибылях предприятий. Местные власти должны были создать подобные комитеты на уровне департаментов и провинций.⁴³¹ Эти комитеты принимали решения по повышению зарплаты, по дополнительным выплатам наемным рабочим, контролируя всю финансовую сторону деятельности предприятий. Создание таких органов взаимодействия труда и капитала было призвано снять все экономические причины забастовок. Как и многие другие инициативы правительства Д.Торо, этот декрет остался на бумаге, и никаких практических шагов по его реализации предпринято не было. В министерстве труда также были подготовлены законы о регулировании продолжительности рабочего дня, о создании потребительских рабочих кооперативов, о женском и детском труде.

⁴²⁹ El Diario. 20.01.1937.

⁴³⁰ Ibidem.

⁴³¹ Anuario administrativo. 1936. Vol. I. P.629.

Хунта проводила гибкую социальную политику, осознавая то тяжелое положение, в котором оказалось большинство населения в результате экономического кризиса и последствий войны. С момента прихода военных к власти в кабинете министров рассматривался проект декрета о гарантированной минимальной заработной плате, который был подписан 1 июня 1936 г. Однако уже 27 июня он был дополнен декретом об увеличении зарплаты по диверсифицированной шкале от 10 до 129% в зависимости от размеров оплаты труда⁴³². От нового закона выиграли наименее оплачиваемые рабочие. Затем 9 марта 1937 г. во время острого политического кризиса Д.Торо вновь увеличил зарплаты и пенсии на 25–40 %. К этой мере военных-социалистов подталкивали события на рудниках в Льяльягуа, где рабочие прервали работу и учинили погром в здании управления шахты. Рабочие требовали повышения зарплаты и замораживания цен в продовольственных лавках⁴³³. Принимая экономические меры по смягчению ударов кризиса по широким народным массам, президент рассчитывал на поддержку своей политики со стороны рабочего класса.

Несмотря на гибкую рабочую политику правительству не удалось избежать трудовых конфликтов. Для улаживания спорных вопросов и забастовок при министерстве труда был создан Согласительный арбитраж, возглавляемый заместителем министра. Министерство с горечью признавало, что в течение 1936 г. ему приходилось разбирать «бесконечное множество конфликтов между пролетариатом и хозяевами-капиталистами»⁴³⁴. Чаще всего министерству удавалось добиться компромиссного решения споров профсоюзов с администрацией предприятий⁴³⁵.

При новом министре труда отношения правительства Д.Торо с рабочим движением вступили в полосу охлаждения, а затем и отчуждения. В апреле 1937 г., несмотря на широкий жест с повышением зарплаты, социальный мир был нарушен крупным трудовым конфликтом на рудниках Потоси. К июню 1937 г. забастовочное движение поставило под вопрос само существование режима Д.Торо. С назначением министром труда человека, близкого к клану Арамайо, Д.Торо значительно сократил поле для политического маневрирования. Рабочие лидеры обвиняли министра в том, что он превратил свое ведомство в орган сотрудничества с магнатами

⁴³² Alvarez W. Op.cit. P.105.

⁴³³ Rodriguez Ostria G. Op.cit. P.102.

⁴³⁴ Отчет министерства труда за второе полугодие 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.2. T.127 (PG7250).

⁴³⁵ El Diario. 11.09.1936; 12.09.1936.

олова.⁴³⁶ Отсекая левых или крайне левых, а затем пытаясь надеть хомут классового сотрудничества на профсоюзы, Д.Торо все более терял массовую поддержку народных организаций, полностью попадая в зависимость от армии.

С момента прихода к власти военные-социалисты большое внимание оказывали рабочему движению. Профсоюзы занимали особое место в новом государственном устройстве. Военные рассматривали рабочее движение как своего главного союзника, более того, считали, что сами выражают его интересы. Искренний союз военных и рабочих организаций лежал в основе действий режима в период с мая по декабрь 1936 г. Этот союз обуславливал принятие ряда радикальных мер в политической и социальной сферах. Охлаждение отношений Д.Торо и профсоюзов в начале 1937 г. полностью не разрушило этот союз, но отодвинуло рабочее движение на второй план. Профсоюзы служили серьезным противовесом армии. Опираясь на них, Д.Торо мог рассчитывать на большую самостоятельность и независимость от Генштаба.

Политическая борьба в период правления Д.Торо: июнь 1936 г. — июнь 1937 г.

В первом после реорганизации Хунты в июне 1936 г. кабинете ключевые министерские портфели получили деятели, заявлявшие о стремлении установить «авторитарно-социалистический» режим, образцом которого для них были Италия и Германия. Речь идет о главе кабинета и министре внутренних дел полковнике Х.Виера, министре обороны полковнике О.Москосо и министре финансов, социалисте Ф. Альваресе Камперо. Х.Виера сразу же дал понять традиционным партиям, что не видит никакой возможности сотрудничества с ними. Когда лидер «подлинных республиканцев» Д.Канелас запросил разрешение Х.Виера на проведение съезда партии, то получил однозначный и резкий отказ министра: «Правительство стремиться найти свою опору и поддержку в политических силах подлинно социалистической ориентации, так как стремится к полной реализации своей программы возрождения страны, и не видит необходимости в существовании своих противников, групп, проповедующих демагогию и традиционный каудильизм. Одним словом, министерство считает, что в Боливии более нет традиционных партий. Правительство предоставляет все полити-

⁴³⁶ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 8 de enero de 1937. 31 – 25 – 3.

ческие гарантии только левым партиям, а не традиционным, которые для нас уже не существуют»⁴³⁷. Более того, передвижение по стране многих политиков было ограничено. Разрешение Д.Канеласу для поездки по его личным делам в провинцию давал сам президент Д.Торо⁴³⁸. Ни о каком согласии с традиционными партиями и даже о плюрализме и терпимости не могло быть и речи. Режим декларировал свою идеологическую однопартийность. Социалисты поддерживали репрессии против традиционных партий, и рассчитывали со временем стать единственной официально разрешенной партией в стране.

23 июня 1936 г. социалисты, входившие в Революционный комитет, основали газету «Ла Калье», первым редактором которой стал Н.Педро Валье, затем замененный на известного левого журналиста Армандо Арсе.⁴³⁹ А.Арсе до этого возглавлял сааведристскую «Ла Република» и «Эль Универсаль», а также сотрудничал с журналом «Инти», издаваемом Э.Силесом Суасо. Он приобрел известность в годы войны в Чако благодаря своей антивоенной позиции. А.Арсе придал газете большой динамизм.

«Ла Калье» была самой дешевой и самой популярной газетой в стране. Она использовала новый стиль журналистики, более броский, менее интеллектуальный, максимально приближенный к языку и образам уличного плаката. Вокруг «Ла Калье» объединились практически все социалисты. Этой газете предстояло стать ядром партии Националистическое революционное движение (МНР), политика и идеология которой по сей день определяют лицо страны. «Ла Калье» превратилась в главную идейно-политическую и общественную опору режима «государственного социализма».

Уже во втором номере газета открыла огонь по либералам, обвинив правительство Х.Л.Техад Сурсано в экономическом спаде в горнодобывающей промышленности и даже саботаже. Затем газета стала требовать суда над бывшим президентом и его министром финансов Ормачеа Сальесом, так как обнаружила, что они в обход закона списали с английской фирмы «Фабулоса Майнс Ко.» около 1 млн. боливиано долга по налогам.⁴⁴⁰ Сразу же после разоблачительных публикаций «Ла Калье» 5 июля 1936 г. Д.Торо лично дал распоряжение провести расследование дела «Фабулосы». Хотя прокурор П.Гильен и был заинтересован в забвении этого дела, так

⁴³⁷ Alvarez W. Op.cit. P.132.

⁴³⁸ Распоряжение Д.Торо — МВД от 15 марта 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13.T.156 (PG6875).

⁴³⁹ Knudson J. Op.cit. P.12.

⁴⁴⁰ La Calle. 30.06.1936.

как сам был министром в правительстве Х.Л.Техада Сорсано, неуспешный контроль газеты⁴⁴¹ довел дело до Верховного суда. Это была первая успешная антиимпериалистическая акция газеты, когда она смогла продемонстрировать всем свои националистические принципы.

Если социалисты находили общий язык с военными, то марксисты Х.Агирре Гайнсбург, Х.А.Арсе и даже министр В.Альварес все больше вызвали раздражение умеренной части Хунты. Наступление на левых началось в провинции, а затем было поддержано правительством. В одной из докладных записок министр внутренних дел Х.Виера сообщал Д.Торо, что от профсоюзных лидеров на местах поступали жалобы на гонения со стороны префектов и других властей за ведение «социалистической пропаганды». Х.Виера заключал, что власти, на самом деле, «выполняют свой долг, не позволяя распространять коммунистические идеи, которые подаются как социалистическая пропаганда». При этом он замечал: «Конечно, надо признать, что обе доктрины имеют много общего, чем пользуются экстремисты, протаскивающие свои анархистские идеи под видом социализма». Вывод Х.Виера состоял в необходимости планомерных репрессий против коммунизма и анархизма. Д.Торо поддержал действия своего министра и местных властей⁴⁴².

Как под влиянием правых, так и в ходе уточнения политических позиций сторон произошло размежевание в стане левых союзников военных. Раскол в социалистической партии на левое и правое крыло стал очевидным в сентябре 1936 г., когда Д.Торо с молчаливого согласия «Ла Калье» провел «чистку страны от экстремистов слева». К.Монтенегро со страниц газет обрушился на левых с обвинениями в коммунизме и интернационализме, что было синонимично национальному предательству⁴⁴³. Он даже припомнил Х.А.Арсе его идею создать КРОП (1929 г.) — Конфедерацию рабочих республик Тихого океана, Боливии, Перу и Чили, в которой Боливия теряла свой суверенитет и становилась частью пролетарской конфедерации⁴⁴⁴.

Под влиянием этой компании 16 сентября 1936 г. Д.Торо издал декрет о запрете коммунистической деятельности и идеологии. О

⁴⁴¹ La Calle. 05.07.1936, 07.07.1936.

⁴⁴² Записка Х.Виера — Д.Торо от 25 января 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.156 (PG6875). G1-145.

⁴⁴³ La Calle. 14.10.1936.

⁴⁴⁴ МВД использовало КРОП как повод для высылки Х.А.Арсе — Письмо МВД — Д.Торо от 14 января 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.156 (PG6875).

подготовке «антиэкстремистского» декрета было заявлено ещё 26 июня 1936 г., когда были проведены первые чистки, главным образом против сааведристов. Правительство даже указало, кого оно имело в виду под своими обвинениями в экстремизме и коммунизме. Декрет был направлен против ПОР, а, значит, и против её фактического легального фасада — Левого социалистического блока, входившего в свое время в соцпартию, а также против других марксистских групп, таких как Рабочий блок Оруро, Левая группа Кочабамбы и других⁴⁴⁵. Декрет предписывал высылку иностранцев-коммунистов как нежелательных элементов и учреждал полицейский надзор за боливийцами, подозреваемыми в коммунистической деятельности. Многие левые деятели, в основном интеллигенты, были изгнаны из страны или сосланы в отдаленные провинции.

Признанные лидеры левых Х.Агирре Гайнсборг и Х.А.Арсе были вынуждены попросить политического убежища в мексиканском посольстве. Однако Д.Торо отказался разрешить им выехать из страны и усилил охрану посольства. Все эти мероприятия были представлены как победа национального правительства над интернациональными, космополитическими (читай антинациональными) силами. Д.Торо обвинял многих левых руководителей в шпионаже в пользу Коминтерна и Москвы. Очевидно при этом он опирался на собственный опыт подпольных контактов с коминтерновскими агентами. В ходе длительных переговоров при посредничестве председателя Социалистической партии Х.Тамайо разрешение на выезд Х.Агирре Гайнсборга и Х.А.Арсе было получено, и 24 сентября они были депортированы в Чили.⁴⁴⁶

Репрессии против левых вызвали недоумение в профсоюзах. Среди рабочих и социалистических организаций нарастало беспокойство поправлением правительства. В провинциях усиливались позиции правых сил, что заставляло левых обращаться в правительство с требованиями чисток местного чиновничьего аппарата. Например, Соцпартия Кочабамбы считала, что правительство должно «назначать на все общественные посты лишь с одобрения провинциального руководства партии, немедленно смещать чиновников, не состоящих в соцпартии или не поддерживающих государственный социализм»⁴⁴⁷.

⁴⁴⁵ El Diario. 22.09.1936.

⁴⁴⁶ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Informe de 25 septiembre de 1936. 27 – 29 – 13.

⁴⁴⁷ Петиция Соцпартии Кочабамбы от 28 ноября 1936 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.153 (PG7543).

Между тем, режиму так и не удалось создать солидную массовую базу поддержки. Разрыв с левыми марксистскими группами, а затем охлаждение в отношениях с социалистами, группировавшимися вокруг «Ла Калье» создали политическую пустоту, которую правительство стремилось заполнить созданием официальной партии или движения. Под непосредственным наблюдением со стороны министерства внутренних дел 23 декабря 1936 г. был создан Боливийский народный фронт (ФПБ). В него вошли ветеранский союз АНДЕС, Социалистическая партия, Конфедерация трудящихся (ССТБ), марксистские группы «Авансе» и «Социалистический студенческий университет». В обмен на поддержку ЛЕК требовал от правительства государственных постов в центре и на местах и более жестких мер в отношении партий, не вошедших в проправительственный блок⁴⁴⁸.

Социалисты рассматривали себя как основу создания однопартийного режима, поэтому охотно подчинялись подобным инициативам МВД. Отсутствие самостоятельной позиции по текущим политическим вопросам подрывало жизнеспособность социалистических партий, фронтов и т.д., сильно ограничивало их влияние на рабочее движение, на народные массы. В руководство ФПБ вошли социалисты А.Мендоса Лопес, Моисес Альварес, рабочий лидер Л.Табоада Авила, студенческий руководитель Сесар Ла Фойе. Новое объединение заявило о своей поддержке «социалистических принципов» правительства Д.Торо и желании объединить все левые силы страны. В воззвании фронта говорилось: «Идеологические разногласия не могут быть препятствием для консолидации сил в строительстве нового социалистического государства, способного обеспечить социальное благополучие непосредственных производителей национального богатства»⁴⁴⁹.

ФПБ не стала массовой политической организацией, оставшись верхушечным образованием, созданным по приказу МВД. Объединение групп социалистической ориентации и профсоюзов в едином фронте оказалось неудачным именно ввиду его слабого авторитета у населения, и правительство решило создать собственную партию. Идея образования Партии государственного социализма (ПСЕ) принадлежала Х.Виера, известному своим страстным преклонением перед Муссолини. Министерство внутренних дел осуществляло координацию действий политиков по формированию новой партии. В феврале — марте социалисты во главе с Х.Санхинесом сформировали сначала «Рабочую организацию го-

⁴⁴⁸ Письмо ЛЕК к Д.Торо от 16 января 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13.T.152 (PG7211).

⁴⁴⁹ La Calle. 27.12.1936.

сударственного социализма», а затем при активной поддержке МВД была создана «Рабочая партия государственного социализма»⁴⁵⁰. Правительственные чиновники разъезжали по стране и организовывали филиалы новой партии, к которой с готовностью примкнули социалисты и военные. Во главе местных отделений партии вставали префекты и алькальды. 7 апреля 1937 г. с участием многочисленных социалистических организаций была образована Партия государственного социализма (ПСЕ)⁴⁵¹. Членство в ПСЕ было фактически обязательным для государственных служащих и военных на местах.

Единственной официальной партией режима стала ПСЕ, в которую были вынуждены войти ветеранские группы АНДЕС, «Боливия», руководители ССТБ и даже республиканцы-социалисты, то есть весь спектр умеренно реформистских сил. ПСЕ провозглашала своей целью установление в Боливии корпоративного «государственного социализма», основанного на принципах «функциональной демократии». Правительство рассчитывало в недалеком будущем перейти на однопартийную систему, распустив все политические партии и движения, кроме ПСЕ. Создание ПСЕ было логическим шагом в строительстве социалистической вертикали профсоюзы — партия — государство.

На собрании ПСЕ 20 апреля 1937 г. были избраны её руководящие органы. Почетным председателем стал сам Д.Торо. В руководство номинально вошли министры Х.Виера, Э.Финот, Х.Пас Камперо, высшие военные чины генерал Э.Пеньяранда и полковник Х.Буш. Возглавил партию Х.Санхинес⁴⁵². Новая партия претендовала на роль единственной разрешенной. ПСЕ заняла непримиримую позицию по отношению к своим оппонентам как справа, так и слева. Подчеркивая верность социалистическим идеалам, ПСЕ в специальном обращении к Д.Торо 14 апреля 1937 г. потребовала «принять энергичные меры, чтобы искоренить подлую политику наших противников, постоянно сеющих анархию по всей стране»⁴⁵³.

Создание ПСЕ было чисто бюрократической акцией, и факт её существования не изменил расстановки политических сил. Это была верхушечная организация. Когда в годовщину «майской революции» в Ла-Пасе состоялся парад кадров ПСЕ, правительство

⁴⁵⁰ Письмо Рабочей организации государственного социализма — Д.Торо от 2 марта 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

⁴⁵¹ El Diario. 08.04.1937.

⁴⁵² Постановление ПСЕ от 20 апреля 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

⁴⁵³ Письмо ПСЕ — Д.Торо — ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

было неприятно поражено малочисленностью демонстрации, так как, не считая оркестра, по улицам города прошло не более 100 человек⁴⁵⁴.

Ослабление социалистов и охлаждение в отношениях с рабочим движением заставляло искать новых союзников среди других политических партий и групп. Д.Торо охотнее шел на союз с созданной Арамайю Централистской партией. Эта партия была образована для участия в предполагавшихся президентских выборах в мае 1936 г. Кандидатами централистов были К.В.Арамайю и Х.Сальес. Эта партия представляла собой не столько последний редут консервативных традиционных сил, сколько была выражением умеренных реформистских устремлений отдельных групп олигархии, согласных на некоторые преобразования в политической и социальной сфере во имя сохранения своего всевластия в стране.

После разрыва с левыми в конце 1936 г. и при четко обозначившемся повороте вправо Д.Торо централисты могли стать вариантом построения гражданской политической опоры режима. Они были серьезными конкурентами социалистов в борьбе за влияние на военных. Д.Торо назначил представителя централистов Ф.Гутьерреса Граньера на важнейший пост министра финансов, уволив в отставку социалиста Ф.Камперо Альвареса. Перестановки в правительстве не оставляли никаких сомнений в выбранном курсе на забвение первоначальной программы реформ «государственного социализма».

Фаворитизм Д.Торо, его ангажированность в отношениях с Арамайю не могли не вызвать противодействия со стороны других конкурирующих горнорудных компаний, в частности, «короля олова» С.Патиньо. В феврале 1937 г. Ассоциация горнопромышленников, контролируемая патиньистами, выступила с протестом против травли в прессе Патиньо, организованной, по их мнению, министром труда Х.Пас Камперо, недавним адвокатом Арамайю⁴⁵⁵. Патиньо с готовностью примкнул к противникам Д.Торо в армии, обещая им свою финансовую поддержку в свержении режима. К концу 1936 г. в правительстве Д.Торо осталось фактически только две группы: централисты, партия Арамайю, и военные, поклонники фашизма и нацизма.

Эволюция Д.Торо к более умеренному и даже проолигархическому курсу натолкнулось на оппозицию прежних сторонников режима. В обстановке всеобщего разочарования в деятельности

⁴⁵⁴ El Diario. 17.05.1937.

⁴⁵⁵ Ассоциация горнопромышленников — Министерство труда от 15 февраля 1937 г. — ANB. PG. 1937. С.13. Т.153 (PG7543).

Д.Торо его правительство все более зависело от Генштаба и армии, которые контролировал Х.Буш. В самой армии нарастали оппозиционные настроения среди тех офицеров, которые не видели необходимости в изменении конституционного строя и не принимали идий «государственного социализма». Центром армейской оппозиции стал герой войны в Чако полковник Р.Бильбао, который в свой время был приглашен занять пост министра обороны в правительстве Д.Торо, но отказался, заявив о непризнании конституционности нового режима. В конце 1936 г. Р.Бильбао был вынужден покинуть пост председателя ЛЕК, его заменили на лояльного социалиста, бывшего лидера Бета Гамма Х. Суасо Куэнка⁴⁵⁶. Д.Торо с согласия Х.Буша действовал жестко в отношении популярного офицера, ставшего причиной головной боли правительства и Генштаба. Р.Бильбао был вынужден покинуть страну. С оппозицией в армии удалось совладать.

Удаление популярного Бильбао из ЛЕК ослабило саму организацию, спровоцировало расколы в ветеранском движении. Внутри ЛЕК шла постоянная борьба за лидерство. С начала 1937 г. его значение в политической жизни как главной опоры режима стало ослабевать. За ним сохранился лишь символический авторитет первой ветеранской организации. Смертельный удар по ЛЕК нанесла общая бюрократизация всех послевоенных социалистических организаций, к которой привела политика Д.Торо, желавшего интегрировать в государственную структуру все общественные союзы и партии.

ЛЕК, профсоюзы, социалистические группы и партии объединяли в своих рядах многочисленных сторонников режима и просто граждан. Это были самые влиятельные организации, оказавшие решительное воздействие на общественное мнение. Фактически речь шла о формировании новых структур гражданского общества, механизмы действия которого серьезно отличались от предыдущей либеральной политической системы. Формировались новые структуры взаимодействия общественных массовых организации и властей. Собрания и ассамблеи ЛЕК, профсоюзов и левых партий всегда проводились с участием представителей местных или центральных властей, которые учитывали настроения масс в своей политике. Элементы прямой демократии все чаще находили применение в реальной политике.

Возникновение массовых общественных объединений имело ряд последствий. Во-первых, через них более широкие массы населения, в том числе, рабочий класс, городские низы, включались в политическую жизнь, становились частью гражданского общест-

⁴⁵⁶ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.193.

ва, что расширяло социальную базу поддержки режима. Во-вторых, их существование изменило сам характер политической власти. Кастовое, олигархическое государство, демократия для избранных отошли в прошлое. Формировалось современное государство и гражданское общество нового типа, отличающееся от предыдущего необходимостью управления и манипуляции широкими массами структурированного и организованного населения.

Военные-социалисты, осознавая свою политическую слабость, не могли рассчитывать на успешное проведение своей политики лишь с опорой на инструменты идеологического воздействия и поиска консенсуса в обществе. Огосударствление общественных организаций, бюрократическое управление ими было единственным доступным способом, гарантировавшим успех. Бюрократизация профсоюзов, проправительственных партий и их огосударствление — явления, характерные для национал-реформизма, впервые в Боливии проявились при военных-социалистах. Однако Д.Торо, не создав оси государства — партия — профсоюзы тоталитарного типа, вместо укрепления только ослаблял своих союзников бюрократизацией и механическим подчинением государству общественных групп, поддерживающих правительство.

Пока Д.Торо вел работу по созданию политической опоры режима, его правительство всё более теряло поддержку армии, но было очевидным, что только благодаря начальнику Генштаба Х.Бушу хунта держалась у власти. Между тем, Х.Буш критически относился к деятельности правительства, не видя реальных результатов в осуществлении провозглашенных реформ.

Охлаждение между двумя лидерами революции Д.Торо и Х.Бушем вылилось в начале марта 1937 г. в серьезный политический кризис. Х.Буш неожиданно пригласил редактора газеты «Эль Диарио» и заявил в интервью, что готов уйти в отставку с поста начальника Генштаба⁴⁵⁷. Всем, и, в первую очередь, самому Д.Торо стало ясно, что заявление является прямой угрозой правительству. Х.Буш упрекал кабинет и президента в политиканстве, союзе с олигархическими силами. Главной же причиной конфликта были несогласованные с Х.Бушем действия президента в отношении армии. Так, без консультаций с Генштабом из страны было выслано несколько высших офицеров, что вызвало бурное раздражение Х.Буша. Ещё большее недовольство спровоцировало назначение помимо воли Х.Буша на пост командующего сухопутными силами полковника Кандия. Это был второй по важности пост в вооруженных силах, и Д.Торо стремился иметь там своего ставленника. Ситуация усугублялась тем, что Кандия слыл человеком крайне

⁴⁵⁷ El Diario. 03.03.1937.

консервативных взглядов. Он стал известен своим скандальным заявлением, что взятие Мадрида войсками Франко должно отмечаться в Боливии как национальный праздник. Учитывая внутриармейский политический расклад, Х.Буш не мог принять его кандидатуру.

Д.Торо все же удалось погасить конфликт и уговорить Х.Буша отказаться от своих намерений. Одним из сильных аргументов мирного решения спора была концентрация парагвайских войск в районе разъединения сил в Чако. Д.Торо уговорил Х.Буша до окончательного урегулирования отношений с Парагваем на мирной конференции в Буэнос-Айресе не провоцировать внутренних осложнений перед лицом ещё сильного врага, претендовавшего на нефтеносный район Камири⁴⁵⁸. Острый конфликт с Х.Бушем подтолкнул правительство к ускоренному решению вопроса, от которого зависело политическое выживание режима: речь шла о расследовании злоупотреблений периода войны и наказании виновных, а также о национализации «Стандард Ойл».

Важным свершением правительства было расследование злоупотреблений властей и предпринимателей в годы войны в Чако⁴⁵⁹. Страна требовала правды как своего рода реванша за унижение поражения. В декабре 1936 г. была создана специальная комиссия по проверке военных контрактов. Комиссия обнаружила многочисленные аферы с поставками оружия, в которых были замешаны высокопоставленные чиновники, в том числе и в военном ведомстве. С разоблачением воровства и безответственных решений предыдущей администрации Д.Торо представлял как вождь очистительной революции, призванной покончить с коррупцией и аморальностью не только в политической сфере, но и в армии.

Особенно шумным было дело некоего американца Фримана Хиггинса, который во время войны стал подполковником боливийской армии. Хиггинс поставлял боливийской армии бракованное или дефектное военное снаряжение. Его афера нанесла огромный ущерб государственным финансам. Однако, как бы в награду за рвение он получил почетный пост посла Боливии в Гондурасе, а на момент начала следствия уже был боливийским консулом в Осло (Норвегия).

Ещё более скандальными были поставки вооружений, запчастей и самолетов фирмой «Вебстер и Аштон». Предприниматели-

⁴⁵⁸ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 8 de marzo de 1937. 31 – 25 – 4.

⁴⁵⁹ В октябре 1936 г. был опубликован декрет о расследовании всех контрактов, которые правительство заключило во время войны. — El Diario. 25.10.1936.

аферисты продали одни и те же самолеты Парагваю и Боливии. Получив за них деньги, они их не поставили ни по первому, ни по второму адресу. Позднее эти самолеты были обнаружены у третьего покупателя, частной авиакомпания в Перу, которая получила их от перуанского правительства. Проданные ими боеприпасы и снаряжение оказались бракованными и негодными для использования, в то время как армия в Чако испытывала большие трудности со снабжением⁴⁶⁰. Оба коммерсанта были арестованы боливийской полицией. Разоблачения афер с оружием предоставили Д.Торо прекрасную возможность продемонстрировать свой патриотизм.

Громкие дела о коррупции и злоупотреблениям в период войны не могли смягчить остроту ситуации, в которой оказался Д.Торо. Конфликт с армией, а именно с Х.Бушем, охлаждение взаимоотношений с левыми и рабочими организациями образовал вокруг него политический вакуум. Среди ветеранских организаций социалистического толка росло беспокойство топтанием правительства на месте и ростом оппозиционных настроений в армии⁴⁶¹. Форсированное создание ПСЕ и явное желание Д.Торо поменять поддержку армии на солидную гражданскую опору режима вызвали беспокойство среди военных, в том числе и близких к Х.Бушу. Приближался кризис взаимоотношений армии и президента.

Экономическая ситуация в стране ухудшалась с каждым днем, рост стоимости жизни создавал реальные предпосылки социального брожения и недовольства. Представители властей и ПСЕ буквально уговаривали рабочие профсоюзы воздерживаться от забастовок и акций протеста. На одном из митингов известный профсоюзный лидер, получивший пост алькальда шахтерского городка Пулакайо, активист ПСЕ Энрике Г.Лоса говорил: «Правительство не может согласиться ни с забастовками, ни с какими-либо беспорядками. Шахтеры должны принять то повышение зарплаты, какое установит правительство, ибо оно руководствуется социалистическими принципами. Рабочие должны полностью довериться своему социалистическому правительству»⁴⁶². В марте 1937 г. Хунта распорядилась увеличить зарплату всем наемным работникам на 175 %. Экономическими уступками и политическим давлением власти пытались снизить социальную напряженность в обществе.

⁴⁶⁰ Письмо прокурора А.Мариака — МИД от 5 февраля 1938 г. — MIN.RR.EE. 1938. M.IN. — 1 — 109 (0112).

⁴⁶¹ Письмо АНДЕС — Д.Торо от 30 марта 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.153 (PG7543).

⁴⁶² Отчет ПСЕ провинции Кихано — Д.Торо от 22 апреля 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.153 (PG7543).

С конца апреля 1937 г. начались забастовки и демонстрации протеста рабочих в Потоси с требованиями обуздания черного рынка и спекуляций, укрепления национальной валюты и снижения цен. Рабочее движение всё более поворачивалось спиной к «социалистическому» правительству. Хунта постепенно оказалась в полной политической изоляции. В июле 1937 г. вновь, как и в мае 1936 г., вспыхнула забастовка печатников, переросшая во всеобщую. Рабочие требовали уважения профсоюзной независимости со стороны государства, что подрывало основы обязательной синдикализации и всей политической реформы «государственного социализма»⁴⁶³. Рабочие вновь оказались в авангарде антиправительственных сил. Практически полностью повторялась ситуация мая 1936 г. Было очевидно, что дни режима Д.Торо сочтены.

Экспроприация «Стандард Ойл».

Одним из важнейших событий периода правления Д.Торо была экспроприация американской нефтяной компании «Стандард Ойл». Именно этот акт обеспечил Д.Торо память потомков. Дело «Стандард Ойл» имело не только огромное внутривнутриполитическое значение, но и общекоинтентентальный резонанс.

Благодаря стараниям марксистской и лево-националистической пропаганды общественное мнение Боливии укрепило в убеждении, что главными виновниками войны в Чако были международные нефтедобывающие корпорации. Националистические политики и журналисты, в частности К.Монтенегро и А.Сеспедес, нашли удобного виновника военной авантюры — американскую нефтедобывающую компанию «Стандард Ойл». Версия, объяснявшая причины войны конфликтом интересов нефтедобывающих монополий «Стандард Ойл», якобы подстрекавшей боливийское правительство к Чакоской авантюре, и «Ройял Датч Шелл», стоявшей за спиной Парагвая, была эффектной и казалась очень убедительной. Она попала на благоприятную почву и была сразу же подхвачена общественным мнением, и широко растиражирована как националистами, так и левыми марксистами. Парагвай активно использовал эту версию в своей антиболивийской пропаганде, представляя войну со своей стороны как антиимпериалистическую и освободительную. Некоторые высказывания Д.Саламанки о желательности получить порт на реке Парагвай для экспорта нефти⁴⁶⁴ служили лишним аргументом в пользу «нефтяной» теории. Хотя на тот мо-

⁴⁶³ Barcelli A. Medio siglo de luchas sindicales revolucionarias en Bolivia. La Paz, 1957. P.148.

⁴⁶⁴ Mariaca E. Op.cit. P.53–54.

мент, и впоследствии с течением времени ни политиками, ни историками не было представлено каких-либо достоверных доказательств выдвинутых в адрес «Стандард Ойл» обвинений, нефтяная подоплека войны в Чако не вызывала сомнений у большинства боливийцев.

Именно в годы войны в Чако производство нефти в Боливии (район Камири) стало значительным и оказывало существенное влияние на экономическую жизнь страны. Общее производство нефти с 1931 г. по 1935 г. увеличилось в 10 раз, с 2160 до 25.979 кубометров в год.⁴⁶⁵ В условиях спада в других добывающих отраслях нефтедобыча демонстрировала поразительные результаты и представляла собой самую перспективную сферу народного хозяйства, тем более, что разведанные запасы нефти находились на территории, не занятой парагвайскими войсками. Парагвай получил те районы Чако, где нефти не оказалось. Многие современники думали, что нефтедобыча сможет затмить могущество горнорудной олигархии. Хотя все эти размышления и ожидания впоследствии оказались необоснованными, в эти годы существовала нефтяная эйфория, а мечтания боливийских националистических экономистов не знали предела. Немалым основанием для оптимизма была динамика мировых цен на нефть, которые практически не были затронуты кризисом 30-х годов. Нефть представлялась эликсиром жизни для экономики.

Оловодобывающие монополии, хотя и интернационализировались, все-таки по происхождению были боливийскими и активно участвовали в политической жизни страны. «Бароны олова» с опаской наблюдали за возрастанием нефтяной опасности, исходящей от американской «Стандард Ойл». Олигархия, хотя и не подхватила версию причин войны, выдвинутую националистами и коммунистами, но и ни разу не выступила в защиту «Стандард Ойл». Боливийская элита нашла в американской компании своего рода «козла отпущения» за поражение в войне. В свою очередь, «Стандард Ойл» действовала настолько вызывающе и высокомерно по отношению к боливийскому государству, цинично нарушая его законы, что санкции против нее были единодушно поддержаны всем обществом.

Ещё при правительстве Х.Л.Техада Сорсано против «Стандард Ойл» был начат судебный процесс по обвинениям в подлоге документов и в умышленном обмане боливийского государства. Обнаружилось, что ещё в 20-е годы компания, заявляя об отсутствии добычи, не только получала нефть, но и тайно экспортировала её, ничего не платя в боливийскую казну. В 1935 г. аргентинские де-

⁴⁶⁵ Lopez Rivas F. Op.cit. P.87.

путаты конгресса сделали достоянием общественности материалы, доказывающие, что «Стандард Ойл» построила и эксплуатировала тайный нефтепровод из Бермехо (Боливия) в Агуас Бланкас (Аргентина), по которому нефть подпольно поставлялась в соседнюю страну, а затем и во враждебный Боливии Парагвай, в то время как сама Боливия должна была закупать нефть за рубежом. Было доказано, что в результате этого мошенничества американская компания обманула боливийское государство на сумму в 26,5 млн боливиано.⁴⁶⁶

Лево-националистические группы, социалисты, среди которых наибольшую активность проявляли «Союз защиты нефти», созданный К.Монтенегро, и газета «Ла Калье», требовали санкций против «Стандард Ойл». «Ла Калье» открыла наступление на компанию, требуя её национализации. Практически каждый номер газеты выходил с соответствующей статьей К.Монтенегро. В одной из них он писал: «Ущерб, причиненный Боливии компанией Стандард Ойл, не может исчисляться только цифрами. Никто не сможет представить себе как бы изменилась наша родина, если бы в её распоряжении была нефть уже 15 лет назад. Мы не впадаем в беспочвенный оптимизм и патриотические иллюзии, когда утверждаем, что сегодня Боливия прошла бы индустриализацию большей части своей территории благодаря чудесному и благодатному воздействию нефтяных богатств. Наш аграрный потенциал был бы несоизмеримо больше и мог бы обеспечить потребности страны и даже снабжать другие страны и народы»⁴⁶⁷. Именно нефть представлялась той панацеей от экономических бед и отсталости во всех сферах народного хозяйства. Вслед за К.Монтенегро все левые партии и движения заразились невероятным оптимизмом и верой в спасительную для экономики страны силу нефтяного бума. Так, ПСЕ направила обращение президенту: «Боливия возвращает себе экономическую свободу и становится в один ряд с первыми нефтяными державами мира. Только государство, и никто кроме государства, имеет право воспользоваться благами, которые несет нефть. Наша валюта укрепитя, а народные нужды будут полностью и эффективно удовлетворяться»⁴⁶⁸.

Мощное давление социалистов и однозначное настроение всего общества побудили Д.Торо пойти на решительные действия. Первоначально декретом от 10 июля 1936 г. были аннулированы все нефтяные концессии, на которых не велась добыча или поиск неф-

⁴⁶⁶ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. vol.6. P.1762.

⁴⁶⁷ Montenegro C. Frente al derecho de Estado. P.72.

⁴⁶⁸ Обращение ПСЕ к Д.Торо от 18 марта 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.152 (PG7211).

ти. Из 225 осталось лишь 6, их территория сократилась с 13 млн до 380 тыс га⁴⁶⁹. Общество требовало более решительных мер. В октябре 1936 г. в прессе и правительственных кругах обсуждались положения нового закона о нефтедобыче. Левая «Ла Кроника» требовала сокращения срока концессий, даваемых правительством частным компаниям, а также ратовала за больший процент доли государства в добываемом продукте⁴⁷⁰.

В ответ на предложения левых газет в правительство посыпались письма от экономистов и предпринимателей, призывавших к снижению доли государства в добываемой нефти, ссылаясь на трудности транспортировки и организации экспорта из Боливии. Так, Г.Мариака писал: «Низкая государственная доля (регалия) в конечном счете более выгодна государству, так как привлекает капиталовложения, которые дадут в сумме гораздо больший доход»⁴⁷¹. К концу 1936 г. намерения правительства окончательно определились. 21 декабря 1936 г. была создана государственная нефтяная компания по образцу аргентинской — ЯПФБ (Ясимьентос Петролиферос Фискалес Боливианос)⁴⁷².

Поистине историческим актом Д.Торо стал декрет от 13 марта 1937 г. об экспроприации собственности «Стандард Ойл». Правительство Боливии, ссылаясь на нарушения этой компанией налогового законодательства страны, умышленный подлог финансовых документов и контрабанду, объявляло потерявшими силу все концессии, предоставленные компании в Боливии, то есть речь шла о санкциях уголовного порядка против компании, совершившей экономические преступления. Её собственность на территории Боливии переходила в пользу государства. Все действовавшие скважины и нефтеперерабатывающие предприятия передавались в собственность ЯПФБ. «Стандард Ойл» оспорила решения правительства в Верховном суде Боливии, который 8 марта 1939 г. отказал ей в удовлетворении иска.

Это была первая в истории континента экспроприация иностранной собственности в нефтяной отрасли. Однако «военные социалисты» ни в официальных документах, ни в своих выступлениях не говорили ни о восстановлении государственного суверенитета над недрами, ни об антиимпериалистической направленности этого исторического акта. При всей националистической рито-

⁴⁶⁹ Klein H S. German Busch and the Era of "Military Socialist" in Bolivia // *HAHR*. 1965. vol.47, No 2. P.43–44.

⁴⁷⁰ *La Crónica*. 23.10.1936.

⁴⁷¹ Письмо Г.Мариака — министру горнорудной и нефтяной промышленности от 23 октября 1936 г. — *ANB*. PG. 1936.C.12. T.127 (PG7250).

⁴⁷² *El Diario*. 25.12.1936.

рике речь шла лишь об утверждении приоритета боливийских законов перед лицом наглого и беззастенчивого обмана со стороны частной компании. Подобная аргументация в значительной степени снизила негативные последствия этого смелого решения в отношении иностранного капитала, тем более американского. США осудили «излишний» радикализм действий военного правительства, но не стали предпринимать репрессивных мер против Боливии.

Боливийское государство получило в лице ЯПФБ важный источник пополнения казны, так как производство нефти продолжало расти, несмотря на саботаж со стороны старой администрации компании. ЯПФБ оптимистически смотрела на будущее нефтедобычи. В проведенном в апреле-мае 1937 г. анализе производственного потенциала только района Бермехо специалисты компании пришли к выводу о возможности добычи 4.000–4.500 баррелей нефти в день, что в несколько раз превышало официальные цифры «Стандард Ойл»⁴⁷³. Боливийские экономисты с оптимизмом смотрели в будущее.

На первых порах ЯПФБ столкнулась с большими трудностями. Всю техническую и финансовую документацию американские менеджеры вывезли из страны в США. Боливийские власти были вынуждены обратиться за помощью к Мексике по организации работы отрасли. Мексиканская сторона снабдила ЯПФБ образцами технической, бухгалтерской, управленческой документации, помогла в разработке законодательных актов и внутреннего регламента государственной нефтяной компании Боливии⁴⁷⁴. По своему внешнеполитическому эффекту «дело «Стандард Ойл»» поставило Боливию в один ряд с Мексикой и её антимпериалистическим курсом. Госдепартамент США стал развивать идею об участии в этой акции пронацистских политиков, намекая на «руку» Германии в деле «Стандард Ойл». «Ла Калье» и социалисты, такие как, К.Монтенегро, А.Сеспедес, Д.Фионини, вдохновители экспроприации нефти, были объявлены агентами Гитлера и Муссолини, врагами демократии и США.

Значение экспроприации «Стандард Ойл» в современной истории Боливии огромно. Впервые боливийское государство смогло утвердить приоритет законов и суверенитета страны перед лицом империалистической эксплуатации и презрения представителей великой державы к южноамериканской республике. Это был акт утверждения национального самосознания и торжества государственных интересов над частными.

⁴⁷³ Письмо Д.Фионини — Д.Торо от 14 мая 1937 г. — ANB. PG. 1937.C.13. T.152 (PG7211).

⁴⁷⁴ SRE.México. Legación en Bolivia. 1937. Publicaciones. III – 89 – 4.

Д.Торо стал родоначальником экономического национализма. После экспроприации нефти логичным представлялась национализация горнорудных монополий, к чему призвала 20 марта 1937 г. ССТБ. В письме на имя Д.Торо ССТБ обвинила горнорудные монополии в подрывных действиях, направленных на разрушение союза военных-социалистов и пролетариата, и призвала применить к «баронам олова» те же критерии, что привели к экспроприации «Стандард Ойл»⁴⁷⁵.

К марту 1937 г. эволюция вправо режима зашла столь далеко, что вопрос об ограничении всевластия монополий, а тем более, об их национализации, о чем говорили в первый период существования «государственного социализма», уже просто не ставился. Принцип экспроприации выходил за рамки стратегии развития, отстаиваемой военными-социалистами, это была своего рода аномалия, дань политическому моменту. Радикализм Д.Торо не распространялся на горнорудные монополии, которые реально господствовали в стране. Вслед за подписью под документом об экспроприации «Стандард Ойл» Д.Торо поставил следующую — под распоряжением о передаче в концессию Арамайо богатейших месторождений золота Типуани и Гуанай.⁴⁷⁶

Наряду с образованием ЯПФБ государство монополизировало всю добычу и распределение нефти. Было создано акционерное общество Национальная компания нефтеторговли, получившая исключительное право торговли нефтью и ее продуктами. Эта мера вписывалась в рамки стратегии национал-реформизма по усилению роли государства в экономике и контроля над богатствами недр страны. Однако этатистская экономическая политика хунты вызвала критику не только со стороны консервативно-либеральных партий, что и следовало ожидать, но и со стороны рабочих организаций, в частности, ФОТ. В письме на имя Д.Торо 11 июня 1937 г. ФОТ критиковала монополизацию нефтеторговли и защищала принципы свободной торговли⁴⁷⁷. Поддерживая экспроприацию «Стандард Ойл», рабочее движение ещё не было готово принять национал-реформистскую модель развития народного хозяйства, важной составляющей которой был этатизм, при котором профсоюзы утратили бы свою самостоятельность.

После экспроприации «Стандард Ойл» положение правительства Д.Торо укрепилось. Перед лицом внешнего врага все былые

⁴⁷⁵ Обращение ССТБ к Д.Торо от 22 апреля 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13.T.153 (PG7543).

⁴⁷⁶ Frontaura Argandoña M. Op.cit. P.81.

⁴⁷⁷ ФОТ — Д.Торо от 11 июня 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13.T.153 (PG7543).

критики правительства слева сплотились вокруг хунты. Некоторые особо возбужденные этим националистическим актом политики, главным образом, социалисты, выступали с крайне экстремистскими призывами. Руководство ПСЕ призывало правительство «объявить предателями родины всех тех, кто служил «Стандард Ойл», помогая её разрушительной деятельности против страны»⁴⁷⁸. Быстрым решением вопроса со «Стандард Ойл» Д.Торо удалось преодолеть политический кризис, спровоцированный заявлением Х.Буша об отставке. После этой акции Д.Торо вновь нашел в лице начальника генштаба армии своего верного союзника. Д.Торо получил передышку, необходимую для создания гражданской партии, политической опоры режима.

Дело «Стандард Ойл» и образование первого крупного государственного предприятия в добывающих отраслях стало главным свершением правительства Д.Торо. Оно положило начало новой политике государства в сфере использования природных богатств. Регулирование государством эксплуатации естественных ресурсов страны стало главной темой политической жизни в последующие годы. Экспроприация «Стандард Ойл» стала своего рода ориентиром в политике боливийского национализма.

Аграрный эксперимент военных-социалистов в долине Класа (Кочабамба).

Во время войны в Чако военные, интеллигенция, представители среднего класса, составлявшие основную массу офицерства, в ежедневном общении на фронте впервые смогли почувствовать политический характер своей страны, непосредственно столкнулись с многочисленными и сложными проблемами коренного населения страны, индейцев аймара и кечуа. Крестьяне-индейцы, призванные в армию, вынесли на своих плечах всю тяжесть войны и горечь поражения. После демобилизации как солдаты-крестьяне, так и их товарищи по оружию горожане, вернулись домой с новым пониманием социальных проблем страны. Они уже не были похожи на тех, кто уходил на фронт в начале войны.

Придя к власти, военные-социалисты признавали, что «неравенство в распределении земли является главной причиной народных возмущений и остается питательной почвой для пропаганды экстремизма». В первых официальных программных документах нет подробного плана проведения аграрных преобразований. В них

⁴⁷⁸ Обращение ПСЕ к правительству от 12 апреля 1937 г. — ANB. PG. 1937. C. 13. T. 152 (PG7211).

лишь указывалось на необходимость «создания Национального патроната, который сможет изучить все вопросы, относящиеся к положению индейцев и их интеграции в цивилизованную жизнь, а также рассмотрит проблему раздела земли»⁴⁷⁹.

Военное правительство создало комиссию по аграрной реформе и запрету бесплатных трудовых повинностей крестьян, понгеахе⁴⁸⁰. В пропагандистских документах Хунты по аграрному вопросу заявлялось: «Освобождение крестьянства — это экономическая проблема. Заниматься его просветительским аспектом — это делать лишь один шаг на длинном пути полного освобождения крестьян. Главное — индеец должен получить землю»⁴⁸¹. В городах создавались «Лиги в защиту индейца», националистическая и левая пресса развернула широкую кампанию с требованиями аграрной реформы. Известный крестьянский руководитель и учитель-индеец Рафаэль Рейерос писал: «Вновь происходят восстания в Сикасике и в Лахе, снова и снова будут подниматься крестьяне, опять будут репрессии и сгоны с земли, так как уже ясно, что деревня не может больше терпеть, достигнут предел человеческих возможностей»⁴⁸². Признание самой проблемы перераспределения земли было огромным шагом вперед по сравнению с предыдущими годами, когда решение аграрного вопроса виделось исключительно через полную ликвидацию общины и испанизацию индейского населения.

Хотя индейские дела подлежали юрисдикции министерства просвещения, В.Альварес пытался обратиться к аграрной проблеме, исходя из задач министерства труда. В «Плане организации министерства труда», представленном на рассмотрение Хунты, особо подчеркивалось значение решения аграрно-крестьянского вопроса. В нем заявлялось: «Аграрный вопрос имеет огромное значение для социалистического государства, стремящегося регулировать экономическую жизнь, опираясь на принципы справедливости и ликвидации эксплуатации». В качестве перспективных мероприятий министерство предлагало организовать прямой обмен продукции между планируемыми в будущем профсоюзными кооперативами в промышленности и индейцами-крестьянами, объединенными в сельские профсоюзы, а также обещало подготовить законодательную базу для социализации земли и проведения поли-

⁴⁷⁹ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.160.

⁴⁸⁰ El Diario. 01.10.1936.

⁴⁸¹ Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936–1937) // Ibero-Amerikanisches Archiv. vol.14. No.4, 1988. S.496.

⁴⁸² La Crónica. 16.02.1937.

тики «социалистического экспериментирования в деревне»⁴⁸³. В рамках синдикализации политической и общественной жизни такие проекты могли иметь шанс на успех. Фактически речь шла об обобществлении земли и передачи её в управление крестьянских профсоюзов. Однако военные быстро отошли от этого направления, посчитав его слишком коммунистическим.

Рабочее движение и социалисты во всех своих программах и заявлениях выдвигали требование отмены понгеахе. Министерство труда, возглавляемое В.Альваресом, подготовило и предъявило на усмотрение Д.Торо проект закона об отмене понгеахе⁴⁸⁴. Хотя этот закон не был принят при Д.Торо, его положения полностью вошли в новую конституцию 1938 г. Декларативность этих мер продемонстрировала практика: правительству Г.Вильярроэля (1943–1946 гг.), считавшему себя наследником военных-социалистов, пришлось ещё раз в 1945 г. отменять понгеахе. Окончательно эта позорная практика внеэкономического принуждения крестьянства исчезла лишь после Аграрной реформы 1953 г.

Военные-социалисты поддержали движение просвещения индейцев, начатого учителями-энтузиастами в конце 20-х — начале 30-х годов. К 1937 г. в Боливии насчитывалось уже 16 индейских школ. Движение просвещения индейцев захватывало все более широкие общественные круги. Ещё правительство Х.Л.Техадэ Сорсано приняло закон о бесплатной начальной школе для индейцев. Общины и помещики обязывались совместными усилиями поддерживать эти школы. Военные объявили 2 августа, день годовщины образования школы-айлью в Варисата (департамент Ла-Пас), «днем индейца», который и поныне отмечается в Боливии.⁴⁸⁵ Декрет от 9 августа 1936 г. обязывал всех помещиков создавать школы для крестьянских детей в своих владениях.

Большую дискуссию вызвало поощряемое правительством движение просвещения индейцев. Никто не смел поставить под сомнение саму эту благородную идею. Вместе с тем радикально мыслящие индейцы обращали внимание общества на суть индейской проблемы — возвращение народам кечуа и аймара обшинной земли, захваченной во времена колонии и республики.

⁴⁸³ План организации министерства труда от 15 июня 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12.T.127 (PG7250).

⁴⁸⁴ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 8 de enero de 1937. 31 – 25 – 3.

⁴⁸⁵ Bonifaz M. Op.cit. P.509. – именно 2 августа 1953 г. В.Пас Эстенсосо подписал декрет об аграрной реформе, что должно было символизировать преемственность «Национальной революции» и военных-социалистов.

Социалист А. Камперо Арсе писал: «Без передела земельной собственности просвещение индейцев — это пустая трата времени и средств»⁴⁸⁶. Те же идеи содержали статьи К. Оропеса, который прямо писал: «Ликвидация латифундизма, уничтожение гамонализма, конец феодализма — вот цель. Всё остальное — пустая трата времени. Только радикальная реформа будет логическим актом государственного социализма»⁴⁸⁷.

Сторонникам реформы противостояли защитники помещичьей собственности на землю. Они не могли откровенно выступать против просвещения, поэтому прибегали к лицемерным доводам и предлагали свои планы и проскты постепенного осуществления программы просвещения индейцев. Консерваторы убеждали, что правительству необходимо сотрудничать с помещиками в деле постепенного внедрения школьного образования в деревне. Они настаивали, что школы не должны строиться прямо в поместьях, а находиться в соседних городках в виде интернатов. Тем более они полностью отвергали эксперименты со школами-айлью, где обучали коллективистским принципам и общинной взаимопомощи⁴⁸⁸. Сторонники этих планов убеждали правительство в опасности и вредности индсанитарских экспериментов, настаивая на испанизации сельской школы.

Землевладельцы без восторга встретили все эти новшества. Учителя-экспериментаторы и их детища школы-айлью подвергались не только словесным нападкам, но и физическому насилию. И помещики, и метисная элита соседних городков создавали вооруженные отряды, которые при попустительстве полиции громили школы и дома учителей. Социалисты даже предложили создать специальную сельскую полицию, главной задачей которой была бы охрана школ от бесчинствующих мракобесов. Эту идею поддержал Д. Торо, который во время поездки в Варисату пообещал полную поддержку дела Э. Переса⁴⁸⁹. При военных-социалистах дело просвещения индейцев из общественной инициативы превратилось в общегосударственную политику.

В декабре 1936 г. была создана Генеральная дирекция индейского и крестьянского просвещения, которую возглавил лидер движения просвещения индейцев, основатель школы в Варисате Элисардо Перес⁴⁹⁰. При идейном влиянии левых индеанистов был разработан и введен в действие Устав крестьянского образования.

⁴⁸⁶ Ultima Hora. 25.02.1937.

⁴⁸⁷ Ultima Hora. 02.02.1937

⁴⁸⁸ El Debate. La Paz. 07.02.37.

⁴⁸⁹ La Calle. 06.10.1936.

⁴⁹⁰ О нем см. Глава 3.

Во многих районах страны создавались школы-айлью, что находило поддержку среди крестьян. Например, в районе Сан-Андрес-де-Мачака, недалеко от Варисаты образовалась целая федерация школ-айлью, объединившая 6 соседних общин⁴⁹¹.

В ноябре 1936 г. в Ла-Пасе состоялся Первый конгресс директоров индейских школ, организованный при поддержке правительства. О значении, которое военные придавали индеанистскому движению, свидетельствовало посещение этого конгресса Д.Торо. Президент в приветственном слове конгрессу сказал: «Я, как и все, понимаю, что речь идет не о пустых речах или социалистических теориях, а о проблеме индейца, которая прежде всего является экономической, а уж потом она может рассматриваться с точки зрения просвещения». По словам Д.Торо, индейца необходимо превратить в активного агента производства и потребления, интегрировать его в рынок. Для этого необходимо просвещение. Далее он добавил: «Главное — это земля, ибо индеец больше всего на свете любит свою землю»⁴⁹². Один из лидеров индейского просвещения Торибио Клауре в ответном слове связал цели освобождения индейцев с «практической реализацией социалистического идеала военного правительства»⁴⁹³. На конгрессе была подтверждена взаимная поддержка движения учителей-индеанистов и военных-социалистов.

Единомышленники Э.Переса действовали в разных точках страны. Э.Перес и Э.Арсе Лоурейро в 1935–1936 гг. создали в районе Клиса (Кочабамба) школу, подобную той, что существовала в Варисате. Индеанисты, особенно Э.Арсе Лоурейро, работавший в Кочабамбе, сыграли важную роль в осуществлении аграрных экспериментов правительства Д.Торо. В Кочабамбе в рядах социалистического движения ранее, чем в других районах страны, сформировалось требование принять декрет о запрещении личных услуг понгеахе и митанахе, как и других форм принудительного труда⁴⁹⁴. Именно в Кочабамбе «военные-социалисты» предприняли первые попытки реформирования сельского хозяйства.

Кочабамба имеет ряд особенностей. Долины Кочабамбы были заселены в основном индейцами кечуа и испаноязычными метисами. Это был экономически самый развитый сельскохозяйственный район Боливии. Здесь особенно чувствовался земельный голод.

⁴⁹¹ Письмо крестьян — Д.Торо от 18 февраля 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13.T.152 (PG7211). B.927.

⁴⁹² La Calle. 06.11.1936.

⁴⁹³ Antezana L., Romero H. Op.cit. P.53.

⁴⁹⁴ Петиция Соцпартии Кочабамбы от 28 ноября 1936 г. — ANB. PG. 1937. C.13.T.153 (PG7543).

Особо благоприятные климатические условия «вечной весны» и ограниченность сельскохозяйственных угодий рамками долин привели к большой концентрации крестьянского населения. Кочабамба — житница страны — снабжала продовольствием города и горнорудные центры департамента и Альтиплано. Кочабамба за счет собственного производства почти полностью самообеспечивалась зерном и мукой (лишь 6,2 боливиано на душу населения тратилось на импорт продовольствия, в то время как в Потоси — 87,67, а в Ла-Пасе — 64,09 боливиано)⁴⁹⁵. Здесь преобладали средние и мелкие помещичьи хозяйства (66918 поместий, в то время как в больших по размерам сельскохозяйственных площадях департаментах Ла-Пас или Оруро насчитывалось 8507 и 224 поместий соответственно). Размеры хозяйств колебались от пяти до нескольких десятков гектар, хотя встречались и крупные латифундии⁴⁹⁶.

Типичным районом Кочабамбы была долина Клисы. Там находилось поместье Санта-Клары, принадлежавшее монастырю Св.Клары с 1715 г. В начале 30-х годов XX века монастырь передал некоторые свои участки крестьянам-арендаторам, которые скопили деньги, работая на рудниках и фабриках в городах. Затем монахи сдали все поместье вместе с крестьянами в аренду третьему лицу. Как и следовало ожидать, эксплуатация помещиком-арендатором полученных крестьянских хозяйств была чрезвычайно жестокой, из-за чего в октябре 1935 г. в поместье вспыхнуло восстание, во главе которого оказались ветераны Чакской войны братья Дельгадильо. Восставшие были связаны с жителями городка Клиса, где проживало много ветеранов войны. Они свели крестьян с адвокатом, известным марксистом Э.Арсе Лоурейро. Э.Арсе Лоурейро организовал подпольный крестьянский профсоюз, формальным прикрытием которого стала созданная им сельская школа⁴⁹⁷.

Крестьяне Санта-Клары требовали ликвидации субаренды и передачи им участков в длительную аренду без посредников. В августе 1936 г. крестьяне отправились в Ла-Пас, где с помощью Э.Арсе Лоурейро встретились с министром труда В.Альваресом. Им даже удалось удостоиться аудиенции президента Д.Торо, которому они сообщили, что собрали 80 тысяч боливиано, огромную по тем временам сумму, более чем достаточную для выкупа земли

⁴⁹⁵ Censo demográfico. 1950. La Paz, 1952; Comercio exterior. Anuario. 1949. La Paz, 1949.

⁴⁹⁶ Natale R. Revolución agraria en Bolivia. Cochabamba. 1953. P.68.

⁴⁹⁷ Dandler H. J. Sindicalismo campesino en Bolivia. Cambios estructurales en Ucureña. 1935–1952. Cochabamba, 1983. P.68–69.

у монастыря. Этот визит произвел огромное впечатление на Д.Торо, который даже в своем новогоднем обращении к нации заявил о своей твердой поддержке профсоюза колонов Санта-Клара.⁴⁹⁸ Помимо Санта-Клары с помощью другого учителя-индеаниста Т.Клауре подобный профсоюз был создан в Вакас, на Альтиплано.⁴⁹⁹

Результатом активной деятельности индеанистов, поддерживавших требования крестьян, стала министерская резолюция от 5 ноября 1936 г., утвердившая прямую аренду земли у монастыря, исключавшая посредников. Профсоюз, «используя кооперативную систему производства», брал на себя «техническую и административную ответственность» перед властями и собственником. При гарантиях со стороны правительства крестьянский профсоюз заключил контракт с монастырем. В соответствии с декретом об обязательной синдикализации и на основании министерской резолюции колоны организовали «Профсоюзную сельскохозяйственную ферму Клиса». Особенность этого распоряжения состояла в том, что земля передавалась в аренду не непосредственно каждому крестьянину, а профсоюзу, который организовывал производство. Такое новшество соответствовало идейным и политическим установкам «государственного социализма». Создание профсоюзного кооператива Санта-Клара несло в себе сильную антибуржуазную, антикапиталистическую направленность, свойственную первому этапу существования «государственного социализма».

Внутренний распорядок и взаимоотношения с собственником регулировались специальным постановлением министерства труда.⁵⁰⁰ Главным достижением этого решения правительства была ликвидация системы колоната, то есть отмена бесплатных отработок понгеахе и митанахе в пользу помещика (в данном случае монастыря и посредника-арендатора), что означало конец произвола собственников земли в отношении крестьян. В одном из своих выступлений Д.Торо указал на реформу в Санта-Кларе как основу «всей индейской политики социалистического государства».⁵⁰¹ Новая система в Санта-Кларе значительно облегчила участь крестьян, фактически ликвидировав все докапиталистические пережитки в отношениях с землевладельцем. Левые приветствовали передачу земли крестьянскому профсоюзу в Санта-Кларе, видя в этом начало социализации деревни. «Ла Калье» называла эксперимент в

⁴⁹⁸ Ibid. P.70–71.

⁴⁹⁹ В сентябре 1936 г. в Вакас Т.Клауре организовал школу, а затем профсоюз крестьян — El Diario. 26.09.1936.

⁵⁰⁰ Antezana L., Romero H. Op.cit. P.18–22.

⁵⁰¹ La Calle. 06.11.1936.

Клисе переходной моделью к национализации большей части земли в стране⁵⁰².

Вмешательство министерства труда в отношения и права собственности в деревне, эксперименты с социализацией производства и создание профсоюзных ферм вызвали крайнее беспокойство помещиков, и прежде всего, влиятельного Национального аграрного общества, что было вызвано тем, что эксперимент в Клисе проводился в районе, где преобладали не индейские общины, а помещичьи хозяйства, что было «дурным» примером для округа. Помещики Кочабамбы, не доверяя заверениям правительства в том, что речь идет лишь о попытках новой организации сельскохозяйственного производства, не идущей далее эксперимента, а не об общей направленности аграрной политики, провели специальную конференцию, где прозвучали яростные протесты против каких-либо ограничений их прав собственности на землю⁵⁰³. Наибольшей критике подвергались коллективистские принципы организации жизни «профсоюзной фермы», то есть крестьянского производственного кооператива.

Стараясь успокоить помещиков, составлявших большинство имущих слоев городов, Д.Торо в своем президентском послании подчеркивал, что правительство не собирается немедленно проводить реформу и вмешиваться во все взаимоотношения крестьян и помещиков. Отбиваясь от нападков помещичьей реакции, Д.Торо обещал ограничить свою аграрную политику реформированием той сферы поземельных отношений, которые по закону находились в компетенции государства: речь могла идти лишь о «патронате» над церковным имуществом, что напрямую касалось поместья Санта-Клара, а также о земельной собственности муниципалитетов и центрального правительства.⁵⁰⁴

В развитие этих положений на свет появился декрет от 22 января 1937 г. Правительство установило новый порядок управления поместьями, принадлежавшими муниципалитетам, монастырям, религиозным орденам. Все эти собственники обязывались разорвать существовавшие арендные договоры с посредниками-управляющими и передать землю в прямую аренду крестьянам, которые должны были организовать сельские профсоюзы и руководствоваться в своей деятельности постановлениями министерства труда⁵⁰⁵. Первыми коллективными профсоюзными хозяйствами

⁵⁰² La Calle. 27.10.1937.

⁵⁰³ La Calle. 20.11.1936.

⁵⁰⁴ Toro D. Informe presentado por el presidente de la Junta militar. La Paz, 1937. P.16.

⁵⁰⁵ Antezana L., Romero H. Op.cit. P.30.

стали Санта-Клара и Вакас. Режим, ранее применяемый исключительно к этим двум поместьям, теперь распространялся на все подобные случаи.

Военные стремились облегчить положение крестьян, не покушаясь на сам аграрный строй и, главное, на помещичью собственность, на латифундизм. В январе 1937 г. правительство заявило о своем намерении искоренить понгеахе, но ограничилось пропагандистской акцией: по всем сельским школам были разосланы анкеты с вопросами, касающимися «личных услуг». По результатам этого «исследования» правительство собиралось принять решение⁵⁰⁶. Декрет от 25 февраля 1937 г. запретил землевладельцам сгонять крестьян с помещичьей земли без согласия самих колонов. Разрешалось это делать только при отказе крестьян от сельскохозяйственных работ. Если же крестьянин отказывался выполнять так называемые «личные услуги», понгеахе или митанахе, помещик не мог потребовать освободить его участок и покинуть поместье. Кроме того, если уж помещик выгонял крестьянина, то был обязан выплатить ему компенсацию. Следить за выполнением этого декрета поручалось Департаменту по индейским делам.⁵⁰⁷ Таким образом, косвенно правительство попыталось поставить понгеахе вне закона. Для уменьшения эксплуатации и угнетения крестьян со стороны традиционных сельских элит и жителей соседних городков был издан декрет от 2 мая 1937 г., запрещавший священникам в деревнях брать плату за регистрацию брака. С этого момента брак регистрировался только гражданскими властями и бесплатно⁵⁰⁸.

Правительственные инициативы в аграрной сфере вызвали широкую дискуссию в обществе. Министерство просвещения, в компетенцию которого входили и индейские вопросы, пригласило все политические силы к дискуссии по аграрной тематике. Еженедельно на государственном радио «Ильимани» своими размышлениями по этому вопросу делились Э.Бальдивьесо, Г.Госалвес, Х.Пас Камперо, Р.Пруденсио, Р.Рейерос, К.Салинас Арамайо, Р.Вильяррозль Клауре, А.Гусман, то есть интеллектуалы социалистического или индеанистского направления⁵⁰⁹. Эту программу на радио слушали повсюду, ее детали обсуждали в газетах. Дискуссия возвела аграрную тему в ранг первоочередных общенациональных проблем, поставило её в повестку дня преобразований, подготавливала общество к осознанию неизбежности радикальной реформы.

⁵⁰⁶ La Calle. 26.01.1937.

⁵⁰⁷ Bonifaz M. Op.cit. P.507–509.

⁵⁰⁸ Ibid. P.506–507.

⁵⁰⁹ El Diario. 25.01.1937.

Эксперимент в Клисе и последовавшие за ним мероприятия были прорывом в аграрной политике боливийского государства. Помимо того, что инициатива военных облегчила положение крестьян в отдельном районе страны, она создала важный прецедент, суть которого состояла в расчистке почвы от полуфеодалных, докапиталистических пережитков, в ликвидации понгеахе и митанахе, пока что только в определенной категории поместий. Законодательство Д.Торо явилось важным шагом в реформировании деревни, так как эти меры покушались на принцип неприкосновенности собственности, гарантированной конституцией и освященной ходом всей республиканской истории Боливии. Вместе с тем политика военных-социалистов в аграрном вопросе не вышла за рамки локального и ограниченного эксперимента, оставаясь по сути патерналистской и все еще консервативной.

Аграрная политика Д.Торо была в определенной степени экстравагантной. Не решаясь, или не желая проводить даже умеренное реформирование деревни, оставляя без изменения латифундистскую систему землепользования и производства, не предпринимая никаких усилий по ликвидации докапиталистических пережитков, попросту говоря, внеэкономического принуждения, Д.Торо перескакивал несколько логических этапов в аграрной политике, фактически проводил социалистический эксперимент в Клисе, где образовывалась профсоюзная ферма, осуществил своего рода обобществление сельскохозяйственного производства в рамках одного поместья. Опыт Санта-Клары так и остался изолированным эпизодом, а аграрные преобразования во всей страны даже не планировались. Эксперимент в Клисе перекликался с похожими поисками мексиканских реформаторов, проводивших эхидальную реформу в Камарка Лагуна.

Аграрная реформа была необходимой и неизбежной, что понимали представители большинства политических сил страны. Огромная заслуга военных-социалистов состояла в том, что задачи аграрного реформирования были переведены в практическое русло. Деревня была разбужена, проведение реформы стало вопросом времени.

Период правления Д.Торо отличался непрерывным поиском и экспериментом во всех сферах экономики и политики. Военно-социалисты пришли к власти без определенного плана действий, да и общество, их гражданские политические союзники не могли им предложить ничего целостного и эффективного. Осознание необходимости проведения реформ толкало их к принятию решений порой непродуманных, порой казавшихся импровизацией и экспериментом.

Новый этап «государственного социализма»: правление Х.Буша.

Свержение Д.Торо. Новое военно-социалистическое правительство.

К середине 1937 г. правительство Д.Торо все более теряло поддержку в обществе. Цензура, аресты и депортации граждан, решительный отказ вернуться к конституционному правлению во имя продолжения политической реформы и незыблемость программы преобразований, а также медлительность в ограничении всевластия олигархии, лишали правительство общественной поддержки. Д.Торо исчерпал весь кредит доверия со стороны левых партий и рабочих организаций. Экономическая ситуация была просто отчаянной. Рост цен за год правления Д.Торо составил в среднем 200%. На финансовое положение страны оказывало негативное влияние сокращение экспорта минералов. Если в 1935 г. экспорт олова давал сумму в 7.327.816 фунтов стерлингов, то в 1936 г. было продано металла лишь на 4.961.660 фунтов.⁵¹⁰ Финансовый голод покрывался широкомасштабной эмиссией, что привело к падению курса боливиано, появлению черного рынка, расцвету спекуляций и, в конечном итоге, к дезорганизации банковской системы. В июле 1937 г. профсоюзы провели две всеобщие забастовки против правительства и его политики⁵¹¹. Повторялась ситуация мая 1936 г., когда был свергнут президент Х.Л.Техад Сорсано.

Усилилось давление на правительство со стороны горнопромышленников. Оловодобывающие монополии, как, впрочем, и других экспортеров сырья не устраивала практика применения различных обменных курсов валюты. Горнопромышленники были принуждаемы к обмену валютной выручки от экспорта по заниженному курсу. В результате игры на разных курсах обмена экспортеры, по их собственным оценкам, теряли 300 тысяч фунтов стерлингов в год⁵¹², что было, конечно же, большим преувеличением. Оловодобывающие компании искали поддержки у консерва-

⁵¹⁰ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.145–146.

⁵¹¹ Antezana L. Op.cit. P.7.

⁵¹² FRUS. 1937. P.263.

тивной части армии, единственной силы, способной изменить политику Д.Торо или сместить его с поста президента.

Д.Торо, в свою очередь, понимал опасность, исходящую от генералитета, тесно связанного с роскошью, с «баронами олова». Он маневрировал и заигрывал со старой военной верхушкой, теряя симпатии молодого офицерства, по-прежнему поддерживавшего антиолигархические лозунги «государственного социализма». Накануне падения Д.Торо многие наблюдатели отмечали царящее в армии недовольство его правлением, бесконечными скандалами и разоблачениями коррупции деятелей режима⁵¹³. Д.Торо остался и без своего главного «идейного» союзника, социалистов. Националистические политики, главным образом, социалисты, признавая заслуги Д.Торо в экспроприации «Стандард Ойл» и обязательной синдикализации, критиковали его правительство за связи с Арамайой и нерешительность в проведении политической реформы.

Д.Торо настроил против себя лично многих своих бывших соратников и влиятельных политиков, таких как К.Монтенегро, которого он удалил из Боливии под благовидным предлогом участия в мирной конференции в Буэнос-Айресе. К.Монтенегро следил за развитием политических событий в стране. В своих обращениях и письмах к Х.Бушу он побуждал военного каудильо сместить Д.Торо и возродить идеалы революции мая 1936 г., упрочив тем самым режим «государственного социализма»⁵¹⁴. Х.Буш благосклонно реагировал на обращения к нему как со стороны левых, так и право-консервативных деятелей. Ещё в апреле 1937 г. он пообещал К.Монтенегро пост в своем будущем правительстве.

В июне вокруг Х.Буша сложился мощный политический союз, главную силу которого составляли военные и ЛЕК, требовавших смещения Д.Торо. В свою очередь, олигархия, учитывая политическую неопытность Х.Буша, предполагала использовать его для свержения режима «государственного социализма», чтобы затем подготовить почву для передачи власти удобному роске правительству. Хорошо информированный временный поверенный в делах США в Боливии за несколько дней до переворота 9 июля 1937 г. писал госсекретарю: «Мне сообщили о соглашении между группой молодых офицеров во главе с Х.Бушем, и национальной федерацией ветеранов о свержении Хунты. Они договорились передать власть Пеньяранде. Возможно Буш возглавит временное правительство». Также он сообщал о поддержке заговора горно-рудными монополиями⁵¹⁵. Против Д.Торо объединились националистические силы, стремившиеся к продолжению и углублению

⁵¹³ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8. P.66.

⁵¹⁴ Abecia Lopez V. Op.cit. P.9.

⁵¹⁵ FRUS. 1937. P.249.

реформ в духе «государственного социализма», и их реальные противники, проолигархические, консервативные круги. И те, и другие возлагали все надежды на Х.Буша.

10 июля 1937 г. Легион ветеранов провел многолюдный митинг, на котором было объявлено, что его лидером избран Х.Буш. В своей речи перед ветеранами Х.Буш сказал: «Цель армии — защищать страну от врага во время войны и от анархии в период мира... Мы, прошедшие поля сражений, военные и гражданские, герои и простые граждане не можем иметь иной цели кроме возвращения страны к нормальной жизни, основанной на равноправии труда и капитала»⁵¹⁶. ЛЕК объявил Х.Буша подлинным носителем идей «майской революции», что поставило правительство в двусмысленное положение. Это было уже прямым вызовом Д.Торо, так как действующий президент-военный считался формальным главой ветеранов. ЛЕК не скрывал своей открытой оппозиции Д.Торо, и на митинге звучала не только резкая критика президента, но и прямые призывы к его свержению.

Д.Торо вызывал большое недовольство среди молодых офицеров своим аристократическим, богемным образом жизни, а также невниманием к государственным делам, которые все более переходили в руки камарильи консервативных политиков и чиновников. Антиправительственные настроения достигли своего апогея в июне 1937 г. Вновь, как и в мае 1936 г., ударной силой было рабочее движение. Забастовка рабочих Ла-Паса приобрела политический характер. Воспные-социалисты вновь могли опереться на рабочее движение в решении вопроса о власти. В этой обстановке группа молодых офицеров, среди которых выделялся Э.Бельмонте, поставила перед Бушем и Пеньярандой вопрос о смене политического руководства страной.

13 июля 1937 г. в Генштабе состоялось совещание офицеров, занимавших важные политические и военные посты. На этом собрании, созванном генералом Пеньярандой, обсуждалось поведение Д.Торо, который несмотря на тревожные сообщения с линии разделения с парагвайскими войсками и на тяжелую экономическую ситуацию, забросил все государственные дела и вот уже несколько дней развлекался с друзьями на курорте минеральных вод Урмири. Было принято решение сместить Д.Торо (арестовать его в Урмири и препроводить до Арики в Чили). Возглавить новую хунту должен был Э.Пеньяранда⁵¹⁷.

Однако, план действий заговорщиков пришлось скорректировать, так как Д.Торо неожиданно вернулся в президентский дворец, где уединился с Э.Пеньярандой и Х.Бушем. Д.Торо обладал

⁵¹⁶ El Diario. 11.07.1937.

⁵¹⁷ El Diario. 14.07.1937.

удивительной способностью к убеждению своих оппонентов и умел добиваться нужного компромиссного решения. И на этот раз ему удалось уговорить своих военных соратников, заставив их поверить в его лояльность армии и даже в необходимости сохранения за ним президентского поста. Примиренные с Д.Торо Буш и Пеньяранда для сохранения видимости единодушия армии решили запросить все гарнизоны страны о доверии правительству Д.Торо. Все понимали, что ни один офицер в провинции не выскажется против действующего правительства, не зная о позиции высшей военной иерархии⁵¹⁸.

Против этого решения восстало все окружение Буша и Пеньяранды, буквально заставив их под угрозой неповиновения потребовать от Д.Торо ухода в отставку. В этих обстоятельствах смущенный Пеньяранда отказался принять власть, и Буш под восторженные крики и аплодисменты офицеров был вынужден возглавить переворот. Вновь Буш и Пеньяранда отправились к Д.Торо с постановлением столичного гарнизона об отставке Хунты. Однако снова и снова Д.Торо пытался отговорить своих коллег от их намерений. Всё решили действия группы офицеров во главе с Э.Бельмонте. Заняв правительственную радиостанцию «Ильмани», они объявили всей стране о смене власти и назначении нового главы государства. После этого офицеры, ворвавшись в кабинет Д.Торо, прервали переговоры с ним и поставили точку в этой истории. Д.Торо был отправлен под домашний арест, а президентом стал Х.Буш⁵¹⁹.

Х.Бушу было всего 33 года, когда судьба привела его на высший государственный пост страны. Перемены в президентском дворце были с энтузиазмом поддержаны широкими слоями населения. Известный писатель, современник и сподвижник Буша А.Сеспедес писал о нем: «Он пришел из того варварства, которое является духовным источником Нашей Америки; война в Чако вывела его к реке истории, а та вынесла его на самое бурное и полноводное место, близ пенистых порогов и скал»⁵²⁰.

Х.Буш сам продиктовал и передал прессе и на радио текст заявления об отставке Д.Торо. В нем говорилось: «Я считал необходимым консультацию с армией в определении моей политики, чтобы быть уверенным в её поддержке. Поэтому, чтобы дать большую свободу офицерам и командованию в определении политического курса, я решил уйти со своего поста, передав полномочия временного президента начальнику Генерального штаба подполковнику Херману Бушу ввиду того, что главнокомандующий армией гене-

⁵¹⁸ Belmonte E. Op.cit. P.164–175.

⁵¹⁹ El Diario. 14.07.1937.

⁵²⁰ Céspedes A. El dictador suicida. P.161.

рал Энрике Пеньяранда не принял этот пост. Давид Торо Р.»⁵²¹. В тот же день Э.Пеньяранда в знак несогласия с давлением офицеров заявил о своей отставке с поста главнокомандующего. В заявлении на имя Буша он указывал, что его отставка не только развяжет руки новому правительству, но и ликвидирует раскол в армии: «Настаиваю [на отставке], чтобы институты власти не пострадали, а лишь укрепились, чтобы армия смогла выполнить свой долг обороны страны»⁵²². Новый глава государства отказался принять отставку Э.Пеньяранды.

Судьба бывшего президента была решена не сразу. Д.Торо оставался в Ла-Пасе, что вызывало беспокойство офицеров, вынудивших Буша свергнуть своего старшего товарища. 15 июля 1937 г. приглашенный вместе со всеми министрами на банкет в честь дня города в «Клуб Ла-Паса» Х.Буш, услышав здравицы в честь свергнутого президента, в ярости покинул собрание городской элиты. Шеф полиции, один из активных деятелей офицерского заговора против Д.Торо, Э.Бельмонте в отместку за непочтение к президенту устроил погром Клуба. В пылу случайно был убит администратор Клуба из-за беспорядочной пальбы, для остротки открытой Э.Бельмонте и его сподвижниками.⁵²³ Узнав об этом, Буш одобрил их действия и приказал арестовать всех подозреваемых, а Д.Торо немедленно выслать в Чили. Вслед за экс-президентом последовали и близкие ему политики из левых партий⁵²⁴.

В своем первом послании к нации Х.Буш подчеркнул, что занял пост президента «по единодушному призыву армии и при поддержке трудящихся масс»⁵²⁵. Свой кабинет министров Х.Буш назвал «временным». Новый глава государства пригласил в правительство тех политиков и военных, которые подтолкнули его к перевороту. Важные посты в кабинете заняли офицеры, близкие Бушу по настроениям и духу. Среди них следует отметить радикальных националистов, называвших себя национал-социалистами Э.Бельмонте и С.Меначо. Первый, уже снискавший себе славу самого агрессивного националиста, был назначен начальником полиции Ла-Паса.

⁵²¹ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.54.

⁵²² Заявление ген. Пеньяранда — Х.Бушу от 14 июля 1937 г. — ANB.PG. 1937. C.13. T.166 (PG7212). No.3575–37.

⁵²³ В своих воспоминаниях Э.Бельмонте дает несколько иную картину действий, представляя собрание в Клубе как пигаб заговора против Буша, хотя признает и даже кается в невинной жертве убитого им Сория Гальваро, администратора клуба - Belmonte E. Op.cit. P.285–289.

⁵²⁴ Céspedes A. El dictador suicida. P.160–161.

⁵²⁵ El Diario. 15.07.1937.

Формально возглавил кабинет министр внутренних дел подполковник Ф.Тавера. Однако уже 19 июля его заменил полковник С.Мсначо⁵²⁶, известный своими профашистскими и антидемократическими взглядами. От гражданских в кабинет вошли три политика, являвшиеся знаковыми фигурами. Э.Бальдивесо, как и в первом правительстве военных-социалистов при Д.Торо получил портфель министра иностранных дел. Следует подчеркнуть, что в те годы МИД имел большое значение: ещё не был окончательно урегулирован конфликт с Парагваем, а главное, это ведомство курировало вопросы внешних заимствований и отношения с комитетом олова, решало проблему транспортировки национализированной нефти и противостояния международному давлению, организованному «Стандард Ойл». Э.Бальдивесо находился в это время в отъезде и был облагодетельствован без его ведома. По возвращении в Ла-Пас у него состоялась беседа с Х.Бушем, результатом которой было назначение на его место Ф.Вака Чавеса⁵²⁷.

Другой ключевой пост в правительстве — министра финансов — занял Ф.Гутьеррес Граньер, являвшийся главой Ассоциации горнопромышленников. Новый министр заявил, что не предвидит больших изменений в экономической политике, но вместе с тем подчеркнул, что «новый курс правительства будет проводиться в рамках права и уважения частной собственности»⁵²⁸. Этим назначением Х.Буш показывал свою готовность сотрудничать с магнатами олова и традиционными политиками. Портфель секретаря кабинета, первоначально обещанный К.Монтенегро, достался Габриэлю Госалвесу, лидеру «антиперсоналистской» фракции ПРС. Он имел репутацию «умеренного социалиста» и возглавлял ту часть сааведристской партии, которая не соглашалась с непреклонной оппозицией Б.Сааведры к военно-социалистическому режиму.

В своей речи при принятии присяги кабинетом Х.Буш сумел и повторить главные идейные постулаты «государственного социализма», и обрадовать традиционных политиков намеками на намерение вернуться к «нормальному конституционному правлению»⁵²⁹. Традиционные правые партии выразили своё удовлетворение переменами и составом нового кабинета. Они провели консультации и выработали общую петицию к правительству, состоявшую из 3 основных пунктов: восстановление действия конституции, свободные выборы, возвращение к либеральной финансо-

⁵²⁶ AA. 1937. T.3. P.8–17.

⁵²⁷ El Diario. 26.07; 27.07.1937.

⁵²⁸ El Diario. 15.07.1937.

⁵²⁹ El Diario. 15.07.1937.

вой политике⁵³⁰. С такими же по содержанию требованиями обратились к президенту предприниматели и политики Кочабамбы. Среди подписантов этого обращения были бывшие президенты страны Э.Вильясон и генерал К.Бланко Галиндо⁵³¹. 27 июля 1937 г. лидеры либералов, «подлинных-республиканцев» и сааведристов направили Х.Бушу совместное обращение, в котором высказывали свою поддержку при условии скорейшего возвращения к конституционному режиму и проведения выборов по старой конституции. За неделю до этого лидер «подлинных-республиканцев» Д. Канелас направил министру внутренних дел письмо с требованием провести выборы и вернуть страну к «конституционной законности»⁵³². Х.Буш быстро отреагировал. Он прислал приветствие собранию партий, поблагодарил их за поддержку и подтвердил своё желание вернуть страну к конституционному правлению. Вместе с тем, Х.Буш не преминул подчеркнуть своё главное расхождение с этими партиями, ставшее непреодолимым препятствием в их сотрудничестве с режимом. Он писал: «Мое удовлетворение вашими намерениями было бы большим, если бы политические силы, которые вы представляете, также присоединились к исповедуемым нами идеалам социальной справедливости, изложенным в программе-минимум революции 17 мая 1936 г.»⁵³³. Х.Буш поручил Ф.Гутьерресу Граньеру начать переговоры с либералами, Подлинной республиканской партией и сааведристами о формировании кабинета национального единства. В этот момент Президент вынашивал идею пакта об общенациональном политическом и социальном перемирии. О готовности подписать этот документ заявили традиционные партии, а затем к инициативе властей присоединились проправительственные социалисты: Революционная социалистическая партия Уго Эрнста, Революционная рабочая социалистическая партия и «Социалистическая молодежь», — все они были осколками старой соцпартии⁵³⁴.

Активность олигархических групп обеспокоила сторонников продолжения линии «государственного социализма», провозглашенной в мае 1936 г. Х.Буш поспешил заверить своих союзников слева, что возврата к олигархическому правлению и либеральной демократии не будет. 17 июля 1937 г. Х.Буш счел необходимым разъяснить свои позиции специальным манифестом. В нем он подтвердил верность принципам «государственного социализма». Он заявил о стремлении создать «Новую Боливию», где будет царить

⁵³⁰ El Diario. 25.07.1937.

⁵³¹ El Diario. 24.07.1937.

⁵³² El Diario. 20.07.1937.

⁵³³ El Diario. 28.07.1937.

⁵³⁴ El Diario. 30.07.1937.

«гармония двух главных факторов жизни народа — труда и капитала». Х.Буш обещал положить конец классовой борьбе и установить «гармоничную национальную кооперацию»⁵³⁵. В своем особом обращении к ветеранам он указывал: «Мое патриотическое чувство будет удовлетворено, если, как я ожидаю и надеюсь, политические силы, которые вы представляете, смогут и захотят поддержать идеалы социальной справедливости, о которых говорилось в программе-минимум революции 17 мая 1936 г.». В своих выступлениях Х.Буш особо подчеркивал, что правительство, «руководствуясь принципом социальной справедливости, будет вести политику повышения уровня жизни трудящихся, чего до сего дня не удалось достичь, несмотря на многословие и суету всех левых партий»⁵³⁶. Х.Буш мало говорил о конкретных реформах, а всё больше о справедливости, гармонии, и главное, о моральном обновлении нации. В этом состояла главная идея «Новой Боливии». Неудивительно, что одним из первых декретов новой хунты было запрещение азартных игр, ибо они «противоречили традициям и моральным устоям общества»⁵³⁷.

Тяжелое положение в народном хозяйстве, хронический кризис и рост социальной напряженности диктовали необходимость обратить самое пристальное внимание на экономические вопросы. Обещанное Х.Бушем реальное улучшение положения широких народных масс требовало немедленных решительных действий в экономике.

Экономическая политика правительства Х.Буша.

Приход Х.Буша во Дворец Кемадо обозначил отчетливый поворот вправо в экономической стратегии Хунты. Х.Буш в вопросах финансовой и экономической политики полностью доверился людям Патиньо, которые заняли все ключевые посты в кабинете министров. Первое, что сделал новый министр финансов Ф.Гутьеррес Граньер для ликвидации дефицита бюджета, было сокращение социальных расходов и, главное, отмена субсидий продовольственным магазинам, которые помогали сдерживать рост цен, но вместе с тем породили массу злоупотреблений и спекуляции.⁵³⁸ Субсидии были серьезной поддержкой беднейших слоев населения и бедствующего среднего класса в период кризиса. От постоянного

⁵³⁵ El Diario. 20.07.1937.

⁵³⁶ El Diario. 20.07.1937.

⁵³⁷ AA.1937. T.3. P.53.

⁵³⁸ El Diario. 27.07.1937.

роста цен на предметы первой необходимости страдали не только городские низы, но и обеспеченные слои населения. Так, на нехватку продовольствия и дороговизну в своем дневнике жаловался А.Аргедас, не только известный писатель, но и крупный помещик⁵³⁹.

Другим объектом критики либералов были расходы на общественные работы. Финансирование строительства дорог и благоустройства городов, о чем регулярно издавались распоряжения правительства⁵⁴⁰, было золотым дном для подрядчиков, часто связанных с военными и чиновниками. А.Аргедас, строгий критик режима, с возмущением писал в письме Х.Бушу: «В эти дни как по волшебству возникли целые состояния; отовсюду появляются новые богатые; повсеместно мы наблюдаем многочисленные любопытные случаи чудесных превращений скромных военных и чиновников, вчера еще бедных и состоящих на обычном жаловании, а сегодня живущих в дорогих домах, строящих загородные виллы, разъезжающих на машинах последних моделей»⁵⁴¹. Против коррупции и бездумной траты государственных средств справедливо восставали либеральные министры кабинета. Экономический блок в правительстве остался под контролем людей близких к Патиньо. Правильные, с точки зрения рационального управления экономикой, меры в условиях кризиса привели к новым осложнениям, росту цен и девальвации национальной валюты.

Решительные меры Ф.Гутьерреса Граньера не прибавили правительству популярности в народе. В ноябре 1937 г. Х.Буш отправил министра в отставку. Курс Ф.Гутьерреса Граньера был продолжен его преемниками. Горнорудные монополии, как и все экспортеры, настаивали на отмене системы дифференцированных обменных курсов. Требование установить единый обменный курс исходило не только от экспортеров, но и от торговой буржуазии провинций, которая, казалось бы, была заинтересована в поддержании выгодного импортерам курса обмена. Торговая палата Оруро в марте 1938 г. направила правительству обращение, в котором говорилось, что система дифференцированных курсов обмена порождает бесконечные спекуляции, коррупцию, реэкспорт предметов первой необходимости и, в конечном счете, ведет к разрушению внутреннего потребительского рынка. Провинциальная торговая буржуазия оказалась в крайне невыгодном положении по сравнению со столичными предпринимателями, которые, воспользовавшись ситуацией, монополизировали весь торговый сектор. Только столичные фирмы могли оперативно реагировать на конь-

⁵³⁹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.178.

⁵⁴⁰ AA. 1937. T.3. P.174–176.

⁵⁴¹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8. P.104.

конктуру и добиваться разрешений на покупку валюты, так как это было возможно сделать лишь в Ла-Пасе⁵⁴². Эта ситуация вела к росту регионалистских настроений в провинции, выбивала социальную опору режима на периферии, где наблюдался рост либо крайне левых группировок, либо укрепление оппозиционных режиму политиков, что и показали выборы 1938 г., например, в том же Оруро.

Обеспечить полную отмену системы различных обменных курсов было нереально. Единый курс мог не только подорвать все основы социальной политики сдерживания роста цен на предметы первой необходимости, но и неизбежно обрушил бы бюджет и все государственные финансы. Бюджет Боливии на 1938 г. предусматривал пополнение доходной части за счет разницы курсов в сумме 86.000.000 боливиано⁵⁴³. Эта сумма представляла собой 30% всех доходов государства в 1938 г. Правительство могло лишь провозгласить своей целью постепенное выравнивание обменных курсов, что могло стать реальным лишь с началом подъема экономики и роста производства в экспортных отраслях.

Страна вот уже более двух лет балансировала на краю финансовой пропасти. Казна была полностью опустошена. Резервов не было никаких. Переговоры с США о торговом договоре и выплате внешнего долга Боливии, которые вел Хохшильд, не принесли существенных результатов, так как боливийское правительство, воодушевленное временным ростом цен на олово на мировом рынке, не спешило заключать договор с США о покупке боливийской руды, пока действовали ограничения Комитета олова.

Ситуация ещё более ухудшилась в январе 1938 г. Новое падение цен на олово вызвало катастрофическую девальвацию боливиано и скачок инфляции. В начале 1938 г. за несколько недель местная валюта обесценилась вдвое. Снова заговорили о великой депрессии и необходимости принятия чрезвычайных мер. Общий индекс цен с 1936 г. по 1939 г. вырос в три раза. Если в начале января экспортеры вели переговоры с правительством о снижении процента обязательной сдачи валюты и уже договорились о введении единого обменного курса⁵⁴⁴, то последующее падение цен на олово не оставило государству иного выбора кроме сохранения старой финансовой схемы поддержания национальной валюты за счет заниженного обменного курса выручки экспортеров. С этим были вынуждены смириться и горнопромышленники, понимав-

⁵⁴² Обращение Торговой палаты Оруро к Х.Бушу от 22 марта 1938 г. — ANB.PG. 1938. С.14.Т.190 (PG6872).

⁵⁴³ AA. 1938. Т.1. P.82–84.

⁵⁴⁴ El Diario. 04.01.1938; 08.01.1938.

шие, что речь идет о выживании экономики и государства, о спасении от неизбежного хаоса.

С новым падением цен на олово усилились опасения долгой депрессии. Вновь обострилась борьба между монополиями за квоты на экспорт. Хохшильд и Арамайо требовали сокращения доли Патиньо и увеличения собственной. Доля Патиньо составляла 53,13% всего экспорта олова, но его компания обладала и наибольшими производственными мощностями, что служило обоснованием её монополистских претензий⁵⁴⁵. Патиньо пользовался расположением к себе президента и теснил своих конкурентов.

В годы кризиса Хохшильд осуществил большие капиталовложения в свои рудники. Он считал, что стратегической перспективой развития горного сектора в Боливии станет разработка месторождений с низким содержанием минералов, что соответствовало реальности. Исходя из этого, он делал вложения в техническое переоснащение рудников, понижая себестоимость добычи⁵⁴⁶. Технические новшества увеличили потенциал производства Хохшильда по сравнению с докризисными годами, и он требовал изменения пропорций распределения квот на экспорт в соответствии с новым соотношением возможностей добычи. Давление Хохшильда на правительство было направлено против всевластия Патиньо. Хохшильд же помимо собственного производства был ещё торговым посредником, экспортирующим продукцию мелких и средних рудников. Патиньо пришлось частично уступить давлению своего «коллеги» по отрасли. В 1938 г. доля Хохшильда была увеличена с 19 до 26%, а квота Патиньо уменьшена на 4%. Затем в результате влияния пропатињистских министров, да и благодаря симпатиям самого Х.Буша к патриарху боливийской индустрии в 1939 г. квота Патиньо вновь была увеличена на 2%, а Хохшильда уменьшена на 5%⁵⁴⁷.

Падение поступлений от экспорта вызвало острую нехватку валюты для импорта продовольствия и предметов первой необходимости. Правительство ужесточило запретительные меры на ввоз так называемых предметов роскоши. Министерство финансов было вынуждено признать, что не может обеспечить торговые фирмы запрашиваемой ими на легальных основаниях валютой, ибо резервы опустошены⁵⁴⁸. В феврале в банках уже не было наличной валюты, что вызвало панику у торговцев⁵⁴⁹. Кабинет должен был

⁵⁴⁵ Меморандум Патиньо Майнс — Х.Бушу от 27 апреля 1938 г. — ANB.PG. 1938. C.14. T.188 (PG7197).

⁵⁴⁶ Gallego Margaleff F.J. Ejército, nacionalismo y reformismo. P.115–116.

⁵⁴⁷ Ibid. P.115–120.

⁵⁴⁸ El Diario. 09.02.1938.

⁵⁴⁹ El Diario. 24.02.1938.

предпринять решительные шаги для стабилизации рынка, где царил ажиотажный спрос и паника. В марте была создана специальная комиссия по распределению валюты через торговую палату. Тогда же была проведена девальвация боливиано и установлен новый порядок обязательной сдачи валюты экспортерами⁵⁵⁰.

Горнорудные компании оставались единственным источником получения столь необходимой для оздоровления финансов валюты. Националисты предлагали установить режим полной передачи государству вырученной от экспорта минералов валюты по фиксированному заниженному курсу. Естественно, этому воспротивились горнопромышленники, да и сам Х.Буш не был склонен к столь радикальным мерам⁵⁵¹. Было принято компромиссное решение: 7 марта 1938 г. Х.Буш подписал декрет об установлении нового обменного курса, который был более близок к реальному, а также декрет об обязательной продаже государству по официальному (то есть заниженному) курсу 45% валютной выручки, получаемой компаниями по экспорту. Новый валютный курс составил 100 боливиано за фунт стерлинга для экспортеров и 120 боливиано для других секторов экономики, в то время как в свободной продаже фунт стерлингов уже стоил 145 боливиано⁵⁵². Средние и мелкие компании должны были передавать по заниженному курсу 50% выручки, а остальную часть — продавать в обязательном порядке уполномоченным банкам по свободному курсу⁵⁵³, который все равно был ниже уровня черного рынка. Такая политика в условиях постоянной девальвации национальной денежной единицы больно ударила по всей отрасли, в том числе и по мелким и средним шахтовладельцам, от имени которых претендовали выступать военные-социалисты.

Сразу же после опубликования этого декрета Федерация мелких горнопромышленников выступила с протестом против экономической политики правительства. В своем меморандуме на имя президента Федерация указывала, что экономический курс разрабатывается «без учета положения мелких горнопромышленников, делая невозможным дальнейшую работу отрасли»⁵⁵⁴. Были предложены некоторые изменения порядка сдачи валюты, Хунта была вынуждена впоследствии снизить процент передачи валюты⁵⁵⁵.

⁵⁵⁰ El Diario. 08.03.1938.

⁵⁵¹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30 – 3 – 15

⁵⁵² El Diario. 08.03.-10.03.1938.

⁵⁵³ AA. 1938. T.1. P.456–460.

⁵⁵⁴ Меморандум Федерации мелких горнопромышленников (ФАМЕМ) от 18 марта 1938 г. — ANB.PG. 1938. C.14. T.190 (PG6872). B.590.

⁵⁵⁵ Проект декрета ФАМЕМ — ANB.PG. 1938. C.14. T.190 (PG6872).

Серьезным перспективным источником поступления валюты, по мнению военных-социалистов, могла стать национализированная нефть. Со свержением Д.Торо политика боливийского правительства в отношении «Стандард Ойл» не претерпела существенных изменений. Х.Буш строго отстаивал принципы суверенитета страны над её недрами⁵⁵⁶. В одном из своих обращений к ветеранам он говорил: «Мы подтверждаем национализацию нефти, поскольку все мы, побывавшие в Чако в час испытаний, прочувствовали абсолютную неприемлемость ситуации, когда природные богатства находятся в руках иностранного капитала. Боливийская нефть будет добываться государством, так как этого требуют наши национальные интересы»⁵⁵⁷.

«Стандард Ойл» не потеряла надежду отменить решение правительства Д.Торо. Её агентам удалось склонить посла Боливии в США Л.Ф.Гуачалья к поддержке позиций компании, требовавшей пересмотра решения об экспроприации. Посол настаивал на соглашении со «Стандард Ойл» ввиду недовольства госдепартамента США. Настойчивость посла заставила министра нефти Д.Фионини выступить 9 февраля 1939 г. со специальным меморандумом, в котором он не оставил никаких сомнений в незыблемости позиций боливийских властей в вопросе об экспроприации.

После перехода собственности «Стандард Ойл» в руки государства ЯПФБ наращивала производство и разработку новых месторождений. Только за два года после экспроприации производство нефти увеличилось почти в 1,5 раза. Вместе с тем, компания столкнулась с большими трудностями как в эксплуатации приисков, так и в поисках гарантированных рынков сбыта. 25 февраля 1938 г. Боливия подписала с Бразилией договор о транспортировке и реализации нефти, что в значительной степени снимало проблему выхода на внешние рынки сбыта⁵⁵⁸. Боливия, как уже упоминалось, просила помощи у Мексики, но главным заинтересованной в получении боливийской нефти стороной оказалась Германия. Немцам здесь помогли не только их старые связи с боливийскими военными и взаимные политические симпатии, но и экономические потребности Боливии, которая искала новые рынки сбыта для своего экспорта.

Боливийцы вели переговоры с Германией при посредничестве Вальтера Моринга, немца, проживавшего в Аргентине и представлявшего там интересы ЯПФБ. В.Моринг согласовал с Берлином поставку нефти на 15 млн долларов в обмен на германскую помощь в эксплуатации доставшегося от «Стандард Ойл» хозяйства.

⁵⁵⁶ El Diario. 15.07.1937.

⁵⁵⁷ Mariaca E. Op.cit. P.76.

⁵⁵⁸ El Diario. 06.03.1938.

Немцы также обещали построить нефтеспровод длиной в 560 км из Боливии к перерабатывающему заводу на территории Парагвая для последующего экспорта через аргентинские порты в Германию⁵⁵⁹. Достигнутые через В.Моринга договоренности были закреплены специальным декретом Х.Буша⁵⁶⁰. Боливия стремилась улучшить своё финансовое положение, проводя политику диверсификации экономических связей.

Экономический курс Х.Буша мало отличался от линии его предшественника. Логика усиления государственного регулирования помноженная на финансовый голод бюджета не оставляли правительству никакой другой альтернативы как установление полного контроля над валютными поступлениями и над экспортом минералов, что, по мнению военных-социалистов, фактически вело к социализации всей отрасли. Избегая термина национализация, военные принимали меры, ведущие к полному контролю государства над финансовой деятельностью компаний и над экспортом. Такого рода схема взаимодействия властей и компаний позволяла государству установить столь жесткий контроль над отраслью, что даже национализация была бы менее эффективной. Через механизм различных обменных курсов и обязательного изъятия валюты государство получало мощный инструмент управления отраслью. Государство могло направлять средства, накапливаемые в горно-рудной отрасли, в другие сектора экономики, на индустриализацию и диверсификацию народного хозяйства.

Политическая борьба в 1937 – 1938 гг.: выборы в Учредительное собрание.

С приходом к власти Х.Буша в Боливии активизировались праворадикальные, профашистские силы, пользовавшиеся покровительством многих видных деятелей режима. Опасность сползания страны к тоталитарной диктатуре возросла многократно. В среде ветеранского движения образовалось консервативное националистическое течение, близкое по своим идейным позициям к франкизму и национал-социализму. В августе 1937 г. в Кочабамбе была создана праворадикальная партия Боливийское националистическое действие во главе с К.Пуэнте Ла Серна. Вскоре это движение слилось с Боливийской социалистической фалангой (ФСБ), воз-

⁵⁵⁹ РГАСПИ. Ф.495. оп.122, д.1. л.39.

⁵⁶⁰ Больших последствий эти договоренности не имели. Боливийцы рассчитывали быстро наращивать производство нефти для экспорта, однако при всем его росте, к 1940 г. собственная ее добыча позволяла удовлетворять лишь 50% внутреннего потребления.

главляемой молодым политиком Унсага де Ла Вега. Фаланга, партия чернорубашечников, была создана по примеру одноименных испанской и чилийской партий. Программа ФСБ повторяла многие положения франкистской фаланги, заявляла о своей цели — свершении «фашистской революции». Фаланга сразу привлекла к себе внимание и пользовалась большим влиянием среди молодежи, студенчества, средних городских слоев. ФСБ исповедовала корпоративистские принципы «консервативного католического социализма». Социалисты настороженно восприняли появление Фаланги, хотя некоторые левые группы, в частности, газета «Критика», с большой симпатией отнеслись к появлению этой партии. Идеологически ФСБ была конкурентом социалистов и самого режима «государственного социализма».

Кроме ФСБ из среды ветеранов выделилась пронацистская организация «Железная звезда», к которой примыкали многие члены правительства, в частности, С.Меначо, ставший в августе 1937 г. министром внутренних дел, а также министр горнорудной и нефтяной промышленности Д.Фионини, считавшийся инициатором экспроприации «Стандард Ойл». Все они слыли сторонниками установления тоталитарного режима в Боливии⁵⁶¹. Да и сам Х.Буш не скрывал своего восхищения «обновлением и омоложением» Германии и Италии.

Участник войны в Чако С.Меначо, занимавший сначала пост министра сельского хозяйства, а затем внутренних дел, открыто заявлял о своих антидемократических убеждениях и пронацистских симпатиях. С.Меначо был темпераментным, сильным деятелем, активно пропагандировавшим свои идеалы. Ему удалось объединить вокруг Х.Буша группу его земляков, придерживавшихся национал-социалистических взглядов, которые ввиду своей близости к президенту оказывали большое влияние на политику правительства. Самого Буша в нацизме привлекал тезис о приоритете интересов государства, нации над личностью. Орудием подчинения личного интереса благу всей страны и нации, по его мнению, был режим «государственного социализма».

Противовесом «профашистскому» влиянию был Габриэль Госалвес, руководитель сааведристов. Националисты и социалисты, за спиной которых стоял ЛЕК ветеранов, а также такие влиятельные политики как Х.Пас Камперо и В.Мендоса Лопес, бывшие идеологами «государственного социализма» при Д.Торо, выбрали своей мишенью Г.Госалвеса, имевшего огромное влияние на Х.Буша. Г.Госалвес противостоял тем деятелям режима, которые проповедовали установление «тоталитарного режима фашистского

⁵⁶¹ РГАСПИ. Ф.495. оп.122. д.1. л.9.

типа».⁵⁶² Став министром внутренних дел Г.Госалвес отменил контракт с итальянской полицейской миссией, что вызвало недовольство профашистки настроенных членов кабинета. Его фигура вызвала особое раздражение тех лидеров ветеранского движения, которые прямо указывали на необходимость установления тоталитарной диктатуры в Боливии. Некоторые руководители ЛЕК даже подали в отставку, протестуя против назначения Г.Госалвес. В ответ они неизменно получали суровую отповедь от самого Х.Буша, который им указывал, что «не дело ветеранов, прошедших школу дисциплины и патриотизма в Чако, заниматься политиканством» и давить на правительство⁵⁶³. В связи с этими демаршами ПРС, партия Г.Госалвес, созвала конференцию, на которой подтвердила свой союз с Х.Бушем. Залогом этого альянса должно было стать неперемное участие Г.Госалвес в правительстве⁵⁶⁴.

Несмотря на влияние профашистских лидеров ЛЕК под давлением рабочего и левого движений правительство было вынуждено принимать меры, ограничивавшие праворадикальную пропаганду. В октябре 1938 г. после решительных заявлений ССТБ, потребовавшей запретить фашистскую пропаганду в стране и прекратить деятельность «миссии фашистской полиции» при МВД, С.Меначо оправдывался перед Х.Бушем, уверяя его в полезности миссии и в том, что она не имеет никаких политических задач, а является лишь технической группой, помогающей проводить реорганизацию полиции. Министр был вынужден попросить главу миссии прекратить пропагандистскую кампанию в прессе, чем активно занимались итальянцы⁵⁶⁵.

В кабинете Х.Буша постоянно шла борьба за влияние на президента. Противостояние профашистских и демократических сил в его кабинете было одной из характерных черт политического режима «государственного социализма» в этот период. Разнородным составом окружения президента объясняются его резкие выражи в политике.

31 июля 1937 г. Х.Буш временно, до принятия нового основного закона, ввел в действие конституцию 1880 г. с позднейшими дополнениями, принятыми Конвентом 1920 г. и референдумом 1930 г. Это была самая демократическая из всех боливийских конститу-

⁵⁶² SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 31 de enero de 1938. 30 – 3 – 15, ff.3 – 4.

⁵⁶³ Телеграмма Х.Буша — ЛЕК Оруро от 20 января 1938 г. — ALP. I.ML. 1938. Caja 11. No.2. Sig.E.3. A.2.

⁵⁶⁴ Письмо Исполкома ПРС — Х.Бушу от 20 января 1938 г. — ANB.PG. 1938. C.14. T.190 (PG6872).

⁵⁶⁵ Письмо С.Б.Меначо — Х.Бушу от 11 ноября 1937 г. — ANB.PG. 1937. C.13. T.156 (PG6875).

ций. Декларированное возвращение к режиму демократии и провозглашение конституционных гарантий было воспринято в обществе с надеждой на нормализацию политической жизни. Несмотря на восстановление действия старой либеральной конституции, правительство ясно дало понять, что в ближайшее время будет разработана и принята новая, соответствующая принципам «государственного социализма».

Все общественные силы, прежде всего социалисты и ветеранские организации, приглашались к обсуждению принципов нового политического устройства. Параллельно с этим власти предприняли демонстративные шаги, подчеркнувшие невозможность возврата к «дореволюционному» статус-кво. Распоряжениями правительства было утверждено особое положение армии и ветеранских организаций в политической системе. По декрету от 8 сентября 1937 г. ЛЕК получал право в целях контроля делегировать своих представителей в местные органы власти⁵⁶⁶. В феврале 1938 г. Х.Буш утвердил устав ЛЕК. Согласно его положениям, решения верховного лидера не могли ни оспариваться, ни обсуждаться. Президент страны являлся вождем всех ветеранов. ЛЕК должен был представлять кандидатуры на государственные должности, которые рассматривались президентом, министрами и местными властями. ЛЕК становился своеобразным отделом кадров режима⁵⁶⁷. Эти распоряжения мало вязались с обещаниями вернуться к конституционному правлению и восстановить республиканские представительные институты.

В конце октября 1937 г. Легион провел конференцию, на которой была принята программа, провозгласившая необходимость установления «функциональной системы» организации власти, основанной на корпоративистских началах. ЛЕК предлагал положить в основу нового конституционного устройства принцип корпоративного представительства. По мнению лидеров ЛЕК, конгресс должен был формироваться по профессиональному и социальному принципу: 4 депутата — от собственников рудников, 3 — от торговли, 3 — от лиц свободных профессий, 4 — от университетов, 3 — от учителей, 2 — от журналистов, 3 — от армии, 5 — от ЛЕК, 5 — от рабочих организаций, 3 — от землевладельцев, 3 — от женских организаций, и 3 — от индейцев. Всех депутатов выбирали профессиональные объединения, образованные в соответствии с декретом о всеобщей синдикализации. Армия должна была послать одного депутата от командного состава, двух от офицерского. Солдаты не получали права голоса. Ветеранов мог пред-

⁵⁶⁶ АА.1937. Т.3. Р.231–232.

⁵⁶⁷ Приказ по ЛЕК от 2 февраля 1938 г. — ALP. LML. 1938. Caja 11 No.2. Sig.E.3. A.2. No.B-4.

ставлять лишь ЛЕК, в то время как в стране действовало более десятка других ветеранских организаций. Рабочее представительство полностью передавалось в руки ССТБ. Наибольшая неясность оставалась по представительству индейцев и женских организаций. По ним так и не определились, а ограничились заявлением, что будет издан специальный регламент после детального изучения вопроса⁵⁶⁸.

В это же время в Оруро проходил рабочий съезд ССТБ, принявший аналогичные конференции ЛЕК решения. Рабочий конгресс заявил о необходимости изменения старого избирательного закона, ограничивавшего участие в выборах граждан в соответствии с имущественным и образовательным цензом. ССТБ предлагала зарезервировать за ней ряд мест в парламенте, куда будут избраны депутаты непосредственно через профсоюзные организации⁵⁶⁹. Теперь под знаменем демократизации избирательного закона ССТБ предлагала вернуться к корпоративистскому проекту, разработанному при Д.Торо. Это было одно из немногих предложений ССТБ, поддержанные министром С.Меначо. Он беспристрастно указывал, что если Х.Буш сочтет нужным, то просьба ССТБ будет удовлетворена, а избирательный закон будет изменен⁵⁷⁰.

22 ноября 1937 г. Х. Буш объявил о намерении провести в марте 1938 г. выборы в Учредительное собрание, которое должно было выработать новую конституцию в соответствии с принципами «государственного социализма» и «функциональной демократии», а также избрать нового президента и вице-президента.⁵⁷¹

Ввиду предстоящих выборов в Учредительное собрание правительство продолжило своё наступление на традиционные партии и проолигархических политиков, составлявших основу оппозиции военных-социалистов. В ноябре 1937 г. Х.Буш с подачи своих «тоталитарных» министров и поддержанный социалистами вновь выслал из страны становившегося слишком активным и уже опасным для военного правительства незадолго до этого вернувшегося в Боливию Б.Сааведру и лидера либеральной партии К.Кальво. Накануне этого события проходивший в Оруро Рабочий конгресс к удовольствию правительства потребовал высылки из страны Б.Сааведры, К.Кальво, Т.М.Элио и других известных оппозицион-

⁵⁶⁸ Проект декрета ЛЕК от 21 октября 1937 г. — ALP. LML. 1938. Caja 11. No.2. Sig.E.3. A.2.

⁵⁶⁹ Докладная записка президентской администрации — МВД от 29 октября 1937 г. — ANB.PG. 1937. C.13. T.158 (PG7240).

⁵⁷⁰ Письмо С.Б.Меначо — Х.Бушу от 11 ноября 1937 г. — ANB.PG. 1937. C.13.T.156 (PG6875).

⁵⁷¹ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1772.

ных политиков, обвинив их в дестабилизации положения в стране и поддержке происков «Стандард Ойл»⁵⁷².

Высылка Б.Сааведры объяснялась не только политической целесообразностью, но и реальной подрывной деятельностью, которую развил в стране старый каудильо. В министерство внутренних дел и президентский дворец постоянно приходили конфиденциальные сообщения о содержании бесед и договоренностей Б.Сааведры с известными политиками. В частности, Б.Сааведра делал ставку на регионализм для провоцирования беспорядков, целью которых была дестабилизация и свержение военного правительства⁵⁷³.

Жесткие меры и репрессии правительства против «добропорядочных» граждан и либералов вызвали большое волнение среди политической элиты. Первоначально традиционные политические партии включились в предвыборную кампанию. В январе 1938 г. провела свой съезд Подлинная республиканская партия, главным пунктом программы которой был возврат к конституционному строю. Учитывая быстро меняющуюся политическую конъюнктуру, съезд оставил лидеру партии Д.Канеласу право объявить бойкот выборов в случае отсутствия гарантий и свободы их проведения⁵⁷⁴. Так и случилось — уже через месяц, 27 февраля партия объявила, что не будет участвовать в выборах⁵⁷⁵. В ответ на открытое противостояние правительству Д.Канелас и другие «уважаемые члены общества», его единомышленники из партии «подлинных» были сосланы на остров Коати на оз.Титикака. Эта мера ранее применялась к коммунистам, анархистам и прочим «подрывным» элементам. Действия правительства вызвали шок в обществе⁵⁷⁶. Либералы и республиканцы заявили о своем решении бойкотировать выборы в Учредительное собрание. Впоследствии некоторые деятели либеральной партии и республиканцы, в частности, их лидеры А.Аргодас и Б.Сааведра, все-таки выставили свои кандидатуры, «подлинные республиканцы» решительно отказались участвовать в выборах.

Репрессии против «благородного» общества Ла-Паса не могли не вызвать волнений в армии, главным образом, в рядах генеральской верхушки. Центром армейской оппозиции режиму стал гене-

⁵⁷² Докладная записка президентской администрации — МБД от 29 октября 1937 г. — ANB.PG. 1937. C.13. T.158 (PG7240).

⁵⁷³ Записка в МБД от 13 ноября 1937 г. — ANB.PG. 1938.C.14. T.187 (PG7609). No.434.

⁵⁷⁴ El Diario. 22.01.1938.

⁵⁷⁵ El Diario. 27.02.1938

⁵⁷⁶ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 31 de enero de 1938. 30 – 3 – 15.

рал Э.Пеньяранда, пользовавшийся большим авторитетом в войсках, в ветеранских организациях и до некоторой степени среди социалистов, считавших его возможным продолжателем реформ в духе «государственного социализма». На Пеньяранду возлагали свои надежды и консервативные проолигархические круги, мечтавшие положить конец «социалистическим» экспериментам. Не дожидаясь объединения политической оппозиции и армии вокруг сильного генерала, Х.Буш решил уволить Э.Пеньяранду.

23 декабря 1937 г. Э.Пеньяранда попросил временного, на 3 месяца, оставления должности по состоянию здоровья. Через несколько дней Х.Буш утвердил отставку, заверив генерала, что тот может поправлять здоровье не три месяца, а столько, сколько потребуется на то времени⁵⁷⁷. В своем кругу он обвинял Пеньяранду в попытках организовать переворот и вернуть к власти Д.Торо⁵⁷⁸. 17 января 1938 г. на пост главнокомандующего вооруженными силами президент назначил человека правых убеждений, генерала К.Кинтанилья⁵⁷⁹. Буш этим назначением заложил мину замедленного действия под свой режим, оплотом которого была армия.

Перед выборами власти рассчитывали на активное участие в них рабочих профсоюзов. Правительство продолжало политику активного сотрудничества с профсоюзами, начатую при Д.Торо. На третий день после переворота в июле 1937 г. новое правительство заверило рабочие организации в верности союзу с левыми силами и подтвердило все «социалистические завоевания пролетариата»⁵⁸⁰. В отличие от Д.Торо, который сделал попытку создать проправительственную общенациональную организацию, Х.Буш опирался на традиционные провинциальные федерации ФОТ и ФОЛ. Следует признать, что в этом помимо политического расчета было и постоянное недоверие ко всему возникшему в период президентства Д.Торо.

В октябре 1937 г. ССТБ провела в Оруро свой съезд, вошедший в историю профсоюзного движения как 2-й общенациональный конгресс трудящихся. Хотя на этот съезд прибыли делегаты из разных регионов страны и некоторых горнорудных центров, бойкот со стороны анархо-синдикалистского руководства ФОТ и ФОЛ превратил конгресс в незначительное совещание красных профсоюзных лидеров, не представлявших большинства рабочих организаций Боливии. Влияние марксистов было еще слишком слабым, а

⁵⁷⁷ Доклад в Генштаб от 27 декабря 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.166 (PG7212). B.2471.

⁵⁷⁸ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 31 de enero de 1938. 30 – 3 – 15.

⁵⁷⁹ El Diario. 18.01.1937.

⁵⁸⁰ El Diario. 15.07.1937.

число поддерживавших их профсоюзов оставалось ничтожно малым, чтобы это политическое течение могло претендовать на организующую и ведущую роль в профсоюзном движении. Их неспособность идти на компромисс и идеологические уступки обрекли на неудачу первую попытку создать единый профцентр.

Во главе ССТБ оказались коммунисты во главе с П.Вака и В.Санхинесом. На съезде в Оруро марксисты настояли на принятии решения о создании политической партии рабочего класса. Там был образован исполком из 8 человек, в задачу которого входило практическое создание партии⁵⁸¹. Правительство негативно отнеслось к планам её создания. Министр внутренних дел С.Меначо в ответ на запрос Х.Буша по данному вопросу писал, что не в интересах режима появление классовой пролетарской партии: «Если мы позволим создать классовую партию, то мы должны будем забыть о подлинном боливийском социализме, являющемся настоящим выражением общественно-политической реальности страны»⁵⁸². Вслед за рабочим съездом марксистских профсоюзов 27 ноября 1937 г. в Ла-Пасе те же самые лидеры образовали Рабочую партию, главной целью которой было участие в выборах в Учредительное собрание. Во главе этой группы стояли В.Альварес, Э.Арсе Лоурейро, Х.Ордоньес — все известные левые синдикалисты. Военные постарались нейтрализовать их и добились вхождения новой партии в проправительственный избирательный блок, созданный в феврале 1938 г.

Военные-социалисты рассматривали анархо-синдикалистские профсоюзы как своих стратегических союзников. Особое внимание они уделяли горнорудным центрам. Именно при Х.Буше были заложены основы союза национал-реформистов и анархо-синдикалистов. Объектом особого внимания политиков стали горняки, то есть именно тот отряд рабочего класса, который в силу географических особенностей расположения предприятий этой отрасли, а также социально-расового состава и происхождения, находился вне традиционного гражданского общества и политической системы. Целая пропасть отделяла национал-реформистов от их предшественников, реформаторов 20-х годов, сааведристов и силистов, которые осознанно игнорировали голос горнорудного пролетариата, идя на уступки и даже стратегический союз, как в случае с Б.Сааведрой, с городскими фабричными рабочими и ремесленниками. Этот выбор Х.Буша и национал-реформистов в

⁵⁸¹ Докладная записка президентской администрации — МВД от 29 октября 1937 г. — ANB. PG. 1937. С.13. Т.158 (PG7240). В.20.

⁵⁸² Письмо С.Меначо — Х.Бушу от 11 ноября 1937 г. — ANB. PG. 1937. С.13. Т.156 (PG6875).

пользу горнорудного пролетариата обеспечил им мощную социальную поддержку.

Суть новой политики в рабочем вопросе состояла в привлечении профсоюзных лидеров на государственные посты, особенно в местную власть в районах наибольшей концентрации горнорудного пролетариата. Фактически власть на местах в горнорудных центрах получали профсоюзы. Таким образом государство могло контролировать рабочее движение посредством властной вертикали. Местные власти, используя административные рычаги воздействия на хозяев, более успешно достигали компромиссные решения в случае трудовых конфликтов. При всем своем предубеждении и неприязни к марксистам и коммунистам Х.Буш не отверг с порога сотрудничество с «красными» лидерами ССТБ. Один из руководителей конфедерации П.Вака даже получил пост субпрефекта важного города Пуэрто-Акоста, несмотря на бурные протесты его консервативных в своей массе жителей⁵⁸³. Местные власти, возглавляемые «рабочими» чиновниками (например, Р.Пералес в Оруро или Э.Г.Лоса в Пулакайо), более успешно решали социальные вопросы, в том числе и возникавшие трудовые конфликты⁵⁸⁴. На местах государственные посты передавались профсоюзным или левым лидерам, обеспечивавших социальный мир в особо проблемных районах. Эта система управления была надежнее и эффективнее нежели требовавшая серьезных политических и организационных усилий и значительного времени линия на огосударствление профсоюзов, на что делало ставку правительство Д.Торо.

Верность Х.Буша стратегическому союзу с рабочим движением, репрессии против проолигархических политиков, а также твердое желание военных привести в Учредительное собрание левое большинство, способное принять «социалистическую конституцию», вызвали отчаянные попытки право-консервативных кругов свергнуть режим. Казалось, что единственным препятствием в восстановлении олигархического правления был сам президент Х.Буш. В феврале 1938 г. была предпринята попытка его физического устранения.

4 февраля 1938 г. вечером президент отправился в кинотеатр. Во время киносеанса неожиданно была отключена электроэнергия в центральной части города. Сеанс был прерван. Выйдя из театра, Х.Буш направился пешком по темным улицам в президентский дворец. По обыкновению, его сопровождали немногочисленные спутники. Х.Буш был настоящим «бравым» офицером и пренебрегал охраной. Недалеко от дворца неизвестные лица открыли по

⁵⁸³ Докладная записка в МВД от 19 ноября 1937 г. — ANB.PG. 1937. С.13. Т.158 (PG7240).B.2164.

⁵⁸⁴ Rodriguez Ostria G. Op.cit. P.103.

нему оружейный огонь. Выстрелы отгеснили его спутников, и Х.Буш фактически остался один. Однако он не растерялся и принял бой, отстреливаясь от неизвестных нападающих. Из этой перестрелки Х.Буш вышел победителем. Покушавшиеся на его жизнь неизвестные исчезли в темноте ночи, а президент спокойно добрался до своей резиденции.⁵⁸⁵

Полиции так и не удалось узнать, кто напал на президента страны ночью 4 февраля. У Х.Буша были на этот счет свои соображения. Подозревая в заговоре сподвижников Д.Торо, он посчитал, что пора наказать сторонников своего предшественника. Гнев Х.Буша обрушился на Х.Паса Камперо, который был не только министром в правительстве Д.Торо, но и считался доверенным лицом и близким другом Арамайо. Его и других политиков, в прошлом близких Д.Торо или связанных с Арамайо, сослали на остров Коати.⁵⁸⁶ Некоторое время спустя Х.Буш, умерив свой гнев, распорядился отпустить на свободу всех задержанных по подозрению в причастности к покушению 4 февраля, так как их вина не была доказана.

Несмотря на эти события Х.Буш подтвердил свое намерение провести выборы 13 марта 1938 г. Новым элементом выборов было участие в них наравне с партиями Легиона ветеранов и профсоюзов. Х.Буш рассчитывал, что большинство в Учредительном собрании получат сторонники «государственного социализма». Однако, ни одна из существовавших социалистических партий, групп, союзов ветеранов не могла стать единственной проправительственной политической силой ввиду своей малочисленности и организационной слабости.

После падения Д.Торо среди социалистических партий и групп царило замешательство. ПСЕ, официальная партия режима, уже не пользовалась поддержкой властей. Революционная социалистическая партия (ПСР) во главе с префектом Ла-Паса У.Эрнстом и А.Камперо Арсе объединяла в своих рядах большинство социалистов. Они призывали все левые силы объявить политическое перемирие⁵⁸⁷. Другая группа сформировала Рабочую партию государственного социализма (ПОСЕ) во главе со старым лидером социал-партии Х.Санхинесом. Она представляла обреристское крыло социалистов. Помимо всех этих групп оставалась и «старая» Соци-

⁵⁸⁵ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 14 de febrero de 1938. 30 – 3 – 15.

⁵⁸⁶ Ibid.

⁵⁸⁷ Письмо ПСР — Х.Бушу от 28 июля 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.157 (PG7601).

листическая партия⁵⁸⁸. Постоянные расколы и бесконечные «перебежки» парализовали силу левых партий, которых могла объединить лишь их приверженность режиму.

Министр внутренних дел С.Меначо занялся созданием такого политического формирования, которое смогло бы объединить под своим крылом многочисленные и разрозненные левые социалистические и националистические партии антилиберального направления, то есть всех тех, кто поддерживал режим «государственного социализма». Первоначально действия правительственных чиновников по выдвижению на местах угодных властям кандидатов в депутаты Учредительного собрания были очень неуклюжими и вызвали многочисленные протесты сторонников режима. Создавались эфемерные блоки и фронты, предлагавшие малоизвестных и чаще всего бесперспективных с точки зрения их избираемости лиц. ЛЕК и рабочие организации посылали протестующие телеграммы в МВД по поводу действий властей и предлагали своих кандидатов⁵⁸⁹. Кроме того, как местные власти, так и МВД провели чистку избирательных комиссий, из которых убрали всех ярых противников режима, в основном сторонников традиционных партий, заменив их выдвиженцами ЛЕК⁵⁹⁰. В феврале 1938 г. Х.Буш своим распоряжением передал ЛЕК право отбирать кандидатуры членов избирательных комиссий, а также право контроля за формированием списков избирателей⁵⁹¹, что создавало явно неравные условия различным политическим силам. Несмотря на благоприятные условия предвыборной борьбы, ЛЕК не смог воспользоваться этими преимуществами будучи слишком аморфным и слабым образованием, чтобы создать солидный проправительственный блок.

Предвыборную кампанию взял под свой контроль министр внутренних дел. С.Меначо повел успешные переговоры с политическими лидерами, призывая их к укреплению антиолигархического единства, не останавливаясь перед угрозами недовольным его диктатом и запугивая сомневающихся. 18 февраля 1938 г. было проведено собрание лидеров левых партий и объявлено о создании Единого социалистического фронта (FUS - ФУС). В состав нового блока вошли: ЛЕК, ССТБ и её филиал Рабочая партия, многочис-

⁵⁸⁸Обращение ПОСЕ — Х.Бушу от 8 ноября 1937 г. — ANB.PG. 1937.C.13. T.157 (PG7601).

⁵⁸⁹ Доклад МВД от 14 декабря 1937 г. — ANB.PG. 1937.C.13. T.158 (PG7240).B.2350

⁵⁹⁰ Записка президентской администрации — МВД от 28 сентября 1937 г. — ANB.PG. 1937.C.13. T.158 (PG7240).B.1858.

⁵⁹¹ Приказ Х.Буша по ЛЕК от 28 февраля 1938 г. — ALP. LML. 1938. C.11. No.2. Sig.E.3. A.2.

ленный и влиятельный прокоммунистический Народный фронт Потоси, профсоюзная конфедерация железнодорожников, социалисты, Партия государственного социализма, антиперсоналистская фракция Республиканско-социалистической партии во главе с Г.Госалвесом⁵⁹².

Х.Буш приветствовал создание Фронта и утвердил состав его руководящих органов⁵⁹³. В исполком ФУС вошли по 4 человека от ЛЕК, профсоюза железнодорожников, ССТБ и Рабочей партии, от ПРС, ПСЕ, и 2 человека представляли Независимую социалистическую партию В.Паса Эстенсоро. Главой исполкома ФУС был избран социалист А.Камперо Арсе⁵⁹⁴. Участие левых организаций в ФУС было обусловлено подписанием декларации, в которой задачей фронта объявлялось проведение антифашистской антиимпериалистической политики и принципиальное неприятие традиционных партий. Это условие было принято, и левые вошли в ФУС. Члены фронта договорились о паритетном распределении завоеванных мест в Учредительном собрании.

Съезд ФУС и формирование предвыборных списков кандидатов в депутаты осуществлялись под контролем МВД и лично С.Меначо. Левые кандидаты в депутаты, оставшиеся вне ФУС, вызывали особо пристальное внимание МВД. Если правые кандидаты не рассматривались как серьезные соперники официального блока, то с левыми дело обстояло иначе. Им чинились всяческие препятствия в проведении предвыборной кампании. МВД рассылало конкретные инструкции борьбы с левыми конкурентами ФУС⁵⁹⁵. Вся подначальная властям пресса, особенно местная, восхваляла кандидатов ФУС, нападая на других представителей левых сил. Из-за строгого контроля со стороны МВД и непропорционального, а, по мнению Х.Пас Камперо (ПСЕ) и социалиста Х.Тамайо, несправедливого распределения мест в списке, ПСЕ заявила о своем выходе из коалиции. Свое решение ПСЕ объясняла несогласием с программой блока, отклонившегося от целей «майской революции»⁵⁹⁶.

В списках ФУС большинство получили профсоюзные деятели нового послевоенного поколения Ф.Каприлес, Р.Вильяррозель

⁵⁹² Письмо ФУС — Х.Бушу от 19 февраля 1938 г. — ANB. PG. 1938. С.14. Т.190 (PG6872).

⁵⁹³ Письмо Х.Буша — ФУС от 23 февраля 1938 г. — ANB. PG. 1938. С.14. Т.190 (PG6872). В.342.

⁵⁹⁴ Письмо ФУС — Х.Бушу от 12 февраля 1938 г. — ANB. PG. 1938. С.14. Т.190 (PG6872).

⁵⁹⁵ Записка генеральной дирекции полиции в МВД от 9 марта 1938 г. — ANB. PG. 1938. С.14. Т.198 (PG7528).

⁵⁹⁶ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30 — 3 — 15.

Клауре, В.Альварес, социалисты А.Селада, В.Пас Эстенсоро, А.Гусман, Э.Ормачеа Сальес, не входившие ранее в ПСЕ. Немало мест получили представители ПРС, например, по Ла-Пасу проходили Ф.Эгино Сабалья, А.Мольинедо. Ветераны, синдикалисты и республиканцы-социалисты пользовались преобладающим влиянием в блоке, оттеснив в невыгодные округа всех остальных союзников. Много мест в списке ФУС получили крайне левые, марксисты или коммунисты, причем по наиболее перспективным округам: Р.Анайя и В.Гевара Арсе в Кочабамбе, А.Арратия и П. Вака в Потоси, А.Эчасу в Сукре и В.Альварес в Ла-Пасе⁵⁹⁷. Левый индеелист К.Мединасели был выдвинут Народным фронтом Потоси кандидатом в сенаторы.

13 марта 1938 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. Несмотря на опасения в подтасовке результатов голосования, выборы прошли на удивление честно и демократично, что признавали зарубежные дипломаты⁵⁹⁸. Их даже называли самыми честными выборами за всю историю Боливии.

Вскоре после выборов политическая ситуация резко обострилась в связи с попыткой Д.Торо вернуться к власти. 26 марта он тайно вернулся в Боливию и объявился в восточных районах страны, в Чако, где еще стояли войска по линии разъединения с Парагваем. В Якуиба Д.Торо попытался поднять мятеж против Х.Буша, взывая к идеалам «майской революции» и «государственного социализма»⁵⁹⁹. Хотя слухи о восстаниях в поддержку Д.Торо в Сукре, Оруро и Кочабамбе, циркулировавшие в столице, не подтвердились, они всерьез встревожили Х.Буша, который предпринял чрезвычайные превентивные меры как в Ла-Пасе, так и в провинции. В Кочабамбе несколько офицеров были арестованы и сосланы в удаленные районы⁶⁰⁰. Наибольшее беспокойство властей вызвала информация, что роска, олигархия, в первую очередь Арамай, финансировал закупки оружия для мятежников⁶⁰¹.

В конце концов, выступление было подавлено. Самому экс-президенту удалось скрыться. Сподвижники Д.Торо в Ла-Пасе были арестованы и сосланы на о. Коати. Заодно туда же отправили адвокатов «Стандард Ойл» М.Корраско и Н.Галиндо, дабы непо-

⁵⁹⁷ Письмо ФУС — Х.Бушу от 12 февраля 1938 г. — ANB.PG. 1938. C.14. T.190 (PG6872).

⁵⁹⁸ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30 — 3 — 15.

⁵⁹⁹ La Noche. 04.04.1938.

⁶⁰⁰ Записка Генштаб — Х.Бушу от 31 марта 1938 г. — ANB.PG. 1938. C.14. T.187 (PG7609). No.359.

⁶⁰¹ Записка Генштаб — Х.Бушу от 31 марта 1938 г. — ANB.PG. 1938. C.14. T.187 (PG7609). No.364.

вадно было защищать интересы империалистов. Следствие над ними показало, что они вели активную пропагандистскую работу не только среди элиты, но и в студенческой и даже рабочей среде⁶⁰². Ф. Камперо Альварес и Х. Л. Гутьеррес Граньер, оба крупные деятели и идеологи «государственного социализма» периода Д. Торо, укрылись в иностранных посольствах.⁶⁰³ Бывший министр Х. Пас Камперо, не дожидаясь ареста, пришел сам «сдаваться». В результате проведенных репрессивных операций вся оппозиция была раздавлена. Результатом авантюры Д. Торо было появление очередного декрета от 27 марта 1938 г. о запрете коммунистической и анархистской деятельности⁶⁰⁴. Д. Торо был объявлен коммунистом и врагом человечества. Х. Буш серьезно укрепил свои политические позиции.

Весь первый период правления Х. Буша, вплоть до созыва Учредительного собрания, отличался поиском собственной политической линии. Попытки Х. Буша объединить вокруг себя враждебные группировки, соединить в принципе несовместимое, были проявлением бонапартизма. Целью президента была нейтрализация различных политических и социальных сил, создание взаимных противовесов. По его идее, было необходимо во что бы то стало достичь политического единства нации, преодолевая классовые интересы и идейные разногласия. Это было стремление к консолидированному обществу, объединявшему все классы и партии во имя строительства «новой Боливии».

Противоречия между традиционной элитой и режимом, возникшим как антилиберальная реакция на кризис олигархического государства, были непреодолимыми. В этот переломный исторический момент перед правящими кругами стояла альтернатива: либо ликвидировать постепенно сам военно-социалистический режим и вернуться к «нормальной политической жизни», то есть к довоенному статус-кво, либо реформировать общество с неизбежным демонтажем старой политической системы. Х. Буш был решительно настроен идти вторым путем, последовательно проводить преобразования. Вместе с тем, он оставался в плену романтических иллюзий единения всех боливийцев от олигархов до народных низов в общей работе во имя национального возрождения, что было утопией, разрушившей в конце концов и сам режим.

⁶⁰² Записка Э. Гусмана — МВД от 13 ноября 1937 г. — ANB.PG. 1937. C.13. T.158 (PG7240). No.404.

⁶⁰³ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 18 de mayo de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶⁰⁴ AA. 1938. T.1. P.666–667.

Учредительное собрание, май – октябрь 1938 г.

Результаты выборов в Учредительное собрание отразили новое соотношение политических сил в стране. Победа антилиберальных групп и политиков свидетельствовала об эволюции влево политических настроений в обществе. Новые люди, новые идеи, новые перспективы развития отражали результаты выборов в Учредительное собрание. Здесь дебютировали новые лица. Виктор Пас Эстенсоро, будущий президент страны и лидер национал-реформизма, прошел от Тарихи. От Кочабамбы был избран А.Сеспедес, яркий писатель и активный политик националистической ориентации. Левый индеанист К.Мединасели представлял в собрании Народный фронт Потоси. В большинстве округов победили кандидаты от ФУС⁶⁰⁷. При всех условностях свободного волеизъявления граждан в Боливии тех лет результаты выборов позволяли констатировать фактическую смерть традиционных партий, их методов политической борьбы и социальной мобилизации.

Несколько обескураживающими были результаты выборов в столице. Ла-Пас отказал в поддержке официальным проправительственным кандидатам. Хотя в собрание прошел бывший министр труда, профсоюзный лидер В.Альварес, он занял лишь третье место по количеству поданных голосов⁶⁰⁸. На первые места вышли священники Т.Чавес Лобатон и Л.А.Тапия. Оба депутата не были связаны с традиционными партиями, но и не поддерживали открыто режим «государственного социализма». Т.Чавес Лобатон и В.Альварес были избраны несмотря на их репутацию коммунистов. Чавес Лобатон был связан с рабочим движением, часто выступал на митингах профсоюзов, его считали своим в бедных, рабочих кварталах столицы⁶⁰⁹. Его связь с ФОТ прибавила ему голо-

⁶⁰⁷ El Diario. 15.03.1938.

⁶⁰⁸ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶⁰⁹ Доклад министерства труда от 23 октября 1936 г. — ANB. PG. 1936. C. 12. T. 127 (PG7250).

сов рабочего электората Ла-Паса. Он получил 3.280 голосов. Л.А.Тапия, хотя и не входил в ФУС, был поддержан ЛЕК, сам был ветераном, политическим ориентировался на социалистов. Именно его кандидатуру рекомендовал ЛЕК Х.Бушу на место архиепископа, когда в ноябре 1937 г. встал вопрос о замещении вакантной кафедры Ла-Паса. На выборах за него проголосовало 2.060 человек. Для сравнения приведем данные по голосованию за Б.Сааведру — 115 человек, и ни одного за известного писателя, либерала А.Аргедаса. Бойкот, объявленный традиционными партиями, удержал от участия в выборах около 50% избирателей⁶¹⁰. Выборы свидетельствовали, что по прошествии двух лет существования военно-социалистического режима страна, а точнее, её средний класс, в своем большинстве продолжал политическую эволюцию влево.

Из 80 депутатов 24 представляли профсоюзы — 6 от федерации железнодорожников, а остальные от ССТБ. К профсоюзному ядру примыкали другие левые и националистические политики из «Левой группы Кочабамбы» и «Народного фронта Потоси». Они объединились в «Рабочий сектор», в который также вошли некоторые проправительственные деятели, говорившие от имени «государственного социализма», например А.Ф.Кареага, Р.Риверин. В этой группе были известные профсоюзные вожди В.Альварес, Ф.Синьяни, Р.Вильяррозель Клауре, интеллектуалы, марксист А.Арратия, индеелист К.Мединасели, священник Т.Чавес Лобатон и другие. Затем к ним присоединился В.Гевара Арсе, будущий президент страны и один из идеологов национал-реформизма. В свою очередь, трое депутатов от «рабочего сектора» вскоре перешли во фракцию республиканцев-социалистов, а троцкист Х.А.Камачо, представлявший ПОР, объявил о своей оппозиционности левому большинству, считая его реформистским и мелкобуржуазным.⁶¹¹ Депутатом собрания был избран лидер социалистов Э.Бальдивьесо. Социалисты, прошедшие в собрание, сгруппировавшиеся вокруг А.Сеспедеса, В.Пас Эстенсоро, присоединились к Независимой социалистической партии, выступавшей в союзе с «Рабочим сектором».

Несмотря на свою относительную малочисленность, лево-националистическое крыло, в котором преобладали национал-реформисты разных мастей, играло в собрании ведущую роль. Социалисты и «рабочий сектор» фактически по всем вопросам выступали совместно. Депутаты от ФУС воспринимали себя представителями правящей партии и сразу стали играть ведущую роль

⁶¹⁰ El Diario. 17.03.1938.

⁶¹¹ Alvarez W. Op.cit. P.171.

среди левонационалистического большинства собрания. Они требовали взаимности от исполнительной власти. ФУС просил Х.Буша проводить согласования назначений на ответственные посты в правительстве и на дипломатической службе, куда, по их мнению, «могли назначаться только социалисты и ветераны»⁶¹².

Социалистическому и националистическому большинству противостоял правоцентристский блок депутатов. Центристские позиции занимала «антиперсоналистская» фракция Республиканско-социалистической партии. Ядро правого крыла собрания состояло из депутатов тропических и восточных районов страны, Санта-Круса и Бени. Однако среди депутатов «восточного блока» не было единства взглядов, часть «восточных» депутатов, симпатизировавших националистам и даже объявлявших себя национал-социалистами, всё же примыкала к левонационалистическому большинству. Среди депутатов из восточных районов было несколько левонационалистических деятелей и синдикалистов: Л.Барбери А.Ибаньес, С.Барбери⁶¹³.

Большинство Восточной партии составляли ставленники могущественного в этих районах латифундистского клана Суареса. Это были земляки Х.Буша, чем они пользовались, оказывая давление на президента. Х.Буш отказался вступить в Восточную партию, что ему было предложено, и даже распорядился запретить её, усматривая в самом факте существования столь регионально ориентированной организации угрозу единству страны. Позднее Восточная партия была все-таки создана на съезде в феврале 1939 г. в г. Кобижа. Х.Буш остался непримиримым противником этой идеи и добился ликвидации Восточной партии⁶¹⁴. В Учредительном собрании восточные депутаты составили ядро правого крыла. Помимо Восточной партии в собрание прошли другие правые депутаты: такие как «патинист» Фахардо или сааведрист Ауса. Их влияние на настроения и общий ход дискуссии собрания был невелик.

Открытие собрания 26 мая 1938 г. ознаменовалось скандалом. Депутаты «рабочего сектора» отказались принести клятву верности народу и стране перед Распятием и Евангелием, заявив, что будут руководствоваться в своей деятельности лишь идеалами «социальной справедливости». Они давали клятву верности «социальной революции» с поднятым сжатым кулаком. К.Мединасели произнес более экстравагантную клятву: «Именем Христа, самого

⁶¹² Письмо исполкома ФУС — Х.Бушу от 19 апреля 1938 г. — ANB. PG. 1938. С.14. T.190 (PG6872).

⁶¹³ Cespedes A. Op.cit. P.166.

⁶¹⁴ La Calle. 15.02.1939.

великого социалиста»⁶¹⁵. Демонстрация левыми депутатами «разрыва» со старым режимом вызвала шок у добропорядочных граждан и спровоцировала протест со стороны правоконсервативной прессы. Католические женские и детские организации провели манифестации и марши в знак протеста против «атеистического и коммунистического» сборища в Учредительном собрании⁶¹⁶.

В первый день заседания был избран председатель собрания. Им стал Ренато Риверин, ранее подвизавшийся при правительствах Сааведры и Силеса, а ныне ставший «пламенным» социалистом и пропагандистом «государственного социализма». Он произнес напыщенную речь, в которой объявил о начале строительства «социалистического парламентаризма». Р.Риверин повторил общие места доктрины «государственного социализма»: сотрудничество классов, солидарность и социальная справедливость. Приход новой эпохи в конституционном развитии Боливии он объяснял «заменой в сознании людей старых индивидуалистических норм на новые, основанные на солидарности и сотрудничестве классов»⁶¹⁷. Помимо скандалов, шумихи и патетических заявлений политиков всех мастей в первый день заседания Ассамблеи депутаты заслушали послание Х.Буша. Из него вытекало, что только теперь, после выборов, появилась реальная возможность осуществить «социалистическую программу Майской революции».

После всех процессуальных вопросов первым пунктом в повестке дня было избрание конституционного президента и вице-президента страны. Ещё за месяц до открытия собрания 28 апреля 1938 г. ЛЕК выдвинул на пост президента кандидатуру Х.Буша. Практически все партии поддержали это предложение. Борьба развернулась вокруг кандидатуры вице-президента. Накануне открытия собрания, 14 мая 1938 г. собрался Центральный комитет ПСЕ, который принял обращение к Х.Бушу. В этом документе ПСЕ указывала, что существует целая группа депутатов, в основном из восточных районов, желающих выдвинуть кандидатуру У.Монтеса на пост вице-президента. ПСЕ заявляла о своей поддержке Э.Бальдивесо и призвала всех «социалистических» депутатов не допустить победы консервативного кандидата⁶¹⁸.

Если по вопросу о президенте дискуссии не было, учитывая, с одной стороны, всеобщее убеждение в успехе будущего правления

⁶¹⁵ Gallego Margaleff F.J. Ejército, nacionalismo y reformismo. P.35.

⁶¹⁶ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 14 de junio de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶¹⁷ Redactor. 1938. T.1. P.81.

⁶¹⁸ Письмо ПСЕ — Х.Бушу от 16 мая 1938 г. — ANB. PG. 1938. C.14. T.188 (PG7197). 33.

Х.Буша, а с другой, сам характер военной власти и способ, каким претендент стал главой государства, то фигура вице-президента могла стать знаковой, определяющей долгосрочную перспективу эволюции режима. Даже врагами Х.Буш воспринимался как неизбежно зло, открыто бороться с которым было бесполезно и небезопасно.

Как правые оппозиционеры, так и левые сторонники Х.Буша признавали, что курс будущего конституционного президента страны будет определяться не столько «революционной программой мая 1936 г.» или новой конституцией, сколько влиянием его ближайшего окружения. В этой связи вопрос о вице-президенте приобрел невероятную остроту, причем сам Х.Буш равнодушно взирал на борьбу различных политических групп и на их попытки оказать давление на него самого. Он оставался безучастным и держался своего выбора не по убеждению, а исходя из верности своим предыдущим договоренностям: слишком малое значение он придавал этой должности и возможности влияния вице-президента на процесс принятия решений. ЛЕК предложил, а Х.Буш поддержал кандидатуру Э.Бальдивесо.

Выбор ЛЕК вызвал недовольство военной верхушки, не желавшей возвращения к экспериментам Д.Торо, к возрождению уже подзабытых корпоративистских планов переустройства общества, олицетворением которых был лидер социалистов Э.Бальдивесо. Генералитет настаивал на кандидатуре посла Боливии в США, считавшегося умеренным реформатором, Л.Ф.Гуачалья.

Против Э.Бальдивесо особенно активно выступал министр внутренних дел С.Меначо⁶¹⁹. Между ними существовала стойкая антипатия, усугублявшаяся политическими разногласиями по широкому кругу вопросов. С.Меначо выступал, также как и Э.Бальдивесо, за антилиберальные реформы и создание корпоративистского государства, но представлял его себе в виде консервативного режима, типа франкистского, где при полном подавлении рабочего движения и запрете на коммунистическую деятельность роль арбитра в обществе отводилась бы военным. Э.Бальдивесо и его соратники также не питали симпатий к либерализму и демократии, но будущий политический строй, по их мнению, должен был основываться на всеобщей синдикализации, огосударствлении профсоюзов, усилении экономической роли государства, подавлении олигархии.

Все эти споры Х.Буш решил в пользу Э.Бальдивесо, и военные сняли свои предложения. Не имевший никаких перспектив на из-

⁶¹⁹ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 18 de mayo de 1938. 30 – 3 – 15.

брание, У.Монтеса, племянник бывшего президента и лидера либералов, отдавая себе отчет в бесперспективности противостояния официальным кандидатурам, сам снял свою кандидатуру. Х.Буш и Э.Бальдивьесо были единственными претендентами, и выборы оказались безальтернативными.

27 мая, на второй день заседания, Учредительное собрание приняло решение о временном введении в действие конституции 1880 г. до разработки нового основного закона. Затем, А.Сеспедес в блестящей речи представил собранию кандидатуры Х.Буша и Э.Бальдивьесо. Как и следовало ожидать, почти единогласно (при трех воздержавшихся) депутаты избрали Х.Буша конституционным президентом Боливии. Э.Бальдивьесо стал вице-президентом. 28 мая на специальной сессии они торжественно вступили в должности. В своей инаугурационной речи Х.Буш так обрисовал задачи правительства: «Миссия, которую вы поручаете мне в столь трудные и чрезвычайно тяжелые для страны дни, не может быть выполнена ни одним человеком, ни одной партией или группой. Для её успеха необходимы усилия всей нации, о чем я прошу всех в этот торжественный момент. Оставьте в стороне разногласия, разделяющие вас, какими бы серьезными и важными они вам не казались, и присоединяйтесь к нашей работе в этот ответственный для родины час... Я призываю страну осуществить священную задачу возрождения нации... Политический мир и социальная справедливость, вдохновляемые самым чистым боливианизмом, являются насущной потребностью страны.. Исчезнут профессиональные и классовые антагонизмы, и это даст возможность консолидировать нацию. Солдаты, рабочие и капиталисты объединятся в беззаветной борьбе за интересы всей нации»⁶²⁰. Целью новой власти для Х.Буша было достижение национального единства через преодоление всех классовых и социальных противоречий, через подчинение интересов каждой личности одной задаче — возрождению величия страны.

Заседание завершилось большой программной речью Э.Бальдивьесо, который от имени «социалистического» правительства обрисовал направления и цели работы Учредительного собрания. Лидер социалистов подчеркнул кардинальное отличие состава Учредительного собрания от всех предыдущих органов законодательной власти: «Впервые в парламент Боливии избраны подлинные представители трудящихся классов. Они оставили свои фабрики и рудники, чтобы участвовать в управлении государством»⁶²¹.

⁶²⁰ Redactor. 1938. T.1. P.83.

⁶²¹ Redactor. 1938. T.1. P.85.

Президент Херман Буш.
(Архив Ла-Паса)

Х.Буш (в центре) в окружении ближайших сподвижников.
Слева – Э.Бальдивьесо, справа – В.Гевара Арсе (Архив Ла-Паса)

Э.Бальдивесо заявил, что приоритетной задачей депутатов будет решение «социальных вопросов». Он подчеркнул, что в программе «государственного социализма» и майской революции 1936 г. намечены задачи глубоких социально-экономических преобразований. К острым животрепещущим проблемам, без разрешения которых невозможен ни экономический, ни социальный, ни культурный прогресс нации, относились, по его мнению, аграрный вопрос, индустриализация и защита национального капитала перед лицом империализма. Решение этих кардинальных проблем позволило бы создать основу построения общества «социальной справедливости и гармонии». Он говорил: «Наша реальность — это огромная малонаселенная страна, богатство недр и разнообразие производственных возможностей, отсутствие связи центров потребления и производства, примитивный аграрный строй, в котором сосуществуют непродуктивная латифундия и индейская община с коллективистским строем. В городах мы встречаем ремесленников средневекового типа, едва поднимающуюся промышленность; мелкие горнопромышленники с трудом пробиваются среди крупного иностранного капитала; рахитичный и слабый национальный капитализм, к тому же находящийся под постоянной угрозой поглощения экономическим империализмом». Исходя из этого анализа действительности и поставленных целей, — продолжал далее Э.Бальдивесо, — депутаты должны провести конституционную реформу, «в которой не должно быть места ни чужим моделям, ни иностранным социально-экономическим рецептам».⁶²² Все политические силы, и в первую очередь, националисты, социалисты и рабочие профсоюзные лидеры, приглашались приступить к строительству «Новой Боливии».

Вслед за подтверждением своих конституционных полномочий Х.Буш отправил в отставку кабинет. Слишком рьяно выступавший против Э.Бальдивесо, а значит и против воли президента министр внутренних дел С.Меначо потерял свой пост. Его место занял капитан Элиас Бельмонте. Он был членом тайной ложи РАДЕПА, члены которой заявляли о своем принципиальном нежелании занимать государственные посты. Однако Э.Бельмонте стал министром внутренних дел. Как и большинство членов ложи, Э.Бельмонте считал себя приверженцем национал-социалистической идеологии. Примером для подражания были Германия и Италия. Будучи в 1937 г. шефом полиции Ла-Паса, он намеревался создать полицейские органы по образцу нацистской Германии. Не без его участия было принято решение послать 134 человека на военное и

⁶²² Redactor. 1938. T.1. P.85–86

полицейское обучение в Италию.⁶²³ По масштабам полицейского корпуса это была многочисленная делегация.

Э.Бельмонте и его единомышленники называли себя просто социалистами. Анализируя взгляды боливийского национализма того времени, очень трудно провести разграничительную линию между нацизмом и псевдосоциалистическими идеями. Их главными постулатами были приоритет интересов нации перед лицом эгоистического, либерального капитализма и достижение социальной гармонии через преодоление классовой борьбы. С левыми, марксистами их сближало понимание того факта, что главным препятствием для поступательного развития страны является союз местной олигархии и американского империализма. Успехи третьего рейха и муссолиниевской Италии сделали привлекательными нацистские идеи и политические методы фашизма. Главное, что объединяло в глазах социалистов фашистский и коммунистический режимы, — это отрицание ценностей либеральной демократии и свободно-конкурентного рынка. По их мнению, либеральная демократия в Боливии полностью дискредитировала себя неспособностью эффективно управлять страной в период потрясений мирового кризиса и войны с Парагваем.

Если увлечение фашизмом в эти годы у многих националистов было поверхностным и отчасти данью моде, то Э.Бельмонте определился в своих взглядах и симпатиях ещё в 20-е годы. Как и многие другие боливийские офицеры, находившиеся под влиянием работавших в Боливии немецких советников, среди которых достаточно еще раз упомянуть создателя штурмовых отрядов Э.Рема, Э.Бельмонте был увлечен национал-социализмом. Вместе с тем, мексиканский посол, человек, придерживавшийся левых марксистских взглядов, У.Розенцвейг Диас характеризовал Э.Бельмонте как социалиста, хотя и симпатизировавшего фашистским режимам⁶²⁴. Бельмонте, действительно, развивал идеи, близкие левым социалистам и коммунистам, особенно в экономической сфере. Правый депутат Учредительного собрания У.Сальмон в разговоре с А.Арредасом рассказал ему, что Бельмонте твердо намерен выполнить свою программу-минимум, включавшую два главных пункта: национализировать горнорудную промышленность и добиться реального улучшения положения рабочего класса⁶²⁵. Э.Бельмонте был одной из самых ярких и противоречивых фигур в правитель-

⁶²³ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶²⁴ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 14 de junio de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶²⁵ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8. P.200.

стве Х.Буша.⁶²⁶ В деятельности Э.Бельмонте отразились внутренние противоречия самого режима «государственного социализма»: тенденция к тоталитаризму, антидемократизму, некоторая антибуржуазная, антисистемная направленность сочетались с умеренностью реальных действий, боязнью более тесного союза с рабочим движением и леворадикальными партиями.

Не менее скандальным было назначение молодого социалиста К.Салинаса Арамайо на ответственный пост префекта Ла-Паса. В руках этого темпераментного политика, бывшего большим другом Х.Буша, оказались все репрессивные органы столицы. Назначение Э.Бельмонте и К.Салинаса Арамайо было воспринято консервативными столичными кругами как преддверие катастрофы. Кроме того, в правительство вошли социалисты В.Лейтон (министерство торговли), Б.Навахес Триго (министерство образования), а также один из инициаторов экспроприации «Стандард Ойл» Д.Фионини, занявший ключевой пост министра горнорудной и нефтяной промышленности.

Казалось, что Х.Буш располагал мощной командой, настроенной на решительные меры по реформированию общества. Однако в свойственной ему манере создавать в рамках кабинета министров некую видимость союза всех политических сил, своеобразную модель национального единства, Х.Буш вручил самые серьезные посты экономического блока представителям проолигархических кругов, в основном связанным с С.Патиньо. МИД возглавил доверенное лицо «короля олова» Э.Дьес де Медина, про которого даже либерал А.Аргедас сказал, что это – «циничный лгун, служивший последние 30 лет всем правительствам без разбора»⁶²⁷. Министром финансов стал консерватор А.Паласиос, министром сельского хозяйства — правый депутат, один из лидеров «Восточной партии» Х.Сальмон.

Пост министра экономики достался Габриэлю Госалвесу, занимавшему до этого место секретаря правительства. Его влияние на Х.Буша было наибольшим, к тому же взгляды Г.Госалвесы представляли собой некую равнодействующую между противоположными полюсами в самом правительстве, позволяя сосуществование

⁶²⁶ Имя Э.Бельмонте связано с фабрикацией британской разведкой в 1942 г. «дела о нацистском заговоре» в Боливии, во главе которого якобы стоял Э.Бельмонте. Его «дело» было использовано Англией и США для давления на правительство Боливии, которое было принуждено разорвать отношения со странами «оси». — Blasier C. The Hovering Giant. U.S. Responses to Revolutionary Change in Latin America, 1910–1985. Pittsburgh, 1976. P.46–47.

⁶²⁷ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8. P.191.

в рамках одного кабинета радикала-националиста Э.Бельмонте и консерватора А.Паласиоса.

Конституционные вопросы.

Новый кабинет должен был обратить всё своё внимание на конституционную реформу, ради которой и было созвано Учредительное собрание. Попытки правого крыла переключить дискуссию лишь на обсуждение некоторых модификаций в формулировках конституции 1880 г. успеха не имели. Большинство было решительно настроено на выработку принципиально нового основного закона.

Депутаты разработали проекты основного закона, в том числе и такие, в которых провозглашалось установление «социалистической демократии». Были предложения учредить однопалатный парламент и кардинально пересмотреть многие доктринальные положения права, в том числе касающиеся частной собственности⁶²⁸. По мнению радикальных депутатов «рабочего сектора», новая конституция должна была быть «чисто социалистической». «Собрание 1938 г., — утверждал рабочий депутат Р.Вильяррозля Клауре, — является революционным, что есть результат социального и политического развития страны и что соответствует общим убеждениям наших граждан. В новой конституции должна доминировать универсальная социалистическая доктрина, глубоко укоренившаяся среди рабочих во всем мире»⁶²⁹.

Проект однопалатного функционального парламента был отвергнут, как и многие другие «экстремистские» предложения. Наиболее радикальные проекты исходили от левого крыла собрания, прежде всего от депутатов «рабочего сектора», Э.Савалья, Родригеса Васкеса, Р.Вильяррозля Клауре, В.Гевара Арсе. Конфронтация «рабочего сектора», защищавшего новые принципы, и правых депутатов, отчаянно отстаивавших конституцию 1880 г., показала численное, интеллектуальное и, главное, морально-психологическое превосходство нового поколения, вышедшего из войны в Чако и не желавшего возвращения страны к системе, приведшей её к поражению. Хотя тон дискуссий в собрании задавали левые, среди них не было единства взглядов по большинству конституционных вопросов, что ослабляло реформистский потенциал собрания.

⁶²⁸ Redactor. 1938. T.1. P.332–340.

⁶²⁹ Redactor. 1938. T.1. P.129.

Большинство радикальных проектов не были поддержаны властью, за их принятие высказывались лишь отдельные члены собрания. Правительство представило проект, в котором была сохранена та часть либеральной конституции 1880 г., которая касалась прав и свобод граждан. Эти принципы признавались практически всеми членами ассамблеи, как справа, так и слева. По проблемам определения прерогатив государства и прав собственности разгорелась жаркая дискуссия. В этих вопросах положения проекта основного закона опирались на принципы «социального конституционализма». Их суть состояла в ограничении прав частной собственности интересами общественного блага. После длительной дискуссии победила позиция умеренного большинства, поддержавшего правительственный проект. Суть её сформулировал депутат от ПРС Монтельяно, бывший основным докладчиком по конституционным вопросам: «Будет сохранена конституция 1880 г. с изменением тех положений, которые относятся к экономическому строю и вопросам собственности, трудовому законодательству и аграрно-крестьянской проблеме. В этой реформе и состоит, собственно, наша историческая задача»⁶³⁰.

«Социальный конституционализм» состоял в провозглашении ответственности государства за социальную защиту человека. Левый депутат Р.Вильяррозль Клауре, цитируя австрийских теоретиков социального государства Бауэра и Адлера, говорил: «Функциональная демократия... исправляет недостатки парламентской демократии».⁶³¹ Эта концепция предполагала новую формулу гарантий прав собственности. Её сформулировали В.Пас Эстенсоро и, главным образом, В.Гевара Арсе. Право собственности и её неприкосновенность гарантировались лишь в том случае, если она полностью выполняла свою «социальную функцию», то есть служила не только интересам отдельных лиц или классов, а всему обществу. Собственность уже не считалась естественным правом, существующим вне государства, вне интересов нации, а становилась правом, которое гражданин получал от государства, и которое, в свою очередь, это право гарантировало лишь в той мере, в какой собственность выполняла свою «социальную функцию».

В.Пас Эстенсоро так объяснял нововведения: «Мы совершенно не стремимся уничтожить частную собственность, не хотим коллективизации. Мы признаем право собственности, принимаем принцип её неприкосновенности, но обуславливаем гарантии права собственности выполнением ею социальной функции, то есть владелец богатств будет осуществлять деятельность не только для

⁶³⁰ Redactor. 1938. T.2. P.398.

⁶³¹ Redactor. 1938. T.2. P.428.

своей пользы, но и на благо коллектива»⁶³². В проекте говорилось: «Собственность – это основное право, но и обязательства, вытекающие из её социальной функции. В.Пас Эстенсоро настоял на изменении этого текста и включении в него термина «неприкосновенности» собственности. Его позиция была поддержана большинством и стала окончательной версией 17 статьи: «Собственность неприкосновенна лишь при выполнении ею социальной функции, экспроприация возможна лишь в случае общественной необходимости в соответствии с законом и при предварительной и справедливой компенсации»⁶³³. Против права государства на экспроприацию выступили не только консервативные, но и умеренные социалисты: депутаты Монтаньо, Флорес Хименес, Сегада, Чавес Суарес, Серрате и другие.

Против новой концепции права собственности ополчились все традиционные партии, и прежде всего, либералы. В своих статьях в «Эль Диарио» А.Аргедас сравнивал ограничения собственности с покушением на сам «принцип жизни как таковой»⁶³⁴. За стенами парламента либеральная пресса повела кампанию против конституционных новшеств. Газета «Эль Диарио» в редакционных статьях утверждала, что концепция социальной функции собственности «может быть, и полезна с точки зрения социализма, но явно противоречит основам национальной жизни и интересам страны»⁶³⁵. Либеральные политики, такие как П.Гильен, распространяли панические суждения о том, что конституционные реформы означают отмену и обобществление собственности⁶³⁶.

Несмотря на упорное сопротивление правых партий и либеральных газет, Учредительное собрание приняло революционные по тем временам формулировки о праве собственности. Это был краеугольный камень построения всего нового здания боливийского общества: были созданы законодательные и концептуальные предпосылки радикального реформирования экономики и социальных отношений, в которых решающую роль играло государство. Реформа вела к последовательному усилению государства в обеспечении гарантий социальной защиты, здравоохранения, образования и т.д.

В соответствии с широко распространенным программным лозунгом строительства государства «социальной справедливости», проект конституции провозглашал право на труд, ответственность

⁶³² Redactor. 1938. T.2. P.525.

⁶³³ AA. 1938. T.3. P.1448.

⁶³⁴ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8. P.207.

⁶³⁵ El Diario. 26.07.1938.

⁶³⁶ El Diario. 27.07.1938.

правительства за минимальную зарплату и жизнеобеспечение населения. Статья 106 устанавливала: «Экономическая жизнь должна отвечать принципам социальной справедливости и обеспечивать всем жителям страны жизнь, достойную человека»⁶³⁷. По мысли реформаторов, эти положения конституции создавали основу «социальной экономики», в которой ведущая роль принадлежала бы не частному предпринимательству, а государству. В.Гевара Арсе так сформулировал роль государства в экономическом развитии: «Там, где нет капитала или инициативы, должно вмешиваться государство, полностью отбросив либеральную доктрину, превратившую государство в простого стража частных состояний и частной инициативы»⁶³⁸.

Новая конституция освящала принцип государственного дирижизма в экономической сфере. Статья 108 указывала: «Государство обладает полным правом посредством закона регулировать промышленность и торговлю, когда того требуют общественная необходимость и национальная безопасность». И далее: «Это вмешательство может осуществляться в форме контроля, стимулирования или прямого управления»⁶³⁹. Экономический этатизм, положенный в основу конституции, был краеугольным камнем национал-реформистской программы преобразований.

Статья 107 закрепляла исключительное право государства распоряжаться недрами, полезными ископаемыми страны⁶⁴⁰. Ввиду особого места вопроса о нефти в жизни Боливии в эти годы в конституцию была включена отдельная статья, регламентирующая нефтедобычу: «Экспорт нефти, добываемой частными или государственными компаниями, осуществляется лишь через государственные организации»⁶⁴¹. В.Пас Эстенсоро шел далее этой декларации прав государства на недра. По его мнению, из данного положения вытекало право государства на осуществление монополии всего экспорта, что должно было стать финансовой базой накоплений для диверсификации и индустриализации народного хозяйства Боливии. По его мнению, эта мера являлась «единственным средством проведения глубоких, радикальных преобразований в социально-экономической структуре Боливии»⁶⁴².

Авторы новой концепции построения всего хозяйственного уклада страны полагали найти формулу, позволяющую избежать

⁶³⁷ АА. 1938. Т.3. Р.1470.

⁶³⁸ Redactor. 1938. Т.2. Р.264.

⁶³⁹ АА. 1938. Т.3. Р.1471.

⁶⁴⁰ АА. 1938. Т.3. Р.1470.

⁶⁴¹ АА. 1938. Т.3. Р.1471.

⁶⁴² Klein H.S. Parties and Political Change. Р.285.

те недостатки и издержки развития, которые несла с собой частно-капиталистическая, либеральная модель функционирования экономики. Панацей от всех напастей кризисов и нестабильности капиталистического рынка им казалось сверхмощное государство, перерастающее рамки политической структуры и поглощающее всю экономику. По сути логика их преобразований вела к государственному капитализму. Реформаторские устремления боливийских социалистов в 30-е годы были гораздо радикальнее их последователей, национал-реформистов в 40–50-е годы. Фактически социалисты предлагали постепенную монополизацию государством всей хозяйственной жизни, что в корне противоречило частно-собственнической основе рыночной экономики, подрывало фундамент буржуазного строя. Впоследствии эта радикальная программа стала более умеренной, из неё исчезли требования монополизации в руках государства целых отраслей народного хозяйства, внешней торговли и т.д. Идеи «социального конституционализма» рассматривались боливийскими реформаторами как ступень в строительстве корпоративного государства с этатистской экономикой.

Подавляющим большинством голосов 30 октября 1938 г. собрание приняло новую конституцию Боливии. Конституционные, основополагающие формулировки, принятые собранием, закладывали фундамент будущих социально-экономических реформ. Идеи «социального конституционализма», включавшие в себя ограничение права частной собственности и предполагавшие конкретную социальную ответственность государства за благосостояние своих граждан, были алгоритмом реформирования всех сторон жизни общества. Неизбежно вставал вопрос об аграрной реформе, об ограничении олигархического капитала и о социальных гарантиях трудящимся. Конституция, хотя и не была программой реформ, императивно предполагала их проведение.

Обсуждение аграрного вопроса

Реформа в Клисе, осуществленная при Д.Торо, так и осталась локальным экспериментом. Военные-социалисты не решались приступить к решению столь сложной проблемы как аграрный вопрос. Х.Буш не проявлял инициативы, и было неясно, что правительство намеренно предпринять в аграрной сфере. Между тем, еще до открытия Учредительного собрания в обществе активно обсуждались аграрный и индейский вопросы. Большую активность проявляли учителя-индеанисты, центром движения которых была школа-айлью Варисата во главе с ее организатором Э.Пересом. В

октябре 1937 г. ими был проведен конгресс учителей индеанистов, на котором был принят устав сельских школ. Конгресс призвал правительство обратить свое пристальное внимание не только на состояние индейского, крестьянского просвещения, но и на весь комплекс аграрных проблем. Их поддержали лидеры индеанистского движения в Мексике⁶⁴³ и боливийские левые организации.

Деятельность учителей-индеанистов нашла отклик у многих членов правительства, в том числе и у некоторых военных. Вопросы, связанные с индейским населением, находились в компетенции министерства образования, которое с 17 мая 1937 г. возглавлял подполковник Альфредо Пеньяранда. После смещения Д.Торо он сохранил свой пост. До прихода в правительство он был заместителем Х.Буша в Генштабе, и затем, став министром и пользуясь доверием президента, проводил курс в поддержку Варисаты и всего индеанистского движения. А.Пеньяранда был человеком прогрессивных взглядов. Он оказал большое содействие проведению индеанистского конгресса в Ла-Пасе. У него сложились добрые отношения с мексиканским посольством, которое построило Павильон Мексики в Варисате в рамках подготовки индеанистского конгресса.⁶⁴⁴ Более того, 27 июля 1937 г. правительство специальным декретом обязало всех помещиков платить школам один боливиано в месяц за каждого ученика⁶⁴⁵, что сделало непримиримыми врагами учреждения новых школ. Союз левых индеанистов и правительства напугал помещичью реакцию и традиционные политические партии. Реакционная пресса развернула истерическую кампанию против «коммунистического и тоталитарного эксперимента» в Варисате. Возглавляла эту травлю Варисаты газета «Ла Расон», публиковавшая статьи талантливого писателя, к тому же индейца Висенте Фернандеса, прочно отстаивавшего либеральные принципы «интеграции» индейского крестьянства в беломстисное общество Боливии, то есть защищавшего перспективу полной ассимиляции и испанизации индейских народностей⁶⁴⁶.

Интенсивное наступление на Варисату встретило стойкий отпор со стороны националистических и левых депутатов собрания. В июле 1938 г. от их имени Ф.Эгино Савалья направил в министерство внутренних дел депутатский запрос по поводу «пόμε-

⁶⁴³ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938. Carta de E.Perez — G.Sanchez de 25 de febrero de 1938. 30 — 3 — 16.

⁶⁴⁴ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938. 30 — 3 — 16.

⁶⁴⁵ AA. 1938. T.3. P.68—69.

⁶⁴⁶ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 26 de agosto de 1938. 30 — 3 — 15.

щичьих действий в отношении индейской школы в Варисата, в частности, в связи со сгоном колонов с земель близлежащих общин»⁶⁴⁷. Правительство отреагировало оперативно, дав понять местным помещикам, что эта школа будет существовать несмотря ни на что, а попытки помешать её развитию будут строго пресечены.

Индеанистская тематика не сходила со страниц левой и националистической прессы. Проправительственная «Ла Калье» публиковала массу материалов по аграрному вопросу. Под влиянием индсанизма изменилось отношение левонационалистических кругов к общине. Если в 1937 г. статьи в «Ла Калье», «Ла Ноче» и других газетах помимо индейского просвещения касались аграрной тематики лишь как проблемы технической отсталости сельского хозяйства и засилья гамонализма (латифундизма), то в 1938 г. всё чаще звучали казавшиеся ранее еретическими утверждения о необходимости сохранения общины как основы будущей социальной структуры деревни⁶⁴⁸. В то время как община оставалась в глазах и либеральных, и постлиберальных (марксистских, например) политиков главной виновницей отсталости и застоя в сельском хозяйстве Боливии, активная деятельность индеанистов привела к серьезным изменениям в отношении левых партий, в том числе и социалистов, к общине и планам переустройства боливийской деревни. Обсуждались идеи реформирования на коллективистских основах общины-айлью.⁶⁴⁹ Реформирование сельского хозяйства на основе общины вписывалось в общую стратегию построения этатистской экономики, в которой роль личности, частного предпринимателя, фермера подчинялась бы общественным институтам и государству. Община идеально подходила к этой системе, как элемент государственного управления сельским хозяйством.

Активное обсуждение в обществе аграрно-крестьянского вопроса побудило Учредительное собрание обратиться к этой теме. Среди депутатов левого крыла наибольшую активность проявляли В.Гевара Арсе (ПСИ) и А.Арратия⁶⁵⁰, страстно отстаивавшие ради-

⁶⁴⁷ Запрос в МВД от 27 июля 1938 г. — ANB.PG. 1938. С.14. T.200 (PG6869). В.1674.

⁶⁴⁸ La Calle. 30.08.1938.

⁶⁴⁹ Ibidem.

⁶⁵⁰ А.Арратия представлял в собрании Народный фронт Потоси, организацию, фактически полностью контролировавшую власть в этом городе. Впоследствии А.Арратия был одним из основателей и руководителей марксистской Партии революционной левой (ПРЛ), созданной в 1940 г., затем стоял у истоков образования Компартии в 1950 г. В 60-е годы был одним из лидеров маоистской компартии, отколовшейся от промосковской КПБ в 1964 г.

кальное решение аграрных проблем. Выступая в собрании, В.Гевара Арсе подчеркивал, что решение аграрного и индейского вопросов, — это, прежде всего, задача завоевания экономической независимости Боливии⁶⁵¹. Он требовал признания гражданских прав индейского населения. Во время дискуссии о свободе слова В.Гевара Арсе был единственным человеком, кто вспомнил о том, что девять десятых населения страны лишены не только свободы слова, но и элементарных гражданских прав. «Учредительное собрание состоит из 120 депутатов, из которых сто должны были бы представлять индейцев и метисов, ибо демократия — это власть народа»⁶⁵².

В.Гевара Арсе был поборником ликвидации латифундий на основе преобразования поместий в коллективные хозяйства, главной ячейкой которых могла стать индейская община. Он считал, что ликвидация крупного хозяйства и парцелляция земли будут шагом назад в развитии, откатом к «первоначальной фазе либерального капитализма». Поместье должна заменить община как единый производственный организм⁶⁵³. Эти идеи В.Гевары Арсе не нашли поддержки не только у либералов и республиканцев-социалистов, что было прогнозируемым, но и у левых, считавших себя марксистами и коммунистами. А.Арратия убеждал своего коллегу в несвоевременности «социализации средств производства и земли», ибо перед Боливией еще не стояли задачи социалистического переустройства, а пока только осуществление либерально-демократических реформ⁶⁵⁴.

В результате радикальный проект В.Гевары Арсе был отвергнут большинством собрания, не готовым пойти на столь революционные действия. Сподвижники и единомышленники В.Гевара Арсе, в том числе В.Пас Эстенсоро, также не поддерживали радикализм его программы. Национал-реформисты, заявляя о необходимости реформы в деревне, соглашались принять идею экспроприации земли лишь в рамках конституционной концепции социальной функции частной собственности. Экспроприация разрешалась в отношении непродуктивных латифундий при условии предварительного возмещения стоимости поместья. Более того, национал-реформисты предлагали направить усилия по подъему сельского хозяйства в русло колонизации пустующих земель востока страны⁶⁵⁵. Левые депутаты Эгино Савальи и считавшийся коммунистом

⁶⁵¹ El Diario. 20.10.1938.

⁶⁵² Redactor. 1938. T.2. P.153–154.

⁶⁵³ Redactor. 1938. T.2. P.535.

⁶⁵⁴ Redactor. 1938. T.2. P.562–563.

⁶⁵⁵ Redactor. 1938. T.2. P.540–541.

Ф.Синьяни настаивали на признании принципа предварительной компенсации помещикам за их собственность⁶⁵⁶. Итог обсуждения был неутешителен для депутатов — сторонников решительного реформирования аграрных отношений. Их предложения не нашли поддержки у большинства.

В.Геваре Арсе и его сподвижникам все же удалось провести часть своих идей в основной закон. В последний день работы собрания по предложению Т.Дельгадо была принята статья 165, по которой впервые индейская община признавалась субъектом права, за ней закреплялся статус юридического лица⁶⁵⁷. Это означало конец либерального аграрного законодательства, отрицавшего корпоративные права общины на землю. Признание общины подвело черту под всей либеральной аграрной политикой, начало которой восходило к декретам Боливара 1825 г. Это был лишь первый, хотя и очень важный шаг в аграрном реформировании.

Среди левых депутатов, в том числе и принадлежавших ФУС, не было единства в подходе к аграрному вопросу. Некоторые «социалистические депутаты» отвергали необходимость каких-либо перемен в деревне. Это не удивительно ввиду того, что многие депутаты защищали интересы среднего класса, тесно связанного с мелким и средним помещичьим землевладением. Депутат-социалист Бильбао Льендо договорился до утверждений, что в Боливии нет понгеахе, то есть бесплатных отработок индейцев в пользу помещика. Это высказывание послужило поводом к скандалу, который отвлек депутатов и общество от сути аграрного вопроса, к обсуждению которого так никто и не захотел вернуться.

В ответ на циничное заявление Б.Льендо его коллега депутат от Оуруро, сааведрист, представитель профсоюзного крыла собрания А.Карвахаль открыто сказал с трибуны парламента, что индейцы-понго оказывают личные услуги не только помещикам в их усадьбах, но и в городах, в том числе и «обслуживают жен их патронов». Взрыв возмущения на трибунах перерос в драку. Тут же были мобилизованы Женское католическое общество, правоконсервативные организации, вышедшие на улицы с призывами «очистить собрание от коммунистов и мужланов». Рабочему сектору с трудом удалось защитить А.Карвахалья от исключения из парламента, ограничившись санкциями временного лишения права высказываться на заседаниях. Несколько дней собрание посвятило обсуждению деталей этого скандала: аграрный вопрос был успеш-

⁶⁵⁶ Redactor. 1938. T.2. P.555.

⁶⁵⁷ La Calle. 30.10.1938.

но предан забвению⁶⁵⁸. В дальнейшем к проблемам реформирования сельского хозяйства депутаты не возвращались.

Хотя в прессе и в среде интеллигенции, особенно политиков левой ориентации, аграрный вопрос широко обсуждался, общество еще не созрело до осознания необходимости реформы поземельных отношений. Значительная часть среднего класса, составлявшего большинство граждан, имевших право голоса, защищала свои корыстные интересы в деревне, была тесно связана с помещичьей собственностью на землю и стремилась сохранить статус-кво. К тому же само крестьянское движение за аграрную реформу лишь десятилетие спустя превратилось в мощную политическую силу, а в конце 30-х годов еще было слишком слабо. Профсоюзы в деревнях, основанные ветеранами войны в Чако, исчислялись единицами, были организационно разобщены и слабы. Пока городское «политическое» общество не столкнулось со всеобщим восстанием крестьян-индейцев, аграрная реформа обсуждалась лишь как отвлеченная и далекая перспектива.

Социально-экономические реформы.

Помимо конституционных вопросов Учредительное собрание большую часть времени посвятило обсуждению многочисленных проектов экономических и политических реформ. Левонационалистическое, социалистическое большинство пыталось сформулировать общие положения экономической и социальной политики, ставшие впоследствии основополагающими принципами национал-реформизма. Большинство из них не нашло поддержки в собрании, даже союзники и единомышленники социалистов порой недооценивали значение предложений своих коллег.

Молодой, перспективный политик, будущий лидер национал-реформистов В.Пас Эстенсоро предложил собранию новые принципы экономической стратегии. Речь шла о диверсификации и индустриализации страны. В.Пас Эстенсоро подчеркивал, что прекрасно понимает невозможность конкурировать во всех отраслях производства с более развитыми странами на мировом рынке. Главное, по его мнению, было удовлетворение внутреннего спроса за счет местного сельского хозяйства и промышленности. В.Пас Эстенсоро обращался к опыту фашистских государств, в первую очередь Италии, к экономическим теориям автаркии, противопоставляя их либеральной модели открытого мирового рынка хозяйства. «С этой теорией мы должны решать наши проблемы, сохра-

⁶⁵⁸ La Calle. 21.10.1938.

няя золотые запасы, и готовясь в случае войны обеспечить себя всем необходимым, не находясь в зависимости от заграничных»⁶⁵⁹.

Наиболее радикальное и опасное для оловодобывающих монополий предложение исходило также от В.Пас Эстенсоро. Он предложил принять закон о введении государственного контроля над всеми валютными поступлениями, что было в штыки встречено горнорудными монополиями.⁶⁶⁰ После жарких дебатов и при отрицательном отношении правых министров экономического блока правительства это предложение было отвергнуто как экстремистское. Большинство инициатив левого крыла не было принято Ассамблеей, причем многие социалисты в фундаментальных вопросах часто блокировались с умеренными и либералами. Слишком велика была сила инерции и вера в универсальные принципы рыночной экономики.

Если экономические реформы, предложенные левыми, нашли слабое отражение в тексте конституции, то в области социальных гарантий был достигнут самый значительный прогресс. Социальный вопрос в конституции трактовался в рамках сотрудничества труда и капитала при контролирующей роли государства⁶⁶¹. Провозглашалось приоритетное развитие кооперативной формы хозяйствования в аграрном секторе и промышленности как альтернативы эксплуатации человека человеком. Кооператив, общественные формы собственности и организации производства рассматривались как оптимальный способ решения социальных проблем. Эти принципы были заимствованы как из анархо-синдикалистских и марксистских теорий, так и из опыта проведения реформ в Мексике в период президентства Л.Карденаса. Эти реформы имели большой революционный потенциал, и если бы они опирались на серьезную политическую волю военных-социалистов, то вывели бы страну к совершенно иной социальной реальности, перспективы развития которой сейчас трудно представить.

Новая конституция освятила авторитетом закона «социальную ответственность» государства за всех членов общества. Государство принимало на себя обязательство обеспечить всем гражданам прожиточный минимум. Государство признавало и обеспечивало право на медицинскую помощь и социальную поддержку. Социальное обеспечение объявлялось одной из важнейших функций государства⁶⁶². Декларировалась обязанность государства обеспе-

⁶⁵⁹ Redactor. 1938. T.2. P.271.

⁶⁶⁰ Klein H.S. German Busch and the Era of "Military Socialist" in Bolivia // HANR.1965. vol.47. No.2. P.172.

⁶⁶¹ АА. 1938. Т.3. Р.1472

⁶⁶² АА. 1938. Т.3. Р.1474.

чить всеобщее начальное образование для всех слоев населения. Фиксировались широкие социальные гарантии и права трудящихся, в том числе на труд, на пособия по болезни и инвалидности, безработице и т.д. Статьи 125 и 126 признавали право на организацию профсоюза и забастовку.⁶⁶³

Принятие Конституции 1938 г. — огромное достижение военного-социалистического режима. Конституция наметила пути реформирования боливийского общества. Впервые в конституции Боливии было закреплено право государства вмешиваться в экономическую жизнь, и определены условия, при которых государство могло нарушать право собственности во имя общественного блага. Были отменены понгеахе, личные услуги крестьян, а за индейской общиной признавалось права юридического лица. Новая конституция была манифестом демократических прав и свобод, до того времени невиданных в Боливии.

Политическая борьба май – ноябрь 1938 г.

Пока Учредительное собрание решало конституционные вопросы, текущую политику определял новый кабинет министров. Это был первый состав правительства, получивший полномочия не от Хунты, а от конституционного президента. Правительство не было однородным, правоконсервативным министрам противостояли радикальные националисты и социалисты. Внутренние противоречия разрывали правительство: интриги и борьба за влияние на президента стали единственной реальной политикой кабинета.

Националистически и антиолигархически настроенные министры во главе с Э.Бельмонте воспользовались преобладанием левых в Учредительном собрании и с опорой на социалистических депутатов организовали ряд радикальных акций. Первое, за что принялся Х.Буш были средства массовой информации, которые, по его мнению, обслуживали частные интересы олигархии вместо того, чтобы служить государству и всей нации. Он требовал установления полного государственного контроля над всеми «олигархическими изданиями». В июне 1938 г. Буш направил в собрание проект закона о печати, главный пафос которого состоял в борьбе с «правым экстремизмом» и олигархическим влиянием в средствах массовой информации. В конкретном применении этот закон был направлен против оплота либерализма — высокопрофессиональной и имевшей массового читателя газеты «Эль Диарио».

⁶⁶³ ЛА. 1938. Т.3. Р.1473

Собрание в течение двух месяцев, в июне и июле 1938 г., неоднократно обсуждало содержание публикаций в «Эль Диарио». Законопроект Э.Бельмонте серьезно ограничивал независимость средств массовой информации. Направляя свой главный удар против демократии и её институтов, Э.Бельмонте видел в свободной прессе единственный несокрушенный оплот либеральной оппозиции. Выступая в собрании во время дискуссии по поводу «Эль Диарио», он говорил: «Я являюсь сторонником свободы прессы, но не абсолютной свободы... В сегодняшней ситуации необходимо не размышлять над тем, что следует делать, а нужна руководящая идеология, способная вывести эту бедную страну из её несчастий». В качестве такой идеологии или «национальной идеи» он предлагал национал-социализм. Э.Бельмонте призвал собрание взять в качестве примера для подражания законы о печати нацистской Германии, где, по его мнению, газеты служили общенациональным интересам и стояли на страже моральных принципов⁶⁶⁴.

Депутаты поддерживали жесткие меры против либеральных газет, прежде всего «Эль Диарио», позволившей усомниться в компетенции собрания. Левые заявляли, что газета виновна «в организации полномасштабного заговора против стабильности социалистического государства, ее деятельность противоречит доводам разума и морали»⁶⁶⁵. Из среды левых депутатов даже слышались предложения провести «социализацию» всей прессы, подчинив её тем самым общественным интересам, вырвав журналистов из-под влияния капитала⁶⁶⁶. Безусловными выразителями этих общественных интересов депутаты считали самих себя.

13 июня 1938 г. собрание проголосовало за этот закон, давший полномочия исполнительной власти запрещать неугодную «правую олигархическую прессу». Единственными защитниками принципа свободы слова оказались либерал Фахардо и саavedрист-синдикалист Р.Лоса, решительно возражавших против доводов «социалистического» большинства⁶⁶⁷. За пределами собрания помимо традиционных партий наступлению на свободу прессы воспротивилась Университетская федерация, обычно поддерживавшая левонационалистическое большинство собрания⁶⁶⁸.

Закон о печати, направленный против «Эль Диарио», вызвал правительственный кризис: правые министры А.Паласиос (финансы), Х.Сальмон (сельское хозяйство) и А.Барриос (здравоохране-

⁶⁶⁴ Redactor. 1938. T.2. P.151–152.

⁶⁶⁵ Redactor. 1938. T.1. P.385.

⁶⁶⁶ Redactor. 1938. T.2. P.136.

⁶⁶⁷ Redactor. 1938. T.2. P.145–148.

⁶⁶⁸ El Diarió. 13.07.1938.

ние) подали прошение об отставке в знак протеста против гонений на прессу⁶⁶⁹. Х.Буш не принял их демарша и попытался успокоить, заявив, что закон о печати — явление переходного периода и вскоре будет заменен на новый, более мягкий. Правые круги были чрезвычайно напуганы активностью Э.Бельмонте и его радикализмом. Хотя их радовал антикоммунизм министра, они опасались установления антидемократического тоталитарного режима националистической ориентации⁶⁷⁰. На президента оказывали давление самые различные силы, стремившиеся ограничить деятельность Э.Бельмонте. Министры олигархического крыла кабинета требовали его отставки. К хору недовольных деятельностью Э.Бельмонте присоединился голос назначенного в конце июля 1938 г. командующего армией, старого консерватора и человека Патиньо генерала К.Кинтанильи.

Х.Буш был не тем человеком, который легко поддавался давлению и уговорам, тем более в случае, когда он был убежден в искренних патристических и антиолигархических взглядах Э.Бельмонте. И все же настойчивые требования со всех сторон сделали свое дело. Одним из аргументов в пользу увольнения Э.Бельмонте было его участие в 1937 г. в разгроме «Клуба Ла-Паса», где он убил администратора клуба, что сделало его личным врагом всей элиты столицы. Регионалистские настроения были особенно сильны в Ла-Пасе. Враждебные действия Э.Бельмонте в отношении элиты города были безрассудны, настраивали против него все население и видных политиков столицы, прежде всего сааведристов, подстрекавших взрывоопасную чолладу Ла-Паса. Х.Буш долго упрямился, но столь единодушное наступление на министра привело к его отставке⁶⁷¹.

Последним и самым весомым аргументом не в пользу Э.Бельмонте был скандал, связанный с именем некоего Отто Берга. Обстоятельства этого неприятного для Э.Бельмонте дела заслуживают внимания, ибо показывают уровень политической культуры новых правителей Боливии. Кроме того, они свидетельствуют о слепой вере и невероятном энтузиазме Э.Бельмонте в отношении тоталитарных режимов, в первую очередь, национал-социалистической Германии.

Некий субъект под именем Берга появился в Боливии в 1937 г., представившись родственником Геринга. Он повсюду намекал, что прибыл в Боливию с секретным поручением от немецкого прави-

⁶⁶⁹ El Diario. 15.07.1938..

⁶⁷⁰ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 10 de agosto de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶⁷¹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8. P.200.

тельства. У некоторых политиков его личность вызвала подозрения. Генерал Э.Пеньяранда, к которому с якобы конфиденциальными предложениями от германского руководства обратился Берг, сделал запрос в боливийское посольство в Берлине⁶⁷². Пока шли проверки и ожидали ответ, Берг завоевал симпатии среди местных поклонников нацизма, включая Э.Бельмонте. Немец был принят самыми высокими боливийскими властями, вплоть до президента. Э.Бельмонте представил его кандидатуру на пост советника полиции. Затем Берг уехал из Боливии, а в Берлине появился некто Отто Гессман, представлявшийся агентом секретной службы и полковником боливийской армии. Он утверждал, что имеет секретные поручения боливийских властей к германскому правительству. Ответ Ла-Паса был однозначен: Гессман – самозванец⁶⁷³. Позднее выяснилось, что Берг и Гессман — одно лицо, авантюрист и уголовник, имевший 13 судимостей в Германии в 20-е годы⁶⁷⁴.

Ко всему этому скандалу с последующим разоблачением оказался причастен доверившийся авантюристу Э.Бельмонте, павший жертвой собственной страстной любви к гитлеризму. Конфуз с делом Берга сильно повредил Э.Бельмонте. Постепенно его отношения с президентом ухудшались, и в августе 1938 г. Х. Буш отправил Э.Бельмонте в отставку.⁶⁷⁵

Реорганизацию кабинета министров Х.Буш приурочил к ратификации собранием в августе 1938 г мирного договора с Парагваем. Несмотря на подписание перемирия и осознание двумя конфликтующими странами бесперспективности продолжения войны, переговоры в Буэнос-Айресе шли с трудом, а напряжение на линии разъединения сил оставалось значительным. Парагвай требовал уступки нефтеносных районов, с чем не могла согласиться Боливия. В течение 1937 года и в начале 1938 г. напряжение было столь велико, что порой казалось, военные действия вот-вот будут возобновлены. Эти обстоятельства заставляли боливийцев держать наготове сильную армию и не снижать военные расходы. С подписанием мира 21 июля 1938 г. было поставлена точка в конфликте с Парагваем.

Боливия окончательно вступала в период мирной жизни. Воспользовавшись этим предлогом, Х.Буш провел реорганизацию кабинета министров, удалив Э.Бельмонте. Реакция ликовала, интрига против сильной личности в правительстве удалась. Однако по своему обыкновению, Х.Буш уравнивал отставку «пламенного»

⁶⁷² A.del Min.RREE. 1937 – 1938. Alem. 1 – R – 15. f.16.

⁶⁷³ Ibid, f.15.

⁶⁷⁴ Ibid., ff.9,12,17,18.

⁶⁷⁵ El Diario. 22.07.1938.

националиста Э.Бельмонте назначением 28 сентября К.Салинаса Арамайо, имевшего репутацию крайнего социалиста и друга Т.Маурофа, на пост министра сельского хозяйства, а самый молодой политик Альберто Селада, широко известный интеллеktуал социалистического направления, 12 августа получил портфель министра труда.

Ещё ранее, 1 августа президент отправил в отставку право-консервативного министра финансов А.Паласиоса, которого ещё за месяц до этого уговаривал остаться в правительстве. Х.Буш неожиданно назначил на его место умеренного реформиста В.Мендоса Лопеса, лидера созданной при Д.Торо Партии государственного социализма, преодолев, таким образом, своё недоверие ко всем политикам, выдвинувшимся при его предшественнике⁶⁷⁶. Новыми назначениями президент подчеркивал своё желание усилить антиолигархическое крыло кабинета. Его даже не остановила неприязнь к ПСЕ из-за её в прошлом тесных связей с Д.Торо. Правительство, хотя и стало менее радикальным, но сохранило свою преобладающую «социалистическую окраску». Окончательное формирование кабинета проходило на фоне политических осложнений и скандала, связанного с известным писателем и историком А.Аргедасом.

А.Аргедас опубликовал несколько резких статей, направленных против правительства. В первой из них писатель избрал своей мишенью министра иностранных дел Э.Дьес де Медина, которому досталось и за мирный договор с Парагваем, и за участие в «социалистическом» правительстве. На его нападки ответил сын министра, молодой, но уже известный философ Фернандо Дьес де Медина, который в статье «Обиженный метис», опубликованной в левой бульварной газетенке «Ла Ноче», не стесняясь в выражениях, дал такую отповедь обидчику отца, что вызвал целый каскад ответных публикаций, в том числе и самого Аргедаса⁶⁷⁷. Скандалная публичная перепалка между этими представителями интеллеktуальной боливийской элиты привлекла внимание всего общества.

В своей статье в «Эль Диарио» от 2 августа А.Аргедас затронул уже всё «социалистическое» правительство. Он с невероятным презрением писал о доморощенных социалистах. Намекая на президента и его прославляемую повсюду прямо-ту и честность, что, по его мнению, не соответствовало действительности, писатель процитировал известную фразу Саламанки: «Что-то есть в этом здании [президентском дворце – А.Щ.], что оно так меняет лю-

⁶⁷⁶ El Diario. 13.08.1938.

⁶⁷⁷ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8. P.197–198.

дей?» Далее ещё резче и откровеннее: «Эти господа, вселившись в президентский дворец с помощью силы и интриги или посредством голосования, только и занимаются тем, что распределяют посты, sinecуры, привывают к лести, почету, к лживым и угодливым фразам, поклонам». Самого же президента Х.Буша он назвал варваром и предостерег его от позора и осуждения историей и потомками⁶⁷⁸. Реакция правительства была предсказуемой: Аргедаса тут же обвинили в продажности и участии в заговоре в пользу «баронов олова». Правда, дальше этих обвинений тогда дело не пошло.⁶⁷⁹

4 августа 1938 г. «Эль Диарио» опубликовала самую острую и «роковую» для ее автора статью. В ней А.Аргедас обвинил правительство в коллективном воровстве государственных средств. Речь шла о решении хунты еще времен Д.Торо о передаче каждому министру 50 тысяч боливиано подъемных, что, по мнению автора статьи, было скрытой формой либо взятки, либо казнокрадства. В своем негодовании писатель был прав, но нападал он не на авторов этого решения, а на действующее правительство и на весь режим «государственного социализма». А.Аргедас делал самые широкие выводы в отношении правительства и подчеркнуто оскорбительно обращался к самому президенту, которого именовал не иначе как «молодой человек» и «господин полковник».⁶⁸⁰

Своей статьей А.Аргедас уязвил Х.Буша в самое больное место, оскорбив всех ветеранов, участников войны в Чако. Он писал: «У нас в Боливии появилась новая привилегированная каста — ветераны... Они повсюду. Вдруг недавно незаметные люди оказались способны ко всему, чего раньше не знали и не умели: управлять страной, вести экономические дела, заседать в парламенте, представлять страну на дипломатическом поприще. Сегодня достаточно быть ветераном, чтобы уже чувствовать себя способным к управлению страной, достаточно побывать в Чако, и вы — герой и можете везде блистать своими достоинствами... Что же там такого особенного в Чако, климат, небо, вода, ветер, что смогло свершить чудо с нашими людьми, дать им мудрость, знания, жизненный опыт и сделать их специалистами практически в любой отрасли и, особенно, в государственном управлении»⁶⁸¹. Далее А.Аргедас задел болезненные моменты политических скандалов: дело Отто Берга и Э.Бельмонте.

⁶⁷⁸ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8. P.209.

⁶⁷⁹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 10 de agosto de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶⁸⁰ El Diario. 04.08.1938.

⁶⁸¹ El Diario. 04.08.1938.

Серьезной содержательной частью статьи были обвинения в нарушении демократических свобод «социалистическим режимом» и осуждение его экспериментов в политике. А.Аргедас писал: «В этой работе по национальному возрождению правительство может еще многое сделать, если оно на самом деле вдохновляется идеей возрождения нации и искренне желает не только выполнить свой долг, обеспечив общественные свободы, но и следить за правильным использованием общественных средств, требовать порядка и честности от чиновников администрации, наказывать преступников, поднимать экономику и в целом осуществлять хорошее управление»⁶⁸². А.Аргедас задавался вопросом: способно ли на это правительство Х.Буша, и из изложения был ясен отрицательный ответ. Статья вызвала ярость Х.Буша, оскорбленного обвинениями в коррупции и презрительным тоном А.Аргедаса, писателя, уже ставшего к этому времени мировой знаменитостью. Главной же виной А.Аргедаса было то, что он в данном случае говорил правду, а не следовал слепому восторгу и вере в гениальность Х.Буша, которые буквально поразили всех.

Сразу же президент послал своего адъютанта, чтобы тот немедленно привез А.Аргедаса во дворец. Ещё до этого Х.Буш приказал завести уголовное дело против Аргедаса по обвинению в клевете. В дом писателя нагрянули полицейские агенты, чтобы его арестовать, но прибывший адъютант Х.Буша увез писателя во дворец. Направляясь в президентский дворец, А.Аргедас был уверен, что его призвали под впечатлением от его статьи, чтобы испросить совета, побеседовать с мудрым писателем. Когда он прибыл в президентский дворец и оказался перед бравым полковником, произошла сцена, безусловно, покрывшая позором Х.Буша и все его президентство. В словесной перепалке офицер не мог конкурировать с известным писателем, отличавшимся язвительным языком. Х.Буш перешел на прямые оскорбления в адрес пожилого и уважаемого человека. Правда, и Аргедас не остался в долгу. Всегда неуравновешенный и склонный к необдуманным и резким поступкам Х.Буш в кровь избил пусть малосимпатичного и напущенного, но беззащитного пожилого человека, забыв о своем высоком положении и обязанностях⁶⁸³. Своим поступком Х.Буш оскорбил не только А.Аргедаса, но и нанес удар по самому боливийскому госу-

⁶⁸² El Diario. 04.08.1938.

⁶⁸³ Céspedes A. El dictador suicida. P.190–192; Díaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.84–85; SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 10 de agosto de 1938. 30 – 3 – 15; а также дневник самого писателя — ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8. P.218–219.

дарству, всем институтам республиканского правления, запятнал мундир офицера армии. Позорное пятно легло на Х.Буша, как президента и офицера, действия которого унизили страну, о моральном возрождении которой он так часто любил рассуждать. Скандал усугублялся тем, что эти события произошли всего за два дня до национального праздника, годовщины независимости Боливии.

Несмотря на то, что специальным распоряжением газетам в категорической форме запрещалось комментировать это происшествие, известие о варварском поступке первого лица государства стало самой шокирующей сенсацией, серьезно омрачившей торжества 6 августа, Дня независимости Боливии. В знак протеста на торжественное собрание не пришли правые депутаты и дипкорпус. Скандал приобрел международный оттенок, послы латиноамериканских стран солидаризировались с Аргедасом. Среди студенчества и интеллигенции, в том числе и левой, осуждение выходки президента было единодушным. Х.Буша стали называть «новым Мельгарехо»⁶⁸⁴.

Вместе с тем окружению президента удалось повернуть конфликт, имевший морально-этический и личностный характер, в русло политического противостояния «старой и новой» Боливии. Учредительное собрание с порога отказалось рассматривать запрос либерала Фахардо, объявив этот инцидент личным делом Х.Буша и А.Аргедаса⁶⁸⁵. В то время как студенты и сааведристские «рабочие лидеры» типа У. Севильяно вышли на демонстрации протеста, левые и националистические группы организовали контрманифестации: конфликт приобретал политическую окраску как эпизод борьбы народа с олигархией. В рабочих профсоюзах столицы проходили собрания в поддержку Х.Буша. Профсоюзы даже предложили создать «ударные бригады, которые могли бы противостоять готовящемуся правому мятежу».

Х.Буш только через три недели публичноотреагировал на обвинения в своей адрес. На пресс-конференции 24 августа он не оправдывался, а лишь заявил, что действовал как оскорбленный мужчина, а не как президент⁶⁸⁶. Х.Буш не только не чувствовал себя неловко после случившегося, но отнюдь не стремился затушевать острые углы конфликта и даже продолжал угрожать, правда не лично Аргедасу, а всей олигархии и либеральной интеллигенции.

⁶⁸⁴ М.Мельгарехо – президент Боливии в 1864-1871 гг., диктатор, вошел в историю непредсказуемым сумасбродством и самодурством, демонстративным невежеством и варварством.

⁶⁸⁵ Redactor. 1938. Т.3. P.150–151.

⁶⁸⁶ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. Т.8. P.234.

В противостоянии с правыми кругами Х.Буш пошел еще дальше, вызвав общий шок у «благородной публики». Именно в эти дни в Ла-Пас с разрешения правительства прибыл Тристан Мароф, который в июле 1937 г. вернулся в Боливию после 11 лет эмиграции. Его приезд был с энтузиазмом встречен всеми левыми и националистическими группами. Газеты «Ла Калье» и «Ла Ноче» посвятили этому бесспорному лидеру радикальных левых большие статьи, приветствуя его возвращение на родину. Более того, к ужасу олигархических сил, его принял сам президент. Между ними состоялась дружеская беседа, и оба остались очень довольны друг другом⁶⁸⁷. Т.Мароф подчеркнул важность этой встречи, что на фоне общего негодования интеллигенции и шума вокруг скандала с Аргедасом выглядело вызовом общественному мнению. Впрочем, иного требовать от Т.Марофа было бы нелогично и наивно, так как он всей душой презирал и ненавидел Аргедаса, многие годы посвятив его травле в прессе и литературной критике. Т.Мароф поддерживал Х.Буша.⁶⁸⁸

Х.Буш был серьезно обеспокоен оппозицией всех традиционных партий, право-консервативных кругов. Он обратился к левым, рабочим организациям и получил от них поддержку. О степени беспокойства президента нараставшей оппозицией в обществе свидетельствовал его напугавший консерваторов приказ Э.Бельмонте вернуться из Буэнос-Айреса в Ла-Пас. Э.Бельмонте был уже готов отправиться в почетную дипломатическую ссылку в Италию и Германию, как вдруг его вновь отозвали в Боливию.⁶⁸⁹ Хотя в последствии это распоряжение было отменено, Х.Буш показал обществу свою решимость и готовность идти на самые непопулярные меры и конфронтацию с элитой.

Неумение президента найти политическое решение конфликтных вопросов, добиваться компромисса с политическими оппонентами, неспособность к ежедневной демократической работе по достижению согласия было причиной его раздражения и непонимания сути происходящего в Учредительном собрании. Х.Буш мало интересовался конституционными вопросами, а дебаты и острая полемика в собрании, в которых он видел лишь обычное политиканство и демагогию, настраивали его против публичной политики и демократического правления как такового. Правая пресса нападала на социальный конституционализм, пугала «сползанием страны к коммунизму». Х.Буш не желал сотрудничать с собрани-

⁶⁸⁷ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 26 de agosto de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶⁸⁸ Ibidem.

⁶⁸⁹ Ibidem.

ем. Собрание было ему необходимо лишь для принятия новой конституции.

В конце октября 1938 г. в правительстве обсуждался вопрос о дальнейших действиях после принятия конституции. Г.Госалвес предлагал формулу «добровольного прекращения деятельности ассамблеи». В прессе и обществе ходили слухи о подготовке роспуска собрания и установлении фашистской диктатуры.⁶⁹⁰ Правительство отвергало все эти слухи и разговоры, но на деле именно в это время Х.Буш склонялся к жесткому решению — установлению тоталитарной диктатуры. В правительстве и окружении Х.Буша были как сторонники, так и противники такого пути.

Считавший себя левым социалистом К.Салинас Арамайя, оказывавший на президента большое личное влияние, эволюционировал к национал-социалистическим взглядам (точнее в тот момент он был увлечен этими теориями). В фашизме он видел пример эффективной антилиберальной, антидемократической национальной революции. К.Салинас Арамайя подталкивал Х.Буша к установлению «фашистского режима типа бразильского»⁶⁹¹. По сути речь шла об авторитарном варианте национал-реформистских преобразований, имевших антиолигархический и националистический характер. Сам Х.Буш всё более склонялся к советам тех, кто ратовал за «тоталитарный режим».

Х.Буш активно обсуждал со своим окружением перспективы роспуска Учредительного собрания и установления новой системы власти. Главным противником диктатуры был Г.Госалвес, возглавлявший республиканско-социалистическую партию, генетически связанную с традиционной системой и олигархическим государством. Г.Госалвесу и другим умеренным политикам всё-таки на время удалось отговорить Буша от установления диктатуры. Любопытную запись беседы Х.Буша с лидером «восточного блока» в собрании, бывшим министром Х.Сальмоном приводит мексиканский посланник. Информация была получена из конфиденциальных, но верных, по его мнению, источников. Тогда состоялся следующий диалог:

Буш: Я закрою собрание и установлю военный тоталитарный режим, так как вполне ясно, что все демократии пришли к банкротству. Это видно на примерах Бразилии, Италии, Германии, показавших эффективность тоталитарного режима.

Сальмон: С кем, с какой партией вы хотите установить этот режим? Нет людей, которые его поддержат...

⁶⁹⁰ La Razón. 25.10.1938.

⁶⁹¹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 26 de octubre de 1938. 30 – 3 – 15

Буш: Я закрою Ассамблею и созову новые выборы!

Сальмон: Но кто попадет в новое Учредительное собрание? Это будут те же люди, что и сегодня⁶⁹².

Многие, даже его рьяные сторонники были против установления тоталитарной диктатуры. Подталкиваемый одними и отговариваемый другими, Х.Буш не решился на установление фашистского режима. Официально правительство объявило о своем решении распустить собрание сразу же после принятия конституции, а затем через год созвать этот же состав депутатского корпуса уже как обычную сессию парламента⁶⁹³.

30 октября после многомесячных обсуждений Учредительное собрание, наконец, приняло новую конституцию. Таким образом, ассамблея исчерпала свои полномочия. Президент, исполнительная власть должны были в дальнейшем государственном строительстве руководствоваться новым основным законом. И хотя Х.Буш склонялся к установлению диктатуры, он, не найдя серьезной поддержки даже внутри кабинета министров, приветствовал переход к новому конституционному режиму и демонстрировал готовность следовать всем демократическим процедурам.

После принятия конституции Х.Буш и Э.Бальдивесо принесли клятву верности новому основному закону. На церемонии закрытия Учредительного собрания с большой речью выступил вице-президент Э.Бальдивесо. В ней он изложил свое видение национальной революции или «государственного социализма». Он отверг традиционную демократию, находившуюся на службе привилегированных классов и иностранных угнетателей. Э.Бальдивесо говорил, что политики предыдущих эпох боролись за выборы, демократию, свободу прессы, а «между тем наши деревни оставались неграмотными, огромные территории отрезаны от мира и без путей сообщения, у нас нет своей промышленности, мы живем в полной зависимости от заграницы». Далее: «Мы боролись за эти свободы и потеряли три пятых своей территории... Нам нужно решать проблемы страны с новым политическим чувством, с новой идеологией».⁶⁹⁴ Такой идеологией должен был стать сплав социализма и национализма. Подводя итоги работы собрания, Э.Бальдивесо особо остановился на экономических завоеваниях: более строгом валютном контроле над экспортом минералов, укреплении суверенитета над нефтью и отмене понгеахе.

Пытаясь отвести от правительства широко распространившиеся подозрения в стремлении установить фашистскую диктатуру, Э.

⁶⁹² Ibidem.

⁶⁹³ Ibidem.

⁶⁹⁴ El Diario. 01.11.1938.

Бальдивесо особо подчеркнул, что целью режима является «умеренное и демократическое завоевание социализма». Э.Бальдивесо называл тех, кто активно воспротивился сползанию к диктатуре: это, без сомнения, Х.Буш и, как это ни прозвучало удивительным, личный недруг самого оратора — министр Г.Госалвес⁶⁹⁵. Судя по всему, в предшествовавшей закрытию собрания дискуссии в правительстве Э.Бальдивесо, выражавший мнение левонационалистического большинства ассамблеи, сблизился с правоцентристами во главе с Г.Госалвесом. Они одержали победу в противостоянии с «тоталитаристами», к которым питал большие симпатии президент.

Не менее любопытным был финал речи. Э.Бальдивесо выразил свою радость и солидарность с победой Народного фронта в Чили. В завершение он сказал: «Возникает новый мир, повсюду происходит осознание необходимости борьбы во имя завоевания нашими народами большего благосостояния и большей человеческой солидарности»⁶⁹⁶. Все эти неожиданные пассажи лишь свидетельствовали о стойкой антиолигархической настроенности лидеров «государственного социализма». Новый режим в Боливии представлялся им националистической экономической системой, в рамках которой будет прекращено ограбление страны олигархией и империализмом, будет ликвидирована классовая борьба и раскол общества на противостоящие экономические группы. Военные-социалисты предлагали вариант националистической политики при радикальном усилении роли государства в экономике и социальной сфере. На этой базе должно было возникнуть монолитное политическое здание сильного государства. Лидеры «государственного социализма» по-прежнему во главу угла своих политических воззрений ставили принципиальное неприятие либеральной демократии, сделавшей возможным господство олигархии в их стране. По сравнению с предыдущим периодом «государственного социализма» помимо отхода от политики социального экспериментирования, чем характеризовалась вся деятельность администрации Д.Торо, произошла заметная эволюция к более радикальному национализму.

⁶⁹⁵ El Diario. 01.11.1938.

⁶⁹⁶ El Diario. 01.11.1938.

**Политический тупик «государственного
социализма»
(ноябрь 1938 г. – апрель 1939 г.).**

Преобладание социалистов в Учредительном собрании, конфликты Х.Буша и Э.Бельмонте с правоконсервативной элитой способствовали укреплению влияния левых сил в стране. Крайне левый политический фланг занимала Рабочая партия (ПОР), основателями которой были Х.Агирре Гайнсборг и Т.Мароф. В октябре 1938 г. на 2-ой конференции партии произошел разрыв Т.Марофа и его сторонников с троцкистской ПОР якобы по идейным соображениям. Т.Мароф увел за собой большинство и создал в ноябре 1938 г. Социалистическую рабочую партию Боливии (ПСОБ). С ним ушли ведущие деятели ПОР: Э.Арсе Лоуреиро, А.Валенсиа Веса (Иван Кесвар), А. Мендеса Лопес.

Создание Т.Марофом новой партии приветствовали националистические и реформистские политики, в том числе, газета «Ла Калье». Мароф ещё в конце 1937 г. пока находился в Сукре вел переговоры с властями, результатом которых было его согласие на поддержку режима «государственного социализма». Тогда Генштаб по поручению президента отправил в Сукре полковника Гаррона для конфиденциальной встречи с Марофом, с целью выяснить его намерения и провести переговоры с тем, чтобы привлечь влиятельного левого лидера на сторону режима. На конфиденциальных встречах с Гарроном Т.Мароф заверил военных в своей лояльности и желании сотрудничать с ними «со всей сердечностью и в духе гармонии». Также он отмежевался от коммунистов и марксистской агитации. Более того, он подчеркнул, что все его прошлые выступления, статьи и книги выдержаны «в духе глубокого национализма». Во избежание недопонимания с властями он просил личной аудиенции у президента Х.Буша или другого государственного руководителя, чтобы убедить их в своем искреннем желании со-

трудничать с социалистическим режимом⁶⁹⁷. Создание ПСОБ было политически подготовлено еще до идеологических дискуссий в ПОР. ПСОБ мыслилась как партия поддержки военных на крайне левом политическом фланге.

В манифесте ПСОБ говорилось: «Единственная возможность освобождения Боливии — это создание социалистической экономики и защита национального достояния с опорой на народ и армию». Первые марофисты признавали ведущую роль армии в социалистических преобразованиях, тем самым выражали поддержку военно-социалистического режима, что было неудивительно, учитывая договоренности между Т.Марофом и правительством. ПСОБ заявляла о политическом плюрализме как принципе строительства новой партии: предлагалось сформировать конфедерацию социалистических партий и групп. Создание ПСОБ поддержали не только троцкисты и «стойкие марксисты» такие как, Иван Кесвар (А.Валенсия Вега) или Э.Арсе Лоуреиро, но и индеанисты, и националисты, например, под манифестом партии есть подписи В.Гевара Арсе, а также одного из видных деятелей силлистской партии, а затем Социалистической конфедерации А. Мендоса Лопеса, рабочего лидера и депутата Учредительного собрания Р.Вильяррозля Клауре⁶⁹⁸. К ПСОБ присоединился основатель Варисаты — Э.Перес. Индеанистская и националистическая составляющая была важной частью марофизма.

Первоначально ПСОБ и сам Т.Мароф имели большой успех. По свидетельству мексиканского посла в Боливии, партия Т.Марофа превосходила своей численностью и влиянием все новые партии, в том числе и «республиканцев-социалистов» (бывших сааведристов) Г.Госалвесы.⁶⁹⁹ Т.Мароф повсюду выступал с лекциями, публиковал статьи, пропагандируя свои «новые идеи» об особенностях боливийского социализма, что на деле было воскрешением его прежних индеанистских, полусоциалистических воззрений⁷⁰⁰. Т.Мароф стремился отмежеваться от своего марксистского прошлого. Он заявлял, что никогда не входил ни в какие международные организации, тем более, в коммунистические⁷⁰¹.

Очередной его вираж, на этот раз разрыв с троцкизмом, вполне объясним. Т.Мароф, несмотря на свое участие в марксистском движении, собственно никогда не был марксистом. Его идеалом была

⁶⁹⁷ Докладная записка полковника Гаррона в Генштаб от 22 ноября 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.166 (PG7217).

⁶⁹⁸ La Calle. 06.11.1938.

⁶⁹⁹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938. Informe de 30 de noviembre de 1938. 30 – 3 – 16.

⁷⁰⁰ La Calle. 16.11.1938.

⁷⁰¹ La Calle. 13.11.1938.

широкая массовая рабочая партия с размытыми идеологическими границами, без жестких доктринальных установок, типа лейбористской в Англии. Он не был ни троцкистом, ни сталинистом, ни марксистом. Марксизм, даже в его примитивном, вульгарно-доктринальном виде, он не усвоил. Его поведение было во многом типичным для леворадикальной интеллигенции в Латинской Америке. Либорио Хусто⁷⁰² называл его «социализующий либерал». В 1939 г. Л.Хусто писал своим друзьям в Боливию: «Мы не можем согласиться с вашей защитой Т.Марофа и ПСОБ. Я хорошо знаю Т.Марофа..., чтобы быть уверенным, что он не имеет ничего общего с марксизмом..., поэтому мы всегда выступали и выступаем против него, но не по личным соображениям. Начиная с разрыва с Х.Агирре Гайнсборгом на съезде ПОР, Т.Мароф показал со всей очевидностью свою тенденцию к размытому, пустому, мелкому «социализму», граничащему с буржуазным либерализмом, не имеющим ничего общего с марксистским классовым, революционным социализмом. И то, что против него выступают сталинисты из ПИР (как и он против них), еще не свидетельствует о его революционности».⁷⁰³ Крупнейший боливийский историк и политический деятель Г.Лора признавал, что в Латинской Америке к троцкистам чаще всего шли не те, кто хотел бороться со Сталиным за «чистоту» марксистско-ленинских идей против их бюрократического извращения, а те, кто по сути выступал против марксизма, и со временем покидал ряды троцкизма.⁷⁰⁴

С момента своего возвращения в Боливию Т.Мароф стал поддерживать военно-социалистический режим и лично Х.Буша. В 1938 г. Мароф издал книгу «Социалистическая правда в Боливию», где полностью покинул свои прежние политические позиции. Он уже выступал против национализации горнорудной промышленности. В этой связи Т.Мароф полностью поддержал экономическую политику Х.Буша. Он подчеркивал, что видит боливийский социализм исключительно как антиимпериалистическое государство, а, следовательно, поддерживает националистическую политику правительства⁷⁰⁵. Впрочем, союз с режимом Х.Буша был недолговечным.

23 ноября 1938 г. полиция организовала провокацию, направленную против ПСОБ и Т.Марофа, которых обвинили в организации заговора и мятежа. Т.Мароф поспешил в посольство Испании,

⁷⁰² Либорио Хусто (Кебрачо) – видный аргентинский троцкист. Сын президента Аргентины ген.Хусто. Активно участвовал в политической жизни Боливии.

⁷⁰³ Justo L. Bolivia: la revolución derrotada. Cochabamba, 1967. P.104.

⁷⁰⁴ Lora G. Op.cit. P.310.

⁷⁰⁵ La Calle. 11.11.1938.

где попросил убежища.⁷⁰⁶ На следующий день Х.Буш отмсжевался от действий полиции против Т.Марофа. Правые военные во главе с ген. К.Кинтанилей потребовали выслать Т.Марофа из страны или сослать его в провинцию. Первоначально Х.Буш согласился на его высылку в Сукре, затем под давлением слева отменил свое решение, и Т.Мароф остался в Ла-Пасе. Условием был уход Т.Марофа с поста лидера ПСОБ, чего добивались другие левые партии, болезненно воспринимавшие рост марофизма⁷⁰⁷. Даже после этих событий марофисты оставались самой крупной левой партией в стране.

Марофисты продемонстрировали своё решающее влияние на рабочее движение во время 2 общенационального рабочего конгресса⁷⁰⁸, прошедшего с 22 по 30 января 1939 г. Все дискуссии проходили при «интеллектуальной гегемонии» члена ПСОБ А.Валенсия Вега (Ивана Кесвара) и самого Т.Марофа. Формально это был съезд ССТБ, против которой выступали анархо-синдикалистские ФОЛ и ФОТ, объявившие конгресс детищем бюрократической работы правительства.⁷⁰⁹ Провинциальные федерации, где доминировали марофисты и те, кого в целом называли коммунистами, то есть и члены ПОР, ПСОБ, и марксистских кружков, прислали в столицу представительные делегации от Ла-Паса, Оруро, Потоси, Кочабамбы, горнорудных регионов Корокоро, Пулакайо, Унсия и др.

Конгресс, в работе которого участвовали мощные федерации железнодорожников и студентов (ФУБ), принял очень радикальную программу. Само место проведения конгресса, Колехио Айякучо, и его размах свидетельствовали о заинтересованности правительства в партнерских отношениях с рабочими организациями. Целью правительства была нейтрализация влияния профсоюзов на развитие политической ситуации и поддержание с ними союзнических отношений. Х.Буш, помимо того, что считал себя законным выразителем интересов пролетариата, нуждался в рабочем движении как мощном орудии давления на олигархию. Вместе с тем,

⁷⁰⁶ Любопытно, что хорошо информированный, в том числе и со стороны левых полулегальных организаций, неизвестный нам корреспондент Коминтерна в Боливии в своих сообщениях в Москву уверял о причастности Т.Марофа к «провокационному заговору» — РГАСПИ. Ф.495. оп.122. д. 1. л.45.

⁷⁰⁷ La Calle. 30.11.1938.

⁷⁰⁸ Предыдущий конгресс трудящихся октября 1937 г (Оруро), на котором преобладали коммунисты, не был признан таковым большинством профсоюзов, поэтому конгресс 1939 г. также считался Вторым общенациональным.

⁷⁰⁹ La Calle. 22.01.1938

рабочее движение, левые партии все меньше влияли на принятие политических решений, отдаляясь от Х.Буша и его правительства. Все попытки левоцентристских сил образовать крупную политическую организацию не находили поддержки правительства, которое, казалось, было мало заинтересовано в формировании социально-политической опоры режима.

В связи с тем, что в мае 1938 г. ожидался выборы в новый конгресс, все политические партии стали готовиться к избирательной кампании. В конце 1938 г. группа депутатов левого сектора Учредительного собрания во главе В.Пас Эстенсоро, В.Гевара Арсе, А.Сеспедесом, поддержанные «Ла Калье», объявили об образовании Независимой социалистической партии (ПСИ).⁷¹⁰ В отличие от разношерстной Соцпартии Э.Бальдивесо новое образование, ставшее ядром национал-реформистского течения, обладало ясными идеологическими и политическими ориентирами. Здесь уже не было соседства троцкизма, левого реформизма и фашизма. Прошедшие годы, опыт преобразований военно-социалистического режима привели к формированию «революционного национализма», боливийской разновидности национал-реформизма. И, хотя в этот период национал-реформисты четко еще не сформулировали свою программу, есть основание утверждать, что в лице этой партии возникло ядро, вокруг которого, наряду с газетой «Ла Калье» началось формирование будущей национал-реформистской МНР. В состав ПСИ вошли те деятели, которые уже определились в своих политических пристрастиях и взглядах на развитие Боливии.

После закрытия Учредительного собрания левые и левоцентристские проправительственные партии и отдельные политики предприняли очередную попытку создать единый фронт, союз, или точнее, второе издание Партии государственного социализма образца 1937 г. В декабре 1938 г. бывший председатель Учредительного собрания Ренато Реверин начал межпартийные консультации по объединению проправительственных, социалистических групп и партий.⁷¹¹ В течение двух месяцев шли интенсивные переговоры об объединении национал-реформистов Независимой социалистической партии во главе с В.Пас Эстенсоро, социалистов Х.Тамayo, ветеранов ЛЕК, республиканцев-социалистов Г.Госалвеса. Эти три группировки договорились о создании Демократического социалистического союза (ДСС) во главе с Р.Реверином и Г.Госалвессом.⁷¹² В планы Госалвеса входило предложить Х.Бушу под-

⁷¹⁰ Klein H.S. Parties and Political Change. P.302.

⁷¹¹ La Calle. 13.12.1938.

⁷¹² La Calle. 08.03.1939.

держку крупной левоцентристской партии, опираясь на которую тот мог спокойно идти на новые парламентские выборы. Идея объединения прожила ровно столько, сколько Г.Госалвес оставался на посту министра. С уходом из кабинета Г.Госалвес в марте 1939 г. новорожденный союз развалился. Х.Буша мало интересовала перспектива демократической эволюции режима, судя по всему, уже тогда он склонялся к более радикальным решениям.

Левые группы все более переходили в оппозицию режиму. Влиятельный Народный фронт Потоси, являвшийся фактическим хозяином положения в городе, в апреле 1939 г. заявил о своем разочаровании в политике Х.Буша и отказал в политической поддержке центральной власти. Хосе Тамайо, один из лидеров-основателей силлистской партии, а затем и Соцпартии, предпринял малоуспешную попытку воссоздать последнюю. Новая Социалистическая партия дистанцировалась от правительства. В политической жизни проявлялась отчетливая тенденция отхода левых партий от поддержки режима, что было чревато политической изоляцией правительства.

Удаление Г.Госалвес из правительства и его отъезд из Боливии означали разрыв республиканцев-социалистов с «государственным социализмом» и Х.Бушем. Смерть Б.Сааведры 1 марта 1939 г. снимала проблемы личностного характера в отношении между традиционными партиями, либералами, подлинными республиканцами и республиканцами-социалистами, которых теперь объединяла общая оппозиция к военным-социалистам. Традиционные партии предприняли усилия по восстановлению своих организаций. 22 марта эти партии после двухнедельных обсуждений совместной программы объединились в блок «Конкордансия» (Согласие). Новый партийный союз «Конкордансия» обнародовал написанный Д.Канеласом манифест, в котором потребовал возвращения военных в казармы и передачи власти традиционным партиям.⁷¹³ В экономической сфере олигархические партии призывали положить конец практике дифференцированных валютных курсов, ущемлявших интересы экспортеров. Кроме того, отдавая дань демагогическому ультрапатриотизму, «Конкордансия» отказывалась признать мирный договор 1938 г. и считала необходимым приступить к масштабной закупке вооружений для предстоящей реваншистской войны с Парагваем. Манифест был подписан смертельными врагами военно-социалистического режима Д.Канеласом, А.Аргедасом и бывшими его союзниками Э.Эрсогом, Х.Родасом Эгино.

⁷¹³ La Calle. 14.03.1939.

Оживление либерально-консервативной оппозиции и явная фронда левых вызвали ярость Х.Буша, отказывавшегося признавать право традиционных партий на участие в политической жизни страны. Для него они были сборищем обанкротившихся политиков, ответственных за бедственное положение Боливии. Х.Буш освежил подзабытые идеологические постулаты «государственного социализма». В январе 1939 г. он использовал как повод обращение к живущим за рубежом боливийцам в связи с новым годом для идейно-политического наступления на либерализм и традиционные партии. В опубликованном послании Х.Буш писал: «Мы решили идти по пути умеренного социализма, типично боливийского, соответствующего нашей самобытности. Цель социализма – единство духа во всей боливийской семье, ликвидация привилегий и каудильизма, гармония труда и капитала, торжество социальной справедливости»⁷¹⁴.

Противостояние традиционным партиям компенсировалось «сердечными» отношениями с Патиño и его приближенными. Пропатинистскому окружению президента удалось добиться смещения с поста министра финансов реформиста В.Мендосу Лопеса. Причем олигархическое лобби проявляло изобретательность и находчивость, пользовалось левонационалистической риторикой в борьбе с самими реформаторами. Искренние религиозные убеждения В.Мендосы Лопеса были представлены Х.Бушу как свидетельство его якобы проклерикальной, проолигархической позиции. На его место был предложен и тут же утвержден Х.Бушем человек «баронов олова» и банкиров Сантьяго Шульце.⁷¹⁵ Ключевой экономический пост вновь оказался в руках патинистской партии.

Хотя олигархии удалось поставить своего человека на ключевой пост в кабинете, ориентация Х.Буша на радикальное решение стоящих перед страной экономических и социальных проблем путем установления «тоталитарного режима» осталась неизменной. За поддержкой Х.Буш обратился к иностранным государствам, рассчитывая найти понимание и помощь у великих держав. 9 апреля 1939 г. он встретился с германским послом Вендлером, с которым консультировался о возможной «моральной и материальной поддержке Германией» Боливии в случае установления тоталитарного антикоммунистического режима. В то же самое время в Германии обсуждалось создание в Южной Америке профашистского блока государств в составе Перу, Аргентины и Боливии. Германский посол, безусловно, приветствовал планы Х.Буша, однако Берлин ответил, что не рекомендует связывать переход к тоталитар-

⁷¹⁴ La Calle. 11.01.1939.

⁷¹⁵ El Diario. 01.04.1939.

ным формам правления с поддержкой Германии⁷¹⁶. Немцы только предложили своих политических советников, и Х.Буш остался разочарован. Ориентации на Германию не получилось.

Вторая половина 30-х годов в Латинской Америке характеризовалась формированием двух противостоящих блоков государств, ориентированных на «державы оси» и на демократические страны. Идеологические и политические симпатии правителей латиноамериканских стран порой вступали в противоречие с их непосредственными экономическими интересами.

Внешняя политика военных-социалистов отличалась крайней противоречивостью. Своего рода экзаменом во внутренней и внешней политике «государственного социализма» стало отношение к гражданской войне в Испании. Хотя Боливия официально придерживалась позиций невмешательства и нейтралитета в испанской войне, отношение политических партий к сторонам конфликта отражало общий расклад сил в обществе. Консервативные политики, газеты «Эль Диарио», «Ла Расон», «Ультима Ора» демонстрировали свою поддержку и солидарность с франкистами. Рабочие и левые организации безоговорочно встали на защиту дела республиканцев и Народного фронта.

Против франкистского мятежа яростно выступила Социалистическая партия и газета «Ла Калье». При этом нельзя забывать, что многие члены партии и журналисты «Ла Калье» симпатизировали итальянским фашизмом и германским нацизмом. Учитывая, что Муссолини и Гитлер участвовали в войне на стороне Франко, было бы логичным ожидать такого же поведения от их адептов в Латинской Америке, в том числе и в Боливии. Между тем боливийские социалисты, при всех своих симпатиях к национал-социализму и фашизму, во многом оставались очень своеобразным идеологическим и политическим феноменом. Они не всегда следовали за своими кумирами.

С началом гражданской войны франкистская пропаганда сравнивала «Крестовый поход 1936 г.» и завоевание Америки, подчеркивая миссию Испании в упрочении католицизма и традиционных ценностей. Хотя франкизм сконцентрировался на критике либерализма, его гегемонистские по отношению к Америке идеи вызывали оппозицию даже среди единомышленников право-консервативного толка⁷¹⁷. Для радикальной «Ла Калье» франкизм был явлением одного порядка с боливийским консерватизмом и клери-

⁷¹⁶ Blasier C. The United States, Germany and the Bolivian Revolutionaries (1941–1946) // HAHR. Vol.52. February, 1972. No.1. P.28

⁷¹⁷ Pardo Sanz R.M. ¡Con Franco hacia Imperio! La política exterior española en América Latina. 1939–1945. Madrid, 1995. P.39–40.

кализмом. Франкистский лозунг «Евангелизация против коммунизма» и идея новой империи отталкивали антилиберальных политиков, националистов, которые при иных идейных постулатах могли бы быть союзниками. Традиционалистские лозунги Франко не могли вызвать симпатий у боливийских радикалов, решительно вставших на сторону испанских республиканцев и Народного фронта. Во взглядах боливийских национал-реформистов (социалистов, «Ла Калье») сочетались не только антилиберализм, национализм, ксенофобия и антисемитизм, но и антиолигархические, антиимпериалистические и социалистические воззрения.

Большое значение для социалистов и самого режима имело заявление мексиканского МИДа о безусловной поддержке республиканского правительства Испании. «Ла Калье» напечатала это заявление и в дальнейшем посвящала целые страницы освещению войны в Испании, выражая солидарность с республиканцами.⁷¹⁸ Позиция «Ла Калье» и социалистов оказала решающее влияние на политику военных-социалистов в этом вопросе. Франкистское правительство обратилось к Боливии с просьбой о признании и установлении «сердечных отношений». Боливия оставила это обращение без ответа.

В октябре 1936 г. в Мадриде был убит боливийский посол. Ухватившись за этот инцидент, поверенный в делах Италии в Боливии использовал все своё влияние, в основном в среде пылких поклонников Муссолини из числа боливийских военных и членов кабинета, чтобы добиться разрыва правительства Д.Торо с испанскими республиканцами и признания Франко. Однако даже в этих обстоятельствах итальянцам не удалось достичь своей цели. Д.Торо не желал создавать внешнеполитических осложнений для своей страны в споре, исход которого был ещё далеко не ясен.⁷¹⁹

Правительство Х.Буша продолжало линию Д.Торо. В июле 1937 г. чилийское правительство запросило мнение Боливии о предварительном признании Франко. Ответ министра Э.Финота был однозначным: Боливия продолжит политику невмешательства и считает несвоевременной постановку вопроса о признании Франко.⁷²⁰ При всех симпатиях видных деятелей правительства, да и самого Х.Буша, к союзникам франкизма германскому и итальянскому фашизму, военные-социалисты не поддерживали мятеж Франко. Если национал-социализм и фашизм выглядели в их глазах ре-

⁷¹⁸ La Calle. 13.08.1936; 12.10.1936.

⁷¹⁹ SRE.México. Legación en Bolivia. 1936. Rebelion en España. Informe de 19 de agosto 1936. III – 767 – 2, f. 1

⁷²⁰ SRE.México. Legación en Bolivia. Guerra en España. Cable de 05 de julio de 1937. III – 767 – 2.

волюционными антилиберальными националистическими движениями, близкими по духу самим военным-социалистам, то Франко ассоциировался со «старым режимом» и олигархией. Идеологический рупор режима газета «Ла Калье» при всем своем «антиинтернационализме» и антикоммунизме до конца войны активно поддерживала испанских республиканцев⁷²¹. Даже в конце 1938 г. правительство делало прореспубликанские жесты. Так, глава кабинета Г.Госалвес распорядился запретить вывешивать франкистские знамена в «день расы», так как Боливия не признавала Франко⁷²².

Однако, официально боливийское правительство сочло необходимым присоединиться к череде признаний Франко большинством латиноамериканских государств в феврале 1939 г., когда исход гражданской войны был уже предрешен. Первоначально Боливия сделала запрос о позиции Мексики и, получив ответ из Мехико о категорическом неприятии франкистского правительства, выразила понимание мексиканской позиции, но тем не менее, присоединилась к общему хору латиноамериканских государств⁷²³.

Оборотной стороной внешнеполитического курса режима были демонстративные пронацистские акции МИДа и официозной прессы. Стали нормой профашистские выступления членов кабинета и видных политических деятелей. Пронацистские настроения были широко распространены среди военных и политиков. С приходом к власти военных-социалистов резко интенсифицировались разносторонние связи с фашистскими государствами. В октябре 1936 г. в Боливию прибыла итальянская миссия для обучения полиции страны. Делегацию в Риме торжественно провожал сам граф Чано, который призвал «посланцев» нести в Новом свете «откровения» фашизма. В Боливии на этой волне профашистского энтузиазма возник Национал-социалистический легион ветеранов Чако, симпатии которого к нацизму были очевидны⁷²⁴.

Связи Боливии с нацистской Германией носили сердечный характер. Полковник Х.Санхинес, назначенный Д.Торо послом в Германии, на вручении верительных грамот Гитлеру 12 ноября 1936 г. говорил: «Мы в Боливии с восхищением наблюдаем за поступью национал-социалистической Германии, ибо сами идем тем

⁷²¹ Knudson J. Op.cit. P.60–61.

⁷²² Письмо Г.Госалвесы — шефу полиции Ла-Паса от 11 октября 1938 г. — MIN.RREE. 1938. M.IN. 1–109 (0112).

⁷²³ SRE.México. Legación en Bolivia. Guerra en España. Informe de 24 de febrero de 1939. III – 767 – 2.

⁷²⁴ SRF.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Revista política. Octubre. 1936. 27 – 29 – 13. ff.29–30.

же путем строительства национального социализма, программу которого наша страна выстрадала в ходе тяжелой войны в Чако. Особенно мы приветствуем политическую концепцию гитлеровского режима, противостоящего разрушительной и анархистствующей тенденции советского коммунизма»⁷²⁵. В ответной речи Гитлер подчеркнул: «Тот факт, что Боливия видит в коммунизме врага своей конструктивной деятельности, не может не радовать и является основанием взаимопонимания между нашими народами»⁷²⁶.

В своем отчете о беседе с Гитлером посол Х.Санхинес с удивлением отмечал «хорошую осведомленность фюрера о политическом развитии Боливии и строительстве национал-социализма правительством Д.Торо», из чего не без основания делал вывод об интенсивной работе германского посольства в Ла-Пасе, подробно информировавшего Берлин обо всем происходящем в Боливии. Кроме того, Гитлер упомянул о старых традиционных связях и добрых отношениях между боливийскими и немецкими военными⁷²⁷. Отношения военных-социалистов с Германией оставались дружественными, несмотря на наличие некоторых раздражителей, как, например, позиции Боливии в гражданской войне в Испании или в вопросе о еврейской иммиграции. Немцы предлагали помощь в реорганизации армии, в воспитании молодежи. Германские власти заявляли о своей готовности принять любое количество офицеров на обучение, а Гитлерюгенд приглашал многочисленные юношеские боливийские делегации в Германию на отдых и учебу⁷²⁸.

Фашистское влияние на военных-социалистов было огромным. В подражание европейским фашистам боливийские военные принимали законы и акты, вызывавшие справедливое возмущение внутри страны и за рубежом. Дело доходило до позорящих страну акций официальных властей Ла-Паса. Когда в ноябре 1937 г. пост министра сельского хозяйства занял неистовый антисемит и, как он сам себя называл, национал-социалист полковник В.Мендес, его ведомство, казалось бы, второстепенного ранга, занялось чисто политическими вопросами, в том числе и внешнеполитическими.

В.Мендес подготовил скандальный антиеврейский иммиграционный закон, который местами дословно повторял Нюрнбергские законы против евреев. Новые правила устанавливали обязательную регистрацию евреев в полиции, а также контроль за хозяйст-

⁷²⁵ MIN.RR.EE. 1936-1937. Alem. 1 — R — 14, f.128.

⁷²⁶ MIN.RR.EE. 1936-1937. Alem. 1 — R — 14, f.129.

⁷²⁷ MIN.RR.EE. 1936-1937. Alem. 1 — R — 14, f.131-132.

⁷²⁸ MIN.RR.EE. 1936-1937. Alem. 1 — R — 14, f.154; MIN.RR.EE. 1936-1937. Alem. 1 — R — 15, f.34.

венной деятельностью еврейских иммигрантов, которым разрешалось заниматься лишь сельскохозяйственным производством в колонизируемых тропических районах страны⁷²⁹. Х.Буш сразу же подписал проект закона, который затем пришлось срочно отменять под давлением общества и дипломатов, а также поддаваясь разумным уговорам и доводам членов кабинета.⁷³⁰ Однако вскоре, в 1938 г. МИД издал распоряжение о запрете еврейской иммиграции в Боливию. В такой многорасовой и полиэтнической стране как Боливия, пронацистские акции правительства вызвали не только гнев и возмущение, но и выглядели полным абсурдом. Ровно через день Хунта отменила это распоряжение МИДа, а затем даже заявила о поощрении еврейской иммиграции для колонизации востока страны.⁷³¹

14 марта 1938 г. было опубликовано очередное распоряжение, регулирующее еврейскую иммиграцию. Всем консульским учреждениям за рубежом предписывалось направлять просьбы о въезде в страну евреев в министерство сельского хозяйства. Разрешалось выдавать визы лишь тем, кто по своей профессии, мотивам и имущественному состоянию был способен участвовать в колонизации сельских районов востока страны. Более того, для временно выезжающих из страны евреев вводился особый режим, по которому они могли вернуться в Боливию, лишь заранее запасшись разрешением именно министерства сельского хозяйства⁷³². Националистическая пресса цинично объявляла такой режим образцом политики, лишенной всякого антисемитизма.

Антисемитским актом выглядели и неуклюжие действия боливийского МИДа, протестовавшего против предоставления Парагваем права поселения на спорной территории в Чако 15.000 австрийским евреям. Проблема заключалась не в пронацистском курсе Боливии, а в недопустимости распоряжаться территорией, принадлежность которой Парагваю еще не была подтверждена международными соглашениями. По сути Боливия была права, но неуклюжее акцентирование еврейского вопроса повредило этому демаршу. Кроме того, Боливия официально обратилась к Германии с просьбой воспрепятствовать еврейской эмиграции из Австрии в Парагвай. Обращение было выдержано в пронацистских тонах и воспринималось как акт солидарности с антисемитской политикой

⁷²⁹ El Diario. 19.03.1938.

⁷³⁰ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938. Informe de 3 de marzo de 1938. 30 – 3 – 16.

⁷³¹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 18 mayo de 1938. 30 – 3 – 15.

⁷³² AA. 1938. T.I. P.542–543.

Германии⁷³³. Многие страны, в том числе и США, заступились за еврейских иммигрантов из Европы, а Боливия была вынуждена оправдываться⁷³⁴. Лишь открытие страны для неограниченной еврейской иммиграции сняло напряженность вокруг Боливии, не без основания подозреваемой в прогерманском внешнеполитическом курсе и идеологических симпатиях. В июне 1939 г. министерство миграции вновь ввело ограничения на въезд в страну евреев, выделив квоту в 250 человек в месяц⁷³⁵.

Антисемитизм проник в боливийское националистическое движение, олицетворявшееся газетой «Ла Калье» и социалистами. Это был явно импортный политический товар. В «Ла Калье» с антисемитскими статьями выступал К.Монтенегро, для которого символом еврейского проникновения в Боливию был один из «баронов олова» Хохшильд. Антисемитские настроения усилились в конце 30-х годов, когда в Боливии стали появляться еврейские беженцы из Европы, искавшие убежища от нацистских преследований. «Ла Калье» утверждала в своих редакционных статьях, что евреи занимаются не производством, а торговлей и спекуляциями, обвиняла иммигрантов в эксплуатации боливийского народа⁷³⁶.

«Интеллектуальный» антисемитизм неожиданно нашел поддержку среди широких масс населения. Дело в том, что иммигранты активно скупали сельскохозяйственные угодья вблизи городов, а в маленьких городках становились владельцами магазинов, мастерских и других мелких заведений. Таким образом, появился слой боливийцев, продавших свои магазины или ремесленные мастерские, но потерявших в период инфляции и девальвации вырученные от продажи средства, и винивших во всех своих бедствиях приехавших евреев. Эти мелкобуржуазные элементы подпитывали антисемитские настроения политических партий и движений националистического толка. Газеты комментировали первые бытовые стычки боливийцев и европейских евреев при переделе мелкокорозничного рынка, конфликты по поводу еврейских магазинов, мест на рынке и прочее⁷³⁷. Хотя не стоит преувеличивать масштабы этого явления, тем не менее антисемитская риторика надолго стала частью лексикона националистических политиков.

В феврале 1939 г. еврейская проблема обсуждалась на «самом высоком» общественно-политическом уровне. В обществе «Друзья

⁷³³ MIN.RREE. 1937-1938. Alem. 1 – R – 15. ff.31-32.

⁷³⁴ Brien M. Op.cit. P.89.

⁷³⁵ La Calle. 27.06.1939.

⁷³⁶ La Calle. 10.12.1938.

⁷³⁷ La Calle. 18.01.1938.

города Ла-Паса» известный философ Роберто Пруденсио⁷³⁸ прочитал лекцию, выдержанную в крайне пронацистских тонах. Оппонентом выступил либеральный политик Т.М.Элио, подчеркнувший неразрывную связь демократии с расовой, религиозной и классовой терпимостью. Он высказался за победу демократий перед лицом наступления тоталитарных режимов в Европе. На лекции присутствовали министры правительства К.Салинас Арамайя и Э.Дьес де Медина, которые не стали осуждать экстремизм Р.Пруденсио. Оба лишь настаивали на необходимости проводить избирательную иммиграционную политику, поощряющую колонизацию удаленных районов⁷³⁹. Антисемитизм стал составной частью идейного багажа боливийского национал-реформизма в 30 – 40-е годы. Впоследствии это нашло отражение в «Программе принципов МНР», в которой разоблачались «антинациональные происки международного еврейства»⁷⁴⁰.

По иронии судьбы разразившийся скандал с визами еврейским эмигрантам стал катализатором кризиса режима «государственного социализма». Как уже говорилось, с 9 июня 1938 г. правительство объявило о поощрении еврейской иммиграции для колонизации тропических районов востока страны.⁷⁴¹ Правительство, по примеру аргентинцев, хотело создать целые еврейские районы в Чако, заселив таким образом пустынные районы востока страны. В январе 1939 г. боливийское правительство издало указание полиции проверить род занятий всех недавно въехавших в страну евреев. В случае если они не занимались сельским трудом в колонизируемых районах, их предписывалось высылать из страны.⁷⁴²

При всех дискриминационных ограничениях для евреев Боливия стала единственной страной в мире, разрешавшей в тот период неограниченную еврейскую иммиграцию, хотя это вызвало недовольство части офицерского корпуса и националистов. За год в Боливию въехало 10 тысяч европейских евреев.⁷⁴³ Скандал разразился, когда выяснилось, что боливийский консул в Париже К.Виррьера выдавал въездные визы, получая «вознаграждение» по 20 тысяч франков за каждую. Газеты требовали расследования и отставки замешанных в афере политиков. Первой жертвой пал министр иностранных дел Э.Дьес де Медина.

⁷³⁸ См. главу 2.

⁷³⁹ La Calle. 04.02.1939.

⁷⁴⁰ Lora G. ¿Fue revolucionario Carlos Montenegro? La Paz, 1987. P.48–49.

⁷⁴¹ El Diario. 10.06.1938.

⁷⁴² La Calle. 15.01.1939.

⁷⁴³ Klein H.S. German Busch and the Era of “Military Socialist” in Bolivia // HANR. 1965. vol.47, No.2.P.177.

Скандал привел в замешательство все руководство социалистических партий, министров, военных. Х.Буш окончательно убедился в моральном упадке и коррупции государственной власти. В марте — апреле 1939 г. Х.Буш переживал серьезный морально-психологический кризис. Он был крайне неудовлетворен результатами своего правления. Вот уже несколько месяцев, как обсуждались пути коренного изменения ситуации через установление тоталитарного режима, который смог бы покончить с «разрушительным» политиканством и коррупцией. По убеждению Х.Буша обновление нации, её омоложение, могло произойти лишь благодаря силе и энергии правителя. Всё это подталкивало к мысли о ликвидации демократического правления, к отказу от проведения выборов в Конгресс в мае 1939 г. и установлению диктатуры.

В марте 1939 г. умер один из соратников Х.Буша, самый молодой министр, философ и выдающийся политик А.Селада. Смерть близких товарищей, неудачи в политике и экономике угнетали действовали на президента. В апреле возникли серьезные проблемы со снабжением городов продовольствием. Практически полностью прекратились поставки мяса⁷⁴⁴. Правительство оказалось неспособным противостоять обстоятельствам. Тогда Х.Буш твердо принимает решение установить диктатуру и сделать личное энергичное усилие, чтобы переломить ситуацию и начать строить «новую Боливию».

В апреле 1939 г. завершился период «демократического» правления Х.Буша. С приходом к власти в июле 1937 г. Х.Буш не стал вносить изменений в главное направление политических реформ, осуществлявшихся под знаменем «государственного социализма». Сила режима состояла в опоре на широкий политический фронт партий, движений, профсоюзов и армии. Попытки Х.Буша достичь национального единства путем механического совмещения в своем правительстве самых разнородных политических сил — от националистов, фашистов и левых социалистов до проолигархических деятелей правоконсервативного толка, привели лишь к постоянным переменам в политическом курсе и, в конечном счете, топтанию на месте в условиях нарастающего экономического и социального кризиса. Вялый ход реформирования, главным инструментом которого должно было стать Учредительное собрание, невнятность экономической политики раздражали не только президента, но и его сторонников и союзников. Вслед за радикальными заявлениями не следовало никаких значительных действий, серьезных преобразований. Власть так и не решилась подступиться к самым болезненным точкам: к горнорудным монополиям и к аграрной реформе.

⁷⁴⁴ La Calle. 04.04.1939.

Военные-социалисты не могли, и похоже не знали, как приступить к кардинальным преобразованиям.

Отсутствие реальных реформ разочаровывало в Х.Буше его союзников слева. Считавшие себя опорой режима, левые, антиолигархические силы требовали решительных действий и проведения настоящих реформ. Политическая реформа, на которую социалисты возлагали большие надежды, оказалась выхоленной в частности из-за пассивного к ней отношения президента: корпоративистские планы так и остались лишь достоянием программ и манифестов самых радикальных партий, не найдя поддержки ни в обществе, ни во власти. Экономические преобразования не были начаты, а реформаторы так еще и не определились с методами и формами их проведения. Порой казалось, что даже ясные цели, не раз декларированные режимом, были лишь умозрительными лозунгами, не имевшими отношения к действительным задачам правительства.

Общество не понимало, чего хотят военные-социалисты на практике, и все более и более отворачивалось от них. Отсутствие экономических успехов привело к свертыванию политической реформы, к усилению влияния традиционных политических партий, представлявших интересы олигархии. Единственное, чего достигло правление военных-социалистов, так это всеобщей убежденности в необходимости и неизбежности радикальных реформ. Провалы в создании проправительственной партии под социалистической или националистической вывеской доказали Х.Бушу слабость антиолигархических политиков и их неспособность сформировать реформистский блок, обладающий гегемонией в обществе. Эксперимент демократического правления военных-социалистов оказался неэффективным. Вывод, сделанный Х.Бушем из неудач реформирования, подвел его к мысли об установлении личной диктатуры как единственного выхода из политического тупика.

Диктатура Х.Буша и конец режима военных-социалистов.

Отсутствие реальных результатов правления, топтание на месте, продолжающиеся кризисные явления в экономике, а также усталость и раздражение от политической борьбы и дворцовых интриг были теми побудительными мотивами, которыми руководствовался Х.Буш в своем решении установить диктатуру. Большое впечатление на него оказывали «успехи» фашизма в Европе, о чем тогда повсеместно говорили. В тоталитарных режимах его привлекал представляемый нацистской пропагандой «романтический» образ национального единства, классового и социального мира, политической сплоченности народа, а также экономические успехи по преодолению безработицы и инфляции. Х.Буша мало интересовали подробности экономических реформ и реальности функционирования политической системы нацизма, его привлекала форма правления, не допускавшая формальной демократии, ставшей для него синонимом коррупции и политиканства.

Его советники и друзья, в первую очередь, К.Салинас Арамайо, человек яркой и трагической биографии⁷⁴⁵, в эти годы метавшийся между социалистическими идеями и профашистскими увлечениями, подталкивали Х.Буша к диктатуре левореформистского типа. К.Салинас Арамайо приложил немало усилий к подготовке президента к резкой смене курса и установлению диктатуры. За диктатуру стоял и министр внутренних дел В.Лейтон, имевший репутацию левого политика. Однако, многим наблюдателям тогда казалось, что речь идет о диктатуре фашистского типа.

24 апреля 1939 г. Х.Буш ко всеобщему удивлению объявил об установлении диктатуры. Он обратился к нации с манифестом, в

⁷⁴⁵ Он был расстрелян при профашистском правительстве Г.Вильяр-роэля в 1944 г. как представитель «продажной, проамериканской олигархии».

котором подробно изложил свою биографию, свое служение на благо страны. Он подчеркивал, что разочарован в эффективности власти, погрязшей в коррупции, обвинял правящие круги, чиновничество, прессу, партии в аморальном отношении к собственной стране.⁷⁴⁶ Х.Буш констатировал, что три года «государственного социализма» ни к чему не привели: не было достигнуто ни одной цели, поставленной майской революцией 1936 г. Он напоминал, что правые политические силы требовали от военных уйти в казармы, а в этих призывах Х.Буш усматривал опасность разжигания вражды между армией и народом, чреватой гражданской войной. Х.Буш указал на опасность раскола армии, над чем трудились правые партии, побуждая консервативную верхушку вооруженных сил удалить реформистское руководство и подготовить возвращение к власти олигархии. Как показали события, впоследствии именно этот сценарий и был осуществлен.

Х.Буш призывал страну к «омоложению», построению нового общества, свободного от олигархической реакции и левого экстремизма. Х.Буш говорил: «Сегодняшняя жизнь нации контролируется привилегированными финансовыми группами, стремящимися поглотить всю государственную власть, провоцируя рост экстремистских тенденций в обществе, которые могут разрушить все государственные институты... Я выше этих тенденций и интересов, я с Боливией... Я понимаю всю значимость своих решений и осознанно принимаю всю ответственность на себя. Я беру в свои руки всю полноту власти»⁷⁴⁷.

Политические гарантии конституции и действие республиканских институтов власти были отменены. Конгресс был официально распущен, а предстоящие выборы откладывались на неопределенное время. Декрет, подписанный всем кабинетом министров, аннулировал мандаты депутатов, но обещал всеобщие парламентские выборы в будущем. Хотя провозглашалось действие конституции 1938 г. в разделах не противоречащих декрету о диктатуре, демократический механизм власти был ликвидирован⁷⁴⁸. Страна стала управляться путем декретов. Министр В.Лейтон заявил осаждавшим его журналистам: «Сейчас речь идет о диктатуре, которая имеет единственную цель — подготовить страну к подлинной демократии... Что же касается аннуляции мандатов депутатов собрания, то мы лишь сделали то, о чем единодушно просит вся стра-

⁷⁴⁶ El Diario. 25.04.1939.

⁷⁴⁷ El Diario. 25.04.1939.

⁷⁴⁸ La Calle. 25.04.1939.

на»⁷⁴⁹. Переворот выглядел как чисто каудильистское, типичное для латиноамериканских стран пронунсиамьенто.

Большинство народа ещё испытывало большие симпатии к Х.Бушу и поэтому одобрило его действия. Некоторые левые сразу поддержали действия Х.Буша. Среди них был Т.Мароф.⁷⁵⁰ Однако, левые в своем большинстве осудили переворот. 26 апреля в «Ла Калье» появилась резкая антипрезидентская статья А.Сеспедеса. Он осуждал действия президента, ибо усматривал в них попытку возвращения к власти олигархии. Его не пугала диктатура, даже наоборот: «Если бы речь шла об установлении тоталитарного режима, тогда государство поставило бы свои интересы выше частных лиц и освободилось бы от влияния империализма. Эта система эффективнее любой демократии. Опасность состоит в том, что тоталитарный режим должен возникать из социальной революции, а сейчас мы имеем дело с установлением диктатуры, сохранившей без изменения всю обветшалую, громоздкую и неповоротливую структуру демократии». А.Сеспедес обвинил олигархию в желании подчинить себе президента, наделив его диктаторскими полномочиями⁷⁵¹.

В оппозиции к диктатуре оказались самые верные союзники режима военных-социалистов, газета «Ла Калье», социалисты. 1 мая 1939 г. А.Сеспедес, Ф.Эгино Савалья, В.Пас Эстенсоро, В.Гевара Арсе, К.Мединасели и другие опубликовали манифест, в котором наряду с протестом против диктатуры, оставляли открытой дверь для сотрудничества с Х.Бушем. В документе говорилось: «Перед всеми боливийцами возникла дилемма: поддержать или объявить войну диктатуре. Если диктатура будет способна освободить государство от подчинения интересам олигархии и империализма, то должны быть приняты радикальные меры, например, национализация Горнорудного банка, строгий контроль за экспортом как единственный способ удержать в стране национальные богатства, строгий контроль над банковской системой,... строительство оловошавильных заводов в Оруро и Потоси, ограничение латифундий... Если диктатура способна решить фундаментальные проблемы страны, то без сомнения вся нация за исключением олигархических факторий пойдет за диктатором»⁷⁵². После опубликования этого манифеста «Ла Калье» была временно закрыта по приказу Х.Буша. Через 20 дней газета возобновила свои публикации. В связи с годовщиной майской революции 17 мая «Ла Калье» так

⁷⁴⁹ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.95.

⁷⁵⁰ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1817.

⁷⁵¹ La Calle. 26.04.1939.

⁷⁵² Antezana L. Busch. A las FF.AA. de Bolivia. La Paz, 1965. P.26.

анализировала эволюцию «государственного социализма»: «Поражение социализма произошло по вине интеллигенции и руководства левых партий, которые не смогли создать эффективную структуру для консолидации движения»⁷⁵³. Пораженческие настроения социалистов вскоре исчезли, и они вновь стали сотрудничать с Х.Бушем. В «Ла Калье» был учрежден цензурный контроль. Любопытно, что цензором был назначен редактор умеренно-консервативной газеты «Ультима Ора» Х.Канедо Рейес⁷⁵⁴. Даже в этом Х.Буш остался верен себе: привлечь в правительство порою непримиримых противников.

Многие опасались профашистского курса диктатуры, но вскоре стала очевидной необоснованность этих страхов. Правительство более склонялось к левым реформаторам, нежели к профашистски настроенным военным и политикам. Для успокоения общественного мнения и правительств за рубежом посол Боливии в США заявил, что его страна отныне стала союзницей США против блока фашистских государств. Посол подчеркнул, что диктатура положила конец проникновению фашизма в Боливию и одновременно нанесла сокрушительный удар по коммунистам и анархистам.⁷⁵⁵ Чтобы покончить с широко распространившимися слухами о стремлении Боливии к союзу с державами оси, МИД сделал заявление, в котором подчеркнул, что в стране установлена не тоталитарная диктатура, а временный чрезвычайный режим, и что Боливия стоит на стороне демократий и американского континента в целом⁷⁵⁶.

В подтверждение этого декретом от 27 апреля Буш запретил «пропаганду иностранных политических доктрин, использование знаков, знамен, униформы, связанных с этими теориями»⁷⁵⁷. Борьба с «иностранщиной» в идеологии — идея, вынашиваемая националистами К.Монтенегро и А.Сеспедесом, была воплощена в декрете, содержание которого могло быть направлено и против коммунизма, и против фашизма. Собственное идеологическое обоснование диктатуры состояло в моральном очищении и «омоложении» нации. По словам Р. Савалета Меркадо, Х.Буш попытался воплотить в жизнь то, о чем писал Тамайо⁷⁵⁸. Речь шла о волюнтаристском противостоянии судьбе и историческом прорыве, о требовании личной жертвы во имя нации.

⁷⁵³ La Calle. 17.05.1939.

⁷⁵⁴ Céspedes A. El dictador suicida. P.197.

⁷⁵⁵ РГАСПИ. Ф.495. оп.122. д.1. л.41.

⁷⁵⁶ La Calle. 18.05.1939

⁷⁵⁷ РГАСПИ. Ф.495. оп.122. д.1. л.40.

⁷⁵⁸ Zavaleta Mercado R. La formación de la conciencia nacional. P.61

Главная идея диктатуры могла быть сформулирована следующим образом: «Новая Боливия» — это страна, свободная от индивидуального эгоизма и коррупции. Диктатура говорила о «моральной революции». В рамках идейно-морального очищения и обновления главная роль отводилась просвещению и воспитанию народа. Одной из первых акций диктатуры было принятие нового «Кодекса просвещения». В конституции 1938 г. была провозглашена первостепенная обязанность государства обеспечить всеобщее начальное образование. В период президентства Буша средства бюджета, направляемые на образование, представляли вторую по величине после военного министерства статью расходов: почти столько же, сколько и все остальные министерства вместе взя-⁷⁵⁹тые.

Наряду с реформой образования были завершены работы по разработке трудового и социального законодательства, которому предназначалось быть одним из столпов классового мира⁷⁶⁰. 24 мая 1939 г. был опубликован «Трудовой кодекс», содержавший 122 статьи. Кодекс начал разрабатываться еще при Д.Торо его министром труда и лидером профсоюза печатников В.Альваресом, а затем дорабатывался созданной в феврале 1938 г. совместной комиссией профсоюзов и правительства во главе с Р.Хорданом и Р.Каприлесом, сохранивших основу, предложенную их левыми предшественниками.

Свод социальных законов получил название «Кодекс Буша», хотя с полным правом мог бы именоваться и кодексом Альвареса, его настоящим автором. Этот свод законов исходил из принципов всеобщей синдикализации. В законе провозглашалось право на объединение в профсоюзы, гарантировал «фуэро», то есть неприкосновенность профсоюзных лидеров, запрет на их увольнение или перевод на другие участки работы, что было большой политической победой трудящихся.⁷⁶¹ Кодекс декларировал, что целью профсоюзного движения является защита интересов трудящихся. Вводились коллективные договоры, ежегодный оплачиваемый отпуск, компенсация за увечья на производстве, льготное продо-

⁷⁵⁹ Эти данные, основанные на архивах министерства финансов, приводятся в работе М.Бринена — Brienens M. Op.cit. P.85.

⁷⁶⁰ Ещё до провозглашения диктатуры Х.Буш своими декретами дополнил действовавшее социальное законодательство. Так в августе 1937 г. были внесены изменения в законы 1924 г. и установлена компенсация за потерю трудоспособности, болезни, смерти на производстве. — АА. 1937. Т.3. P.132–133.

⁷⁶¹ Ponce Garcia J., Stanley T., Cisneros A. Op.cit. P.23.

вольственное обеспечение через специальные лавки за счет предприятия и т.п.

Правительственная активность в области социального законодательства была призвана компенсировать негативное отношение рабочих к результатам экономической политики военных социалистов. Неуклонно снижалась реальная зарплата наемных рабочих, особенно в горнорудной промышленности, где заработки были традиционно выше, чем в городах. Доходы боливийских рабочих так и не достигли уровня кануна войны в Чако⁷⁶². Принятие этого кодекса было большим шагом вперед в решении «рабочего вопроса», хотя большинство положений кодекса остались на бумаге. Даже через 5 лет после его принятия, в 1943 г., официальные власти признавали, что социальное страхование, обязательное содержание больниц предпринимателями, пособия по безработице и т.д. остаются лишь проспектом будущего.⁷⁶³

Кодекс запрещал систему «энганче», то есть вербовки, по которой посредники набирали в деревнях рабочих на кабальных условиях. Как правило, семья крестьянина получала авансом небольшую сумму, и часть зарплаты рабочего шла в оплату этого долга и невероятно высоких процентов. Долговое рабство затягивалось на долгие годы, пока рабочий не погибал от профессиональных болезней или не становился калекой. Посредники договаривались на самые невыгодные для своих «протезе» условия, за что получали высокие комиссионные. Такая варварская практика найма вызывала протест профсоюзов и левых партий. Статья 31 кодекса Буша официально запретила эту практику, установив исключительное право государства на посредничество при найме⁷⁶⁴. Впрочем, механизм контроля, исправляющий такое положение, создан не был.

Впервые за всё время правления Х.Буша его кабинет приступил к экономическим реформам. Ситуация с реформированием экономики, с чем связывался выход из затяжного кризиса, в новых политических обстоятельствах выглядела неоднозначно. С одной стороны, ближайшее окружение Х.Буша, его министр финансов С. Шульце строго стояли на страже интересов «баронов олова». Промолигархические деятели внушали Х.Бушу мысль, что единственная возможность выйти из экономического тупика — это полное доверие и поддержка Патиньо и других «баронов». Они представляли «баронов» как бескорыстных меценатов, приносящих в жертву отечеству свое достояние и умение управлять экономикой.

⁷⁶² Labour Problems in Bolivia. Report of the Joint Bolivian — United States Labour commission. Montreal, 1943. P.8.

⁷⁶³ Ibidem.

⁷⁶⁴ Ibid. P.39

С другой стороны, Х.Буш ставил перед своими министрами задачу проведения таких реформ, которые позволили бы укрепить народное хозяйство страны, справиться с бюджетным кризисом, а затем перейти к индустриализации. Бюджетная дыра была столь велика, что Х.Буш издал 15 мая 1939 г. декрет об увеличении налогов на экспорт. Был установлен 25 % налог на валютную прибыль компаний. Увеличение налога сопровождалось отменой обязательной сдачи валюты, получаемой от экспорта, чего давно желали горнорудные компании⁷⁶⁵. Несмотря на отмену обязательной передачи валюты государству, величина налога была столь высока по сравнению с предыдущими годами, что декреты были восприняты в штыки экспортерами, а единый обменный курс угрожал всплеском инфляции.

К.Монтенегро, В.Пас Эстенсоро, Ф.Поу Монт и другие левые националисты убеждали президента в несправедливости и пагубности для страны промонополистического курса, к которому подталкивали его советники. Публичное признание самого Шульце, что декрет не только согласован по всем параметрам с монополиями, но и составлен в их интересах, вызвало ярость Х.Буша, и он отправил министра в отставку. Главным изменением в кабинете стало назначение на пост министра финансов реформиста Ф.Поу Монта. Х.Буш чисто по-военному сделал крутой поворот во всей политике, поручив Ф.Поу Монту разработать новый декрет о налоговой реформе⁷⁶⁶. 25 мая Х.Буш отменил предыдущие декреты, объявив это подготовкой фундаментальных реформ в экономике⁷⁶⁷. В своем первом интервью прессе новый министр финансов подчеркнул: «Необходимо срочно провести налоговую реформу, возложив большее бремя на богатых... Правительство не должно ни при каких обстоятельствах сокращать расходы на жизненно важные цели: общественные работы, зарплату, национальную оборону и т.п.». Декреты, подготовленные Шульце, он охарактеризовал как наносящие вред государству⁷⁶⁸. Вслед за этим был восстановлен ранее действовавший режим сдачи валюты государству.

В ответ Ассоциация горнопромышленников предложила правительству создать специальный группу технических советников для выработки принципов государственной политики в отрасли. Х.Буш пошел на встречу этим предложениям и распорядился создать «Постоянный горнорудный комитет», в который должны были войти представители как монополий, так и мелких и средних

⁷⁶⁵ La Calle. 20.05.1939.

⁷⁶⁶ Céspedes A. El dictador suicida. P.201–203.

⁷⁶⁷ La Calle. 26.05.1939.

⁷⁶⁸ La Calle. 26.05.1938.

шахтовладельцев. Впервые после 20-х годов все предприниматели отрасли как мелкие, так и крупные были готовы объединиться во имя общих целей. Динамика роста цен на олово на мировом рынке снимала многие противоречия между производителями и делала неактуальными их споры вокруг квот на экспорт, чем до того пользовалось правительство, сглаживая конкурентов. Комитет потребовал от властей отмены системы дифференцированных курсов валют и снижения налогов в отрасли. Демарш горнопромышленников успеха не имел.

Требования горнопромышленников противоречили планам правительства. Х.Буш стремился к экономической независимости страны, начало которой могли положить индустриализация и диверсификация народного хозяйства с опорой на горнорудную промышленность. Первоначально он надеялся на добрую волю и патриотизм Патиньо и Арамайо. Однако, националисты убедили его в обратном, подталкивая к установлению жесткого контроля государства над горнорудными монополиями.

Министр финансов Ф.Поу Монт подготовил несколько декретов, которые означали начало глубоких реформ в основной отрасли боливийской экономики. 7 июня 1939 г. Х.Буш подписал три исторических и роковых для него самого декрета. Главным был декрет о 100% сдаче государству валюты, вырученной от экспорта минералов. Декрет устанавливал централизованный и абсолютный контроль государства над валютными поступлениями, при этом сохранялся выгодный государству дифференцированный обменный курс национальной валюты. Статья 38 под нарушениями положений декрета понимала «всякое пассивное сопротивление: саботаж, локаут, сокращение объема производства, любые прямые и косвенные меры, направленные на изменение нормальной работы рудников»⁷⁶⁹. Нарушители декрета наказывались ни больше, ни меньше как смертной казнью. Суровые меры должны были гарантировать исполнение декрета, который угрожал лишить горнорудные компании части их прибыли.

Другим декретом было проведено огосударствление созданного при Д.Торо в 1936 г. Горнорудного банка, главной задачей которого объявлялось кредитование и стимулирование мелких и средних шахтовладельцев, что, по мысли авторов закона, должно было привести к демополизации отрасли. Председателем Горнорудного банка был назначен В.Пас Эстенсоро, ставший к этому времени одним из признанных лидеров националистов. Директором банка стал считавшийся марксистом, но давно уже присоединившийся к

⁷⁶⁹ La Calle. 10.06.1939.

националистам или, как они сами себя называли, «революционным националистом», В.Гевара Арсе.

Комментируя свои новые решения, Х.Буш заявил прессе: «Я сделаю государство независимым от негативных сил... я оставлю страну с реальными богатствами, которые до сего дня она не могла контролировать». Ф.Поу Монт сформулировал более четко цели реформы: «Декреты направлены на укрепление национальной экономики за счет поступлений валюты, получаемой от экспорта. Нужно прекратить отток капитала из страны»⁷⁷⁰. Национал-реформисты видели в этом декрете главное орудие новой политики диверсификации и индустриализации страны, где главным действующим лицом было бы государство, получавшее значительный источник накоплений из экспортных отраслей.

Декрет вызвал панику среди магнатов и проолигархических кругов. Из Сантьяго-де-Чили в Ла-Пас срочно прилетел М.Хохшильд. 9 июня 1939 г. многочисленная делегация горнопромышленников тщетно добивалась приема в президентском дворце. Однако дальше приемной их не пустили, Х.Буш отказался принять представителей монополий.

10 июня Х.Буш обратился по радио к нации. Он сказал: «Государство как регулятор национальной экономики должно координировать интересы промышленности, торговли, добывающих отраслей во имя высших интересов страны». Он убеждал, что декрет «гарантирует увеличение инвестиций под контролем государства, обеспечит укрепление национального капитала с целью обеспечить экономическую независимость республики». Он процитировал другой свой декрет: «Национализация Горнорудного банка сыграет роль источника развития и защиты интересов средних и мелких горнопромышленников».

Х.Буш объяснял введение новой экономической системы защитой благосостояния обездоленных классов. Обосновывая свои действия, Х.Буш сослался на 17 статью новой конституции, в которой речь шла о социальной справедливости как принципе построения экономической модели. Оправдываясь перед своими либеральными оппонентами за вмешательство в дела частного бизнеса, Х.Буш указал на успешные примеры государственного контроля над экономикой в Германии, Италии, СССР и Испании. Из латиноамериканских стран он назвал Аргентину, Бразилию и Чили, установивших государственный контроль над иностранным капиталом и экспортом. В качестве примера этатистской политики в экономике Х.Буш ссылаясь и на «новый курс» Рузвельта.

⁷⁷⁰ La Calle. 10.06.1939.

Для президента целью реформы было избежать утечки капитала и еще большего обнищания страны. Фактически Х.Буш повторил все аргументы левых в Учредительном собрании во время дискуссии о собственности. По его словам, принятие закона «не отменяет частную собственность, однако право собственности должно соизмеряться с общественным интересом»⁷⁷¹. Декреты были самым решительным проявлением экономического национализма.

Х.Буш призвал народ и армию поддержать его реформы: «Будут говорить, что моё правительство революционно. Да, граждане, я желаю революции, результатом которой будет то, что Боливия, наконец, воспользуется своими богатствами»⁷⁷². Действия Х.Буша поддерживали все левые и националистические силы. Недавно еще фрондировавшая «Ла Калье» вновь стала главным защитником правительства. Декрет вызвал подъем массового патриотизма и народного энтузиазма. 15 июня в Ла-Пасе прошла невиданная по своим масштабам демонстрация в поддержку президента. Манифестация проходила вечером, и когда Х.Буш вышел на балкон президентского дворца «Кемадо», чтобы обратиться к народу, на электростанции произошла авария и площадь погрузилась в темноту. Митинг продолжался при свете свечей, отчего слова Х.Буша воспринимались особо торжественно и романтично. Х.Буш провозгласил восстановление суверенитета страны над её богатствами. Он призвал всю нацию, капиталистов и трудящихся, к совместной работе в строительстве новой Боливии: «Пришел час самопожертвования, и мы все должны быть готовы к этому во имя родины»⁷⁷³.

Обстоятельства митинга возбудили сильные чувства и в самом Х.Буше. На состоявшемся после него банкете, как рассказывал А.Сеспедес, Х.Буш произнес потрясающую по своей глубине и искренности переживаний за постоянные поражения и унижения родной страны речь. В частности, он сказал: «Я стал президентом не для того, чтобы служить капиталистам. Это они должны быть на службе у своей страны, и если они не станут этого делать по своей воле, я смогу их заставить. Товарищи, клянусь Вам, что я, Херман Буш, покажу этим Патиньо, Арамайю, Хохшильдам, всем эксплуататорам Боливии, что здесь есть президент, который заставит уважать свою страну и народ»⁷⁷⁴. Этими словами Х.Буш будил

⁷⁷¹ La Calle. 11.06.1939

⁷⁷² Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1785.

⁷⁷³ La Calle. 16.06.1939.

⁷⁷⁴ Céspedes A. El dictador suicida. P.204.

самые радужные надежды на продолжение реформ и антиолигархической политики, о которой лишь говорили последние три года.

Антиолигархический настрой Х.Буша проявился в его дальнейших действиях. Он реорганизовал свой кабинет, усилив в нем радикальное националистическое крыло. Вместо умеренного А.Острия Гутьерреса на пост министра иностранных дел был назначен К.Салинас Арамайо. В условиях формирования блоков государств накануне мировой войны решение вопросов внешнеполитической ориентации страны в определенной степени влияло на выбор направления внутреннего развития. Назначение К.Салинаса Арамайо предполагало усиление националистических и антиимпериалистических тенденций при отходе от профашистской линии поведения правительства Боливии.

Кроме К.Салинаса в кабинет вошли другие близкие Х.Бушу левые молодые политики. Министерство сельского хозяйства возглавил радикальный националист, тесно связанный с ЛЕК Х.Меркадо Росалес. Впервые было создано министерство пропаганды и туризма. Его возглавил директор националистической газеты «Ла Ноче» М.Флорес, который уже пережил и близость к президенту, и опалу после «марофистского» псевдо-путча в ноябре 1938 г. Новое министерство было призвано осуществлять цензуру оппозиционной прессы и проводить информационную политику поддержки антиолигархических мероприятий диктатуры. Для усиления полицейского надзора и контроля над действиями оппозиции в столице был назначен новый префект, преданный Х.Бушу человек, Х.Саенс Гарсия.

Реагируя на нововведения, 14 июня 1939 г. горнопромышленники направили Х.Бушу записку с замечаниями к изданным декретам и постановлениям. Промышленники подчеркивали, что не выступают против правительства, а лишь требуют согласований с ними всей экономической политики. Х.Буш был рад этому обращению, ибо искал согласия в обществе, в том числе и с монополиями. Однако страсти были слишком накалены, а декрет о 100% сдаче валюты был для него своего рода символом веры и знаком его собственной судьбы. 20 июня 1939 г. Х.Буш ответил: не будет никаких отступлений от декрета во всем его объеме и деталях. Подчеркивая свою бескомпромиссность, он приказал опубликовать в газетах свой ответ на обращение горнопромышленников.⁷⁷⁵

Решительное настроение президента длилось недолго, и он вернулся к любимому им методу примирения враждебных сторон.

⁷⁷⁵ La Calle. 30.06.1939.

Уволенный министр финансов Ф.Гутьеррес Граньер⁷⁷⁶ был переведен управляющим Горнорудного банка, в то время как официальные руководители банка, председатель В.Пас Эстенсоро и директор В.Гевара Арсе остались без реальных полномочий. Вскоре Х.Буш вернул к руководству банка своего бывшего министра финансов А.Паласиоса, которого поставил начальствовать над директорами Горнорудного банка, обесценив все предыдущие назначения⁷⁷⁷.

Х.Буш все еще надеялся привлечь монополии к патриотическому делу подъема страны. Не имея собственных идей о будущей экономической системе, и считая, что решать проблемы роста и развития народного хозяйства должны «капитаны производства», легендарные боливийцы, ставшие всемирно известными магнатами Патиньо и Арамайо, Х.Буш обратился к ним напрямую с невероятной наивностью и романтическим призывом посвятить себя «возрождению Боливии». 27 июня он послал большое письмо Патиньо, в котором, взывая к патриотическим чувствам самого известного боливийца, приглашал его к активному участию в подъеме экономики, её диверсификации и индустриализации. Это послание Г.Госалвес передал в Париже Патиньо.

Х.Буш верил в патриотизм Патиньо. На него произвели очень благоприятное впечатление запомнившиеся ему надолго слова Патиньо во время кризиса на переговорах о мире с Парагваем в 1938 г., когда вновь замаячила опасность возобновления военных действий. Тогда в интервью Ассошиейтед Пресс Патиньо громко и ясно, на весь мир заявил, что в случае возобновления войны передаст все свои финансовые и экономические ресурсы в распоряжение правительства и будет до последнего сотрудничать с режимом Х.Буша⁷⁷⁸. Такие слова впечатляли Х.Буша, создавали у него иллюзии относительно подлинных чувств и патриотизма магната.

В своем письме Х.Буш просил Патиньо стать опорой подъема страны, находящейся на дне глубокой пропасти. Он писал: «Внутренний развал страны стал очевидным фактом. Демагогия и борьба партий, безграничные и неудержимые, разрушили все моральные устои общества... Патриотизм стал пустым словом, а личные ам-

⁷⁷⁶ В этот период Ф.Гутьеррес Граньер входил в близкий «баронам олова» круг политиков, и стойко защищал их интересы. Опыт работы в правительстве Х.Буша, последующая история страны привели его в лагерь антиолигархической, националистической революции. — Almaraz S. El poder y la caída: El estaño en la historia de Bolivia. La Paz, 1980. P.85.

⁷⁷⁷ Klein H.S. German Busch and the Era of "Military Socialist" in Bolivia // H.A.H.R. 1965. vol.47, No.2. P.181.

⁷⁷⁸ El Diario. 01.07.1938.

биции — законом». Далее Х.Буш призывал: «Прошу Вашего сотрудничества в осуществлении исторических задач, стоящих передо мной. У Вас есть средства, а нам нужны школы для поднятия культурного уровня в большинстве своем неграмотного народа, нам нужны железные дороги, которые связали бы внутренние районы страны, нам нужны больницы, детские дома..., нам нужна промышленность, которая даст импульс развитию всей экономики»⁷⁷⁹. Х.Буш приглашал Патиньо встать рядом с ним в осуществлении амбициозных планов строительства новой процветающей Боливии.

В своем ответном письме Патиньо жаловался на тяжелое финансовое положение и отсутствие средств. После ответа магната у Буша не осталось никаких иллюзий в отношении «баронов». Отказ Патиньо, которого Х.Буш считал своим союзником и всегда ориентировался на политиков его круга, ибо для него тот был великим боливийцем, произвел на него шокирующий эффект. Х.Буш был разочарован, раздосадован и подавлен. Нарастанию психологического кризиса у диктатора способствовало дело другого «барона олова» Хохшильда.

В ответ на декрет и несмотря на грозные предостережения властей Хохшильд объявил локаут на своих рудниках. Его фирма давно вызывала град нападков со стороны националистических организаций. Хохшильд стал олицетворением всевозможных «зол» и прегрешений. Здесь было и еврейское происхождение, и его посредническо-торговая специализация, дававшая ему «славу» грабителя мелких и средних производителей, и постоянные разоблачения в подкупе чиновников и использовании государственных средств во благо фирмы. Ещё в 1937 г. ЛЕК призывал Х.Буша разорвать все контракты и аннулировать концессии Хохшильда, ибо его деятельность приносила вред государству⁷⁸⁰. Лучшей мишени для националистов нельзя было придумать.

После опубликования декрета Хохшильд провел опрос среди мелких и средних шахтовладельцев, главным пунктом которого было: кому вы отдаете предпочтение при продаже вашей продукции, фирме Хохшильда или Горнорудному банку. Опрос был болезненным ударом по правительству, которое представляло себя защитником именно мелких и средних предпринимателей. Ответ, как и следовало ожидать, был не в пользу государства. Опираясь на эти данные, Хохшильд в полемическом запале направил

⁷⁷⁹ Sandoval Rodriguez I. Nacionalismo en Bolivia. Ensayo histórico-político. La Paz, 1970. P.169–170.

⁷⁸⁰ Письмо ЛЕК — Х.Бушу от 23 сентября 1937 г. — ANB. PG. 1937. C.13. T.157 (PG7601).

Х.Бушу резкое письмо. В нем он подчеркивал: «Мелкие горнопромышленники были очень довольны действиями посредников при контроле со стороны Горнорудного банка. Ваш декрет разрушает не только доверие горнорудного сектора, но и вообще доверие к правительству страны». Далее более: «Вы явно не знаете реального положения рабочих, занятых в отрасли. Наше предприятие постоянно повышает уровень жизни своих рабочих, улучшая их питание и жилище. Большинство этих рабочих — индейцы. Сравните их хижины в деревнях и наши поселки. Сравните их скудную пищу, состоящую из кукурузы и коки, с мясом и овощами, получаемыми ими на руднике»⁷⁸¹. Письмо вызвало ярость диктатора. Вслед за этим обнаружился подлог в документах, представляемых Хохшильдом налоговым органам. Налицо было нарушение декрета, каравшееся смертной казнью.

3 июля Х.Буш вызвал магната и после бурной беседы приказал арестовать его и нескольких других горнопромышленников, обвиненных в нарушении декрета.⁷⁸² 5 июля 1939 г. президент созвал кабинет министров для обсуждения дела Хохшильда. В присутствии обвиняемых Х.Буш сразу же поставил единственный вопрос: «Господа! Мое главное желание — это освобождение страны от социальной, политической и экономической прострации. Я хочу, чтобы Боливия почувствовала себя свободной и суверенной страной. Я требую смертной казни для Маурисио Хохшильда, главного автора пассивного сопротивления декрету. Никаких мягких мер. Я издаю декреты для их исполнения»⁷⁸³. Присутствовали все министры, и все, в том числе и приятель Хохшильда Д.Фионини, утвердили приговор всем обвиняемым. Казнь была назначена на следующее утро.

Утвердив приговор, министры принялись уговаривать Х.Буша помиловать осужденных. Их главным защитником был Э.Бальдивесо, понимавший абсурдность действий президента и кошмар смертного приговора⁷⁸⁴. Другие министры, в том числе и обычно радикально действующий К.Салинас, также стали доказывать президенту бесполезность и невыгодность этого варварского акта. Стали звонить в посольства, призывая иностранные представительства вступить за Хохшильда. Пугали возможными обвинениями в антисемитизме и нацизме, осложнениями с Аргентиной, гражданином которой был Хохшильд. Дело дошло до предложе-

⁷⁸¹ Crespo A. Los Aramayo de Chichas. Tres generaciones de mineros bolivianos. Barcelona, 1981. P.325.

⁷⁸² Brien M. Op,cit. P.91.

⁷⁸³ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.105.

⁷⁸⁴ ABBN. Diario de Alcides Arguedas. T.9. P.31.

ний выкупа жизни магната за 25 млн боливиано⁷⁸⁵. За Хохшильда вступились и военные, генералы Ф.М.Ривера и В.А.Мендес. Под общим давлением Х.Буш отменил свой приказ о расстреле.

Драматические коллизии этого дня закончились трагикомично. Было решено обнародовать приказ о смертной казни Хохшильда, а через день декрет о помиловании. Хохшильд вышел на свободу, его пригласили на беседу к Бушу, который в присутствии Э.Бальдивесо отчитал магната «за неверное поведение»⁷⁸⁶... Вот и все.

Неудача в переговорах с Патиньо и провал «кавалерийской атаки» на монополию привели к глубокому душевному кризису президента. Буш стал мало интересоваться политическими событиями. Последней его значимой акцией было принятие 3 августа 1939 г. подготовленного министрами-реформаторами декрета о национализации Центрального банка, который до этого момента был смешанным банком двойного назначения: коммерческим и эмиссионным. Решения по действиям банка принимали акционеры. После декрета Х.Буша государство стало единственным собственником, обязуясь вернуть стоимость акций их держателям в золоте или валюте.⁷⁸⁷ Государство получало эффективный инструмент контроля над банковской системой. Реформа Центрального банка была составной частью предпринимаемых реформаторами усилий по созданию независимой экономической системы в стране.

В августе стало очевидным кризисное состояние диктатуры. Реформы не давали результатов, цели и средства были неопределенны, а сам Х.Буш оказался в политической изоляции. Президент оставался инертным, был разочарован и переживал глубочайший душевный кризис. Он впал в депрессию, отошел от повседневного управления страной, потерял всякий интерес к событиям. М.Алькасар так описывал эти дни президента Буша: «22 августа. Уже неделю президент не входит в свой кабинет, мучается зубной болью и пьет»⁷⁸⁸. Он проводил все время дома, в кругу семьи. Жил он очень скромно, в своем доме в районе Мирафлорес, где рядом с ним обитали его родственники, служившие при нем адъютантами. Трагические события ночи 23 августа произошли среди близких, не считая солдата караула, приставленного к дому. В ту ночь при

⁷⁸⁵ Céspedes A. El dictador suicida. P.206.

⁷⁸⁶ Ibidem.

⁷⁸⁷ Iñiguez E. Op.cit. P.95

⁷⁸⁸ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.108–

весьма темных обстоятельствах президент Х.Буш покончил счеты с жизнью⁷⁸⁹.

История его самоубийства запутана. Многие обвиняли олигархию в устранении Буша, и в частности, в причастности к этому генерала К.Кинтанилья. Для таких подозрений были свои основания. В глаза бросались подозрительные факты, как оперативность, с какой К.Кинтанилья уже в 6 утра провел заседание кабинета министров, на котором объявил о своем решении занять президентский пост. Вице-президент Э.Бальдивесо был отстранен от власти. Последнего поддержали лишь пронацистская группа «Железная звезда» и левая студенческая федерация⁷⁹⁰. Безуспешно левые попытались воссоздать союз социалистов и военных образца 1936 г. с опорой на генерала Э.Пеньяранду. Реальная власть была у К.Кинтанилья. Э.Бальдивесо был вынужден смириться с потерей власти, так как за К.Кинтанильей стояла армия. Левые выразили свою поддержку генералам Бильбао Риохе и Э.Пеньяранде, героям Чакской войны и реальным претендентам на продолжение дела Торо-Буша. Кинтанилья удалось разрушить этот опасный для него союз, выслав из страны генерала Бильбао Риохе в октябре 1939 г.

Именно Кинтанилья меньше всего мог претендовать на звание наследника «дела Буша» или даже его сподвижника. За несколько дней до этих трагических событий Буш собирался выслать его из страны и очень тяготился сознанием того, что во главе армии сто-

⁷⁸⁹ В тот вечер находясь дома, Х.Буш прочитал записки министров, в которых, в частности, его пугали экономической катастрофой ввиду приближавшейся войны в Европе, из-за чего Англия могла бы перестать покупать боливийское олово вследствие нарушения коммуникаций, а США могли бы конфисковать боливийский золотой запас, находившийся там на хранении. Настроение Х.Буша было очень мрачным. Его родственник полковник Кармона стал рассказывать президенту о неверности военных и о подготовке переворота. Х.Буш, взвинченный услышанными откровениями, выхватил револьвер и со словами: «Раз никому нельзя доверять и ни в кого нельзя верить, лучше...» — выстрелил в себя первый раз, но промахнулся. Адьютанты успели схватить его за руки, и выстрел пришелся в окно. Именно из этого обстоятельства, того факта, что в доме слышались беспорядочные выстрелы, многие сделали вывод о нападении и убийстве Х.Буша заговорщиками. Затем Х.Буш успокоился и сел в кресло, но через мгновение выхватил пистолет и выстрелил себе в голову. Он не погиб сразу, а был смертельно ранен. Это произошло между 4 и 5 часами ночи. С наступлением дня он скончался — Céspedes A. El dictador suicida. P.207; ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.9. P.36.

⁷⁹⁰ Левые и националисты выдвинули формулу передачи власти Э.Бальдивесо и ген. Э.Пеньяранде, считавшемуся соратником и единомышленником Х.Буша. — FUB. Agosto 1939. — ALP. Miscelania. LMI. C. 11, legajo 1.

ит его противник.⁷⁹¹ Левые офицеры и националисты сразу же выдвинули версию убийства Х.Буша агентами олигархии. Обвинение осталось недоказанным и со временем превратилось в часть националистических мифов. Трудно определить, было ли это самоубийством или удачным дворцовым переворотом. Нельзя не согласиться со словами боливийского историка Р.Савалета Меркадо: «Если он покончил с собой, то произошло это лишь потому, что в действительности его диктатура не могла пойти дальше того, что уже достигла; если его убили, то потому, что его враги все еще обладали достаточной силой, чтобы убрать его и режим»⁷⁹². Выход из тупика диктатуры, в котором оказался военно-социалистический режим, был слишком трагичным для главного действующего лица, для Буша, и для всей страны, где, казалось, все возвращалось к безраздельному правлению роски.

Пришедшие к власти Кинтанилья и традиционные партии отстранили от управления страной всех левых и националистических деятелей. Были обещаны всеобщие выборы по конституции 1938 г. и возвращение к «нормальному» правлению на основе традиционных партий. В первый же день после смерти Х.Буша новый глава страны принял А.Аргедаса, Э.Эрсога, Э.Монтеса, представлявших традиционные партии, и заверил их в скором возвращении к «нормальной жизни»⁷⁹³. Декреты 7 июня 1939 г. были отменены. Это был конец режима «государственного социализма», а также прекращение всех реформ националистического толка.

Похороны Буша вылились в массовую демонстрацию искреннего народного горя и отчаяния. Буш стал подлинным национальным героем, образ которого сразу же был монополизирован националистами и левыми партиями и движениями. Невнятные выражения сочувствия со стороны олигархических политиков в сочетании с их искренней радостью в связи с концом реформ и «социалистических» экспериментов усиливали подозрения в участии правых сил в устранении Буша.

«Буш, — писал Р. Савалета Меркадо, — без сомнения, самая яркая и сильная по своей исторической мощи фигура в истории Боливии этого века. Он герой армии, которая чувствовала себя побежденной... Для Боливии Буш — это чистый герой, даже его ошибки и путаница в идеях — это недостатки самой нации. Буш был тем, чем тогда была Боливия, он выбрал максимальное слияние с родиной и предпочел смерть»⁷⁹⁴.

⁷⁹¹ Hemisphere. New York. 09.02.1940. P.3—4.

⁷⁹² America Latina: historia de medio siglo. Vol.1. México, 1982. P.87.

⁷⁹³ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.9. P.39.

⁷⁹⁴ Zavaleta Mercado R. La formación de la conciencia nacional. P.60—61.

Для левых Х.Буш стал мучеником «национальной идеи». Даже крайние левые, в том числе марксисты, к которым Буш не питал никаких симпатий, возвели его в ранг идола. Политики противоположных направлений сходились в оценке личности Х.Буша и его режима. Его недруг и оппонент А.Аргедас писал: «Он был патриотом, но по-своему; его патриотизм был инфантильным, наивным и показным. Его приводили в волнение вид национального флага, звуки военного марша, парад войск. Он верил, что единственно патриотическое дело — это защита родины в окопах, на полях сражений, и считал всех, кто не был солдатом, плохими патриотами»⁷⁹⁵. А Т.Мароф писал в «Ла Калье» сразу после его смерти: «Буш, честный военный, представляет собой несобратимый переходный момент в истории среднего класса, переход от сентиментального национализма, развивающегося в направлении к более зрелому социализму с четкой теорией и точным пониманием наших проблем»⁷⁹⁶.

Смерть диктатора привела к концу режима, который в течение трех лет своего существования так и не смог создать органической и прочной структуры социально-политической поддержки реформ. Ни Д.Торо, ни Х.Буш не создали солидную социальную базу, на которую могли бы опереться в проведении реформ, что обусловило слабость и колебания режима. Армия, отдельные левые и националистические группы и партии, профсоюзы с разной степенью вовлеченности в политику и участия во власти поддерживали правительство. Все попытки построить официальную партию дали столь незначительные результаты, что не могли повлиять на развитие событий. Политическая смерть режима после ухода из жизни Буша была логичной и естественной. Отсутствие четкой программы преобразований, которая могла бы претендовать на поддержку общества, объединив его вокруг национально значимых целей, постоянное, порой неудачное экспериментирование с неизбежными откатами и корректировками курса, непоследовательность в выполнении принятых решений ослабляли режим, и, в конце концов, привели к краху.

⁷⁹⁵ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.9. P.36.

⁷⁹⁶ Knudson J. Op.cit. P.64.

Заключение

Подведем некоторые итоги нашего исследования одного из самых ярких этапов истории Боливии в XX веке. 30-е годы нашего столетия были, пожалуй, самым бурным периодом в боливийской истории. Великая депрессия, война в Чако, установление режима «государственного социализма» с его неординарной политической и социальной практикой делают это десятилетие исключительно важным для понимания глубинных процессов и хода событий всего столетия.

Изменения в народном хозяйстве Боливии в 20–30-е годы привели к появлению новых общественных классов: средних слоев, связанных с развитием городского хозяйства, инфраструктуры и современных отраслей экономики, а также относительно многочисленного рабочего класса. Новые социальные группы были той частью общества, где формировался протест против старой либеральной, «аристократической» демократии, ограничивавшей участие среднего класса в политической жизни. Олигархический тип государства перестал удовлетворять не только народные массы, но и часть «привилегированных», справедливо усматривавших в кастовой ограниченности политической системы главное препятствие как экономического прогресса, так и укрепления национального государства, все более попадавшего в зависимость от иностранного капитала и олигархии.

В 20-е годы мы наблюдаем первые реформы в экономике и политической жизни. Социальное законодательство президента Б. Саведра, а затем реформистские попытки Э. Силеса были последним всплеском либерального реформирования. До экономического кризиса 30-х годов общество ещё не прониклось осознанием необходимости кардинальных перемен в хозяйственной системе. Уже в 20-е годы появились первые признаки морально-политического кризиса либерального государства. Идейные поиски интеллигенции, изменения в социальной структуре общества привели к идеологическому кризису, к разрушению гегемонии господствующего класса. Идеинная борьба вызвала кризис ментальности, усиливший идейные поиски интеллигенции. Был радикально переосмыслен взгляд на проблему вмешательства государства в хозяйственную жизнь. Подвергались сомнению основополагающие принципы государственного устройства, что привело к коррозии политического истеблишмента.

Лейтмотивом идейной революции были поиски национальной самобытности, антилиберальная, антирационалистическая критика позитивистского исторического оптимизма, европоцентризма, демократии как таковой. Индеанизм, национализм, различные оттенки и направления антилиберального «социализма» полностью вытеснили из идеологической и политической сферы либерализм. Идейная революция выразила вполне осознанное желание патриотически настроенной интеллектуальной и политической элиты преодолеть «позитивный» рационализм, здравый смысл либерализма, проповедовавший «объективные законы» развития, которые обрекали страну на порочный круг отсталости и зависимости от мировой капиталистической метрополии. Лишь иррационализм, волюнтаристский скачек открывали перед ними иллюзорную (а может быть, и нет) перспективу социально-экономического и политического освобождения страны. Идеологические процессы подготовили почву для новой социальной и политической практики, ориентированной на националистические ценности, волюнтаристское и иррационалистическое мировоззрение. Идейная революция была преддверием «государственного социализма», реформистских режимов 40-х годов и даже Национальной революции 1952 г.

Экономический кризис 30-х годов подвел итог развитию всего предшествующего исторического периода. С конца XIX века в Боливии сложилась система, основанная на либеральных принципах свободного рынка, на невмешательстве государства в хозяйственную жизнь частных лиц. Катастрофа мирового кризиса, разрушившего большинство торгово-хозяйственных связей между странами, крах всей системы международных финансовых взаимоотношений завершили эпоху либерального капитализма. Экономические катаклизмы сопровождались структурным и политическим кризисом.

Война в Чако стала рубежом, с которого берет свое начало новая эпоха в истории Боливии. Война пробудила национальные чувства в широких социальных слоях. Поражение Боливии показало ущербность её экономической и политической системы. Из войны вышло «поколение Чако», решительно занявшееся переустройством собственной страны.

Либеральное государство в период кризиса и войны в Чако продемонстрировало свою полную неспособность к целенаправленному социальному действию, что подтверждало обреченность старой системы, неготовой к самореформированию. «Идейная революция», а затем война в Чако привели к морально-политическому кризису олигархического государства. Возникали новые антиолигархические, националистические и социалистиче-

ские партии и движения, отрицавшие сами принципы классической демократии.

Интенсивная урбанизация, рост нового среднего класса и увеличение его влияния в обществе изменили соотношение политических сил, выдвинув на ведущие позиции партии и движения, представлявшие интересы этих социальных групп. Главным требованием гражданского общества, формировавшегося в этот период, было строительство подлинной демократии, где старые формальные либеральные принципы индивидуальной свободы будут дополнены социальной справедливостью. Поражение в войне в Чако, кризис гражданского общества старого либерального типа разрушили основы олигархического государства, построенного на консенсусе традиционных средних слоев и руководящей элиты, горнорудно-помещичьей олигархии. Ответом на этот кризис был приход к власти военных и их союзников социалистов в мае 1936 г., установивших режим «государственного социализма». Военные окончательно похоронили старое государство, поставив финальную точку в либеральной эпохе истории Боливии.

«Революция» военных-социалистов в мае 1936 г. означала стремление изменить систему в целом, ибо либеральная демократия старого, аристократического, кастового типа стала дисфункциональной, не позволяла широким народным массам пользоваться достижениями прогресса, образования, общественной жизни, отстраняла от политического участия в управлении страной большую часть ее населения, в том числе и средние слои. Подготовленные «идейной революцией» основы реформ ориентировались на создание нового типа государства и общества. Идеи социальной справедливости, превосходство интересов нации над свободами и правами личности глубоко проникали в сознание интеллигенции и нового поколения политических деятелей. Успехи коммунизма в СССР, фашизма в Италии и национал-социализма в Германии на фоне находящегося в глубочайшем экономическом кризисе остального демократического мира, делали крайне привлекательными идеи антилиберального, антидемократического государства. Военные и их союзники декларировали построение принципиально нового социально-политического строя — «государственного социализма». Социализм воспринимался ими и в виде советской плановой экономики, и в образе нацистского тоталитарного государства. Корпоративистские проекты Д.Торо, его радикализм в реформировании политической структуры государства впоследствии сменились более умеренной программой преобразований Х.Буша.

Режим «государственного социализма» проводил политику реформ, главные параметры которых соответствовали основным

постулатам национал-реформизма, нашедшего затем своё полное воплощение в программе партии Националистическое революционное движение (МНР) и в Национальной революции 1952–1953 гг. Все преобразования проводились военными при активном и все ещё очень сильном сопротивлении традиционных политических сил, олигархии.

Военные-социалисты были первопроходцами, они не имели ни определенной и четкой программы, ни доктрины действия. Их реформы в сущности и формировали будущую доктрину национал-реформизма. Одной из характеристик режима, возникшего в результате «революции» мая 1936 г., была некоторая его преждевременность и опережение в отношении настроений общества, осознания им необходимости и степени радикальности реформ. Реально общество ещё не было готово ни к аграрной реформе, ни к национализации горнорудных монополий, ни к полной смене политической системы. Чакская война была катализатором, ускорившем общий кризис и приведшим к власти реформаторов, которые сами не были готовы ни концептуально, ни политически к проведению назревших преобразований. Осуществляя «революцию сверху», военные-социалисты не находили необходимую им органическую социальную базу. Без четкой программы, не опираясь на серьезное, структурированное политическое движение, военные-социалисты экспериментировали, не имея четких представлений ни о содержании, ни о формах, ни о темпах предстоящих реформ, что предопределило их ограниченность и, конечном счете, коррозию и падение режима.

Экономическая политика «государственного социализма» oznaменовала полный разрыв с либеральной традицией невмешательства государства в дела хозяйствования. Общей характеристикой этой политики были этатизм, жесткое государственное регулирование и экономический национализм. Среди непреходящих достижений военных следует отметить экспроприацию американской нефтяной компании «Стандард Ойл» и образование государственного предприятия ЯПФБ, национализацию Центрального банка и меры по усилению контроля государства в горнорудной отрасли, вплоть до исторического декрета 7 июля 1939 г. о 100% сдаче валюты экспортерами. Все перечисленные мероприятия преследовали четко осознаваемую цель — достижение экономической независимости страны. Однако отсутствовали последовательность и взаимосвязь предпринимаемых мер, что в значительной степени ослабило, а порой и выхолостило их эффективность. Военные-социалисты и вдохновлявшие их националисты предпринимали все эти акции для создания под контролем государства мощных источников накопления во имя диверсификации моноэкспортной

экономики и начала индустриализации, что в итоге должно было создать предпосылки развития национального капитализма.

Военные-социалисты дали мощный импульс движению просвещения индейцев. Работа инденистов-просветителей, начавшаяся с создания школ-айлью в Варисате, Вакас и Клисе, подготовила почву для сближения реформистского движения города с социальным протестом индейских масс, для будущего союза национал-реформизма и крестьянского движения. Впервые после многих лет аграрный вопрос стал одним из центральных пунктов, стоящих в повестке дня преобразований в обществе.

Среди социально-экономических инициатив военных-социалистов в деле преобразования страны были аграрные эксперименты в Кочабамбе, законодательный запрет одиозных форм зависимости и эксплуатации крестьянства. В обществе развернулась широкая дискуссия о путях реформирования сельского хозяйства. Было бы незаслуженным упрекать военных-социалистов в нерешительности в аграрном вопросе, ибо сами общественные силы, партии и движения, ещё не выработали четкой стратегии преобразований сельского хозяйства. В обществе шла дискуссия о путях проведения реформ, обсуждались самые разнообразные предложения — от парцелляции земли до её обобществления на основе общины.

Главная причина непоследовательности реформаторов в аграрном вопросе состояла в зависимости боливийского истеблишмента от традиционных средних слоев, влияние которых хотя и неуклонно снижалось, но оставалось ещё значительным. Традиционные средние слои в основной своей массе были напрямую связаны с латифундистской системой. Грянувшие в 40-е годы крестьянские восстания и мощное движение за аграрный передел заставили общество вплотную задуматься над неизбежностью всеобъемлющей реформы в деревне.

Содержание политической реформы военных-социалистов состояло в создании в Боливии сильного консолидированного государства, в котором интересы личности и отдельных классов и групп будут подчинены задачам общенационального строительства. Д.Торо предлагал формирование корпоративистской системы при полной ликвидации старых политических партий, как и всех либерально-демократических форм общественной жизни. Речь шла об огосударствлении профсоюзов, партий, общественных движений, прессы, о всеобщей синдикализации, о проведении в жизнь принципов «функциональной демократии», являвшейся ничем иным, как формой тоталитарного государства. Х.Буш смягчил эту программу, но взамен предложил авторитарный вариант антидемократического правления, логически завершившегося установ-

ленизм диктатуры. Ни Д.Торо, ни Х.Буш не могли создать органической политической системы, способной заменить либеральную демократию, что и стало причиной столь быстрого и безболезненного падения «государственного социализма». При всех различиях в видении реформ у Д.Торо и Х.Буша общим было стремление к огосударствлению социальной жизни, её бюрократизации, к тотальному подчинению государству всех сторон жизни нации, сведении к минимуму гражданского общества. Непоследовательность Х.Буша в реформе государственного строительства привела к компромиссу с либерально-демократическими силами. Результатом этого компромисса было принятие конституции 1938 г.

В политическом реформировании государства важное место занимал рабочий или, как его называли, социальный вопрос. Запас прочности социального законодательства, принятого в 20-е годы в период президентства Б.Сааведры, уже был исчерпан. Д.Торо стремился подчинить профсоюзы государству, превратить рабочие организации в часть государственной машины. Та же судьба была уготована и политическим партиям. И Д.Торо, и Х. Буш пытались создать единственную проправительственную партию, которая могла бы стать опорой режима, а также орудием осуществления идеологической и политической гегемонии в обществе. Ликвидация свободного профсоюзного движения, создание однопартийной системы вели к разрастанию государственной машины и сокращению поля действия гражданского общества. Непоследовательность в проведении политики огосударствления партий и профсоюзов привела к провалу тоталитарных планов. Политические реформы вызвали поиск новых форм политической организации; возникали партии и движения, составившие основу гражданского общества в Боливии в течение нескольких последующих десятилетий.

«Государственный социализм», а за ним и национал-реформизм, стремился создать новую общественно-политическую систему. Важное место в будущей социальной системе должен был играть рабочий класс. Наибольшее беспокойство правящих кругов Боливии вызывала проблема интеграции рабочего класса в реформированное общество и государство. И военные-социалисты, и национал-реформисты предлагали модель интеграции не через включение рабочих организаций в гражданское общество, а через огосударствление профсоюзов, при котором профбюрократия становилась частью правящего блока и госаппарата. Если военные-социалисты пытались скопировать корпоративистские методы фашистских государств, то национал-реформисты довели до логического конца огосударствление правящей партии и профсоюзов. «Государственный социализм» заложил основы для формирования в Боливии принципиально отличной от либерально-демокра-

тической модели государства и гражданского общества. Эта этатистская и порой похожая на тоталитарную система опиралась на новые методы социальной мобилизации и управления экономикой, определяла государству совершенно иную роль, нежели оно играло в период господства либерально-демократических принципов. Это новое государство приходило на смену умирающей, находящейся в глубочайшем кризисе латиноамериканской кастовой либеральной демократии. Вместе с тем, наряду с объективной сменой стадий исторической эволюции боливийского общества новая модель позволяла завершить процесс национально-государственной консолидации в Боливии, что являлось предпосылкой для формирования механизмов постоянной модернизации, без чего невозможно представить реальное осуществление суверенитета нации, эффективное развитие и защиту национальной культуры.

Говоря об историческом месте режима «государственного социализма», следует подчеркнуть следующее. Прежде всего, «государственный социализм» ознаменовал конец либеральной эпохи развития Боливии, то есть зафиксировал кризисное завершение целого этапа экономического и социально-политического развития страны. Режим военных-социалистов был промежуточной стадией в развитии социально-политических процессов, которые привели в конечном итоге к революции 1953–1953 гг. «Государственный социализм», при всех экстравагантных сторонах его политического и идеологического облика, был поиском компромисса между усилившейся национальной буржуазией и новыми средними слоями, с одной стороны, и традиционной элитой, «роской», союзницей олигархии, с другой. Этот компромисс, заключавшийся в перераспределении власти в пользу новых общественных сил, предполагал ненасильственную эволюцию боливийского общества через экономические и политические реформы. Их провал в силу жесткого сопротивления олигархии и организационной слабости, психологической неготовности и идейной разобщенности реформистских сил, еще не сформировавших нового органического блока, который включал бы в себя союз с рабочим движением и с индейским крестьянством, знаменовал наступление эпохи конфронтации и накопления революционных факторов в жизни общества в условиях внутреннего раскола и конфликта.

Resumen

Los años 30 del siglo XX quizás fueron el periodo más violento de la historia boliviana. La gran depresión, la guerra del Chaco, el advenimiento del régimen del “socialismo de estado” con su práctica política y social poco ordinaria hacen este decenio excepcionalmente importante para entender los procesos y acontecimientos de fondo de todo el siglo.

Los cambios en la economía boliviana en los años 20–30 hicieron surgir nuevas clases sociales: las capas medias ligadas al desarrollo urbano, infraestructura y sectores modernos de economía, así como la clase obrera relativamente numerosa. Estos nuevos grupos sociales fueron una parte de sociedad que formuló protesta contra la vieja democracia liberal y “aristocrática” que limitaba participación de la clase media en la vida política. El tipo oligárquico de Estado dejó de contentar no solo a las masas populares, sino también a una parte de “privilegiados” que justo veían las limitaciones de casta en el sistema político como un obstáculo principal tanto del progreso económico, como del fortalecimiento del Estado nacional que cada vez más caía en dependencia del capital extranjero y de la oligarquía local.

Los años 20 es el periodo de primeras reformas en la economía y en la vida política. La legislación social del presidente B. Saavedra y luego los intentos reformistas de H. Siles fueron el último embate de reformatión liberal. Antes de la crisis económica de los años 30 la sociedad aun no tomó conciencia de necesidad de los cambios esenciales del sistema económico. Sin embargo ya en los años 20 aparecieron los primeros señales de la crisis política y moral del Estado liberal. La búsqueda intelectual, los cambios en la estructura social condujeron a la crisis ideológica, destruyeron hegemonía de la clase dominante. La lucha de ideas provocó una crisis de mentalidad que aceleraba la búsqueda intelectual. Fue reconsiderado de una manera radical el problema de la intervención estatal en la economía. Los principios básicos del sistema estatal fueron puestos en tela de juicio, lo que condujo a la corrosión del establishment político.

El leitmotiv de la revolución ideológica fue una búsqueda de identidad nacional, una crítica liberal antirracionalista del optimismo positivista, del eurocentrismo, de la democracia como tal. El indigenismo, nacionalismo, diferentes matices y tendencias del “socialismo” antiliberal desplazaron por completo de la esfera ideológica el liberalismo que era base de los partidos tradicionales. La revolución

ideológica expresó un deseo enteramente conciente de la élite patriótica intelectual y política de superar el racionalismo "positivista", el sentido común del liberalismo que preconizaba "las leyes objetivas" del desarrollo que no abrían ningunas perspectivas para romper el círculo vicioso de atraso y dependencia del país de la metrópoli mundial capitalista. Solo el irracionalismo, el salto voluntarista abrían ante ellos una perspectiva ilusoria (o tal vez no) de liberación política y socioeconómica del país. Los procesos ideológicos prepararon el terreno para nueva práctica política y social orientada a los valores nacionalistas, la cosmovisión voluntarista e irracionalista. La revolución ideológica fue una vispera del "socialismo de estado", de los regímenes reformistas de los años 40 y hasta la Revolución Nacional de 1952.

Catástrofe de la crisis mundial que destruyó la mayoría de los vínculos económicos y comerciales entre los países, la quiebra de todo el sistema de relaciones financieras internacionales dieron fin a la época del capitalismo liberal. El Estado liberal en el periodo de la crisis y durante la guerra del Chaco mostró su incapacidad completa de una acción socialmente válida, lo que confirmó la perdición del viejo sistema que no estaba preparado a la autoreforma. "La revolución ideológica" y luego la guerra del Chaco condujeron a una crisis política y moral del Estado oligárquico.

La guerra del Chaco llegó a ser un límite donde toma su inicio una nueva época en historia de Bolivia. La guerra despertó el sentimiento nacional en amplias capas sociales. La derrota de Bolivia dió evidencia del detrimento de su sistema político y económico. De la guerra salió "la generación del Chaco" que se dedicó con decisión a reorganizar su propio país. Surgían nuevos partidos y movimientos antioligárquicos, nacionalistas y socialistas que negaban los mismos principios del funcionamiento de la democracia liberal.

La urbanización intensa, el crecimiento de nueva clase media y aumento de su influencia en la sociedad modificaron la correlación de fuerzas políticas empujando a las posiciones dominantes a los partidos y movimientos que representaban los intereses de nuevos grupos sociales. La exigencia principal de la sociedad civil que estaba formandose en este periodo fue la construcción de una verdadera democracia donde viejos y formales principios liberales de libertad individual iban a completarse con la justicia social. La derrota en la guerra del Chaco, la crisis de la sociedad civil del viejo tipo liberal destruyeron las bases del Estado oligárquico que fue construido con el consenso de capas medias tradicionales y élite dominante, oligarquía minera y terratenientes.

La revolución de los socialistas-militares en mayo de 1936 denotó una aspiración de cambiar el sistema entero porque la democracia liberal del viejo tipo aristocrático de casta llegó a ser disfuncional, no

permitía a las amplias masas populares aprovechar los avances del progreso, educación, vida social, apartaba de la participación política a una gran parte de su población, incluyendo las capas medias. Las ideas de justicia social, la supremacía de intereses de la nación sobre los derechos y libertades del individuo profundamente penetraban en conciencia de los intelectuales y nueva generación de hombres políticos. Los éxitos del comunismo en la URSS, del fascismo en Italia y nacional-socialismo en Alemania al lado del resto del mundo democrático que se encontraba en una crisis económica más profunda hicieron muy atractivas las ideas del Estado antiliberal y anti-democrático. Los militares y sus aliados declararon el objetivo de construir de un régimen político-social absolutamente nuevo — “el socialismo de estado”. Los proyectos corporativistas de D.Toro, su radicalismo en reformar la estructura política del Estado luego fueron reemplazados por el más moderado programa de transformaciones de G.Busch.

Los militares socialistas fueron pioneros, no tenían ni programa claro y determinado, ni doctrina de acción. Lo característico del régimen surgido como resultado de “la revolución de mayo” de 1936 fue ser prematuro, adelantar los estados de ánimo de la sociedad, su conciencia de necesidad y nivel de radicalismo de las reformas. Realmente la sociedad aun no estaba preparada ni para la reforma agraria, ni para la nacionalización de los monopolios mineros, ni para un cambio total del sistema político. Realizando “la revolución de arriba” los militares no se apoyaban en base social orgánica necesaria. Sin apoyarse en un movimiento político serio y estructurado con un programa de acción social y política bien definida, los militares socialistas emprendieron un experimento sin tener ideas claras sobre el contenido, la forma, el ritmo de las reformas a realizar, lo que predeterminó la limitación de estas y al fin de cuentas, la corrosión y caída del régimen.

La política económica del “socialismo de estado” manifestó una ruptura completa con la tradición liberal de no intervención del Estado en la economía. La nueva política económica en general fue caracterizada por el estatismo, una estricta regulación estatal y el nacionalismo económico. Entre los logros de los militares hay que destacar la expropiación de la compañía petrolera norteamericana “Standard Oil” y creación de la empresa estatal YPF, la nacionalización del Banco Central y las medidas para reforzar el control del Estado en la minería, hasta el decreto histórico del 7 de julio de 1939 sobre la entrega de divisa por los exportadores. Todas las medidas enumeradas perseguían un fin del cual eran muy concientes — lograr la independencia económica del país. Sin embargo faltaba una consecuencia y conjunción de los pasos realizados, lo que debilitó en

gran medida y a veces hasta redujo a cero su eficacia. Los militares-socialistas y nacionalistas que los inspiraban emprendían todas estas acciones para crear bajo el control estatal unos grandes fuentes de acumulación para diversificar la economía monoexportadora e iniciar industrialización, lo que iba a crear como resultado las premisas para el desarrollo del capitalismo nacional.

Los militares-socialistas dieron un impulso poderoso al movimiento de alfabetización de los indios. El trabajo de los maestros-indiginistas que empezó desde la creación de las escuelas-ayllu en Warisata, Vacas y Cliza preparó el terreno para un acercamiento del movimiento reformista de la ciudad con la protesta social de las masas indias, para futura alianza del nacional-reformismo y el movimiento campesino. Por primera vez en muchos años el problema agrario llegó a ser uno de los puntos claves del programa de transformaciones de la sociedad.

Dentro de las iniciativas socioeconómicas de los militares-socialistas para transformar el país estaban experimentos agrarios en Cochabamba, prohibición legislativa de las formas odiosas de la dependencia y explotación del campesinado. Sería injusto reprochar a los militares-socialistas de ser indecisos en el problema agrario porque las mismas fuerzas sociales, los partidos y movimientos no elaboraron aun clara estrategia de transformaciones de agricultura. El país vivió una amplia discusión sobre las vías de reformar la agricultura, aparecían las propuestas más variadas — desde parcelación de la tierra hasta su socialización en base de la comunidad.

La razón principal de inconsecuencia de los reformadores en el problema agrario consistió en dependencia del establishment boliviano de las capas medias tradicionales cuya influencia aun era importante, a pesar de estar disminuyéndose paulatinamente. Las capas medias tradicionales en su gran mayoría fueron directamente relacionadas con el sistema latifundista.

El contenido de la reforma política de los militares-socialistas consistió en crear en Bolivia un Estado fuerte consolidado, donde los intereses del individuo y de clases y grupos determinados serían subordinados a las tareas de la construcción nacional. D. Toro proponía formar un sistema corporativo liquidando por completo a los viejos partidos políticos, igual como todas las formas liberales y democráticas de la vida social. Se trataba de estatizar a los sindicatos, partidos, movimientos sociales, prensa etc. por medio de una sindicalización obligatoria, poner en práctica los principios de “la democracia funcional” que no fue otra cosa que una forma del Estado totalitario. G.Busch hizo menos duro este programa, pero a cambio propuso una variante autoritaria de gobernación antidemocrática que logicamente terminó con el establecimiento de la dictadura. Tanto D.Toro como G.Busch no podían crear un sistema político orgánico capaz de re-

emplazar a la democracia liberal, lo que condujo a la caída del “socialismo de estado”, tan rápida y sin dolor. Con todas las diferencias de sus visiones de la reforma, lo común de D.Toro y G.Busch fue su aspiración de estatizar la sociedad, burocratizarla, subordinar totalmente al Estado todas las esferas de la vida de la nación, reducir al mínimo la sociedad civil. La inconsecuencia de G.Busch en la reforma de la estructura de estado condujo al compromiso con las fuerzas liberales democráticas. Como resultado de este compromiso fue la Constitución de 1938.

“El socialismo de estado” trazó las direcciones principales de ideología y política del nacional-reformismo boliviano. El mismo partido nacional-reformista MNR surgió en 1940 como un resultado singular de la gobernación de los militares-socialistas, siendo su heredero. Su núcleo formaron los colaboradores de D.Toro y G.Busch. Precisamente en el periodo del “socialismo de estado” fueron determinados la estrategia económica y el programa de las reformas del nacional-reformismo marcando la meta: industrialización y diversificación de la economía por medio de reforzar el control y papel administrativo del Estado, restablecer la soberanía nacional sobre los recursos naturales, el petróleo y los minerales. El Estado manifestó su decisión de poner al servicio del país a las compañías mineras, sin excluir la nacionalización de algunos sectores. El nacionalismo económico y estatismo se convirtieron en los postulados principales del nacional-reformismo boliviano.

“El socialismo de estado” y luego el nacional-reformismo aspiraron a crear un sistema sociopolítico nuevo. Un papel importante en el futuro sistema social iba a jugar la clase obrera. La mayor preocupación de las capas gobernantes de Bolivia provocó el problema de integrar a la clase obrera en la sociedad y el Estado reformado. Los militares-socialistas y nacional-reformistas proponían un modelo de integración sin incluir a las organizaciones obreras en la sociedad civil, pero estatizando a los sindicatos, mientras la burocracia sindical iba a convertirse en una parte del bloque dominante y del aparato estatal. Si los militares-socialistas intentaban copiar los métodos corporativistas de los Estados fascistas, los nacional-reformistas llevaron hasta su fin lógico la estatización del partido gobernante y de los sindicatos. “El socialismo de estado” puso las bases para formar en Bolivia un modelo del Estado y de la sociedad civil diferente por principio del liberal democrático. Este sistema estatista y a veces parecido al totalitario se apoyaba en nuevos métodos de movilización social y administración de la economía, asignó al Estado un papel muy diferente de aquel que tuvo en el periodo de dominación de los principios liberales. Este nuevo Estado venía a reemplazar a la moribunda democracia de casta que se encontraba en una crisis más profunda. Al mismo tiempo junto con un

cambio objetivo de las etapas de evolución histórica de la sociedad boliviana, este nuevo modelo permitió concluir el proceso de consolidación nacional de Bolivia, lo que fue una premisa para formar los mecanismos de modernización permanente sin la cual es imposible imaginar la soberanía de la nación, el desarrollo eficaz y la defensa de cultura nacional.

Список сокращений

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

AA — Anuario Administrativo

ABNB — Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia.

ALP.LML. — Archivo de La Paz.Miscelania.Fondo Leon M.Loza.

ANB.PG. — Archivo Nacional de Bolivia. Presidencia del Gobierno.

FRUS — Papers relating to the Foreign Relations of United States.

HAHR — Hispanic American Historical Review

JLAS — Journal of Latin American Studies

MIN.RREE. Alem. — Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto de Bolivia. Alemania.

MIN.RREE. M.IN. — Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto de Bolivia. Ministerio del Interior.

MIN.RREE. Pres. — Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto de Bolivia. Presidencia.

SRE — Secretaria de Relaciones Exteriores de México. Archivo Histórico Genaro Estrada.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава 1. Боливия в 20-е годы XX века.	17
Глава 2. Мировой экономический кризис, война в Чако и их последствия.	50
Глава 3. Идейная борьба в Боливии в 20–30-е годы XX века.	65
Глава 4. Послевоенный политический кризис и военно-социалистический переворот 17 мая 1936 г.	97
Глава 5. Формирование основ режима «государственного социализма». Правительство Д.Торо (июнь 1936 г. – июль 1937 г.).	139
Глава 6. Новый этап «государственного социализма»: правление Х.Буша.	196
Глава 7. Учредительное собрание, май – октябрь 1938 г.	223
Глава 8. Политический тупик «государственного социализма» (ноябрь 1938 г. – апрель 1939 г.).	255
Глава 9. Диктатура Х.Буша и конец режима военных-социалистов.	271
Заключение	289
Резюме.....	296
Список сокращений.....	302

SUMARIO

Introducción.....	6
Capítulo 1. Bolivia en los años 20 del siglo XX.....	17
Capítulo 2. La crisis económica mundial, la guerra del Chaco y sus consecuencias.....	50
Capítulo 3. La lucha ideológica en los años 20-30.....	65
Capítulo 4. La crisis política de post-guerra y la revolución militar-socialista del 17 de Mayo del 1937.....	97
Capítulo 5. La formación del régimen del “socialismo de estado”. El gobierno de D.Toro (Junio 1936 – Julio 1937).....	139
Capítulo 6. La nueva etapa del “socialismo de estado”: el régimen de G.Busch.	196
Capítulo 7. La Asamblea Constituyente, Mayo – Octubre del 1938...223	
Capítulo 8. La crisis política del “socialismo del estado” (Noviembre del 1938 – Abril del 1939).	255
Capítulo 9. La dictadura de G.Busch y el fin del régimen socialista.....	271
Conclusiones.....	289
Resumen.....	296

Щелчков А.А.
Режим «государственного социализма» в Боливии.
1936-1939.

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 28.02.2001
Гарнитура Таймс. Объем — 19 п.л.
Тираж 150 экз.

ИВИ РАН. Ленинский пр., д. 32а

А.А.ЩЕЛЧКОВ. Режим «государственного социализма» в Боливии. 1936 — 1939 гг.